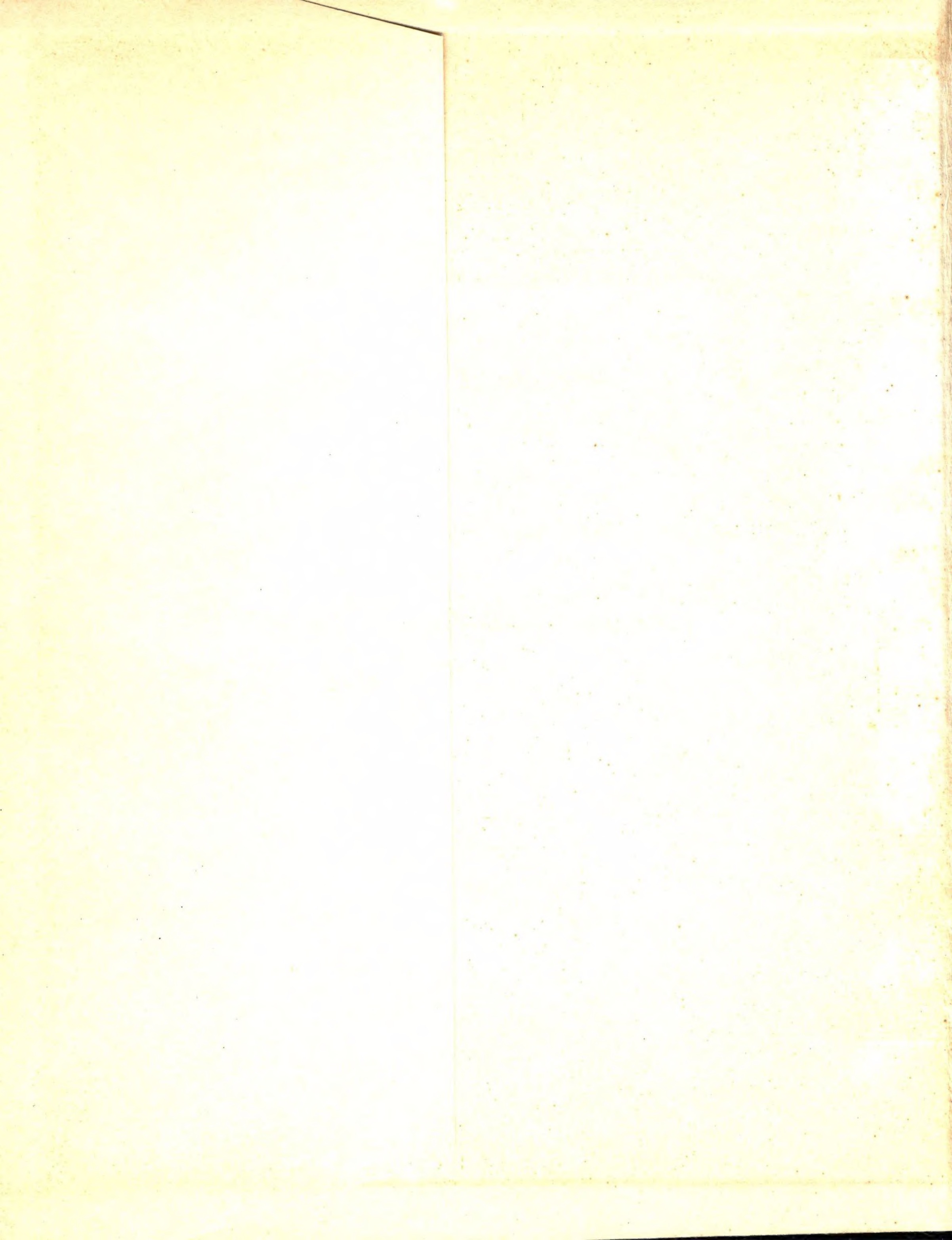
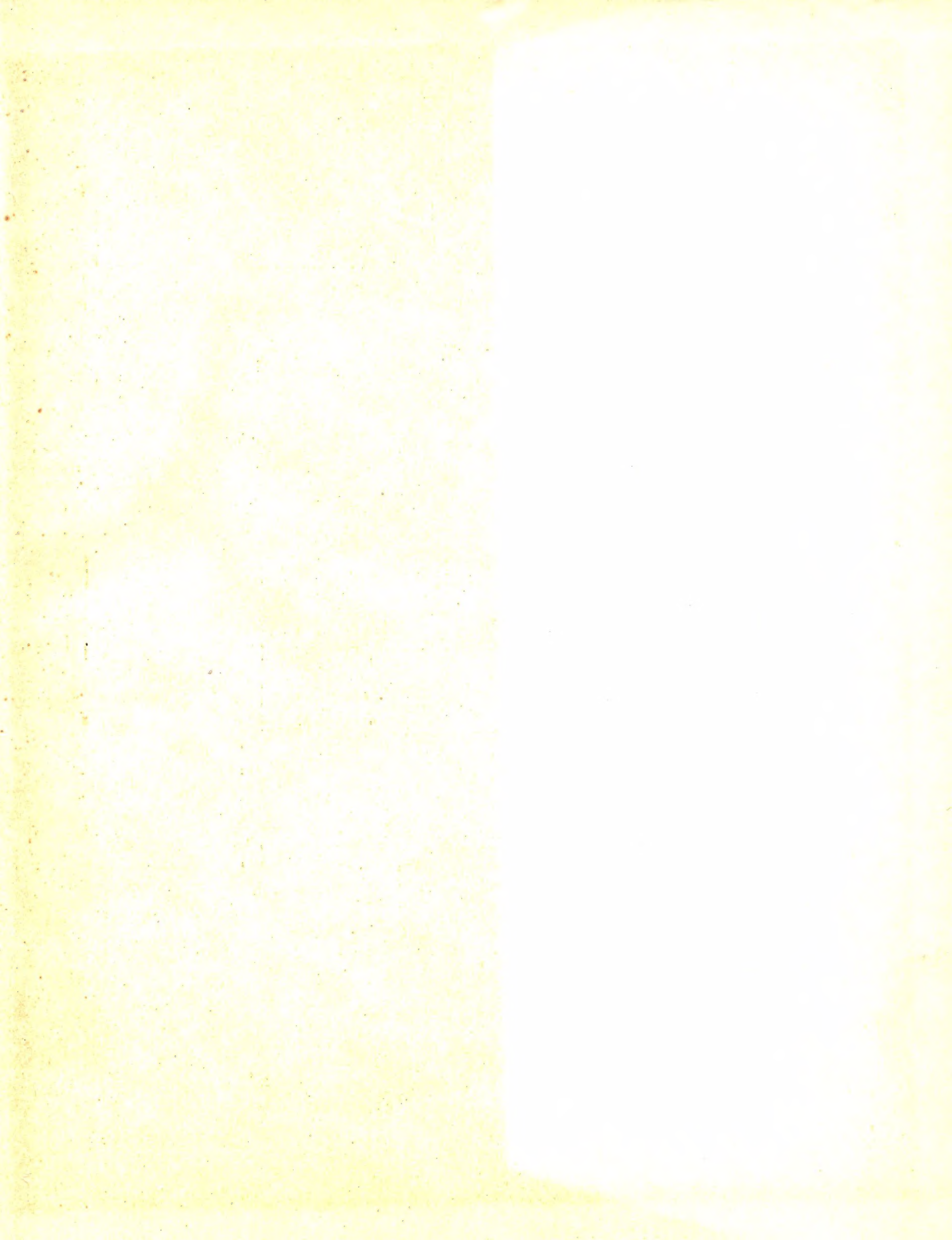
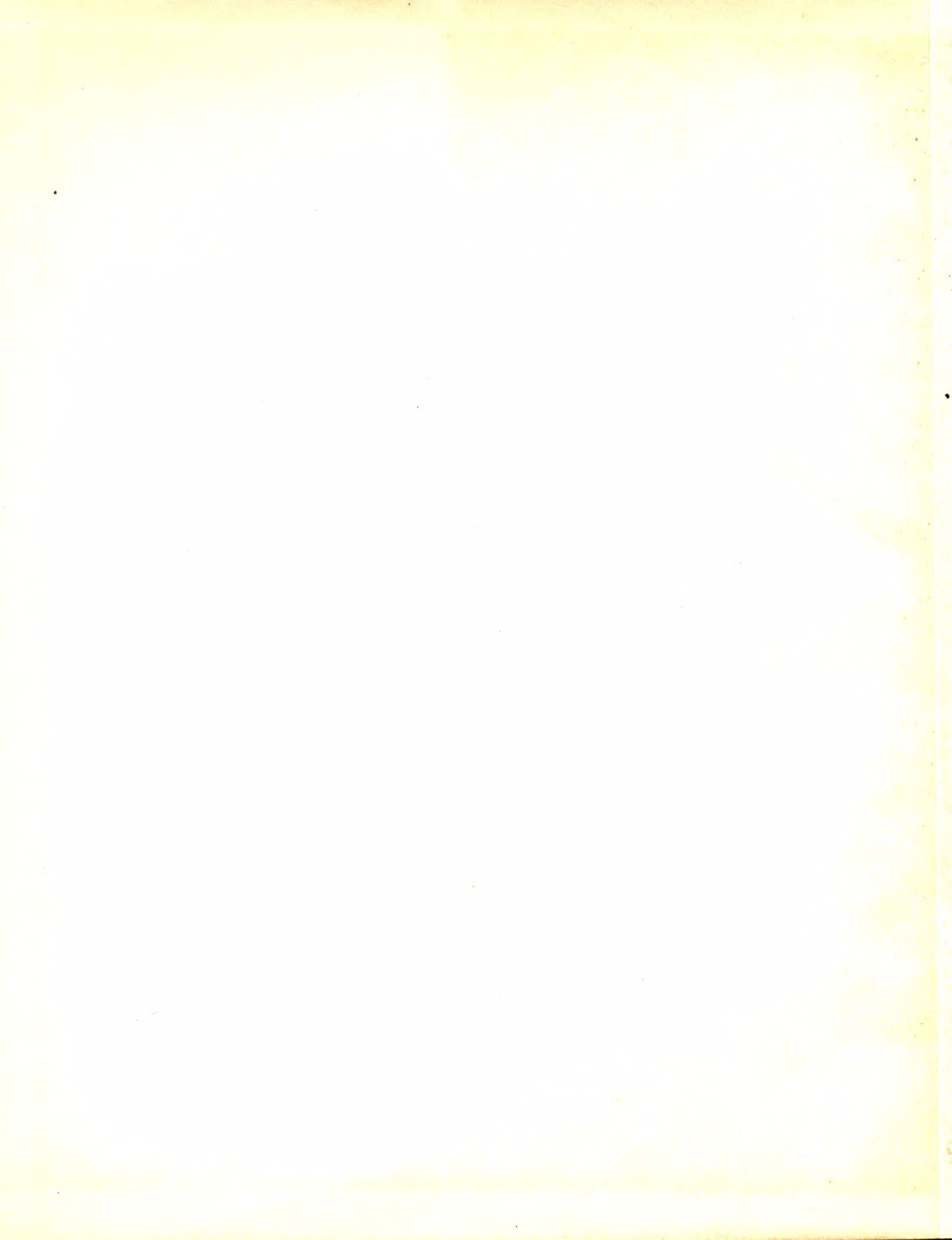
БАСНИ ЭЗОПА

БАСНИ
ЭЗОПА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

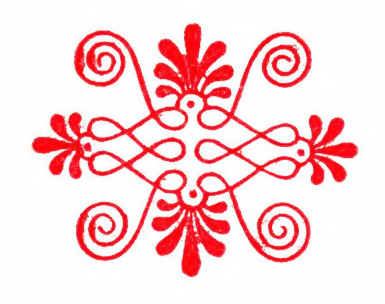
Литературные Памятники

ΜΥΘΟΙ ΑΙΣΩΠΕΙΟΙ

FABVLAE AESOPICAE

БАСНИ ЭЗОПА

ПЕРЕВОД,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
М. Л. ГАСПАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

Ответственный редактор
Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ

Одним из первых мастеров басни греки считали легендарного мудреца и шутника — раба Эзопа, жившего, по преданию, в VI в. до н. э. Имя Эзопа навсегда закрепилось за басенным жанром: все свои басни греки и римляне называли «баснями Эзопа». Эти-то греческие и латинские «басни Эзопа», числом около 500, и составили настоящий сборник.

На русском языке эзоповские сюжеты не раз обрабатывались и Хемницером, и Дмитриевым, и Крыловым; несколько раз выходили и прозаические книжки под заглавием «Басни Эзопа» (правда, все они давно стали библиографической редкостью); но полный и точный перевод всего свода эзоповских басен появляется на русском языке впервые.

Являясь самостоятельным и внутренне законченным целым, настоящий сборник в то же время тесно примыкает к другому сборнику античных басен, вышедшему в этой же серии, — «Федр. Бабрий. Басни» (1962). Эти два сборника — прозаические «басни Эзопа» и стихотворные басни Федра и Бабрия — почти исчерпывающим образом охватывают всю басенную литературу античного мира.

7-3-4
163-67 (I)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЭЗОПА

КНИГА О КСАНФЕ-ФИЛОСОФЕ И ЭЗОПЕ, ЕГО РАБЕ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ЭЗОПА

I

(1) Эзоп-баснописец, величайший благодетель человечества, по доле своей был раб, а по роду своему — фригиец из самой Фригии. С виду он был урод уродом: для работы не гож, брюхо вспученное, голова что котел, курносый, грязный, кожа темная, увечный, косноязычный, руки короткие, на спине горб, губы толстые — такое чудовище, что и встретиться страшно. А еще того хуже — был он немой и совсем не мог разговаривать.

(2) Увидел хозяин Эзопа, что раб у него вовсе бессловесный и для службы в городе негодный, и послал он его к себе в имение землю копать. И вот однажды приехал хозяин в это имение, и один мужик поднес там ему замечательные фиги, которых сам набрал; поднес и говорит:

— Вот тебе, хозяин, начатки от плодов твоего урожая.

Хозяину фиги понравились.

— Клянусь жизнью, — говорит он, — славные фиги! — И приказывает рабу: — Агафопод, возьми-ка эти фиги и спрячь для меня, а как я помоюсь да пообедаю, ты мне их подашь.

А случилось, что как раз в это время Эзоп бросил свою работу и пришел туда перекусить, как обычно. Взял Агафопод фиги, да с голоду и съел парочку: ему очень хотелось съесть и остальные, но он боялся. Увидел другой раб, как он мучится, и говорит товарищу:

— А я знаю, приятель, что у тебя на уме: ты хочешь съесть эти фиги.

— Клянусь Зевсом, верно, — отвечает тот, — но как ты угадал?

А тот говорит:

— У тебя такой вид, что невелик труд понять, чего тебе хочется. Так послушай-ка, я тебе скажу, как нам можно будет взять и съесть их вдвоем.

Агафопод говорит:

— Ничего хорошего не выйдет: как прикажет хозяин принести ему фиги да как придем мы с пустыми руками, что тогда будет?

А приятель говорит:

— А ты скажи, что это Эзоп увидел ненароком в кладовке дверь открытой, забрался туда и сожрал все фиги. Эзоп говорить не умеет, вот ему и будет трепка, а ты себе наешься вволю.

С такими словами подсели они к фигам и принялись за них, а потом сказали:

— Ну, Эзопу теперь крышка! знать, и впрямь ни на что он больше не годится, кроме как для порки. Давай же теперь договоримся раз и навсегда: как у нас что-нибудь разобьется, разольется или пропадет, мы скажем: «Это наделал Эзоп», и выйдем из воды сухими. — Так они и умяли все фиги дочиста.

(3) Между тем пришел назначенный час, хозяин вымылся, пообедал, и захотелось ему фиг; вот потребовал он угощения и говорит:

— Агафопод, давай сюда фиги!

А как увидел, что его обманули, да как узнал, что это Эзоп сожрал фиги, рассердился и приказал:

— Позвать сюда Эзопа!

Позвали Эзопа, пришел он, и хозяин ему говорит:

— Мерзавец, видно, ты меня ни в грош не ставишь, коли залезаешь в мою кладовку и жрешь там мои фиги.

Услышал это Эзоп: говорить он не мог по своему косноязычию, но увидел он перед собой своих обвинителей, понял, что будет ему трепка, и бросился хозяину в ноги, как бы умоляя чуточку подождать. Тот уступил. Тогда схватил Эзоп ковшик, приметив его поблизости, и знаками попросил горячей воды; принесли лохань, он поставил ее перед собою, выпил воду, а потом запустил пальцы в глотку и выблевал всю воду, которую выпил, а больше ничего, потому что ничего он и не ел. Так он и спасся через свою догадливость. А затем потребовал он, чтобы и другие рабы сделали то же самое, — тогда сразу станет ясно, кто съел фиги. Понравился хозяину такой способ, и он велел двум другим рабам тоже выпить и тоже вырвать.

Говорят рабы друг другу:

— Что делать, Герма? Давай выпьем, только пальцы запустим не в горло, а за щеку.

Но фиги у них в животе уже вызвали желчь, и как только выпили они горячей воды, фиги всплыли, а едва они вынули пальцы изо рта, фиги сами выскочили наружу. Тут сказал хозяин:

— Так вот как оболгали вы того, кто и защититься не может? А ну, раздеть их!

И когда их выпороли, то запомнили они на всю жизнь: кто другому роет яму, тот сам первый в нее попадет. (4) Так поплатились они за то, что хотели сделать зло бессловесному человеку.

II

[На другой день хозяин уехал] в город. А Эзоп копал и копал землю в поле. И вот случилось, что одна жрица богини Исиды заблудилась, сбилась с большой дороги и очутилась на том самом поле, где работал Эзоп. Смотрит она — надсаживается человек над работой, а о ее беде ничего не знает, и сказала:

— Добрый человек, коли есть в тебе сострадание к смертным — покажи мне дорогу в город, а то я заблудилась.

Обернулся Эзоп и увидел женщину в платье богини; и как был он человек богобоязненный, то бросился к ее ногам и знаками принялся спрашивать: «Отчего покинула ты большую дорогу, и пришла к нам в усадьбу?» Догадалась женщина, что слышать он слышит, а говорить не говорит, и сперва знаками, а потом и словами стала ему объяснять:

— Ты видишь, я — жрица; этих мест я не знаю; поэтому, прошу тебя, покажи мне дорогу, ведь я заблудилась.

Тут Эзоп схватил свой заступ, взял женщину за руку, отвел ее под деревья, положил перед нею из своей сумы хлеб и маслины, сорвал и поднес ей диких овощей, заставил ее поесть, и она поела. Потом он отвел ее к роднику и показал ей воду, чтобы она могла напиться. Поев и попив, помолилась она богам за Эзопа, а потом опять знаками попросила его оказать ей последнюю услугу и вывести ее на дорогу. Тогда он вывел ее на большую проезжую дорогу, показал, куда идти, и вернулся опять к своей работе.

(5) Так выбралась жрица Исиды на правильную дорогу. И в благодарность за Эзопову доброту воздела она руки к небу и воскликнула:

— О венец Вселенной, Исида многоименная, будь милостива к этому труженику, столь страждущему и столь благочестивому: ибо не меня он почтил, а твой, владычица, облик. И если не угодно тебе осчастливить жизнь его теми многими дарами, каких лишили его остальные боги, то пожалуй ему хотя бы один только дар речи: ибо не ты ли властна скрытое тьмою выводить к свету?

Так молилась жрица, и услышала ее владычица Исида, потому что быстро достигает божественного слуха слово благочестия.

(6) А Эзоп тем временем почувствовал, что жара стоит уже сильная, и подумал так: «Надсмотрщик дает мне на отдых два часа; посплю-ка я эти два часа теперь, чтобы переждать жару».

Он выбрал себе близ поля хорошее местечко: зеленое, укромное, тенистое, под сенью деревьев; среди свежей травки там цвели пестрые

цветочки, а по опушке леса извивался ручеек. Тут Эзоп опустился на траву, бросил наземь свой заступ, подложил под голову суму и овчину и заснул. Ручеек журчал, зефир ласково веял, зеленая листва трепетала и дышала ароматом цветущего леса, сладостным и свежим. На ветвях стрекотали цикады и щебетали птицы, разные и многообразные; пел звонкий соловей, и ветви олив сочувственно вторили его песне, а стройная сосна под дыханием ветра скрипела, подобно крику черного дрозда. Все эти голоса, сплетаясь, повторялись в откликах переимчивого эха, и сливались в сладкозвучный шум, услаждавший душу и навевавший Эзопу спокойный сон.

(7) Вот тогда-то владычица богиня Исида, в сопровождении всех девяти Муз, явилась и вещала:

— Посмотрите, дочери мои, на этого человека: видом он безобразен, но благочестие его неуязвимо для хулы. Это он вывел на дорогу мою заблудившуюся прислужницу, и я пришла сюда с вами, чтобы вознаградить его. Я дарую ему голос, а вы подарите достойные этого голоса речи.

Так сказала она, а потом сняла с его языка все наросты, которые мешали ему говорить; и затем сама вложила в него голос, а Муз побудила наградить его дарами, приличествующими каждой из них. И они наделили его уменьем находить слова и слагать басни на греческом языке. А затем богиня вознесла к небу мольбу, чтобы Эзоп снискал себе славу, и удалилась своим путем, а Музы, оставив каждая свой дар, поднялись на свой Геликон.

(8) Между тем Эзоп поспал, сколько ему хотелось, а потом проснулся и молвил:

— Крепко же я спал!

И тут он расхохотался, и стал называть своими именами все, что было перед ним, — заступ, сумку, овчину, мешок, быка, осла, овцу, — а потом вскричал:

— Я говорю! клянусь Музами, я говорю! Но отчего же я заговорил? Отчего? Ах, я понял! Не иначе, это за ту благочестивую услугу мою жрице Исиды! Стало быть, какая же это распрекрасная вещь — благочестие! Ну, значит, сами боги подают мне добрую надежду.

III

(9) Весело схватил он заступ и опять принялся копать. А в это время староста именья обходил своих работников и как раз одного из них на глазах у Эзопа хватил палкой. Этого Эзоп не мог стерпеть и сказал:

— Приятель, ведь этот человек ничего тебе не сделал, что ж ты его так обижаешь, да еще и бьешь без стыда и жалости? А ведь сам ты с нами всегда что хочешь, то и делаешь, и никто тебя за это не бьет!

«Что такое? — подумал Зенас. — Эзоп разговаривает! И мало того, что разговаривает: клянусь богами, он еще и перечит мне, когда я с ним говорю и ему приказываю! Ну, видно, придется мне взвести на него какую-нибудь вину, не то не быть мне в старостах, — ведь еще когда он был немой, то делал мне знаки, словно говорил: «Вот ужо придет хозяин, и не быть тебе старостой: я-де и знаками на тебя донесу!» Если он и знаками донес бы, то словами и подавно своего добьется. Стало быть, надо мне опередить его».

(10) Вот вскочил староста на коня и во весь опор пустился в город. Подскакал к хозяйскому дому, спрыгнул с коня, повод привязал к кольцу у дверей и бросился в дом. Отыскал хозяина и кричит ему:

— Хозяин!..

— Что ты переполошился, Зенас? — спрашивает хозяин.

А Зенас говорит:

— Диковинное чудо случилось у тебя в имении!

— Что? — спрашивает хозяин, — на дереве, что ли, плод не по времени вырос? или скотина человечьим детенышем объягнилась?

— Нет, хозяин, — говорит Зенас.

— Что же у тебя за чудо? — спрашивает хозяин. — Выкладывай мне всю правду.

Начинает Зенас объяснять:

— Эзоп, тот бездельник, которого ты в поле послал землю копать, тот, со вспученным брюхом...

— Что? родил кого-нибудь? — спрашивает хозяин.

— Ничего подобного, — говорит Зенас, — только был он немой, а теперь заговорил.

А хозяин на это:

— Так чего же ты от меня хочешь? По-твоему, это чудо?

— Еще бы! — говорит Зенас.

— С какой стати? — спрашивает хозяин. — Допустим, боги разгневались на человека и отняли у него голос на время, а потом смилостивились и вернули ему голос: разве не так дело было? И ты думаешь, это чудо?

— Конечно, хозяин, — говорит Зенас. — Потому что едва он раскрыл рот, как начал говорить самые немыслимые вещи: и меня честит нещадно, и тебя, да так, что сил нет слушать.

(11) Это уже хозяина встревожило; говорит он Зенасу:

— Тогда ступай, продай его.

А Зенас в ответ:

— Шутишь, хозяин! Ты что, не знаешь, какой он урод? Да кто же себе купит этакую обезьяну заместо человека?

— Все равно, — говорит хозяин, — тогда отдай его даром; а не захочет никто его брать, — запори его на смерть.

Так получил Зенас полную власть над Эзопом. Влез он опять на коня и отправился обратно в именье. Едет и думает: «Вот теперь Эзоп у меня в полной власти: хочу продам, хочу подарю, хочу убью. Но с какой стати убивать его, коли он мне ничего не сделал? Лучше продам его».

Вот какую пользу принесли Эзопу дары богов.

IV

(12) Как раз в это время один работорговец ехал верхом из деревни в город. Чтобы не изматывать своих рабов тяжелым грузом, он хотел принанять в деревне скотину, но ничего не нашел и возвращался в город. Зенас его знал; вот встретились они, и Зенас с ним поздоровался:

— Торговцу Офелиону привет!

— Старосте Зенасу привет! — отвечает тот. — А нельзя ли у тебя, Зенас, какой-нибудь скотины нанять или купить?

— Нет, клянусь Зевсом, — говорит Зенас, — а вот есть у меня по дешевке раб-мужчина, коли желаешь.

А работорговец, который только этим и промышлял, говорит:

— И ты еще спрашиваешь, желаю ли я раба по дешевке, — я, работорговец?

— Ну, так идем со мной в соседнее именье, — говорит Зенас.

(13) Привел его Зенас в поле и говорит рабам:

— Сбегайте кто-нибудь и кликните с работ сюда Эзопа.

Побежал один раб, отыскал Эзопа с заступом в руках и кричит:

— Эзоп, бросай заступ, иди за мной, хозяин зовет!

А Эзоп говорит:

— Какой хозяин? Настоящий или только управляющий? Коли это не хозяин, а управляющий, — говори ясней и не путай: ведь и он такой же подъяремный раб, как и мы.

«Вот те на! — подумал раб, — и что это с ним приключилось? Едва говорить научился, а уже ко всему придирается».

Бросил Эзоп свой заступ и говорит:

— До чего же это тяжко быть рабом у раба! Сами боги этого не любят. «Эзоп, прибери в столовой! Эзоп, истопи баню! Эзоп, принеси воды! Эзоп, покорми скотину!» Все, что ни есть грязного, низкого, мерзкого, рабского, все валят на Эзопа. Но зато теперь по божьей милости я могу говорить; и уж как приедет хозяин, я ему выложу все как есть, и не быть тогда этому молодцу старостой! Ну, а покуда приходится делать, что велят. Идем, товарищ!

Вот пришли они, и раб говорит:

— Добрый господин, вот Эзоп.

А Зенас говорит:

— Эй, друг-торговец, посмотри-ка на него!

(14) Повернулся торговец, посмотрел на Эзопа, увидел, что это за отродье, и говорит:

— Ну, когда карлики будут воевать с журавлями, этот будет у них трубачом. Да что же это такое: человек или репа? Кабы он еще не говорил, я решил бы, что это котел на ножках, мешок со снедью, яйцо из-под гусыни! Ну, Зенас, я на тебя в обиде. Я давно бы уж мог быть дома, а ты у меня только время отнимаешь, и продавал бы хоть что-то путное, а не это отребье.

Так сказал он и пошел прочь. (15) Но Эзоп ухватил его за край плаща и сказал:

— Послушай-ка!

— Пусти, — говорит торговец, — и чтоб тебе не видать ничего хорошего! Какого черта ты меня задерживаешь?

А Эзоп говорит:

— Скажи, зачем ты сюда пришел?

— За тобой, — говорит работорговец, — чтобы купить тебя.

— Почему же, — спрашивает Эзоп, — ты не купил меня?

— Не твое дело, — говорит торговец, — не хочу я тебя покупать.

А Эзоп ему:

— Купи меня, хозяин: клянусь Исидой, от меня будет много пользы!

— Какая же это будет от тебя польза, — спрашивает торговец, — коли я сдуру передумаю и куплю тебя?

— Скажи, — говорит Эзоп, — разве нет среди твоих рабов таких мальчишек, которые ничего еще не умеют, а только просят есть?

Говорит работорговец:

— Есть.

— Так вот, — говорит Эзоп, — купи меня и приставь к ним дядькой. Как увидят они этакую мою рожу, так сразу испугаются и перестанут безобразничать.

— Неплохо придумано, — говорит работорговец, — клянусь твоей мерзкой рожей! — И спрашивает Зенаса: — Сколько ты хочешь за эту образину?

— Три обола, — говорит Зенас.

— Шутки в сторону, — говорит торговец, — сколько?

— А сколько хочешь, столько и дай, — говорит Зенас.

Заплатил работорговец самую малость и купил Эзопа.

V

(16) Привез он Эзопа в город и привел к своим рабам. Было там двое мальчиков, которых кормила мать; как увидели они Эзопа, тут же заревели и уткнулись в мать.

— Видишь, — говорит Эзоп работорговцу, — я тебе правду сказал: теперь у тебя для непослушных детей есть готовое пугало.

Рассмеялся работорговец и говорит:

— Вон там в столовой сидят твои товарищи-рабы: ступай, поздоровайся с ними.

Вошел Эзоп и видит: сидят молодцы один другого краше, все на подбор, не то Дионисы, не то Аполлоны. Здоровается:

— Привет, — говорит, — товарищам по неволе!

Те зашумели все разом. А Эзоп говорит:

— Я тоже, товарищи мои, такой же раб, как и вы, хотя ни к чему и не пригоден.

А рабы меж собою толкуют.

— Клянусь Немезидой, — говорит один, — и что это взбрело хозяину купить такое страшилище?

— А знаешь, — говорит другой, — зачем его купили?

— Зачем?

— От дурного глаза, чтоб никто не сглазил нашу компанию!

(17) Тут входит к рабам работорговец и говорит:

— Ну, рабы, пришло ваше рабское счастье: клянусь вашим спасением, ни одной скотины ни нанять, ни купить я не смог. Поэтому разбирайте поклажу сами, а завтра утром отправляемся в Азию.

Рабы, разделившись по двое, разбирают поклажу. А Эзоп вдруг падает перед ними на колени и просит:

— Товарищи мои, умоляю вас, я здесь человек новый, слабосильный, дайте мне нести что-нибудь полегче.

— Да хоть ничего не неси, — говорят рабы.

— Нехорошо, — говорит Эзоп, — увидит хозяин, что все рабы дело делают, а я один болтаюсь зря.

Рабы меж собою толкуют:

— И чего это он из кожи вон лезет? Неси, что хочешь!

(18) Оглядывает Эзоп весь дорожный скарб работорговца: сундук, циновки, мешки, набитые всякой утварью, тюфяки, горшки, корзины. И увидел он корзину с хлебом, такую, что ее вчетвером собирались нести.

— Приятели, — говорит Эзоп, — дайте-ка я возьму одну только эту корзину!

— Ну, — толкуют рабы, — глупей этого парня мы никого не видывали: просил чего-нибудь полегче, а выбрал самое тяжелое.

— Нет, — говорит один из них, — он не дурак: просто он голодный и хочет иметь хлеб под рукой, чтоб наесться больше всех: пускай себе несет эту корзину!

Обступили Эзопа рабы и скопом взгромоздили на него корзину. И пошел Эзоп с корзиною, как Атлант-страдалец, шатаясь туда и сюда. Работорговец это увидел, подивился и говорит:

— Ишь ты! как Эзоп-то ретиво работает, — и другим свою ношу нести веселей! Знать, и впрямь сэкономил я на такой покупке: ведь эта ноша скотине впору!

(19) А рабы шли по двое со своей поклажей и потешались над Эзопом. Только он вышел в дорогу, как начал учить свою корзину ходить. Когда дорога шла вверх, он ее и тянул, и толкал, и даже зубами себе помогал; втащит так ее на гору, а потом спускается с нею легко и без труда, потому что теперь корзина катилась сама собой, а он на ней — верхом.

Худо ли, хорошо ли, добрались они до харчевни. Тут работорговец говорит:

— Эй, Эзоп, дай теперь по хлебу каждой паре.

Рабов было много, и когда все получили хлеб, — корзина наполовину опустела. Затем взвалили они поклажу на плечи и снова пустились в путь. И Эзоп теперь шагал куда проворнее. А потом опять пришли они в харчевню, и опять Эзоп раздавал хлеб — и корзина стала совсем пустой. Тут вскинул он ее на плечо и припустился рысцой впереди всех. Рабы меж собой говорят:

— Кто это там бежит впереди? Наш или чужой?

— Не знаю, — говорит один, — но, по-моему, это наш новичок, тот, слабосильный, который тащил такую корзину, что и мул бы не снес.

— Да, — говорит другой, — а у человечка-то умишко не промах!

— Такие человечки, — говорит третий, — с виду неказисты, а умом куда как проворны! Он же нарочно попросился нести хлеб, и теперь хлеба-то у него — все меньше да меньше, а мы наши дрова, горшки да тюфяки как взвалили, так и несем.

— Эх, — говорит четвертый, — распять его мало!

VI

(20) Кончился их путь, и пришли они в Эфес. Работорговец распродал своих рабов за хорошую цену, и осталось у него только трое: два парня, один учитель, другой музыкант, да третьим — Эзоп. Ни за тех, ни за этого никак не давали нужную цену.

Тут один знакомый сказал работорговцу:

— Если хочешь получить за них настоящую цену, поезжай на остров Самос: место это богатое, там держит школу Ксанф-философ, и к нему много народу приезжает и из Греции, и из Азии. Кто-нибудь из них да купит у тебя учителя, чтобы легче было заниматься, а еще кто-нибудь — музыканта, чтобы жилось веселей. А может быть, найдется и такой, богом обиженный, который купит у тебя и этого, третьего, чтобы сделать из него старосту, привратника или повара.

Работорговец послушался доброго совета, сел с рабами на корабль и перебрался на Самос. Там высадился, нашел себе пристанище и стал готовить рабов для продажи. (21) Музыкант был пригож собою, — и вот хозяин нарядил его в белый хитон, обул в тонкие сандалии, расчесал волосы, накинул оплечье и вывел на помост. А у другого были тонкие ноги, — и вот хозяин дал ему хитон подлинней и башмаки повыше, чтобы длинный подол и высокие голенища прикрыли неказистые его подколенья, а потом расчесал ему волосы, накинул оплечье и вывел на помост. Только Эзопа он никак не мог ни прикрыть, ни принарядить, — ведь он весь был сплошное уродство; поэтому одел он его в дерюгу, тряпьем подпоясал и так поставил стоять между двух красавчиков. Глашатай объявил торг, народ стал оглядываться и толковать: «Ну что за молодцы! Только что это за урод между ними? Он один весь вид портит! Эй, уберите среднего!» Многие так издевались, но Эзоп стоял, как ни в чем не бывало.

(22) Как раз в это самое время оказалась на рынке жена философа Ксанфа. Она со своих носилок слышала крик глашатая, и когда вернулась домой, то пошла к мужу и сказала:

— Муженек, ты знаешь: рабов-мужчин у нас в доме мало, и ты все время отбираешь у меня моих служанок. А тут как раз продаются рабы: ступай-ка ты да купи нам хорошего парня для услуг.

Ксанф говорит:

— Ладно!

Сперва он пошел к своим ученикам, поздоровался с ними, побеседовал немного, а потом кончил занятия и пошел на рынок, а учеников прихватил с собою. (23) Еще издали приметил он там рабов, двух красавцев и одного урода; подивился догадливости продавца и воскликнул:

— Славно придумано, клянусь Герой! Молодец работорговец: хитер и себе на уме, настоящий философ — даже удивительно!

— О чем это ты говоришь, наставник? — спрашивают ученики. — Что же здесь удивительного? Скажи нам, не скрывай от нас, что знаешь хорошего.

Ксанф говорит:

— Господа мои ученики, не думайте, что философия состоит в одних только рассуждениях: нет, бывает философия и в делах, и нередко философия бессловесная одолевает философию словесную. Это можно видеть хотя бы у танцоров: руки их в непрерывном движении передают самую сущность явлений и тем самым являют взгляду подлинную философию без слов. А здесь у продавца было двое рабов красавцев и один урод, и он поставил урода между красавцев, чтобы его безобразие оттеняло их красоту: если бы он не поместил худшего рядом с лучшими, красота их была бы не так заметна.

Ученики говорят:

— Божественно, учитель! Как ты мудр и как проницателен, как постиг ты его тайную цель!

— Идемте же, — говорит Ксанф, — надо купить одного из этих рабов, потому что мне нужна прислуга.

(24) Подошел он к первому рабу и спросил:

— Ты откуда?

— Из Каппадокии, — отвечает тот.

— А как тебя зовут?

— Лигурин.

— А что ты умеешь делать? — спрашивает Ксанф.

— Все! — отвечает раб.

Тут Эзоп расхохотался; но лицо его оставалось мрачным и угрюмым, и только зубы сверкали. Ученики как посмотрели, так подумали, что это какое-то чудовище.

— Что это за грыжа с зубами? — говорит один.

— С чего это он закатился? — говорит другой.

— Да он и не смеется, а трясется, — говорит третий. — Ну-ка, что он скажет?

Подошел он поближе, потянул Эзопа сзади и спрашивает:

— Чему смеешься, красавчик?

Эзоп обернулся и говорит:

— Пошел прочь, баран!

Такого отпора школяр не ждал, растерялся и отступил. А Ксанф спрашивает продавца:

— Сколько стоит этот музыкант?

— Тысячу денариев, — отвечает тот.

Услыхав такую цену, подошел Ксанф к другому рабу и спрашивает:

— Ты откуда?

— Из Лидии, — отвечает тот.

— А как зовут тебя?

— Филокал.

— А что ты умеешь делать? — опять спрашивает Ксанф.

— Все! — отвечает раб.

Тут Эзоп опять расхохотался. А ученики видят это и толкуют:

— И чего это он на все смеется?

— Я бы его спросил, — говорит один, — да неохота барана услышать.

Ксанф спрашивает продавца:

— Сколько стоит этот учитель?

— Три тысячи денариев, — отвечает тот.

Услыхав такую цену, Ксанф ни о чем уже больше не спрашивал, а повернулся и пошел прочь. Ученики ему говорят:

— Учитель, разве рабы тебе не понравились?

— Понравились, — отвечает Ксанф, — только у меня есть такое правило: не покупать дорогих рабов, а пользоваться дешевыми.

На это один из учеников говорит:

— Ежели ты решил дорогих не покупать, то купи вон того урода: работать он будет не хуже, а деньги мы тебе соберем в складчину.

— Смешно будет, — отвечает Ксанф, — коли деньги соберете вы, а раба куплю я; да к тому же и жена у меня привередливая и не потерпит в доме раба-урода.

— Учитель, — говорят ученики, — разве не ты говорил нам много раз, что не надо слушаться женщин?

(25) — Ладно, — говорит Ксанф, посмотрим, что он умеет, чтобы не тратить ваши деньги на пустую забаву. — И, подойдя к Эзопу, говорит ему:

— Здравствуй!

— А разве я болею? — отвечает Эзоп.

А ученики толкуют: «Верно, клянусь Музами! Разве он болеет?» — Так поражены они были метким ответом.

Между тем Ксанф спрашивает:

— Кто ты такой?

— Человек из плоти и крови, — отвечает Эзоп.

— Не о том говорю, а откуда ты родом?

— Из утробы матери, — отвечает Эзоп.

— Чтоб ему пусто было! — говорит Ксанф. — Не о том я тебя спрашиваю, а в каком месте ты родился?

— Этого мне мать не говорила, — отвечает Эзоп. — Может быть, в спальне, а может быть, и в столовой.

— Из какого ты племени, я тебя спрашиваю, — допытывается Ксанф.

— Фригиец, — отвечает Эзоп.

— А что ты умеешь делать?

— Ничего! — отвечает Эзоп.

— Как так ничего? — удивляется Ксанф.

— А вот так, — говорит Эзоп, — ведь эти два парня и без меня умеют делать все!

А ученики толкуют: «Вот это ловко! Да, те два парня просчитались: нет такого человека, который умел бы делать все. Потому он и сказал, что ничего не умеет, потому и смеялся».

(26) — Хочешь, я куплю тебя? — спрашивает Ксанф.

А Эзоп ему:

— Ты что, уже купил меня в советники? На что тебе мои советы? Хочешь купить — покупай, не хочешь — проваливай: мне до этого никакого дела нет. Продавец мой покупателей крючьями к себе не тащит, никто тебя не неволит покупать меня: как сам решишь, так и поступай. Хочешь

иметь меня — раскошеливайся и плати сколько надо, не хочешь — так нечего зубоскалить.

— Ты всегда такой разговорчивый? — спрашивает Ксанф.

— За говорящих птиц дороже платят, — отвечает Эзоп.

А ученики меж собою: «Клянусь Герой, славно этот Эзоп отчитал учителя!»

— Я готов тебя купить, — говорит Ксанф, — только не удерешь ли ты?

— Захочу удрать, так не спрошу тебя, как ты меня спрашиваешь, — говорит Эзоп. — Да и от кого зависит, убегу я или нет: от тебя или от меня?

— Понятно, от тебя! — говорит Ксанф.

— Нет, — говорит Эзоп, — от тебя.

— Как так от меня? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Если ты с рабами хорош, то никто от тебя и не убежит: кому охота от добра искать худа, плутать, голодать и всего бояться? Если же ты с рабами жесток, то я у тебя ни часа не останусь, ни получаса, ни минуты даже.

«Да, — думает Ксанф, — этот парень рисковать собой не хочет». — И говорит: — Все, что ты говоришь, хорошо для человека, но ты-то ведь урод!

А Эзоп ему:

— Ты не смотри на мое обличье, а приглядись лучше, какая под ним душа!

— Что же такое, по-твоему, обличье? — спрашивает Ксанф.

— А вот бываешь ты частенько в винных лавках, — говорит Эзоп, — и покупаешь вино: так разве винные бочки не безобразны, между тем как вино в них отменное?

(27) Похвалил Ксанф, что у него на все готов ответ, а потом подошел к торговцу и спрашивает:

— Сколько у тебя стоит вот этот?

— Ты что, — говорит работорговец, — смеешься что ли над моим товаром?

— Как так? — спрашивает Ксанф.

— Мимо таких отличных парней проходишь, а этого плюгавого берешь? Да купи ты одного из тех двоих и получай этого в придачу хоть даром!

— И все-таки, — говорит Ксанф, — сколько ты за него хочешь?

Говорит работорговец:

— Я за него заплатил шестьдесят денариев, да на прокорм пошло пятнадцать, а больше мне за него ничего не надо.

Сборщики податей услышали, что сделка сделана, подошли, спрашивают, кто продавец, кто покупатель. А Ксанф не решался признаться, что

купил раба за каких-то семьдесят пять денариев, да и продавцу было стыдно. Мялись они, мялись, пока Эзоп сам не крикнул:

— Продан здесь я, продавец — вот, покупатель — вот; а коли они молчат, то, стало быть, я — свободный человек.

Тут уж и Ксанф сказал:

— Покупаю этого раба за семьдесят пять денариев!

Посмеялись сборщики, взяли с Ксанфа и его учеников пошлину за Эзопа, попрощались и пошли себе прочь.

VII

(28) Пошел Эзоп за Ксанфом. Время было жаркое, солнце стояло прямо над головой, на дороге из-за жары никого не было; и вот Ксанф, приподняв подол, стал прямо на ходу мочиться. Эзоп это увидел и рассердился. Ухватил он Ксанфа за откинутый плащ, дернул и сказал:

— Продай меня лучше, не то убегу, и ты меня не удержишь.

— Что с тобой, Эзоп? — спрашивает Ксанф.

— Продай меня, — говорит Эзоп, — не могу я у тебя служить.

Ксанф говорит:

— Верно, меня очернил кто-нибудь из тех, кто всегда клевещет на порядочных людей? Подошел, небось, и стал тебе наговаривать, что и с рабами я жесток, и пьяница, и драчун, и сварливый, и самодур? Не верь напраслине! Послушать ее приятно, но переживать из-за нее не стоит, вот тебе мое поучение.

А Эзоп в ответ:

— Моча твоя тебя очернила, Ксанф! Ты хозяин, ты сам себе господин, тебе нечего бояться, что за малое опоздание ждут тебя палки, колодки или что-нибудь еще похуже, — и все-таки ты даже по малой нужде не хочешь на минуту остановиться и мочишься на ходу. Что же прикажешь делать мне, рабу, когда я у тебя буду на посылках? видно, мне придется даже испоражниваться на лету!

— Так вот чего ты боишься! — говорит Ксанф.

— Как же не бояться? — говорит Эзоп.

— Оттого я мочусь на ходу, — говорит Ксанф, — что хочу избежать трех неприятностей.

— Каких же трех? — спрашивает Эзоп.

— Раскаленной земли, вонючей мочи и палящего солнца, — говорит Ксанф.

— Как это так? — спрашивает Эзоп.

— Ты видишь, — говорит Ксанф, — солнце стоит прямо над головой, земля от жары вся раскалилась; так вот, если бы я мочился стоя, то земля бы мне палила ноги, а моча воняла бы в ноздри, а солнце пекло бы голову.

Вот от этих-то трех неприятностей я и хотел избавиться, когда мочился на ходу.

— Вот теперь все ясно, — говорит Эзоп, — больше не спорю: ступай себе дальше.

— Ого! — говорит Ксанф, — видно я купил себе не раба, а хозяина.

VIII

(29) Добрались они до дома. Тут Ксанф говорит:

— Эзоп, жена у меня — привереда. Поэтому ты подожди здесь, у ворот, пока я ее предупрежу: а не то как увидит она вдруг твою рожу, так сразу заберет приданое и убежит.

— Что ж, — говорит Эзоп, — коли ты у жены под башмаком, ступай и делай, как знаешь.

Ксанф входит в дом и говорит:

— Ну, милая, больше ты не будешь на меня дуться и говорить, будто я у тебя отбираю служанок: теперь я себе купил раба-мужчину.

— Благодарение владычице Афродите! всевластна ты, и сны от тебя не лгут! — говорит жена. — Недаром видела я сон, муженек, будто ты купил раскрасавца-раба и подарил его мне.

— Ты только подожди, милая, — говорит Ксанф, — и такую узришь красоту, какой сроду не видела: как посмотреть — ни дать ни взять, не то Аполлон, не то Ганимед, не то Эндимион.

(30) Служанки тоже обрадовались, и одна молоденькая сказала:

— Это хозяин купил мне мужа!

— Нет, мне, — говорит другая, — я его во сне видала!

— Кто сумеет его себе выпросить, — говорит третья, — тот и получит.

— Уж не ты ли сумеешь?

— А может быть, ты?

И пошли они ссориться.

А жена Ксанфа спрашивает:

— Ну, где же этот подарок, которым ты так похваляешься?

— У ворот, моя милая, — отвечает Ксанф. — Первое правило воспитания: не входить в чужой дом без приглашения; вот он и дошел со мною до ворот, а теперь ждет, пока его позовут.

Тут жена Ксанфа говорит:

— Позовите кто-нибудь этого новенького!

А одна служанка, не будь дура, пока другие ссорились, подумала так: «Выйду-ка я да сама сведу с ним знакомство». Выходит и спрашивает:

— Где тут новый раб?

Эзоп обернулся и отвечает:

— Здесь, девочка!

— Это ты и есть новый раб? — спрашивает та.

— Это я и есть, — говорит Эзоп.

— А где же у тебя хвост? — спрашивает служанка.

Эзоп на нее посмотрел, понял, что это она обзывает его обезьяною, и отвечает:

— Совсем не там, где ты думаешь: ты думаешь, он сзади, а он — спереди!

А служанка говорит:

— Стой, пожалуйста, здесь, и не входи, не то все в доме разбегутся, как увидят этакое чудище.

Бежит в дом, а там другие служанки еще ссорятся из-за нового раба. Она им говорит:

— Ох, подружки, забудьте лучше, о чем мечтали! И охота вам драться из-за этого парня? Посмотрите-ка сперва сами, какой это красавец!

Вот одна выбегает и говорит:

— Где тут мой новенький, мой миленький, мой хорошенький?

Эзоп ей отвечает:

— Вот!

А служанка на это:

— Чтоб тебя Афродита отшлепала по твоей мерзкой морде! Так это из-за тебя, значит, мы ссорились, дерьмо ты этакое! Чтоб тебе свету белого не видать! Ступай сюда, да смотри, меня не трогай: и подходить не смей!

Вошел Эзоп и стал прямо перед хозяйкой. (31) Как увидела жена Ксанфа его образину, повернулась она к мужу и говорит:

— Ну, Ксанф, вижу я, ты хитер, настоящий философ и пройдоха! Ты решил завести другую жену; но тебе стыдно было мне сказать в глаза: убирайся отсюда, — и вот ты, отлично зная мой тонкий вкус, покупаешь эту тварь, чтобы мне невмоготу было выносить такого раба в доме и я сама убежала бы отсюда? Хорошо! Отдавай мне мое приданое, и я ухожу к отцу.

Ксанф говорит Эзопу:

— Ну, что же ты? Стоило мне на ходу помочиться, как ты мне семимильные речи стал говорить, а теперь для этой бабы у тебя и словечка нет?

— Зачем? — говорит Эзоп. — Пусть себе проваливает, туда ей и дорога.

— Молчи, тварь! — говорит Ксанф. — Ты что, не видишь, что я ее люблю больше жизни?

— Ты, — спрашивает Эзоп, — любишь женщину?

— Ну, да, — говорит Ксанф.

— И ты хочешь, — спрашивает Эзоп, — чтобы она от тебя не ушла?

— Ну, да, дурак ты этакий, — говорит Ксанф.

— Что ж, — говорит Эзоп, — я отвечу ей, как ты того желаешь.

Вышел он на середину, топнул ногою и вскричал:

— Ежели философ Ксанф живет под башмаком у своей жены, то завтра же я оповещу по всем училищам, какой он ничтожный человек!

— Что это значит, Эзоп? — спрашивает Ксанф.

(32) А Эзоп обращается к хозяйке:

— Женщина, — говорит он, — вот что тебе нужно сделать: когда твой муж куда-нибудь уйдет, купи ты себе раба — молоденького, хорошенького, послушного, глаза ясные, кудри золотистые.

— Зачем? — спрашивает жена Ксанфа.

— А затем, — говорит Эзоп, — чтобы красавчик этот и в баню за тобой ходил, чтобы красавчик этот и одежду от тебя принимал, чтобы красавчик этот после бани и одевал тебя, и сандалии тебе на корточках шнуровал, и заигрывал бы с тобой, и в глаза бы заглядывал тебе, словно ты ему по сердцу, словно и ты с ним куплена; а ты бы ему улыбилась, а ты бы на него стала зариться, а ты бы его кликнула в спальню — растирать тебе ножки, а там и затомилась бы, а там и приобняла бы его, а там и поцеловала бы, а там и до всего бы дошла в своем бесстыдстве мерзостном; а философ пусть себе остается опозоренный и осмеянный О славный Еврипид, золотые были твои уста, сказавшие:

Ужасен гнев валов средь моря пенного,
Ужасен натиск рек и буйство пламени,
Ужасна бедность, много в мире ужасов,
Но нет ужасней зла, чем злая женщина.

Неужели это ты, жена философа, умная женщина, хочешь, чтобы тебе прислуживали только хорошенькие рабы, и не понимаешь, какие сплетни и какой позор навлекаешь ты на мужа? Нет, вижу я, просто ты шлюха, и потому только не даешь себе воли, что еще не знаешь, на что способен твой новый раб.

Говорит жена Ксанфа:

— Откуда такая напасть?

А Ксанф ей:

— Он и сейчас славно говорит, но ты смотри, милая, не попадайся ему на глаза, когда будешь мочиться или испоражниваться: вот тогда-то он станет настоящим Демосфеном!

— Клянусь Музами, — говорит жена Ксанфа, — этот человечек, по-моему, хоть и страшен, да умен. Что ж, я готова помириться с ним.

— Ну, Эзоп, — говорит Ксанф, — хозяйка с тобою мирится.

— Видишь, хозяин, — говорит Эзоп, — поразить и укротить женщину — это надо уметь!

— Ах ты разбойник! — говорит Ксанф.

(33) А жена Ксанфа говорит:

— По твоим речам я вижу, Эзоп, что говорить ты умеешь, но меня обманул сон: я думала, мне купят раба хорошенького, а ты урод.

— Не удивляйся, хозяйка, — говорит Эзоп, — коли сон тебя обманул: не всякий сон сбывается. Аполлон, предводитель Муз, попросил однажды у Зевса дар прорицания и получил его; с тех пор с ним никто не мог сравниться в предсказаниях. Но так как все ему дивились, и на всех он стал посматривать свысока, стал предводитель Муз слишком заносчив и во всем остальном. Разгневался владыка, не хотел он, чтобы Аполлон был у людей в такой силе, и создал он вещие сны, которые по ночам открывали людям будущее. Почувствовал предводитель Муз, что никому не нужны больше его прорицания, и стал упрашивать Зевса простить его и не уничтожать веры в его слова. Простил его Зевс и создал для смертных другие сны, обманчивые, чтобы, обманувшись ими, люди снова обратились к своему прежнему прорицателю. Вот почему только первый сон, приснившись, сбывается; вот почему и не приходится удивляться, коли приснилось тебе одно, а сбылось другое, — значит, просто приснился тебе не первый сон, а второй, ложный, тот, что вводит в обман лживыми видениями.

IX

(34) Похвалил Ксанф Эзопа и, видя, что он и умен, и находчив, говорит ему:

— Бери, Эзоп, мешок и ступай за мной — нам надо купить у огородника овощей на обед.

Эзоп вскинул мешок на плечи и пошел следом. Ксанф пришел на огород, нашел огородника и говорит ему:

— Дай нам, пожалуйста, овощей на обед.

Огородник взял свой нож, срезал капусты, набрал свеклы, спаржи и других всяких овощей, связал их в красивую связку и дал Эзопу. А Ксанф развязал кошелек и хотел заплатить за овощи.

(35) — За что это, учитель? — спрашивает огородник.

— За овощи, — говорит Ксанф.

— На что мне это? — спрашивает огородник. — Весь мой огород и все мои овощи даже взгляда твоего не стоят. Скажи мне лучше одну только вещь.

— Клянусь Музами, — говорит Ксанф, — не нужно мне ни овощей, ни денег, только объясни мне, огородник, что я могу тебе сказать полезного? Я ведь не ремесленник, не кузнец, не могу тебе сделать ни серпа, ни лопаты: я философ!

— Добрый господин, — говорит огородник, — ты очень даже можешь мне помочь. Мучит меня один вопрос и не дает мне покоя ни днем ни

ночью, все я думаю и гадаю вот о чем: сажаю я мои растения в землю, окапываю их, поливаю их, ухаживаю за ними, как могу, — и все-таки сорные растения вылезают из земли быстрее, чем мои. Почему так?

Услышал Ксанф такую философскую задачу, не нашелся сразу, что ответить, и говорит:

— Так уж все устроено божественным провидением.

(36) А Эзоп стоял за спиной у Ксанфа и вдруг расхохотался. Ксанф его спрашивает:

— Эзоп, это ты со мной или надо мной смеешься?

— Нет, — говорит Эзоп, — не над тобой.

— А над кем же?

— Над твоими учителями, — отвечает Эзоп.

— Бездельник, — говорит Ксанф, — ты что, всю Элладу охулить хочешь? Да ведь я учился в самих Афинах у лучших философов, грамматиков и риторов! Уж тебе ли соваться в этот хор геликонских Муз?

— А если ты говоришь чепуху, — отвечает Эзоп, — то как же над этим не смеяться?

Ксанф говорит:

— Но разве можно на такой вопрос ответить по-другому? Что устроено божественной природой, в том философы разбираться не могут. А может быть, ты знаешь другой ответ?

— Предложи, — говорит Эзоп, — и я отвечу.

(37) — Пройдоха ты этакий, — говорит ему Ксанф растерянно, — мне приходилось философствовать в стольких училищах, что вроде бы и не к лицу теперь философствовать на огороде, — но пусть будет так, ступай за мной.

Приходят они к огороднику, и Ксанф ему говорит:

— Вот со мною здесь раб, он смекалистый, спроси его, и он тебе ответит.

— Как, — спрашивает огородник, — это чучело у тебя грамотное?

А Эзоп смеется:

— Так-то ты со мною разговариваешь, несчастный?

— Это я-то несчастный? — говорит огородник.

— Разве ты не огородник? — спрашивает Эзоп.

— Огородник, — отвечает тот.

— А коли ты огородник, что ж ты сердишься, когда тебя зовут несчастным? — говорит Эзоп. — Так ты, стало быть, хочешь узнать, почему ты свои растения и сажаешь, и окапываешь, и поливаешь, и ухаживаешь за ними, как можешь, — и все-таки, говоришь ты, сорные растения вылезают из-под земли быстрей? [Слушай же внимательно. Это так же, как женщина, которая второй раз выходит замуж, причем у нее уже есть дети от первого мужа, а у ее мужа — от первой жены: первым она мать, вторым — мачеха. А это большая разница. Которых детей она сама родила, тех она любовно выкармливает, а которые рождены от чужих

мук, тех она завистливо ненавидит и рада отнять у них пищу, чтобы дать своим. И все оттого, что своих она любит, как кровных, а мужниных ненавидит, как чужих. Вот так же, говорю я, и земля для тех, кого сама родит, будет матерью, а для тех, кого ты в нее сеешь, — мачехой; поэтому она и кормит их так, чтобы лучше росли ее родные питомцы, чем тобою посаженные приемыши.

Огородник это выслушал и говорит:

— Ты меня избавил от великой заботы. Бери эти овощи в подарок, а если тебе еще что-нибудь понадобится, можешь заходить сюда, как в собственный огород.]

X

. . . .

(38) [— И не рассуждай, пожалуйста, слишком много, — говорит Ксанф, —] делай только то, что тебе приказано, ни больше, ни меньше, а то от этого добра не будет! Ну, а теперь возьми пузырек и полотенце, и идем в баню.

Ксанф разделся, отдал одежду Эзопу и говорит:

— Давай сюда пузырек.

Эзоп дает. Ксанф его взял, опрокинул и видит, что он пустой.

— Эзоп, — говорит он, — а где же масло?

— Дома, — отвечает Эзоп.

— Почему?

— А потому, что ты мне сказал: «Возьми пузырек и полотенце», а про масло ничего не сказал. А делать больше, чем приказано, мне нельзя, не то получится, что я тебя не слушаюсь, а моей спине за это достанется. — Так сказал Эзоп и умолк.

(39) В бане Ксанф повстречал приятелей. И вот он приказывает Эзопу передать его одежду их рабам, а самому говорит:

— Эзоп, ступай домой: и раз уж жена моя до того взбесилась, что потоптала наши овощи, ты свари нам на обед одну чечевицу. Брось ее в котел, залей водой, поставь на очаг, подложи дров, разведи огонь, а если будет убегать, подуй. Ступай делай все, как я сказал.

— Ладно, — говорит Эзоп.

Отправился он домой, пошел в кухню, бросил в котел одно чечевичное зерно и сварил.

Тем временем Ксанф со своими приятелями помылся и говорит:

— Друзья мои, не разделите ли вы мою скромную трапезу? У нас на обед только чечевица, но ведь друзей ценят не за пышное угощение, а за доброе расположение: порой простое кушанье милей богатого, когда предложено с любовью!

— Идем! — говорят друзья.

(40) Ксанф привел их домой и говорит Эзопу:

— Эзоп, дай попить людям прямо из бани.

Эзоп зачерпнул ковшом грязной воды из банной лохани и подает Ксанфу. Ксанф спрашивает:

— Это что значит?

— Попить прямо из бани, — говорит Эзоп.

Нахмурился Ксанф и говорит:

— Подай сюда лохань, в которой ноги моют.

Эзоп выплеснул из нее воду и подал сухую. Встал и стоит.

— А это еще что значит? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Ты же мне сказал: «Подай лохань», а не сказал: «Налей воды и вымой ноги».

— Сними с меня сандалии, — говорит Ксанф, — и делай все, что полагается. — А потом обращается к гостям: — Как видите, друзья мои, я себе не раба купил, а наставника. Ну, а теперь, коли угодно, идемте к столу.

(41) Когда все уже успели выпить раз-другой, Ксанф спрашивает:

— Эзоп, чечевица сварилась?

Эзоп отвечает:

— Да.

— Дай сюда, — говорит Ксанф, — я проверю.

Эзоп выловил ложкой чечевичное зернышко и подает его Ксанфу. Ксанф съел зернышко и говорит:

— Хорошо сварилось, в самый раз. Неси, подавай.

Эзоп расставил тарелки, разлил в них пустой кипяток и приглашает:

— Угощайтесь, — кушать подано!

— Как, — говорит Ксанф, — это же пустой кипяток: а где чечевица?

— А чечевицу, — отвечает Эзоп, — ты сам только что съел.

— Ты что, — спрашивает Ксанф, — одно только зерно и сварил?

— Конечно, — говорит Эзоп, — ты же мне сказал: «Свари одну чечевицу», а не «Свари похлебку из чечевиц»; то единственное число, а то множественное.

(42) Говорит Ксанф:

— Тогда, чтобы мои гости не обиделись, беги скорей и приготовь нам четыре свиные ноги, что недавно купил, — с уксусом и с зеленью.

Эзоп положил свиные ноги в котел и стал варить. А Ксанф все искал повода выпороть Эзопа; встал он и говорит ему:

— Беги, Эзоп, возьми в кладовке уксус и подлей в котел.

Эзоп побежал в кладовку, а Ксанф подошел, вытащил из котла одну ногу и припрятал.

Вернулся Эзоп и видит: в котле только три ноги. Догадался он, что это Ксанф нарочно стащил ногу, чтобы подвести его под порку; оглянулся, видит: бегает по двору поросенок Ксанфа, которого откармливали

к дню рождения хозяйки; схватил он его скорей, завязал ему морду веревкой, отрубил ему одну ногу, сунул ее в огонь, опалил и бросил в котел вместо недостающей.

А Ксанф между тем подумал, что Эзоп, чего доброго, убежит, если не досчитается ноги, вытащил припрятанную ногу, подошел к котлу и подбросил ее обратно. Так стало в котле пять ног, но этого не знали ни Эзоп, ни Ксанф.

(43) Прошло немного времени, говорит Ксанф Эзопу:

— Сварились у тебя свиные ноги?

Эзоп отвечает:

— Да.

— Давай их сюда, — говорит Ксанф.

Эзоп поставил блюдо, опрокинул котел, и вывалились из котла пять свиных ног. Увидев такое, Ксанф побледнел и спрашивает:

— Эзоп, сколько ног у одного поросенка?

— В среднем в самый раз, — говорит Эзоп, — у этого пять, но у того, что во дворе, три.

— Ну, друзья мои, — говорит Ксанф, — этот парень меня скоро с ума сведет.

А Эзоп говорит:

— Так зачем же ты сам завел такой порядок? кабы не это, от моей службы больше было бы толку. Но не горюй, хозяин, твои правила тебе же пойдут впрок: теперь ты и в училище не будешь делать ошибок. Потому что давать определения слишком узкие или слишком широкие — это ошибка, и немалая.

Так Ксанф и не нашел повода выпороть Эзопа; пришлось ему смириться.

(44) С этих пор Эзоп стал ходить за Ксанфом по училищам, и скоро его уже все знали.

XI

Вот однажды кто-то из учеников задал обед и позвал на него Ксанфа и других учеников. Ксанф говорит Эзопу:

— Возьми все, что нужно для обеда, и ступай за мной. «Все, что нужно» — это значит: корзину, блюдце, полотенце, сандалии, факел и еще все, что я мог забыть.

Эзоп собрал что надо и пошел за ним.

За едой Ксанф выбрал несколько кусков и передал Эзопу; Эзоп их взял и положил в корзину. Ксанф обернулся и спрашивает:

— Все у тебя есть, и первое, и второе, и третье?

— Все, — говорит Эзоп.

— Отнеси теперь все это моей благоверной, — говорит Ксанф.

— Ладно, — отвечает Эзоп.

Пошел он прочь, а сам думает: «Вот теперь я могу отплатить моей хозяйке. Ничем ей не угодишь: когда меня купили, она надо мной смеялась и ругалась, а когда огородник подарил мне овощи, она их расшвыряла и растоптала, так что я даже не мог сделать приятное хозяину. Вот теперь я покажу ей, что против верного раба жена ничего не стоит. Зря, что ли, мне хозяин сказал: «Отнеси моей благоверной»; посмотрим теперь, кто у него благоверная!

(45) Пришел Эзоп домой, вошел, поставил перед собой корзинку и кликнул Ксанфову жену. Показал ей на куски и говорит:

— Смотри, хозяйка, я тут ничего не потерял и не подъел.

— Вижу, — говорит хозяйка, — все на месте и все в порядке. Так это мне посылает хозяин?

— Нет, — говорит Эзоп.

— Кому же, коли так? — спрашивает хозяйка.

— Своей благоверной, — отвечает Эзоп.

— Ах ты разбойник, — говорит жена Ксанфа, — так кому же это, как не мне?

— Вот обожди немного, — говорит Эзоп, — и посмотрим, кто ему благоверная.

Тут увидел он домашнюю собаку, что у них выросла, кликнул ее и говорит:

— Сюда, Волчок, на, на!

Собака подбежала, и Эзоп скормил ей всю еду. Наелась собака, а Эзоп пошел обратно на пирушку и встал у Ксанфа в ногах.

(46) — Ну, как, — спрашивает Ксанф, — отдал?

— Отдал, — говорит Эзоп.

— Съела? — спрашивает Ксанф.

— Все съела, — отвечает Эзоп.

— И не лопнула? — спрашивает Ксанф.

— Нет, — говорит Эзоп, — она была голодная.

— С удовольствием съела? — спрашивает Ксанф.

— Еще как! — говорит Эзоп.

— И что она сказала? — спрашивает Ксанф.

— Ничего не сказала, — говорит Эзоп, — но всем видом выражала благодарность.

— Ну, и я ее отблагодарю, — говорит Ксанф.

Между тем жена Ксанфа сказала своим служанкам:

— Ну, девушки, больше я с Ксанфом оставаться не могу. Забираю мое приданое и ухожу. Как? чтоб я жила с ним, когда ему собака дороже меня! — И она в ярости затворилась у себя в спальне.

(47) А пирушка продолжалась, пошел живой разговор, начались споры о разных интересных материях, как водится у людей ученых. Вот один из учеников спрашивает:

— Какой самый большой переполох может случиться меж людьми?

А Эзоп из-за спины хозяина отвечает:

— Когда мертвые оживут и потребуют свое добро обратно.

Все расхохотались, и пошла за столом болтовня.

— Это новый раб, — говорят ученики, — его Ксанф еще при нас покупал.

— А меня он тогда бараном обозвал, — говорит один.

— Только он не все ведь сам выдумывает, — говорит другой, — а иное и от учителя перенимает.

— Как и вы все, — отвечает Эзоп.

— Учитель, — просят ученики, — ради всех Муз, разреши Эзопу выпить с нами.

Разрешил Ксанф, и Эзоп выпил.

(48) Тут один из учеников говорит другому:

— Отчего это, скажи на милость, когда овцу ведут к мяснику, она молчит, а когда свинью ведут, она визжит во всю глотку?

Никто не мог ответить. А Эзоп говорит:

— Оттого, что у овцы и молоко полезное, и шерсть отличная, так что ее время от времени стригут и доят, и от этого ей становится только легче: вот она и идет под нож спокойно, ничего худого не думая, и при виде железа не трусит. А от свиньи ни шерсти, ни молока, вот она и визжит, когда ее ведут, так как знает, что годится она лишь на мясо.

И ученики воскликнули:

— Славный ответ, клянемся всеми Музами!

(49) Кончилась пирушка, все разошлись, и Ксанф отправился домой. Входит к себе в спальню и начинает приставать к жене с нежностями и поцелуями. А она от него отворачивается и говорит:

— Прочь от меня! любись себе со своими рабами, целуйся со своими псами, а мне отдавай мое приданое.

— Вот тебе раз! — говорит Ксанф. — Что мне тут еще натворил мой Эзоп?

— Прочь! — кричит жена Ксанфа, — ты эту суку кормишь, ты с ней и живи!

— Ну вот, — говорит Ксанф, — говорил я, что это Эзоп заварил кашу! Позвать сюда Эзопа!

(50) Эзоп явился. Ксанф к нему:

— Эзоп, ты кому еду отдал?

— Ты же сам мне сказал, — отвечает Эзоп, — «отнеси моей благоверной».

— Ни крошки он мне не дал! — кричит жена Ксанфа. — Вот он стоит, пусть только попробует отпереться!

— Видишь, разбойник, — говорит Ксанф, — а она говорит, что ты ничего ей не дал!

— Постой, говорит Эзоп, — ты кому велел отдать еду?

— Моей благоверной, — отвечает Ксанф.

— Так это она-то твоя благоверная? — спрашивает Эзоп.

— А кто же, по-твоему, злодей ты этакий! — кричит Ксанф.

— А вот сейчас увидишь, — говорит Эзоп. Подзывает собаку и показывает Ксанфу: — Вот кто у тебя благоверная! Жена у тебя тоже притворяется благоверной, но это ложь: из-за крошки еды она требует обратно приданое и хочет от тебя уйти, — и это, по-твоему, верность? А собаку ты можешь бить, лупить, драть и гнать, и она тебя не бросит, а все простит, прибежит к хозяину и будет вилять хвостом. Ты должен был сказать: «Моей жене», а не «Моей благоверной», потому что благоверная у тебя не жена, а собака.

— Видишь, голубушка, — говорит Ксанф, — вовсе это и не я виноват, а все этот пустобрех. Ты не сердись, я тебя не дам в обиду, а этот малый у меня еще дождется порки.

[(50а.) — Нет! — кричит жена, — с сегодняшнего дня ноги моей не будет у тебя в доме! — И, выскользнув вон, она убежала жить к своим родителям.

А Эзоп говорит хозяину:

— Ну вот, разве я не правду сказал, что благоверная у тебя — не жена, а собака?

Прошло несколько дней, а жена Ксанфа все упрямилась и упрямилась. Ксанф подсылает к ней приятелей — уломать ее вернуться, а она не идет. Видит Эзоп, что от такой беды хозяин совсем приуныл, подходит и говорит:

— Не горюй, хозяин! Завтра я устрою так, что она сама к тебе прибежит!

Взял он денег, пошел на рынок, накупил кур, гусей и прочей снеди и пошел со всем этим восвояси, словно невзначай, мимо того дома, где жила Ксанфова жена. Тут он повстречал кого-то из челяди ее родителей и спрашивает:

— Слушай, братец, у вас тут не продают ли гусей, кур и что там еще подается на свадьбе?

— А на что тебе? — спрашивает тот.

— Мой философ Ксанф завтра женится! — отвечает Эзоп.

Тот бегом к Ксанфовой жене и обо всем ей докладывает. Только она это услышала, как бросилась со всех ног к философу и кричит на него:

— Ксанф, пока я жива, не бывать в этом доме другим женщинам!]

XII

(51.) На другой день Ксанф решил отблагодарить своих учеников угощением за угощение и говорит Эзопу:

— Эзоп, сегодня к обеду придут мои друзья, так ты ступай и свари нам самого лучшего, самого прекрасного, что есть на свете!

«Ладно, — думает Эзоп, — ужо я научу его не давать глупых приказаний». Пошел он в мясную лавку, купил языков от свежезаколотых свиней, и когда пришел домой, то одни приготовил жареными, другие вареными, третьи холодными с приправой. Вот к назначенному часу сходятся гости; Ксанф говорит:

— Эзоп, принеси нам поесть!

Эзоп подает каждому вареный язык под соусом.

— Ого, учитель! — говорят ученики, — даже обед у тебя философический: ничего не упустишь из виду! Только мы устроились за столом, а нам уже подают язык!

(52) Выпили они раза два или три, потом Ксанф говорит:

— Эзоп, принеси же нам поесть!

Эзоп опять подает каждому жареный язык под перцем с солью.

— Божественно, учитель, великолепно! — говорят ученики. — От огня, да еще от перца с солью у языка всегда острее вкус: едкость соли с природной остротой языка, соединяясь, дают вкус приятный и пряный.

Выпили они еще раз, и в третий раз Ксанф говорит:

— Эзоп, принеси нам, наконец, поесть!

А Эзоп подает каждому холодный язык с кореньями.

Ученики между собой говорят:

— Ох, Демокрит, у меня уж у самого язык болит от стольких языков!

— Неужели тут больше ничего нет? Видно, где старается Эзоп, там добра не жди!

От холодных языков всем уже тошно стало. Ксанф говорит:

— Эзоп, подай нам похлебки!

Подает Эзоп отвар, оставшийся от языков. Гости и смотреть не хотят, разговаривают:

— Ну, вот и последний удар на нашу голову: доканал нас Эзоп своими языками.

— Эзоп! — говорит ему Ксанф. — Больше у нас ничего нет?

— Больше у нас ничего нет, — отвечает Эзоп.

(53) — Больше ничего, мерзавец? — говорит Ксанф. — Да разве не сказал я тебе: «Купи всего самого лучшего, самого прекрасного на свете!»

Эзоп отвечает:

— Счастье мое, что ты меня попрекаешь в присутствии этих ученых господ. Подумай: ты мне сказал: «Купи самого лучшего, самого прекрасного на свете». А есть ли что на свете лучше и прекраснее, чем язык? Разве не языком держится вся философия и вся ученость? Без языка ничего нельзя сделать — ни дать, ни взять, ни купить; порядок в государстве, законы, постановления — все это существует лишь благодаря языку. Всей нашей жизни основа — язык; нет ничего лучше на свете.

Ученики говорят:

— Клянемся Музами, он отлично рассуждает! Ты неправ, учитель.

Разошлись ученики по домам, и всю ночь у них болел живот. (54) Утром стали они жаловаться Ксанфу. А тот говорит:

— Мои ученые друзья, не я виноват, а негодный мой раб Эзоп. Но уж сегодня зато я угощу вас настоящим обедом: вот послушайте, как я распоряжусь! — И, кликнув Эзопа, он ему говорит: — Так как все, что тебе говорят, ты выворачиваешь наизнанку, то вот тебе мой приказ: ступай на рынок и купи там самого дрянного, самого негодного на свете!

Эзоп это выслушал и бровью не повел. Он опять пошел в мясную лавку, опять накупил языков от всех заколотых свиней и опять состряпал из них обед. Тем временем явился Ксанф с учениками, устроились они за столом, выпили по первой чаше, и Ксанф сказал:

— Эзоп, принеси нам поесть!

Эзоп подает каждому соленый язык в уксусе.

— Как? — говорят гости, — опять языки?

Ксанф побледнел. А ученики толкуют:

— Не иначе, он этим уксусом нас хочет исцелить после вчерашнего поноса.

Выпили они еще раза два, и Ксанф опять говорит:

— Принеси же нам поесть!

Эзоп подносит каждому жареный язык.

— Что это значит? — говорят ученики. — Этот вчерашний болван хочет нас своими языками вконец уморить?!

(55) Ксанф говорит:

— Ты опять за старое, злодей? Да как ты смел это покупать? Разве я не сказал тебе: «Ступай на рынок и купи самого дрянного, самого негодного на свете!»

Эзоп отвечает:

— Что же на свете хуже языка? Язык нам несет раздоры, заговоры, обманы, побоища, зависть, распри, войну; разве может быть что-то еще хуже, еще презреннее, чем язык?

Тут один из учеников за столом говорит Ксанфу:

— Учитель, если ты этого малого будешь слушать, он тебя скоро с ума сведет. Каково лицо, такова душа: злобный, ничем не довольный, гроша я за него не дал бы.

— Помалкивай, школяр, — отвечает Эзоп, — по мне, так ты куда более злобен! Ксанфу ты чужой, а все-таки разжигаешь в нем гнев дурными словами и подстрекаешь хозяина на раба. Не серьезный ты человек, а пролаза и любознайка, коли суешь нос не в свое дело!

(56) А Ксанф, который все искал за что бы выпороть Эзопа, услышал это и сказал:

— Ты, Эзоп, моего друга назвал пролазой и любознайкой? Ну, коли уж доля моя такая — с собственным рабом ученые споры вести, то объясни мне: почему же он любознайка, а другие нет?

— Конечно, любознайка! — отвечает Эзоп. — Много есть охотников есть и пить на чужой счет, да не все суют нос в чужие дела, иным и своих хлопот достаточно.

— Так, по-твоему, — говорит Ксанф, — бывают на свете люди нелюбопытные? Ну, так вот тебе мой приказ, в отмену прежнего: обед нам сварит кто-нибудь другой, а ты ступай, найди мне человека нелюбопытного и пригласи на этот обед. Тут мы и посмотрим, как это он не будет соваться в чужие дела: сунется раз — смолчу, сунется два — прощу, а сунется три — быть тебе битому, и поделом.

XIII

(57) Эзоп все это выслушал, а на следующий день пошел на рынок искать человека нелюбопытного. [Пришел на площадь и видит: двое дерутся, вокруг толпа народу, и только один человек сидит себе в сторонке и читает книжку. Эзоп думает: «Вот этого я и позову: на любознайку он не похож, и бить меня будет не за что». Подходит и говорит:

— Почтеннейший, философ Ксанф наслышался о твоем добром нраве и зовет тебя к обеду!

— Приду, — отвечает тот, — и буду ждать у ворот.

Эзоп пошел домой, сварил обед; Ксанф его спрашивает:

— Эзоп, а где же тот гость, который не любопытный?

— Ждет у ворот, — отвечает Эзоп.

Пришло время обеда, гостя впустили, и он устроился за столом вместе со всеми. (58) И вот Ксанф приказал подать сладкого вина ему первому. А тот отказывается:

— Что ты, хозяин, сперва выпей ты, потом твоя жена, а потом уж и мы, гости.

«Раз!» — подмигивает Ксанф Эзопу: вот, мол, и сунулся твой гость не в свое дело.

Потом подают рыбную похлебку. А Ксанф ищет, к чему бы придраться, и говорит:

— Сколько я давал повару кореньев, а теперь, видно, он надо мною издеваться решил? Ни трав, ни масла, и похлебка прокислая! Выпороть повара!

— Что ты, хозяин, — говорит гость, — все как следует, отличная похлебка!

А Ксанф опять подмигивает Эзопу: «Два!»

Потом подают кунжутный пирог. Ксанф его отведал и говорит:

— Позвать сюда пирожника! Почему в пироге нет ни меда, ни изюма?

— Что ты, хозяин, — опять говорит гость, — отменный пирог, да и весь обед на славу: не за что пороть твоих рабов!

Тут Ксанф опять подмигивает Эзопу: «Три!»

— Твоя правда, — говорит Эзоп.

Вот встали все из-за стола, а Эзопа разложили и высекли.

— Вот тебе! — говорит Ксанф. — Теперь изволь мне отыскать человека нелюбопытного, а не то посажу в колодки и запорю насмерть!

(59) На другой день пошел Эзоп за город — искать нелюбопытного.] И видит человека: по виду мужик, а ведет себя чинно, погоняет себе ослика с вязанкой дров, сторонится толпы и беседует со своим осликом. «Вот, — думает Эзоп, — делает человек свое дело, и в чужие дела не лезет», — и пошел следом. А мужик трусит себе на ослике и приговаривает:

— Едем, брат, едем, а вот приедем, и продам я наши дрова за двенадцать ассов: пару монет тебе на овес, пару монет мне на пропитание, а восемь отложим про черный день: вдруг захвораем или вдруг непогода нас из дому не выпустит. А не то сегодня как наешься ячменя, а завтра как накатит беда, и не будет тебе ни ячменя, ни овса.

(60) Послушал Эзоп такие речи и думает: «Клянусь Музами, вот человек, непохожий на любознайку: подойду-ка я к нему!» Подошел и говорит:

— Здорово, папаша!

Мужик тоже здоровается. А Эзоп спрашивает:

— Почем дровишки?

— Двенадцать ассов! — говорит мужик.

«Верно, — думает Эзоп, — сколько про себя говорил, столько и вслух просит». И спрашивает:

— Папаша, а Ксанфа, философа, ты знаешь?

— Не знаю, сынок, — говорит мужик.

— Как, неужели не знаешь? — спрашивает Эзоп.

— Да я человек нелюбопытный, — говорит мужик. — Слышать слышал, это правда.

— Награди тебя бог за это! — говорит Эзоп. — А я его раб.

— А мне что за дело? — мужик ему в ответ. — Что ли я тебя спрашивал, раб ты или не раб?

«Ну, — думает Эзоп, — вот кто и впрямь нелюбопытный!» — И говорит:

— Покупаю твои дрова, папаша. Гони своего осла к философу Ксанфу.

— А откуда я знаю, где он живет? — говорит мужик.

— Ступай за мной, и узнаешь, — отвечает Эзоп.

(61) Привел он мужика к дому Ксанфа, забрал у него дрова, расплатился и говорит:

— Папаша, мой хозяин просит тебя откушать вместе с ним. А осла оставь во дворе, о нем тут позаботятся.

Мужик даже не полюбопытствовал, за что это ему такая честь, а так и пошел к столу, как был, с башмаками в глине. «Да, — думает Эзоп, — вот это не любознайка!»

Видит Ксанф, что на этого мужика у Эзопа немалые надежды, и говорит жене:

— Хочешь, голубушка, проучить Эзопа?

— Мечтаю! — говорит жена.

Ксанф ей говорит:

— Тогда сделай так, как я тебе скажу. Ты встанешь и подашь этому гостю лохань, словно сама хочешь вымыть ему ноги. Он по твоему виду, конечно, угадает хозяйку и откажется: что, мол, хозяюшка, раба у вас не найдется вымыть мне ноги? Вот он и сунется не в свое дело, а Эзопа за это выпорют.

Жена Ксанфа до того терпеть не могла Эзопа, что слова не сказала: повязала полотенце вокруг пояса, другое на плечи и подходит к гостю с лоханью. Тот видит, что это сама хозяйка, но думает: «Ксанф — человек ученый: кабы должен был раб мне вымыть ноги, он бы так и распорядился; а коли он решил, чтобы жена оказала мне честь вымыть ноги, то зачем мне быть невежей и соваться не в свое дело? дам ей ноги, пусть моет». И с вымытыми ногами он улегся за стол.

(62) «Хитер, — думает Ксанф, — клянусь Музами!» — И приказывает подать гостю первому сладкого вина.

Гость думает: «Вообще-то первым пьет хозяин; но Ксанф человек ученый, видно, он решил оказать мне честь — поднести первому; нечего мне соваться не в свое дело». Взял и выпил.

Ксанф приказал подавать обед. Подали рыбную похлебку. Ксанф угощает мужика:

— Ешь!

И мужик глотает себе похлебку, как Харибда.

А Ксанф отведал немного и хочет вызвать мужика на любопытство:

— Эй, — кричит он рабу, — позвать сюда повара!

Пришел повар. Ксанф к нему:

— Отвечай, мошенник, все приправы ты у меня получил, что же нет в похлебке ни рыбного соуса, ни масла, ни перца? Раздеть его и выпороть!

Мужик думает: «Отлично сготовлено, и всего положено в меру; но коли Ксанф обозлился на своего повара и хочет отлупить его, зачем мне соваться не в свое дело?»

Выпороли бедного повара. А Ксанф думает: «Не иначе, этот гость глухой или немой или вовсе бессловесный».

Вот приносят на закуску пирог. Мужик таких пирогов и на картинках не видывал: отламывает себе куски с кирпич величиной и жрет за обе щеки.

(63) А Ксанф отведал и опять кричит:

— Пирожника сюда!

Пирожник явился. Ксанф к нему:

— Мерзавец, — кричит, — отчего у тебя в пироге ни меда, ни перца, ни патоки, и все тесто прокисло?

— Хозяин, — говорит пирожник, — коли пирог сырой вышел — моя вина, а коли меда мало и тесто прокисло — не моя, а хозяйкина. Делал я пирог и попросил у нее меда, а она: «Приду из бани, тогда дам». В бане она замешкалась, а пирог без меда тем временем прокис.

— Ну, — кричит Ксанф, — коли это жена моя виновата, я ее сейчас живьем сожгу! — А жене потихоньку говорит: — Ну, голубушка, играй свою роль. — И приказывает Эзопу: — Тащи сюда хворосту и сложи костер прямо посреди комнаты.

Эзоп приволок хворосту, сложил костер. Ксанф хватает жену, тащит на середину комнаты, а сам все следит за мужиком, не возмутится ли он, не вскочит ли, не вмешается ли? (64) А мужик внимания не обращает, лежит себе за столом, доедает, допивает. Наконец, догадывается, что это Ксанф испытать его хочет, и говорит:

— Хозяин, коли ты решил ее сжечь, обожди немного, я сбегаю домой и приведу мою жену тоже: сожжем их вместе!

Изумился Ксанф такому равнодушию и такому нелюбопытству и говорит:

— Ну, Эзоп, твоя взяла. Хватит, полно тебе издеваться надо мной: брось свои фокусы и служи мне по-хорошему.

— Ладно, хозяин, — говорит Эзоп, — больше тебе на меня жаловаться не придется: увидишь, как я умею служить.

XIV

(65) На другой день говорит Ксанф Эзопу:

— Ступай, посмотри, много ли народу в бане.

Пошел Эзоп и по дороге встретил градоначальника. Градоначальник его узнал и спрашивает:

— Эзоп, куда путь держишь?

Эзоп отвечает:

— Не знаю!

— Как так не знаешь? — говорит градоначальник. — Я тебя спрашиваю, куда ты идешь, а ты говоришь: не знаю.

— Клянусь Музами, не знаю! — говорит Эзоп.

— Взять его, — приказывает градоначальник, — и отвести в тюрьму!

— Вот видишь, начальник, — говорит Эзоп, — я тебе правду сказал: знал ли я, думал ли, что иду в тюрьму?

Подивился градоначальник и отпустил его.

(66) Пришел Эзоп в баню и видит: народу моется множество, а перед входом в баню лежит камень, прямо на дороге, и каждый входящий об него спотыкается, ругается на того, кто этот камень сюда бросил, а взять да откинуть в сторону никому в ум не приходит. Стоит Эзоп, дивится их глупости; наконец, споткнулся один, выругался: «Чтоб тому пусто было, кто сюда этот камень бросил!» — взял, отшвырнул камень и вошел в баню.

Воротился Эзоп, говорит Ксанфу:

— Хозяин, в бане был один только человек.

— Как, один? — говорит Ксанф. — Вот удача: можно помыться на свободе! Собирай вещи.

Пришли они в баню, видит Ксанф: народу моется множество. Говорит он Эзопу:

— Что же ты мне сказал: «Один только человек»?

— А как же? — отвечает Эзоп. — Видишь вон тот камень? Он лежал на самой дороге, все об него спотыкались, и ни у кого ума не хватало отбросить его в сторону. Столько народу об него било ноги, а нашелся только один, который как споткнулся, так тут же взял его и отбросил, чтобы другие не спотыкались. Я и подумал, что из всего народа он один лишь был человеком; так я тебе и доложил.

— Ну, — говорит Ксанф, — у Эзопа на всякую вину готово оправданье.

XV

(67) Ксанф помылся, велел Эзопу сготовить обед и явился к столу. Выпил, потом еще выпил и почувствовал брюхом, что пора выйти за нуждой. А Эзоп вышел следом и стоит рядом с водою и полотенцем.

— Скажи, Эзоп, — говорит ему Ксанф, — почему это, когда человек испорожнится и встанет, то непременно оглянется и посмотрит, что из него вышло?

А Эзоп ему:

— Жил-был в древние времена царский сын, и так он объедался и опивался, что сидеть за нуждой ему приходилось очень долго: так долго, что однажды у него и мозги через брюхо вытекли, а он и не заметил. Вот с тех пор люди, сделав дело, и оборачиваются всякий раз посмотреть, чтобы и у них мозги не вытекли. Но ты, хозяин, об этом не беспокойся: у тебя мозги не вытекут, у тебя их нету.

(68) Вернулся Ксанф к столу, пошла выпивка своим чередом, и скоро напился он пьян. А между тем начали сотрапезники друг другу задавать задачи и загадывать загадки, как водится у людей ученых. Завязался спор. Ксанф тоже вмешался и пошел рассуждать, словно был не за столом, а в училище. Эзоп заметил, что он так и рвется в бой, и говорит:

— Когда Дионис подарил людям вино, он налил им три чаши и показал, как пить: первую для вкуса, вторую для веселья, третью для похмелья. Ты, хозяин, для вкуса и для веселья уже выпил, а для похмелья пускай молодые пьют. А коли ты их поучить хочешь, так на то училища есть.

А у Ксанфа уже язык заплетается:

— Заткнись, — говорит, — чтоб тебе на том свете быть советником!

— Что ж, — говорит Эзоп, — до того света и тебе недолго.

(69) Тут один из учеников видит, как Ксанф разошелся, и говорит:

— Скажи, учитель: человек все может сделать?

— Кто там еще говорит про человека? — шумит Ксанф. — Человек — на все руки мастер и все может сделать.

А ученик хочет его загнать в тупик и спрашивает:

— А может человек море выпить?

— Почем зря! — отвечает Ксанф. — Да хоть я возьму и выпью.

— А если не выпьешь, — спрашивает ученик, — что тогда?

Ксанф с похмелья уже себя не помнит и говорит:

— Бьюсь об заклад на все, что у меня есть! Не выпью — пусть я нищим буду!

Побились об заклад, а для верности сняли кольца с пальцев. А Эзоп стоял у Ксанфа в ногах; потянул он его за щиколотку и говорит:

— Ты с ума сошел, хозяин? Что ты делаешь? Да как же ты собираешься море выпить?

— Молчать, выродок! — отвечает Ксанф. И сам не понимает, о чем заклад держит.

(70) На следующее утро Ксанф встал и хотел умыться. Кличет:

— Эзоп!

— В чем дело, хозяин? — откликается Эзоп.

— Полей мне на руки, — говорит Ксанф.

Эзоп берет ковш и поливает. И вот, умывая лицо, Ксанф заметил, что кольца у него на пальце нет.

— Эзоп, — спрашивает, — где мое кольцо?

— Понятия не имею, — отвечает Эзоп.

— Вот тебе раз! — вздыхает Ксанф.

— А тебе, хозяин, — говорит Эзоп, — не мешало бы потихоньку собрать да припрятать, что можно, из твоего добра, потому что теперь уж оно не твое.

— Что ты говоришь? — не понимает Ксанф.

— А то, — говорит Эзоп, — что вчера за выпивкой ты побился об заклад на все, что у тебя есть, будто выпьешь море, и дал кольцо в залог своего имущества.

— Да как же это я выпью море? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Я стоял у тебя в ногах и говорил: «Не надо, хозяин! что ты делаешь! это же невозможно!» А ты меня не слушал.

Тут Ксанф как рухнет прямо в ноги Эзопу:

— Эзоп! — стонет, — умоляю, постарайся, ты же умница, придумай мне какой-нибудь способ выиграть или отделаться от этого спора.

— Выиграть, — говорит Эзоп, — никак нельзя, а вот отделаться — это я устрою.

— Как же? — спрашивает Ксанф. — Объясни мне.

(71) Эзоп объясняет:

— Вот придет к тебе судья с другим спорщиком и прикажет выпить море. Ты не отказывайся: что пьяным говорил, то и трезвым повтори. Пусть поставят стол, пусть рабы встанут вокруг: это произведет впечатление. Ведь весь народ сбежится к берегу посмотреть, как это ты выпьешь море. Когда уже будет полно народу, тогда ты наберешь чашу морской воды, поставишь перед судьей и спросишь: «Так какие у нас условия?» Он скажет: «Чтобы выпить море». Ты спросишь: «И все?» Он ответит: «Все». Тогда ты обратишься к свидетелям и скажешь: «Дорогие мои граждане, в море много впадает рек, и полноводных и многоводных, а я поклялся выпить только море, а не реки, что в него впадают. Пусть мой противник затворит все реки, и тогда я выпью море!» Невозможно затворить все реки в мире, невозможно и выпить море, — вот так, нет на нет, ты и разделаешься с этим спором.

(72) Изумился Ксанф такой хитрой выдумке и воспрянул духом.

Вот приходит к его воротам второй спорщик с самыми именитыми гражданами и вызывает Ксанфа: «Или выпей море, или отдавай мне все твое добро».

Эзоп ему говорит:

— Это ты отсчитывай свое добро, а море считай, что уже наполовину выпито.

— Ого, Эзоп, — смеется ученик, — теперь ты мой раб, а не Ксанфа!

— Не болтай чепухи, — говорит Эзоп, — отдавай лучше свое добро моему хозяину.

И приказывает он вынести ложе, поставить на берегу моря, принести стол, расставить чаши; весь народ сбежался поглазеть. Вот выходит Ксанф, устраивается за столом, Эзоп становится рядом, набирает в чаши морской воды и подает хозяину.

— Провались я на этом месте, — говорит ученик, — никак он и впрямь хочет выпить море?

(73) Вот Ксанф уже подносит чашу к губам, но вдруг останавливается и говорит:

— А судья где?

Судья выходит. Ксанф его спрашивает:

— Так какие у нас условия?

— Чтобы выпить море, — говорит ученик.

— И все? — спрашивает Ксанф.

— Все, — говорит судья.

Ксанф поворачивается к народу и говорит:

— Дорогие мои граждане, вам известно, что в море много впадает рек, и полноводных и многоводных. А я побился об заклад, что выпью только море, а не реки. Так пускай же мой противник затворит все реки, чтобы мне не пришлось пить их вместе с морем!

Вот так философ и выиграл спор. Народ во славу Ксанфа поднял громкий крик, а ученик повалился Ксанфу в ноги и говорит:

— Ах, учитель, ты великий человек! Ты победил, признаю это, признаю! А теперь, умоляю, возьмем свои слова обратно!

И они взяли свои слова обратно.

(74) А Эзоп Ксанфу говорит:

— Ты видишь, хозяин, я спас тебе все твое добро; теперь за это ты должен отпустить меня на волю.

— Молчать! — говорит ему Ксанф, — без тебя знаю, что мне делать.

Помрачнел Эзоп — не оттого, что его не отпустили, а оттого, что Ксанф оказался таким неблагодарным, — но смолчал. [«Погоди, — думает, — я с тобой еще рассчитаюсь!»

XVI

(75) Однажды Эзоп, оставшись один, задрал себе подол и взял в руку одну свою штуку. Тут вдруг входит жена Ксанфа и спрашивает:

— Эзоп, что это у тебя?

— Дело делаю, — говорит Эзоп, — полезное для здоровья и для желудка.

А она увидела, какая у него эта штука добротная да крепкая, и взыграла в ней кровь: даже про уродство его забыла думать.

— Слушай, Эзоп, — говорит, — сделай то, о чем я тебя попрошу, и увидишь, тебе будет послаще, чем хозяину.

— Ты же знаешь, — отвечает Эзоп, — как проведает про это хозяин, достанется тогда мне, и поделом.

А она смеется и говорит:

— Удовольствуй меня десять раз — получишь плащ.

— Побожись, — требует Эзоп.

А она до того вся распалилась, что взяла и побожилась, и Эзоп поверил; да и хотелось ему отомстить хозяину.

Вот удовольствовал он ее девять раз и говорит:

— Хозяйка, больше не могу!

А она, испытав его силу:

— Десять раз, — говорит, — а не то ничего не получишь!

Понатужился он в десятый раз и попал, да не туда. Но говорит:

— Давай теперь плащ, не то пожалуюсь хозяину!

А она ему:

— Я тебя позвала мое поле вспахать, а ты за межу заехал и на соседнее попал! Давай еще раз, и получай плащ!

(76) Тут пришел домой Ксанф, Эзоп ему и говорит:

— Рассуди меня, хозяин, с твоей хозяйкой!

— В чем дело? — спрашивает Ксанф.

— Слушай, хозяин, — говорит Эзоп. — Пошли мы с твоей хозяйкой в сад, и увидела она яблоню, всю в яблоках. Посмотрела она на ветку, захотелось ей яблочка, и говорит она мне: «Коли сможешь запустить камнем и стряхнуть мне десять яблок, я тебе плащ подарю». Запустил я камнем и стряхнул ей ровно десять, да одно из них в навоз упало. А теперь она не хочет мне плащ давать.

Хозяйка это слышит и говорит мужу:

— Конечно: я-то получила только девять, а то, которое в навозе, не в счет. Пусть он еще раз бросит камень и еще одно мне стряхнет, тогда дам ему плащ.

— Да яблоко-то еще не вызрело, — отвечает Эзоп.

Ксанф выслушал обоих, приказал дать Эзопу плащ и говорит:

— Ступай, Эзоп, сейчас на рынок, а то мне невмоготу; потом стряхнешь то яблоко и отдашь хозяйке.

— Непременно, муженек, — говорит хозяйка, — только ты сам не тряси, пускай Эзоп стряхнет, а я тогда и отдам ему плащ.]

XVII

(77) Ксанф говорит Эзопу:

— Знаешь ли ты, что я — птицегадатель? Ступай за ворота и посмотри, нет ли там какой недоброй птицы. Если же увидишь, что две вороны сидят рядом, тогда сразу зови меня: это сулит удачу тому, кто увидит.

Эзоп вышел, и ему повезло: он увидел перед воротами как раз двух ворон рядышком. Бежит к Ксанфу и зовет:

— Хозяин, скорей выходи: две вороны сидят!

— Идем! — говорит Ксанф.

Но пока они выходили, одна ворона улетела, и Ксанф, выйдя, увидел только одну.

— Мерзавец, — говорит он Эзопу, — я же тебе сказал: увидишь двух — зови; а ты увидел одну и позвал?

— Другая улетела, хозяин, — объясняет Эзоп.

— Все время ты мне голову морочишь! — кричит Ксанф. — Раздеть его! Плети сюда!

Выпороли Эзопа очень основательно. И еще не кончили его пороть, как приходит раб от приятелей Ксанфа и приглашает философа на обед. Эзоп говорит:

— Хозяин, незаконно меня дерешь!

— Как так незаконно? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Ты сказал: кто увидит двух ворон, тому это сулит удачу. Я увидел двух ворон, побежал сказать тебе, а одна тем временем улетела. Ты вышел, увидел только одну, и тебя позвали на обед; а я вышел, увидел двух, и меня выпороли. Что же, после этого не пустое ли дело твое птицегадание?

Подивился Ксанф и говорит:

— Отпустите, хватит его пороть! — А сам пошел на обед.

[(77a) Через несколько дней Ксанф позвал Эзопа и говорит:

— Приготовь нам завтрак на славу, сегодня мои ученики придут.

Эзоп приготовил в столовой все, что было надо, а хозяйка тут же отдыхала на ложе. Эзоп ей говрит:

— Хозяйка, присмотри, пожалуйста, за столом, как бы собака чего не утащила.

— Ступай и не беспокойся, — говорит хозяйка, — у меня будут глаза и спереди, и сзади.

Эзоп побежал по другим делам, замешкался, а когда опять пришел в столовую, то видит: хозяйка лежит к столу спиною и спит. Испугался он, как бы собака чего не утащила, и вдруг вспомнил, как хозяйка говорила: «У меня глаза и спереди, и сзади». Задрал он на ней платье, заголил зад и оставил спать дальше.

Вот приходит к завтраку Ксанф и его ученики и видят: хозяйка лежит, заголившись, и спит. Отворачиваются они от такого срама, а Ксанф Эзопу говорит:

— Что это значит, мерзавец?

— Хозяин, — говорит Эзоп, — я тут замешкался по хозяйству, а хозяйку попросил последить за столом, чтобы собака чего не утащила. Она мне говорит: «Ступай и не беспокойся, у меня будут глаза и спереди, и сзади». А теперь, видишь, она заснула; вот я ее и заголил, чтобы она видела стол теми глазами, которые сзади.

— Разбойник! — кричит Ксанф, — сколько раз ты меня уже позорил, а хуже этого — никогда: и меня осрамил и хозяйку! Только ради гостей я тебя сейчас не трогаю, но ужо погоди, будет время — отлуплю не на жизнь, а на смерть!

(77b) Немного спустя пригласил Ксанф к завтраку философов и риторов, а Эзопу говорит:

— Стань у ворот и смотри, чтоб никто из простых людей не прошел, а одни только ученые!

Подошел час завтрака, Эзоп запер ворота и уселся неподалеку. Вот подходит первый гость, стучит в ворота, а Эзоп его спрашивает:

— Чем собака поводит?

Тот решил, что это его обозвали собакой, обиделся и пошел прочь. Потом приходили другие, Эзоп им говорил то же самое, все считали это за оскорбление и шли прочь. Наконец пришел один, постучался в ворота, Эзоп его спрашивает:

— Чем собака поводит?

А тот отвечает:

— Хвостом и ушами!

Услышал Эзоп такой хороший ответ, отворил и впустил его, а сам идет к хозяину и докладывает:

— Хозяин, вот пришел к тебе один философ, а больше никого ученых не было.

Огорчился Ксанф и подумал, что они его обманули. Но на другое утро пришли они слушать Ксанфа обиженные и говорят:

— Учитель, ты, верно, решил насмеяться над нами, только самому-то стыдно было, вот ты и поставил у ворот своего негодного Эзопа ругаться на нас и собачиться?

— Что это вам во сне приснилось? — спрашивает Ксанф.

— Мы не спим, — отвечают ученики, — так что дело было наяву.

— Позвать сюда Эзопа! — приказывает Ксанф.

Эзоп явился; Ксанф к нему:

— Отвечай, выродок, ты почему моих друзей и питомцев ругал, оскорблял и гнал с позором вместо того, чтобы с честью впустить их в мой гостеприимный дом?

— Хозяин, — говорит Эзоп, — ты же сам мне велел: «Никого неученого не впускай, а только риторов да философов».

— Конечно, пугало ты этакое! — кричит Ксанф. — Что же, по-твоему, это люди неученые?

— Ни на грош, — отвечает Эзоп, — сплошные неучи! Они постучались у ворот, а я сидел во дворе. Я их спрашиваю: «Чем собака поводит?» — и никто из них не сумел ответить. Я увидел, что никакие они не ученые, и не впустил их, а впустил только одного, который мне ответил, как следует, — и показал на вчерашнего гостя.

Услышали ученики такой ответ и согласились, что Эзоп был прав.

XVIII

(78) Через несколько дней] пошел Ксанф с Эзопом гулять за город. Развлекаясь разговором, забрели они на кладбище, и Ксанф для интереса стал читать надгробные надписи. Вдруг Эзоп увидел на одной гробнице

беспорядочно вырезанные буквы: О П Д Н З. Показывает он их Ксанфу и спрашивает:

— Что это такое?

Задумался Ксанф, что это за надпись и что она означает, но ничего не мог сообразить и только зря измучился. Приуныл он от такого неприятного положения: философ, а в простых буквах разобраться не может!

— Эзоп, а ты как думаешь? — спрашивает.

Увидел Эзоп, как он мучится, и тут вдруг Музы в своей божественной милости осенили его разумением. Говорит он:

— Хозяин, а если я по этой надписи для тебя клад найду, что ты мне дашь?

— Половину клада и свободу! — говорит хозяин.

(79) Услышал это Эзоп, подобрал с земли хороший черепок, отошел в сторону правей большого дерева, стал копать землю и выкопал большой клад золота. Подносит золото хозяину и говорит:

— Ну, хозяин, исполняй теперь обещание.

— Клянусь богами, — говорит Ксанф, — и не подумаю, пока ты мне не скажешь, как это ты догадался, где зарыт клад. Мне интересней догадка, чем находка!

— Слушай, хозяин, — говорит Эзоп. — Тот, кто закопал здесь этот клад, верно, сам был философом и свое тайное место он скрыл вот за этими буквами. Смотри, от каждого слова он написал здесь первую букву: О — отойдя; П — правей; Д — дерева; Н — найдешь; З — золото.

— Клянусь Зевсом, — говорит Ксанф, — коли ты так умен и догадлив, я тебя на свободу не отпущу!

Видит Эзоп, что хозяин не собирается исполнять обещание, и говорит:

— Тогда, хозяин, я тебя сразу предупреждаю: золото нужно отдать его владельцу.

— Какому такому владельцу? — спрашивает Ксанф.

— Дионисию, правителю Византия, — говорит Эзоп.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает Ксанф.

— Из этих же самых букв, — говорит Эзоп, — в них все сказано.

— Как? — удивляется Ксанф.

— А вот так, — говорит Эзоп. — Слушай: О — отдай; П — правителю; Д — Дионисию; Н — найденное; З — золото.

(80) Ксанф видит, как это у Эзопа складно получается, и говорит:

— Бери, Эзоп, половину золота и помалкивай.

— Я и так должен ее получить, — говорит Эзоп, — и не из милости твоей, а по воле закопавшего.

— Как? — опять удивляется Ксанф.

— По этим самым буквам, — говорит Эзоп. — Слушай: О — откопав; П — поделите; Д — добром; Н — найденное; З — золото.

— Ты великий мудрец! — говорит Ксанф. — Идем скорее домой, поделим золото, и я тебя отпущу на волю.

Но когда пришли они домой, испугался Ксанф, что отпустит он Эзопа, а тот пойдет и расскажет правителю Дионисию о найденном кладе; и приказал он Эзопа связать и держать под замком.

— Бери себе все золото, — говорит Эзоп, — только дай мне свободу.

— Славно придумано! — отвечает Ксанф. — Ты получишь свободу, на свободе ты потребуешь золота, а с золотом ты наговоришь на меня правителю, — нет уж, не дождешься!

— Смотри, хозяин, — предупреждает Эзоп, — не отпустишь меня по доброй воле — заставят тебя отпустить меня силой.

— Молчать, ничтожество! — отвечает Ксанф.

XIX

(81) В то время в городе были выборы, и весь народ собрался в театр. Законохранитель принес книгу с государственными законами и большую печать, положил их перед собранием и говорит:

— Сограждане, вы должны избрать по вашей воле нового законохранителя, дабы он был блюстителем законов и хранил государственную печать для будущих дел.

И вот, между тем как народ обсуждал, кому оказать такое доверие, вдруг с высоты налетел орел, схватил государственную печать и взмыл ввысь. Самосцы были в великом смятении, полагая, что это важный знак немалых бедствий. Тотчас созвали жрецов и гадателей, чтобы истолковать знаменье, но никто не мог этого сделать. Тогда встал среди толпы один старик и сказал:

— Граждане самосцы, зачем нам слушать этих людей, которые набивают брюхо от жертвоприношений и проматывают свое добро, притворяясь благонравными? Разгадать такое знаменье, разумеется, нелегко, нужно превзойти все науки, чтобы с этим справиться. Но ведь у нас есть философ Ксанф, его знает вся Эллада, давайте его и попросим разгадать нам знаменье.

Он сел, а народ шумно обратился к Ксанфу и настойчиво просит его разрешить задачу. (82) Ксанф вышел к собранию, но не нашелся ничего сказать и только попросил отсрочки, чтобы разгадать знаменье. Собрание уже хотело расходиться, как вдруг опять с высоты налетел тот же орел и выронил из когтей большую печать прямо за пазуху одному государственному рабу. Народ попросил Ксанфа заодно истолковать и это второе знаменье; Ксанф пообещал и пошел домой мрачный и озабоченный.

(83) Вот приходит он домой и говорит:

— Видно, опять мне надо кланяться Эзопу, чтобы получить разгадку этого знаменья.

Входит и приказывает:

— Позвать сюда Эзопа!

Приводят Эзопа, связанного.

— Развяжите его, — приказывает Ксанф.

— А я не прошу, чтоб меня развязывали! — говорит Эзоп.

— Я тебя развязываю, чтобы и ты мне помог развязаться с одной задачей, — говорит Ксанф.

— Стало быть, ты меня развязываешь только из корысти, — отвечает Эзоп.

— Перестань, Эзоп, — просит Ксанф, — смени гнев на милость.

Развязали Эзопа, он спрашивает:

— Ну, чего тебе надо, хозяин?

Ксанф рассказал ему про знаменья, и Эзоп обещал помочь. (84) Но сперва он решил помучить хозяина. Вот на другое утро он ему и говорит:

— Хозяин, если бы нужно было разгадать слово, я бы тебе сразу разгадал; а для такого дела, как ты говоришь, я в гадатели не гожусь, тут я ничего не понимаю.

Услышал это Ксанф, пришел в отчаянье; и так ему было стыдно перед самосцами, что решил он наложить на себя руки. «Время на размышления у меня уже кончается, — думает он, — и не переживу я, что со всей моей философией я не смог сдержать своего обещания». И, подумав так, дождался он ночи, взял веревку и ушел из дома.

(85) Эзоп из своей каморки, где он спал, увидел, что хозяин в недобрый час вышел из дому, и догадался, в чем тут дело; забыл он свою обиду из-за клада, выскочил и побежал следом. Настиг он его уже за воротами, когда тот уже привязал веревку к суку и хотел сунуть голову в петлю.

— Стой, хозяин! — закричал Эзоп еще издали.

Обернулся Ксанф и при лунном свете видит: бежит к нему Эзоп.

— Ну, — говорит, — поймал меня Эзоп. Зачем ты, Эзоп, сбиваешь меня с пути истинного?

— Хозяин, — говорит Эзоп, — да где же вся твоя философия? Где же твоя хваленая ученость? Где твое ученое самообладание? Неужели, хозяин, ты такой малодушный и опрометчивый, что от хорошей жизни в петлю лезешь? Опомнись, хозяин!

— Пусти меня, Эзоп, — говорит Ксанф, — лучше мне умереть достойной смертью, чем постыдно влачить бесславную жизнь.

— Вылезай из петли, хозяин, — говорит Эзоп. — Я уж за тебя постараюсь разгадать знаменье.

— Как же это? — спрашивает Ксанф.

Эзоп говорит:

— Ты возьмешь меня с собою в театр; для народа ты придумаешь благовидную отговорку: гаданье — это, мол, недостойно философии; а потом

предложишь им меня, будто я твой ученик. Они меня вызовут, и я как раз им все и растолкую.

(86) Так он и уговорил Ксанфа.

А на следующий день Ксанф вышел к народу и начал так:

— Так как правила наши устанавливают известные пределы логической философии, [то не могу я быть ни толкователем, ни птицегадателем;] однако в доме у меня есть кому оказать вам достойным образом и эту услугу. И вот я, чтобы не умалить моего философского достоинства, предлагаю вам своего раба, который, пользуясь моими философскими наставлениями, истолкует вам знаменье. — И с этими словами он вывел вперед Эзопа.

(87) Но самосцы, едва увидели Эзопа, как начали хохотать и кричать: «Давайте нам другого толкователя знамений! Да этот сам дурное знаменье! Ах, он, дикобраз этакий, горшок толстопузый, обезьяний староста, мешок наизнанку, собака в корзинке, кухонный огрызок!» — Но Эзоп все это выслушал, глазом не моргнув, а потом дождался тишины и начал так:

(88) — Граждане самосцы, что вы глазеете на меня и хохочете? Не на вид надо смотреть, а на ум. Не всегда ведь тот дурак, у кого лицо неказистое. Много есть людей мерзкого вида, но здравого ума. Что у человека рост невелик, видно сразу, а каков у человека ум, никому сразу не видно, так и нечего его ругать. Ведь и врач о больном не по виду судит, а сначала пульс пощупает, потом уж болезнь распознает. Кому придет в голову судить о вине в бочке не на вкус, а на глаз? Муза познается в театре, Киприда в постели, а ум человеческий — в речах.

Самосцы услышали, что слова его лучше, чем лицо его, и говорят:

— Клянемся Музами, он не дурак и говорить мастер. — И кричат ему: — Не бойся, разгадывай!

Эзоп видит, что его уже не бранят, пользуется случаем и начинает говорить смелее:

(89) — Граждане самосцы, не пристало рабу толковать знаменья перед свободным народом. Поэтому прошу: позвольте мне говорить как свободному человеку и, если ответ мой будет хорош, наградите как свободного человека, а если ответ мой будет плох, накажите как свободного человека, а не как раба. Дайте мне свободу речи, чтобы мог я говорить, не боясь за себя!

(90) Самосцы говорят Ксанфу:

— Ксанф, мы просим тебя: отпусти Эзопа на волю!

И председатель говорит Ксанфу:

— Отпусти Эзопа на волю.

— Не хочу, — говорит Ксанф, — уж очень давно он мне служит.

Председатель видит, что Ксанф не согласен, и говорит:

— Получи его цену и передай его мне, а я освобожу его от имени государства.

Припомнил Ксанф, что купил когда-то Эзопа за семьдесят пять денариев, и, чтобы не думали, будто он его освобождает ради денег, вывел он Эзопа вперед и говорит:

— Я, Ксанф, по просьбе самосского народа, отпускаю Эзопа на волю.

(91) После этого Эзоп обратился к народу и говорит:

— Граждане самосцы, пришло время вам самим о себе заботиться и самим о своей свободе задумываться, ибо знаменье вам возвещает войну и рабство. Война придет первой. Знайте, что орел — это царь птиц, так как он сильнее их всех. И вот орел налетел, схватил с книги законов государственную печать, знак власти, и бросил ее за пазуху государственному рабу, а это значит, что надежная участь свободы сменится безнадежным игом рабства. Вот вам и разгадка знаменья: несомненно, что некий царь пожелает лишить вас свободы, отменить ваши законы и наложить на вас печать своей власти.

(92) Не успел Эзоп договорить, как является от царя Креза гонец в плаще с белой каймой и спрашивает, где найти правителей Самоса. А услышав, что они ведут народное собрание, входит в театр и подает им грамоту. Те распечатывают грамоту и читают. А было в ней написано вот что:

«Крез, царь лидийский, самосским правителям, совету и народу шлет привет. С этого дня повелеваю вам платить мне подати и налоги, буде же вы не пожелаете, то вся моя сила будет против вас».

(93) Правители посоветовали народу согласиться на требуемые подати, чтобы не навлекать на государство вражду такого сильного царя. А Эзопу после такого исхода знаменья народ оказал почести, как истинному пророку, и попросил его дать совет, что лучше, согласиться или отказаться? На это Эзоп сказал:

— Граждане самосцы, лучшие ваши сограждане посоветовали вам согласиться на подать, что же вы спрашиваете у меня, согласиться или нет? Ведь если я скажу: «Не соглашайтесь», — я буду врагом царю Крезу!

Но народ продолжал кричать:

— Все равно дай совет!

Тогда Эзоп сказал:

— Совета я вам не дам, а лучше расскажу басню. (94) Некогда Прометей по повелению Зевса показал людям две дороги, дорогу свободы и дорогу рабства. Дорогу свободы он представил поначалу неровной, узкой, крутой и безводной, усеянной шипами и полной опасностей, к концу же — ровной и гладкой, легко проходимой, с плодоносными рощами и обилием влаги, чтобы все страдания завершились там отдохновением. А дорогу рабства он представил поначалу ровной и гладкой, поросшей цветами, приятной на вид и полной наслаждений, к исходу же — узкой, крутой и каменистой.

XX

(95) Самосцы поняли из слов Эзопа, что́ для них лучше, и в один голос закричали гонцу, что они избирают труднейший путь. И гонец, воротившись, доложил царю обо всем, что говорил Эзоп.

Услышав это, Крез созвал свои войска и велел им вооружаться. Все царские друзья поощряли его к войне и говорили:

— Вперед, государь, вперед на этот остров! Заберем его и оттащим его в Атлантический океан, пусть это будет уроком для остальных народов, чтобы никому не приходило в голову идти против такого великого царя!

Один только царский родич обратился к царю и сказал так:

— Клянусь этой священной диадемой, которой ты себя увенчал, ты не сможешь подчинить себе самосцев, покуда жив и дает им советы названный Эзоп. Отправь грамоту, чтобы они выдали Эзопа, и предложи: «Просите за него, что хотите, и я дам вам все, что попросите».

(96) Крез это выслушал и повелел этому советнику самому отправиться на Самос, потому что не было у царя посланца преданнее и разумнее, чем он. Без промедления посланец отплыл на Самос, созвал народное собрание и предложил самосцам лучше выдать Эзопа, чем потерять дружбу царя. И народ сразу стал кричать:

— Бери его, отдаем царю Эзопа!

Но Эзоп вышел к народу и сказал:

— Граждане самосцы, я охотно готов умереть у ног царя; но сперва я вам хочу рассказать басню, а когда я умру, вы ее вырежьте на моем могильном камне. (97) Когда звери еще говорили по-человечьи, была у волков с овцами война. Волки одолевали, и плохо пришлось овцам, но тут на помощь им пришли собаки и отогнали волков. Опасаясь собак, волки отправили к овцам посла. Вот приходит этот волк и, став перед народом, говорит овцам, как настоящий оратор: «Если хотите вы, чтобы не было между нами войны, выдайте нам собак, и можете спать спокойно, не боясь никакой вражды». Овцы были глупые, послушались и выдали волкам собак, а волки их растерзали; а прошло немного времени, как достались волкам и овцы. Так и вам, судя по этой басне, не следовало бы выдавать врагу полезных людей.

(98) Самосцы догадались, что басня рассказана для их же пользы, и решили не выдавать Эзопа. Однако Эзоп сам не захотел остаться и вместе с посланцем отправился к царю Крезу.

Когда царь увидел Эзопа, он пришел в ярость и воскликнул так:

— Вот кто, оказывается, не дает мне покорить Самос и мешает собирать с него подати! И добро бы еще это был человек, а не этакое чудище, ошибка рода людского!

На это Эзоп сказал:

— Государь, меня не силой привели сюда, по доброй воле я пришел припасть к твоим ногам. Ты, как человек, неожиданно раненный, кричишь, внезапно почуяв боль. Но раны лечат врачи, а от гнева тебя исцелит мое слово. Если я погибну здесь у твоих ног, это омрачит твое царствование, потому что с этих пор от друзей ты уже не дождешься добрых советов: они увидят, как погибают те, кто желает тебе добра, и будут советовать только вредное для твоей царской власти.

(99) Подивился царь на Эзопа и с улыбкой сказал:

— Продолжай, и расскажи мне какую-нибудь притчу о человеческой судьбе.

Эзоп сказал:

— Когда животные еще говорили по-человечьи, один бедняк, которому нечего было есть, ловил кузнечиков, которых называют цикадами, сушил их и продавал по дешевке. Однажды поймал он такого кузнечика и хотел убить. Но тот, видя, что ему грозит, обратился к человеку так: «Не казни меня напрасно, ведь я не делаю вреда ни колосьям, ни веткам, ни сучьям, ни листьям, я только двигаю в лад крыльями и лапками, рождая сладкие звуки прохожим на утеху». Человека тронула такая речь, и он отпустил его в родные кущи. Вот так и я припадаю к ногам твоим. Смилуйся надо мной! Я человек не сильный и не буду помехой твоим воинам; я человек некрасивый и не буду клеветником, обольщающим судей пригожим видом. Телом я убог и только рождаю разумные речи, несущие пользу смертным.

(100) Царя тронула такая речь, и он сказал:

— Дарую тебе жизнь: проси, чего хочешь, и я сделаю.

Эзоп сказал:

— Помирись с самосцами.

— Мирюсь, — сказал царь.

И Эзоп, упав ему в ноги, благодарил его.

Тут Эзоп записал для царя свои притчи и басни, которые и сейчас ходят под его именем, и оставил их в царском книгохранилище. Потом он получил от царя грамоты к самосцам, где царь писал, что примиряется с ними ради Эзопа, и с богатыми дарами отплыл на Самос. Здесь он созвал народное собрание и огласил царские грамоты. И самосцы, узнав, что это благодаря Эзопу Крез с ними заключает мир, назначили ему великие почести, а то место, где было дело, назвали «Эзопеон». А Эзоп принес жертву Музам и посвятил им храм, где были их статуи, а посредине — статуя Мнемозины, а не Аполлона. И с этих пор Аполлон разгневался на него, как некогда на Марсия.

XXI

(101) Много лет Эзоп жил на Самосе, много снискал там почестей, а потом решил поездить по свету. Всюду он вел беседы в училищах, ему платили большие деньги; так он объехал всю землю и прибыл, наконец, в Вавилон, где царем в это время был Ликург. Там он рассуждал о философии, и вавилоняне провозгласили его великим человеком. Самому царю он пришелся по душе за его нрав и разум, и назначил царь его своим казнохранителем.

(102) В те времена у царей был обычай получать друг с друга дань в войне умов: они не ходили в походы и сраженья, а посылали друг другу в письмах философические задачи, и кто не мог решить, тот платил дань пославшему. Эзоп решал все присылаемые Ликургу задачи и тем снискал ему громкую славу; а когда он сам через Ликурга посылал задачи другим царям, те не могли ответить и платили дань. Так вавилонское царство сильно расширилось и покорило себе не только варварские народы, но и многие области вплоть до самой Греции.

(103) В Вавилоне Эзоп свел знакомство с одним знатным юношей и усыновил его, так как своих детей у него не было. Царю он его представил как наследника собственной мудрости и много заботы положил на его воспитание. Однако юноша слишком много возомнил о себе. Он понравился царской наложнице, слюбился с нею и был счастлив, хотя Эзоп, видя это, много раз сурово грозил ему, что коснуться царской женщины — значит идти на верную смерть. (104) Юноше стали обидны слова Эзопа, и вот, подстрекаемый друзьями, он решил оболгать Эзопа перед царем. Он написал подложное письмо от имени Эзопа к врагам царя с обещанием помочь им, запечатал это письмо печатью Эзопа и отдал Ликургу с такими словами:

— Вот каков твой преданный друг: смотри, как он ищет погибели твоему царству!

Царь увидел Эзопову печать, поверил, вспыхнул гневом и приказал Гермиппу, начальнику стражи, казнить Эзопа как изменника. Однако тот не казнил его, потому что был ему верный друг. Царю он доложил, что Эзоп погиб, а сам тайно от всех скрывал его в тюрьме. А казнохранителем вместо Эзопа стал Гелий.

(105) Прошло немного времени, и вот египетский царь Нектанебон, прослышав о гибели Эзопа, присылает к Ликургу послов с письмами, а в письмах задача; он знал, что после Эзопа уже никто в Вавилоне не сумеет ее решить. А задача была такая:

«Нектанебон, царь Египта, Ликургу, царю Вавилона, шлет привет. Задумал я построить высокую башню, чтобы не касалась она ни земли, ни неба. Пришли мне людей ее строить и человека, который бы ответил на мои вопросы, и я буду платить тебе дань [с моей столицы десять лет;

если же не пришлешь, то ты мне плати дань] со всей твоей страны десять лет».

(106) Прочитал Ликург это письмо, и горько ему стало от такого внезапного оборота. Вот созвал он своих советников, и Гермиппа среди них, и спрашивает:

— Можете вы решить задачу о башне, или придется отрубить вам всем головы?

— Нет, — говорят советники, — не знаем мы, как построить башню, чтобы не касалась она ни земли, ни неба.

А один, кто был более робок, тот говорит:

— Государь, все, что ты прикажешь, мы готовы выполнить, но такого мы не можем и не умеем: смилуйся же над нами.

Разгневался царь и приказал страже казнить их всех. А сам стал бить себя по лицу, рвать на себе волосы и оплакивать Эзопа.

— Ах, — говорил он, рыдая, — лучший оплот моего царства погубил я по собственному неразумию! — И не брал больше в рот ни еды, ни питья.

(107) Увидел начальник стражи, в какой беде оказался царь, и решил, что настала пора исправить его ошибку. Говорит он:

— Государь мой, я знаю: пришел нынче мой последний день.

— В чем дело? — спрашивает его Ликург.

— Я ослушался царского приказа, — говорит тот, — и теперь горе моей бедной голове!

— Что же такое у тебя на совести? — спрашивает царь.

— Эзоп жив, — отвечает начальник стражи.

Услыхав такую неожиданную весть, возликовал Ликург и говорит Гермиппу:

— О, если это правда, что Эзоп жив, то я хотел бы этот твой последний день превратить в вечность: ведь спасая Эзопа, ты спас меня самого! Но ты не останешься без награды, отныне ты будешь зваться Царским Спасителем. — И тотчас приказывает привести Эзопа.

Вот является Эзоп, бледный, косматый и грязный от долгого заточения; и сначала царь отвратил лицо свое и зарыдал, а потом повелел приодеть его, приубрать его и привести для царской ласки. (108) И когда Эзоп пришел в себя, то вошел он к царю, обласкал его царь, а Эзоп ему рассказал, как оболгал его приемный сын, и клятвою подтвердил истинность своих слов. Царь тотчас хотел казнить Гелия за такой умысел против отца, но Эзоп его отговорил: если Гелий умрет, сказал он, то смерть прикроет позор его жизни, если же он останется жить, то сам себе будет живым угрызеньем совести. Согласился царь его помиловать и сказал Эзопу:

— Вот прочти, что пишет нам царь Египта.

Прочитал Эзоп задачу, улыбнулся и говорит:

— Ответь ему так: «И строителей для башни, и ответчика для вопросов пришлю я к тебе, как только минет зима».

Царь так и написал и отправил письмо с посланцами в Египет.

Эзопа царь вновь сделал своим казнохранителем, а Гелия отдал ему самому на суд. Эзоп призвал к себе юношу и произнес ему наставление. Вот что он сказал:

XXII

(109) — Сын мой Гелий, выслушай мои слова, хоть ты и раньше на них воспитывался, а отплатил за них злой неблагодарностью. Услышь их вновь и сбереги, как доверенный клад.

Первым делом чти богов подобающим образом. Затем чти царя, ибо царская власть и божеская равны. Чти наставника своего наравне с родителями: родителей тебе дала природа, наставник же любит тебя по доброй воле, и за это ты должен быть ему вдвойне благодарен.

Твоя повседневная пища пусть будет хороша и достаточна, чтобы у тебя хватало и здоровья и сил для завтрашней работы.

Когда ты при царском дворе, то все, что ты слышишь, пусть в тебе и умрет, чтобы самому тебе не пришлось безвременно умереть.

С женою будь хорош, чтобы не захотелось ей испытать и другого мужчину: легкомыслен женский род, и лестью можно его удержать от ошибок.

За вином не выставляй напоказ свою ученость: разглагольствования твои будут неуместны и тебя осмеют. Язык держи на привязи.

Если кому-нибудь везет, не завидуй ему, а порадуйся с ним вместе, и его удача будет твоей; а кто завидует, тот себе же делает хуже.

Заботься о рабах, уделяй им от своего добра, пусть они не только покорствуют хозяину, но и почитают в тебе благодетеля.

Владей собой.

Не стыдись учиться и в зрелом возрасте: лучше научиться поздно, чем никогда.

Не открывайся жене и не делись с нею никакими тайнами: в супружеской жизни жена — твой противник, который всегда при оружии и все время измышляет, как бы тебя подчинить.

(110) Живи тем, что у тебя есть, а сегодняшний излишек сохраняй на завтра: лучше добро оставить врагам, чем самому побираться по друзьям.

С кем приходится иметь дело, с теми будь сговорчив и учтив: ведь и собака, виляя, видит ласку, а кусаясь — палку.

Старайся стать разумным, а не богатым: богатства можно лишиться, разумность всегда с тобой.

В счастье не будь злопамятен, а относись к недругам по-доброму, и они раскаются, увидев, какого человека обижали. Если можешь оказать милость, не медли: действуй и помни, что судьба переменчива.

Сплетника и болтуна, будь это даже твой брат, изведав, тотчас гони прочь: он болтает не из добрых чувств, а чтобы выдать другим твои слова и дела.

Если много денег — не радуйся, если мало — не горюй.

Так сказал Эзоп и расстался с юношей. Однако Гелий так раскаивался в своем поступке и так мучился, думая о его наставлениях, что покончил с собою, отказавшись от пищи. Эзоп его оплакал и похоронил с пышностью.

XXIII

(111) После этого Эзоп позвал несколько птицеловов и велел им поймать четырех орлов. Когда орлов поймали, он выщипал им длинные перья, маховые, и распорядился их кормить и учить, чтобы они носили на себе мальчиков. И когда перья снова отросли, орлы уже носили на себе мальчиков, взлетали с ними в воздух, а мальчики к ним привязывали веревки и веревками направляли, в какую сторону лететь. А когда наступило лето, Эзоп простился с царем и отчалил в Египет — вместе с орлами, с мальчиками, со множеством рабов и всякого снаряжения, чтобы удивить египтян.

(112) Когда он приехал в Мемфис, то царю Нектанебону доложили, что к нему прибыл Эзоп. Встревожился царь при этой вести, созвал своих советников и говорит:

— Господа, я послал Ликургу письмо с вызовом, но весть о смерти Эзопа обманула меня. — И распорядился, чтобы Эзоп сошел с корабля.

На следующий день Эзоп явился приветствовать царя. А Нектанебон приказал всем своим наместникам и военачальникам облачиться в белое и сам надел белое покрывало, а на голову — рога, воссел на трон и велел впустить Эзопа. (113) Изумился Эзоп при таком виде, а царь его спрашивает:

— На кого я похож, и каковы мои спутники?

— Ты подобен луне, — отвечает Эзоп, — а спутники твои — звездам: [как луна сияет среди иных светил, так ты в твоем двурогом уборе являешь вид луны, а спутники твои — окружающих ее звезд.

При таких словах подивился Нектанебон и богато одарил Эзопа.

(114) На другой день Нектанебон облачился в порфирное одеяние, взял в руки цветы, воссел на трон среди своих приближенных и велел впустить Эзопа. Вошел Эзоп, а царь его спрашивает:

— На кого я похож с моими спутниками?

— Ты похож на весеннее солнце, — говорит Эзоп, — а спутники твои — на плоды земные: как властелин, ты радуешь взор пурпурным блеском, а расцветающая земля несет тебе свои плоды.

Подивился царь его уму и одарил его.]

(115) На третий день Нектанебон облачился в белое одеяние, приближенных одел в багрец и воссел на трон. Вошел Эзоп, и опять царь спрашивает:

— На кого я похож?

— Ты подобен солнцу, — отвечает Эзоп, — а спутники твои — лучам его: как солнце сияет нам блистательно и ясно, так и ты являешь свой чистый блеск взирающим на тебя и светел, как солнце, а спутники твои огнецветны, как лучи его.

Подивился ему царь и сказал:

— Вот каково мое владычество; не ясно ли, что Ликург передо мною — ничто?

Но Эзоп улыбнулся и ответил:

— Не произноси его имя всуе: настолько выше тебя Ликург, насколько Зевс выше Вселенной. Это он заставляет солнце и луну сиять, а времена года сменять друг друга. Если же он гневается, то сотрясает свою храмину, низвергает страшный гром и ужасную молнию, а земля колеблется землетрясением. Так и Ликург блеском своего владычества темнит и помрачает твой блеск, ибо все принижается перед его величием.

(116) Увидел Нектанебон, как тонок его ум и как ловок язык, и спрашивает:

— Привез ли ты мне тех, кто построит башню?

— Они готовы, — отвечает Эзоп, — укажи им только место.

Изумился царь, вышел с Эзопом за город и показал ему размеры постройки. Эзоп по углам этого пространства расставил своих орлов и велел мальчикам сесть на них и взлететь на воздух. Взлетели они и с высоты закричали:

— Подавайте сюда глину, балки, кирпичи и всю строительную снасть!

— Как! — воскликнул Нектанебон. — Что это за крылатые люди?

— У царя Ликурга, — отвечает Эзоп, — и такие есть крылатые люди! Так ужели ты, человек, станешь тягаться с владыкой, что равен богам?

Говорит Нектанебон:

— Ты победил, Эзоп! Однако ответь мне еще на мой вопрос.

— Спрашивай, о чем пожелаешь, — говорит Эзоп.

(117) — Есть у меня, — говорит Нектанебон, — кобылицы, привезенные из Греции; так вот, стоит им заслышать ржанье жеребцов из Вавилона, как они родят, не доносив.

— Хорошо, — говорит Эзоп, — я тебе отвечу завтра.

Пошел Эзоп домой и приказал слугам поймать ему живую кошку. [Поймали ему самую большую кошку и стали у всех на глазах стегать ее бичом.] Увидали это египтяне, сбежались к дому Эзопа и подняли крик. Эзоп велел отпустить кошку. Но египтяне бросились к царю и стали

громко жаловаться на Эзопа. Позвал царь к себе Эзопа и, когда тот явился, говорит ему:

— Нехорошо ты делаешь! Кошка — это образ святой богини Бубастис, и египтяне ее почитают.

(118) А Эзоп отвечает:

— Нынче ночью эта кошка позарилась на добро царя Ликурга: был у него молодой петушок, храбро бился и время царю показывал, а эта кошка нынче ночью его задушила.

— И не стыдно тебе так лгать? — спрашивает Нектанебон. — Да как же может кошка за одну ночь добраться до Вавилона?

— А как же могут, — говорит Эзоп, — здешние кобылы слышать наших жеребцов, да еще и родить, не доносив?

Увидел царь, как умен Эзоп, и стал бояться, что не переспорит его, и тогда придется ему платить дань царю Ликургу.

(119) Послал он в город Гелиополь за прорицателями, которые и в явлениях природы были сведущи; посовещался с ними об Эзопе, а потом велел прийти к нему на пир вместе с Эзопом. В положенный час пришли гости на пир, возлегли за столом, и вот один из гелиопольских жрецов говорит Эзопу:

— Бог прислал нас задать тебе задачи, чтобы ты их разрешил.

— Клевещете вы и на себя, и на вашего бога, — говорит Эзоп, — ибо если он бог, то ему должна быть открыта всякая мысль всякого человека. Но спрашивайте меня, о чем угодно.

(120) Говорят жрецы:

— Есть на свете храм, а в храме столб, а на столбе двенадцать городов, и над каждым в кровле тридцать балок, а вокруг каждой балки бегут две женщины.

Отвечает Эзоп:

— Такую задачу у нас и ребенок решит. Храм — это мир, потому что в нем заключено все; столб — это год, потому что он стоит непоколебимо; двенадцать городов на нем — это месяцы, потому что они все время заняты своими гражданскими делами; тридцать балок над ними — это тридцать суток, покрывающих время; две женщины — это день и ночь, потому что они все время спешат друг за другом.

С тем и встали они из-за стола.

(121) На следующий день царь Нектанебон созвал своих советников на совет и говорит:

— Что же, как видно, из-за этого мерзкого урода придется мне дань платить царю Ликургу?

А один из советников говорит:

— Зададим ему вот какую задачу: «Что такое то, чего мы не видели и не слышали?» И что бы он на это ни выдумал, мы ответим, что видели это и слышали; ему некуда будет деваться, и мы выиграем.

Царю это понравилось, и он уже решил, что победа в его руках. Вот приходит к нему Эзоп, и Нектанебон ему говорит:

— Еще разреши мне одну задачу, и я буду платить дань Ликургу. Назови нам то, чего мы не видели и не слышали.

— Дай мне три дня на размышление, — говорит Эзоп, — и я отвечу.

Вышел Эзоп от царя и стал раздумывать: «Что бы я ни назвал, они ведь скажут, что это видели». (122) Но он был великий хитрец; и вот он садится и делает сам долговую расписку такого содержания: «Царь Нектанебон получил в долг от царя Ликурга тысячу талантов золота», а срок платежа помечает такой, который уже прошел.

Прошли три дня, идет Эзоп к царю Нектанебону, а тот уже сидит среди своих советников и предвкушает, как Эзопу некуда будет податься. Вынимает Эзоп расписку и говорит:

— Прочтите-ка этот договор!

Советники царя Нектанебона говорят, не краснея:

— А мы не раз его видели и о нем слышали!

— Что ж, — говорит Эзоп, — я рад, если вы будете свидетелями. Тогда платите эти деньги тут же на месте, потому что срок расписки давно прошел.

Слышит это царь Нектанебон и говорит:

— Как? Вы свидетельствуете долг, которого я никогда и не думал делать?

— Нет, нет, — говорят советники, — мы его не видели и о нем не слышали.

— А коли вы так думаете, — заявляет Эзоп, — то вот вам и решение задачи.

(123) Говорит Нектанебон:

— Счастлив царь Ликург, что в его царстве живет подобная мудрость!

Заплатил он Эзопу дань за три года, отпустил и дал ему письмо с просьбой о мире. А Эзоп вернулся в Вавилон, передал Ликургу деньги и рассказал царю все, что с ним было в Египте. И Ликург приказал поставить золотую статую Эзопа среди Муз, а в честь Эзоповой мудрости устроил великолепный праздник.

XXIV

(124) Но Эзопу хотелось побывать в Дельфах, и вот он распрощался с царем, пообещал вернуться потом к нему в Вавилон и жить здесь до конца жизни, а сам поехал по греческим городам, всюду показывая свою мудрость и ученость. Наконец, приехал он в Дельфы и начал там выступать. Народ поначалу слушал его с удовольствием, но платить за это не платил.

Между тем Эзоп заметил, что от местных овощей здесь лица у людей землистые, и сказал им:

Листьям древесным в дубраве подобны сыны человеков!

(125) А потом в насмешку над ними сказал так:

— Вы, дельфийцы, похожи на бревно, которое носит по морю: если смотреть издали, как оно плавает по волнам, можно подумать, что это что-то стоящее, а стоит подойти поближе, и увидишь, что это дрянь, за которую и гроша не дашь. Так и я издали дивился на ваш город и думал, что вы богаты и благородны, но теперь вижу, что ошибся и в вас, и в вашем городе: ничего в вас не видно хорошего, живете вы хуже всех людей на свете и ведете себя так, что и предков своих превзошли.

— О каких это ты предках говоришь? — спрашивают его дельфийцы.

(126) — Рабы ваши предки, — говорит Эзоп, — а коли вы того не знаете, узнайте. Издавна у греков повелось: захватив неприятельский город, десятую часть добычи отсылать в дар Аполлону — и от каждой сотни быков десяток, и от коз, и от всего остального, будь то деньги, будь то рабы или рабыни. От этих-то рабов вы и родились, и, стало быть, и сами вы люди не свободные, а все равно как невольники: по рождению своему вы — рабы всех эллинов, вместе взятых. — Так сказал Эзоп и стал собираться прочь.

(127) Правители города услышали, какого о них мнения Эзоп, и подумали: «Если мы позволим ему уйти, он пойдет по другим городам и будет предо всеми нас порочить!» И решили они коварно с ним расправиться; а помогал им сам Аполлон, которого Эзоп прогневал, не поставив на Самосе его статую среди Муз. Благовидного предлога у них не было, и, чтобы за Эзопа не заступились другие паломники, они измыслили хитрость. Выждав, пока раб у дверей Эзопа заснет, они сделали злое дело: спрятали в поклаже Эзопа золотую чашу из храма. А Эзоп об этом ничего не знал.

Вот пустился Эзоп своей дорогой в Фокиду. (128) А дельфийцы бросились за ним по пятам, связали его и привели обратно в город.

— За что вы меня связали? — взывает Эзоп.

— Ты украл из храма золото! — говорят они ему.

Эзоп, не зная за собой никакой вины, со слезами им говорит:

— Казните меня, если хоть что-нибудь у меня найдете!

Дельфийцы перерыли его поклажу, нашли чашу, показали всему городу и выставили Эзопа на позор с побоями и бранью. Понял Эзоп, что чаша была подброшена нарочно, стал говорить об этом дельфийцам, но те не слушали. Говорит им Эзоп:

— Вы люди, так и заботьтесь о людских делах, а боги о своих сами позаботятся.

Но они бросили его в тюрьму и собирались казнить. Увидел Эзоп, что спасенья нет, и говорит:

— Я смертный человек, и от судьбы мне не уйти.

(129) Был у Эзопа один друг; он уговорил стражу, пришел к Эзопу и со слезами на глазах воскликнул:

— Что же это с нами такое!

На это Эзоп рассказал ему басню:

— У одной женщины умер муж, она сидела на его могиле и горько плакала. Крестьянин, пахавший в поле, увидел ее и почувствовал желание. Вот оставил он своих быков на пашне, подошел к ней и притворился, что тоже горько плачет. Перестала женщина рыдать и спросила его: «О чем горюешь?» Пахарь говорит: «Была у меня жена, добрая и умная, а теперь вот умерла она, и когда я плачу, мне становится легче». «И я, — говорит женщина, — потеряла моего милого мужа и тоже плачу, чтобы стало полегче». Тогда он ей и говорит: «Если у нас у двоих одна и та же горькая доля, отчего бы нам не подружиться? Я тебя буду любить, как мою покойницу, а ты меня люби, как своего мужа». Такими речами и убедил он ее. Но пока они любились, пришел вор, отпряг у мужика быков и угнал. Встал пахарь, увидел, что быков его след простыл, и стал рыдать уже по-настоящему. Спрашивает опять его женщина: «О чем горюешь?» А он отвечает: «Эх, женщина, вот теперь мне и вправду есть о чем горевать!» Зачем же спрашивать, о чем я горюю, коли сам видишь, что за напасть со мною приключилась!

(130) Горестно спрашивает друг Эзопа:

— С какой же стати ты вздумал оскорблять здешний народ в его родном городе, да еще когда сам был всецело у них в руках? Где твоя мудрость? Где твоя ученость? Ты давал наставления и народам, и городам, а для себя самого не нашел?

На это Эзоп рассказал ему другую басню:

(131) — У одной женщины была глупая дочь, и мать все время молила богов наставить ее дочку на ум, а дочь все это слышала. Вот однажды поехали они в деревню. Мать осталась в хижине, а дочь вышла за ворота и увидела, как мужчина насиловал ослицу. Спросила она: «Что ты делаешь?» А он в ответ: «На ум ее наставляю». Вспомнила глупая, о чем мать молилась, и говорит: «Наставь и меня на ум». Тот гордо отказывается: «От женщин, говорит, никогда не увидишь благодарности». А она ему: «Не говори так, добрый человек; мать моя так уж отблагодарит тебя и заплатит, сколько попросишь: она ведь только и мечтает, чтобы меня наставили на ум». Тот и лишил ее невинности; а она, обрадовавшись, бежит к матери и кричит: «Ну, вот и наставили меня на ум!» — «Как же это случилось?» — спрашивает мать. Объясняет ей глупая: «Один мужчина наставил в меня одну штуку, большую, толстую и красную, и двигал ею туда-сюда». Услышала мать такое объяснение и говорит: «Эх, дочка, знать, ты и того ума лишилась, какой был у тебя!» Вот и я, друг мой, как пришел в Дельфы, так и лишился даже того

ума, какой был. — И с горькими слезами друг Эзопа пошел от него прочь.

(132) Дельфийцы пришли к Эзопу и сказали:

— Сегодня ты будешь сброшен со скалы: так порешили мы тебя казнить за святотатство и злоязычие, ибо погребения ты не достоин. Приготовься к смерти.

Эзоп слышит эти угрозы и говорит:

— Послушайте-ка басню.

Они разрешили ему говорить, и он начал:

(133) — Когда животные еще умели разговаривать, одна мышь подружилась с лягушкой и пригласила ее на угощенье. Привела она ее в большую кладовую, где были и хлеб, и мясо, и сыр, и оливки, и фиги, и говорит: «Ешь на здоровье!» Угостившись хорошенько, лягушка говорит: «Приходи и ты ко мне на угощенье, я тебя приму не хуже». Вот привела она мышку к пруду и говорит: «Плывем!» — «А я не умею плавать», — говорит ей мышь. «Ничего, я тебя научу», — говорит лягушка. Привязала она ниткой мышиную лапку к своей и прыгнула в пруд, а мышку потянула за собой. Захлебываясь, сказала мышь: «Я умираю, но и мертвая отомщу тебе!» Тут лягушка нырнула, и мышь утонула. Но когда тело ее всплыло и лежало на волнах, налетел ворон и схватил мышь, а с нею и привязанную лягушку: сперва сожрал мышь, а потом добрался и до лягушки. Так отомстила мышь лягушке. Вот и я, граждане, если вы меня убьете, стану вашей злой судьбой: и лидийцы, и вавилоняне, и едва ли не вся Эллада пожнет плоды моей смерти.

(134) Так сказал Эзоп, но дельфийцы его не послушались и потащили его на скалу. Эзоп вырвался и убежал в святилище Муз, но и тут над ним никто не сжалился. Тогда он сказал тем, кто вел его силою:

— Граждане дельфийцы, не надо презирать это святилище! (135) Так же вот однажды заяц, спасаясь от орла, прибежал к навозному жуку и попросил заступиться за него. Жук просил орла прислушаться к его заступничеству, именем Зевса убеждал орла не презирать его ничтожества. Но орел крылом отшвырнул жука, схватил зайца, растерзал и сожрал. (136) Возмутился жук, полетел следом за орлом, высмотрел его гнездо, где лежали орлиные яйца, и разбил их, а сам улетел. Вернулся орел, пришел в ярость, хотел найти и растерзать злодея; а на другой год он снес яйца на более высоком месте. А жук опять прилетел, опять их разбил и скрылся. Горько сетовал орел, говоря, что Зевс в гневе решил перевести орлиный род. (137) И на следующий год несчастный орел не в гнездо уже снес свои яйца, а взлетел на Олимп и положил их на колени Зевсу: «Два раза уже погибали мои яйца, в третий раз я вверяю их тебе: спаси их». Узнал об этом жук, ухватил навозный ком, взлетел к Зевсу и стал летать у самого его лица. Увидел Зевс нечистую тварь, вскочил с отвращением и забыл, что на коленях у него лежали яйца;

яйца и разбились. (138) Тут понял Зевс, что жук мстит за обиду, и когда вернулся к нему орел, сказал ему: «Поделом ты потерял свои яйца за то, что обидел жука». А жук добавил: «Не только меня он обидел, но и тебя жестоко оскорбил: ведь я заклинал его твоим именем, а он не побоялся и убил моего просителя. И теперь я не успокоюсь, пока не отомщу ему полной местью». (139) И тогда Зевс, чтобы не перевелся орлиный род, попросил жука сменить гнев на милость; но жук не согласился, и пришлось Зевсу устроить, чтобы орел нес яйца в другое время, когда жуки не летают. Вот и вы, граждане дельфийцы, не оскверняйте это святилище, где я искал спасения, хоть и невелик его храм: помните о навозном жуке и чтите Зевса — Гостеприимца Олимпийского.

(140) Дельфийцев это не остановило, они отвели его на скалу и поставили над обрывом. Увидел Эзоп, что пришел его час, и говорит:

— Уговариваю я вас на все лады, и все понапрасну: поэтому дайте мне сказать хотя бы только басню. Один крестьянин прожил всю свою жизнь в деревне и ни разу не был в городе. Вот он и попросил детей на старости лет отпустить его посмотреть город, покуда он жив. Запрягли ему домашние в телегу ослов и сказали: «Ты их только погоняй, а они уж сами тебя довезут до города». Но по дороге застигла его ночь и непогода, ослы заблудились и завезли его на самый край какого-то обрыва. Увидел он, в какую беду попал, и воскликнул: «Владыка Зевс, и за что мне такая злая гибель? Добро бы еще от лошадей, а то ведь от негодных ослов!» Вот и мне обидно, что я погибаю не от достойных людей, а от рабского отродья.

(141) И наконец, уже готовый броситься с обрыва, рассказал он еще одну басню:

[— Один человек влюбился в собственную дочь; и до того довела его страсть, что он отослал свою жену в деревню, а дочь схватил и овладел ею насильно. Сказала дочь: «Нечестиво твое дело, отец: лучше бы я ста мужчинам досталась, чем одному тебе». Так и я вам говорю,] граждане дельфийцы: лучше бы мне скитаться по Сирии, Финикии, Иудее, чем нежданно и негаданно погибнуть здесь от ваших рук.

Но дельфийцы стояли на своем. (142) И тогда Эзоп проклял их, призвал Феба, водителя Муз, в свидетели своей неповинной гибели, бросился вниз с края обрыва и так окончил свою жизнь.

А дельфийцев потом постигла чума, и оракул Зевса вещал им, что они должны искупить убийство Эзопа. Об этом услышали люди и по всей Элладе, и в Вавилоне, и на Самосе, и отомстили за Эзопову смерть.

Таково происхождение, воспитание, деяния и конец Эзопа.

БАСНИ
ОСНОВНОГО ЭЗОПОВСКОГО СБОРНИКА

1. ОРЕЛ И ЛИСИЦА.

Орел и лисица решили жить в дружбе и сговорились поселиться рядом, чтобы от соседства дружба была крепче. Орел свил себе гнездо на высоком дереве, а лисица родила лисят под кустами внизу. Но вот однажды вышла лиса на добычу, а орел проголодался, слетел в кусты, схватил ее детенышей и со своими орлятами их сожрал. Вернулась лисица, поняла, что случилось, и горько ей стало — не столько оттого, что дети погибли, сколько оттого, что отомстить она не могла: не поймать было зверю птицы. Только и оставалось ей издали проклинать обидчика: что еще может делать беспомощный и бессильный? Но скоро орлу пришлось поплатиться за попранную дружбу. Кто-то в поле приносил в жертву козу; орел слетел к жертвеннику и унес с него горящие внутренности. И только донес он их до гнездовья, как дунул сильный ветер, и тонкие старые прутья всполыхнули ярким пламенем. Упали опаленные орлята на земь — летать они еще не умели; и тогда лисица подбежала и съела их всех на глазах у орла.

Басня показывает, что если предавшие дружбу и уйдут от мести обиженных, то от кары богов им все равно не уйти.

2. ОРЕЛ, ГАЛКА И ПАСТУХ.

Орел слетел с высокой скалы и унес из стада ягненка; а галка, увидя это, позавидовала и захотела сделать то же самое. И вот с громким криком бросилась она на барана. Но, запутавшись когтями в руне, не могла она больше подняться и только била крыльями, пока пастух, догадавшись, в чем дело, не подбежал и не схватил ее. Он подрезал ей крылья, а вечером отнес ее своим детям. Дети стали спрашивать, что это за птица? А он ответил: «Я-то наверное знаю, что это галка, а вот ей самой кажется, будто она — орел».

Соперничество с людьми вышестоящими ни к чему не приводит и неудачами только вызывает смех.

3. ОРЕЛ И ЖУК.

Орел гнался за зайцем. Увидел заяц, что ниоткуда нет ему помощи, и взмолился к единственному, кто ему подвернулся, — к навозному жуку. Ободрил его жук и, увидев перед собой орла, стал просить хищника не трогать того, кто ищет у него помощи. Орел не обратил даже внимания на такого ничтожного заступника и сожрал зайца. Но жук этой обиды не забыл: неустанно он следил за орлиным гнездовьем и всякий раз, как орел сносил яйца, он поднимался в вышину, выкатывал их и разбивал. Наконец, орел, нигде не находя покоя, искал прибежища у самого Зевса и просил уделить ему спокойное местечко, чтобы высидеть яйца. Зевс позволил орлу положить яйца к нему за пазуху. Жук, увидав это, скатал навозный шарик, взлетел до самого Зевса и сбросил свой шарик ему за пазуху. Встал Зевс, чтобы отрясти с себя навоз, и уронил ненароком орлиные яйца. С тех самых пор, говорят, орлы не вьют гнезд в ту пору, когда выводятся навозные жуки.

Басня учит, что никого не должно презирать, ибо никто не бессилен настолько, чтобы не отомстить за оскорбление.

4. СОЛОВЕЙ И ЯСТРЕБ.

Соловей сидел на высоком дубе и, по своему обычаю, распевал. Увидел это ястреб, которому нечего было есть, налетел и схватил его. Соловей почувствовал, что пришел ему конец, и просил ястреба отпустить его: ведь он слишком мал, чтобы наполнить ястребу желудок, и если ястребу нечего есть, пусть уж он нападает на птиц покрупней. Но ястреб на это возразил: «Совсем бы я ума решился, если бы бросил добычу, которая в когтях, и погнался за добычей, которой и не видать».

Басня показывает, что нет глупее тех людей, которые в надежде на большее бросают то, что имеют.

5. ДОЛЖНИК.

В Афинах один человек задолжал, и заимодавец требовал с него долг. Сперва должник просил дать ему отсрочку, потому что у него не было денег. Не добившись толку, вывел он на рынок свою единственную свинью и стал продавать в присутствии заимодавца. Подошел покупатель и спросил, хорошо ли она поросится. Должник ответил: «Еще как поросится! даже не поверишь: к Мистериям она приносит свинок, а к Панафинеям

кабанчиков». Изумился покупатель на такие слова, а заимодавец и говорит ему: «Что ты удивляешься? погоди, она тебе к Дионисиям и козлят родит».

Басня показывает, что многие ради своей выгоды готовы любые небылицы подтвердить ложной клятвою.

6. ДИКИЕ КОЗЫ И ПАСТУХ.

Пастух выгнал своих коз на пастбище. Увидав, что они пасутся там вместе с дикими, он вечером всех загнал в свою пещеру. На другой день разыгралась непогода, он не мог вывести их, как обычно, на луг, и ухаживал за ними в пещере; и при этом своим козам он давал корму самую малость, не умерли бы только с голоду, зато чужим наваливал целые кучи, чтобы и их к себе приручить. Но когда непогода улеглась и он опять погнал их на пастбище, дикие козы бросились в горы и убежали. Пастух начал их корить за неблагодарность: ухаживал-де он за ними, как нельзя лучше, а они его покидают. Обернулись козы и сказали: «Потому-то мы тебя так и остерегаемся: мы только вчера к тебе пришли, а ты за нами ухаживал лучше, чем за старыми своими козами; стало быть, если к тебе придут еще другие, то новым ты отдашь предпочтенье перед нами».

Басня показывает, что не должно вступать в дружбу с теми, кто нас, новых друзей, предпочитает старым: когда мы сами станем старыми друзьями, он опять заведет новых и предпочтет их нам.

7. КОШКА И КУРЫ.

Кошка прослышала, что на птичьем дворе разболелись куры. Она оделась лекарем, взяла лекарские инструменты, явилась туда и, стоя у дверей, спросила кур, как они себя чувствуют? «Отлично! — сказали куры, — но только когда тебя нет поблизости».

Так и среди людей разумные распознают дурных, даже если те и прикинутся хорошими.

8. ЭЗОП НА КОРАБЕЛЬНОЙ ВЕРФИ.

Баснописец Эзоп однажды на досуге забрел на корабельную верфь. Корабельщики начали смеяться над ним и подзадоривать. Тогда в ответ им Эзоп сказал: «Вначале на свете были только хаос да вода. Потом Зевс захотел, чтобы миру явилась и другая стихия — земля; и он при-

казал земле выпить море в три глотка. И земля начала: с первым глотком показались горы; со вторым глотком открылись равнины; а когда она соберется хлебнуть и в третий раз, то ваше мастерство окажется никому не нужным».

Басня показывает, что когда дурные люди насмехаются над лучшими, этим они, сами того не замечая, только наживают себе от них худшие неприятности.

9. ЛИСИЦА И КОЗЕЛ.

Лисица упала в колодец и сидела там поневоле, потому что не могла выбраться. Козел, которому захотелось пить, подошел к тому колодцу, заметил в нем лисицу и спросил ее, хороша ли вода? Лиса, обрадовавшись счастливому случаю, начала расхваливать воду — уж так-то она хороша! — и звать козла вниз. Спрыгнул козел, ничего не чуя, кроме жажды; напился воды и стал с лисицей раздумывать, как им выбраться. Тогда лисица и сказала, что есть у нее хорошая мысль, как спастись им обоим: «Ты обопрись передними ногами о стену да наклони рога, а я взбегу по твоей спине и тебя вытащу». И это ее предложение принял козел с готовностью; а лисица вскочила ему на крестец, взбежала по спине, оперлась о рога и так очутилась возле самого устья колодца: вылезла и пошла прочь. Стал козел ее бранить за то, что нарушила она их уговор; а лиса обернулась и молвила: «Эх, ты! будь у тебя столько ума в голове, сколько волос в бороде, ты бы, прежде чем войти, подумал, как выйти».

Так и умный человек не должен браться за дело, не подумав сперва, к чему оно приведет.

10. ЛИСИЦА И ЛЕВ.

Лисица никогда в жизни не видела льва. И вот, встретясь с ним нечаянно и увидав его в первый раз, она так перепугалась, что еле осталась жива; во второй раз встретясь, опять испугалась, но уже не так сильно, как впервые; а в третий раз увидав его, она расхрабрилась до того, что подошла и с ним заговорила.

Басня показывает, что и к страшному можно привыкнуть.

11. РЫБАК.

Один рыбак был мастер играть на дудке. Однажды взял он дудку и невод, пошел к морю, встал на выступе скалы и начал играть на дудке, думая, что рыбы сами выйдут из воды на эти сладкие звуки. Но как он ни старался, ничего не получалось. Тогда он отложил дудку, взял сети, забросил в воду и вытащил много разных рыб. Вывалил он их из невода на берег и, глядя, как они бьются, сказал: «Негодные вы твари: играл я вам — вы не плясали, перестал играть — пляшете».

Басня относится к тем, кто все делает невпопад.

12. ЛИСИЦА И БАРС.

Лисица и барс спорили, кто красивей? Барс на все лады хвастался своей испещренной шкурой; но лиса ему на это сказала: «Насколько же я тебя красивее, раз у меня не тело испещренное, а душа изощренная!»

Басня показывает, что тонкость ума лучше, чем красота тела.

13. РЫБАКИ.

Рыбаки тянули сеть; сеть была тяжелой, и они радовались и приплясывали, предвкушая богатый улов. Но когда сеть вытащили, оказалось, что рыбы в ней совсем немного, а полна она камнями и песком. И стали рыбаки безмерно горевать: досадовали они не столько из-за самой неудачи, сколько из-за того, что надеялись совсем на другое. Но был среди них один старик, и сказал он: «Полно, друзья: думается мне, что радость и горе друг другу сестры, и сколько мы радовались, столько должны были и горевать».

Так и мы должны взирать на изменчивость жизни и не обольщаться успехами, словно они наши на век: даже после самой ясной погоды приходит ненастье.

14. ЛИСИЦА И ОБЕЗЬЯНА.

Лисица и обезьяна шли вместе по дороге, и начался у них спор, кто знатнее. Много наговорил каждый про себя, как вдруг увидели они какие-то гробницы, и обезьяна, глядя на них, принялась тяжко вздыхать.

«В чем дело?» — спросила лисица; а обезьяна, показав на надгробия, воскликнула: «Как же мне не плакать! ведь это памятники над могилами рабов и вольноотпущенников моих предков!» Но лиса на это ответила: «Ну, ври себе, сколько хочешь: ведь никто из них не воскреснет, чтобы тебя изобличить».

Так и у людей лжецы всего больше бахвалятся тогда, когда изобличить их некому.

15. ЛИСИЦА И ВИНОГРАД.

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они еще зеленые!»

Так и у людей иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

16. КОШКА И ПЕТУХ.

Кошка поймала петуха и хотела сожрать его под благовидным предлогом. Сперва она обвинила его в том, что он беспокоит людей, когда кричит по ночам и не дает им спать. Петух ответил, что он это делает им же на пользу: будит их для привычной дневной работы. Тогда кошка заявила: «Но ты еще и нечестивец; наперекор природе ты покрываешь и мать, и сестер». Петух ответил, что и это он делает на благо хозяев — старается, чтобы у них было побольше яиц. Тогда вскричала кошка в замешательстве: «Так что же ты думаешь, из-за того, что у тебя на все есть отговорки, я тебя не съем?»

Басня показывает, что когда дурной человек решит сделать зло, то он поступит по-своему, не под благовидным предлогом, так в открытую.

17. БЕСХВОСТАЯ ЛИСИЦА.

Лисица потеряла хвост в какой-то западне и рассудила, что с таким позором жить ей невозможно. Тогда она решила склонить к тому же самому и всех остальных лисиц, чтобы в общем несчастье скрыть собственное увечье. Собрала она всех лисиц и стала их убеждать отрубить себе хвосты: во-первых, потому что они некрасивые, а во-вторых, потому что

это только лишняя тяжесть. Но одна из лисиц на это ответила: «Эх, ты! не дала бы ты нам такого совета, не будь тебе самой это выгодно».

Басня относится к тем, кто подает советы ближним не от чистого сердца, а ради собственной выгоды.

18. РЫБАК И РЫБЕШКА.

Рыбак забросил невод и вытащил маленькую рыбешку. Рыбешка стала умолять, чтобы он пока отпустил ее, — ведь она так мала, — а поймал бы потом, когда она подрастет и от нее больше будет пользы. Но рыбак сказал: «Дураком бы я был, если бы выпустил добычу, которая уже в руках, и погнался бы за неверной надеждой».

Басня показывает, что лучше выгода малая, но в настоящем, чем большая, но в будущем.

19. ЛИСИЦА И ТЕРНОВНИК.

Лисица карабкалась через забор и, чтоб не оступиться, ухватилась за терновник. Колючки терновника искололи ей кожу, стало ей больно, и начала она его попрекать: ведь она к нему обратилась как будто за помощью, а от него ей стало еще хуже. Но терновник возразил: «Ошиблась ты, голубушка, вздумав за меня уцепиться: я ведь сам привык за всех цепляться».

Так и среди людей лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред.

20. ЛИСИЦА И КРОКОДИЛ.

Лисица и крокодил спорили, кто знатней. Много наговорил крокодил о славе своих предков и, наконец, заявил, что праотцы его были гимнасиархами. Лисица на это ответила: «И не говори! даже по шкуре твоей видно, как усердно ты трудился в гимнасии».

Так действительность всегда изобличает лжецов.

21. РЫБАКИ.

Рыбаки поехали ловить рыбу, но сколько ни мучились, ничего не поймали и сидели в своей лодке унылые. Как вдруг тунец, уплывая

с громким плеском от погони, нечаянным прыжком попал прямо к ним в челнок. А они его схватили, отвезли в город и продали.

Так часто случай нам дарует то, чего не могло принести искусство.

22. ЛИСИЦА И ДРОВОСЕК.

Лисица, убегая от охотников, увидела дровосека и взмолилась, чтобы он ее приютил. Дровосек велел ей войти и спрятаться в его хижине. Немного спустя показались охотники и спросили дровосека, не видал ли он, как пробегала здесь лисица? Тот отвечал им вслух: «Не видал», — а рукою меж тем подавал знаки, показывая, где она спряталась. Но знаков его охотники не приметили, а словам его поверили; вот дождалась лисица, чтобы они ускакали, вылезла и, не говоря ни слова, пошла прочь. Дровосек начал ее бранить: он-де ее спас, а от нее не слышит ни звука благодарности. Ответила лиса: «Уж поблагодарила бы я тебя, если б только слова твои и дела рук твоих не были так несхожи».

Эту басню можно применить к таким людям, которые речи говорят хорошие, а дела делают дурные.

23. ПЕТУХИ И КУРОПАТКА.

Были у человека петухи. Однажды попалась ему на рынке ручная куропатка, он ее купил и принес домой, чтобы держать вместе с петухами. Но петухи ее стали бить и гнать, и с горечью куропатка подумала, что невзлюбили они ее за то, что она не из их породы. Но немного спустя увидела она, как петухи друг с другом бьются до крови, и сказала про себя: «Нет, больше я не жалуюсь, что петухи меня бьют: теперь я вижу, что и себя они не щадят».

Басня показывает, что умным людям легче переносить обиды от соседей, если они видят, что те и ближних своих не щадят.

24. РАСТОЛСТЕВШАЯ ЛИСИЦА.

Голодная лиса увидела в дупле дерева хлеб и мясо, которые оставили там пастухи. Она влезла в дупло и все съела. Но утроба у нее раздулась, и вылезти она не могла, а только стонала и охала. Другая лисица пробегала мимо и услышала ее стоны; подошла она и спросила, в чем дело.

А узнав, что случилось, сказала: «Придется тебе здесь сидеть, пока снова не станешь такою, какой вошла; а тогда уж нетрудно будет выбраться».

Басня показывает, что трудные обстоятельства со временем сами собой делаются легче.

25. ЗИМОРОДОК.

Зимородок — это птичка, которая любит уединение и всегда живет в море; и чтобы укрыться от птицеловов, она, говорят, вьет себе гнездо в прибрежных скалах. И вот, когда пришла ей пора нести яйца, она залетела на какой-то мыс, высмотрела себе над морем утес и свила там гнездо. Но однажды, когда она вылетала на добычу, море от сильного ветра разбушевалось, доплеснуло до самого гнезда, залило его, и все птенцы потонули. Вернулась птичка, увидела, что случилось, и воскликнула: «Бедная я, бедная! Боялась я опасности на суше, искала прибежища у моря, а оно оказалось еще того коварнее».

Так и некоторые люди, опасаясь врагов, неожиданно страдают от друзей, которые много опаснее.

26. РЫБАК.

Рыбак ловил рыбу в реке. Он растянул свой невод, чтобы перегородить течение от берега до берега, а потом привязал к веревке камень и стал им бить по воде, пугая рыбу, чтобы та, спасаясь бегством, неожиданно попадалась в сети. Кто-то из местных жителей увидал его за таким занятием и стал его бранить за то, что он мутит реку и не дает им пить чистую воду. Ответил рыбак: «Но ведь если бы не мутил я реку, то пришлось бы мне с голоду помереть!»

Так и демагогам в государствах тогда живется лучше всего, когда им удается завести в отечестве смуту.

27. ЛИСИЦА И МАСКА.

Лиса забралась в мастерскую лепщика и обшарила все, что там было. И тут ей попалась трагическая маска. Подняла ее лисица и сказала: «Какая голова, а мозгу в ней нет!»

Басня относится к человеку, который телом величествен, а душой неразумен.

28. ОБМАНЩИК.

Один бедняк занемог и, чувствуя себя совсем дурно, дал обет богам принести им в жертву гекатомбу, ежели они его исцелят. Боги пожелали его испытать и тотчас послали ему облегчение. Встал он с постели, но так как настоящих быков у него не было, слепил он сотню быков из сала и сжег на жертвеннике со словами: «Примите, о боги, мой обет!» Решили боги воздать ему обманом за обман и послали ему сон, а во сне указали пойти на берег моря — там он найдет тысячу драхм. Человек обрадовался и бегом побежал на берег, но там сразу попался в руки разбойников, и они увезли его и продали в рабство: так и нашел он свою тысячу драхм.

Басня относится к человеку лживому.

29. УГОЛЬЩИК И СУКНОВАЛ.

Угольщик работал в одном доме; подошел к нему сукновал, и, увидев его, угольщик предложил ему поселиться тут же: друг к другу они привыкнут, а жить под одной крышей им будет дешевле. Но возразил на это сукновал: «Нет, никак это для меня невозможно: что я выбелю, ты сразу выпачкаешь сажею».

Басня показывает, что вещи несхожие несовместимы.

30. ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Один богатый афинянин вместе с другими плыл по морю. Поднялась страшная буря, и корабль перевернулся. Все остальные пустились вплавь, и только афинянин без конца взывал к Афине, обещая ей бесчисленные жертвы за свое спасение. Тогда один из товарищей по несчастью, проплывая мимо, сказал ему: «Афине молись, да и сам шевелись».

Так и нам следует не только молиться богам, но и самим о себе заботиться.

31. ЧЕЛОВЕК С ПРОСЕДЬЮ И ЕГО ЛЮБОВНИЦЫ.

У человека с проседью было две любовницы, одна молодая, другая старуха. Пожилой было совестно жить с человеком моложе ее, и потому всякий раз, как он к ней приходил, она выдергивала у него черные волосы.

А молодая хотела скрыть, что ее любовник — старик, и вырывала у него седину. Так ощипывали его то одна, то другая, и в конце концов он остался лысым.

Так повсюду неравенство бывает пагубно.

32. УБИЙЦА.

Некий человек совершил убийство, и родственники убитого его преследовали. Он прибежал к реке Нилу, но тут столкнулся с волком. В страхе он забрался на дерево, нависшее над рекой, и спрятался на нем, но увидел змею, которая там раскачивалась. Тогда он бросился в воду; но и тут подстерег его крокодил и сожрал.

Басня показывает, что для человека, запятнанного преступлением, ни земля, ни воздух, ни вода не будут убежищем.

33. ХВАСТЛИВЫЙ ПЯТИБОРЕЦ.

Одного пятиборца земляки все время попрекали, что он трус. Тогда он на время уехал, а воротившись, стал хвастаться, что в других городах совершил он множество подвигов и на Родосе сделал такой прыжок, какого не делывал ни один олимпийский победитель; подтвердить это вам могли бы все, кто там были, если бы они приехали сюда. Но на это один из присутствующих ему возразил: «Дорогой мой, если ты правду говоришь, зачем тебе подтверждения? Вот тебе Родос, тут ты и прыгай!»

Басня показывает: если что можно доказать делом, то на это незачем тратить слова.

34. ЧЕЛОВЕК, ОБЕЩАЮЩИЙ НЕВОЗМОЖНОЕ.

Один бедняк занемог и почувствовал себя совсем дурно; врачи от него отступились; и тогда он взмолился к богам, обещая принести им гекатомбу и пожертвовать богатые дары, если выздоровеет. Жена его, оказавшись поблизости, спросила: «Да на какие же деньги ты это сделаешь?» — «Неужели ты думаешь, — ответил он, — что я стану выздоравливать лишь затем, чтобы боги с меня это потребовали?»

Басня показывает, что люди легко обещают на словах то, чего и не думают выполнить на деле.

35. ЧЕЛОВЕК И САТИР.

Говорят, что когда-то человек с сатиром решили жить в дружбе. Но вот пришла зима, стало холодно, и стал человек дышать себе на руки, поднося их к губам. Спросил его сатир, зачем он это делает; ответил человек, что так он согревает руки в стужу. Потом сели они обедать, а еда была очень горячая; и стал человек брать ее понемножку, подносить к губам и дуть. Снова спросил сатир, что это он делает, и ответил человек, что так он охлаждает кушанье, потому что ему слишком горячо. Сказал тогда сатир: «Нет, приятель, не быть нам с тобой друзьями, если у тебя из одних и тех же губ идет и тепло, и холод».

Так и мы должны остерегаться дружбы тех, кто ведет себя двулично.

36. КОВАРНЫЙ.

Некий коварный человек побился с кем-то об заклад, что покажет, как лживы предсказания дельфийского оракула. Он взял в руки воробья, прикрыл его плащом, вошел в храм и, став против оракула, спросил, что он держит в руке — живое или неживое? Если ответ будет: «Неживое» — он хотел показать живого воробья; если: «Живое» — задушить его и показать мертвого. Но бог понял его злой умысел и сказал: «Полно, голубчик! ведь от тебя самого зависит, живое оно или неживое».

Басня показывает, что божество обмануть невозможно.

37. СЛЕПЕЦ.

Один человек незрячий умел про каждое животное, которое ему давали в руки, наощупь угадать, что это такое. И вот однажды ему подложили волчонка; он его ощупал и сказал, раздумывая: «Не знаю, чей это детеныш — волка, лисицы или еще какого подобного животного, — и одно только знаю: в овечье стадо его лучше не пускать».

Так свойства дурных людей часто бывают видны и по их наружности.

38. ПАХАРЬ И ВОЛК.

Пахарь распряг волов и погнал их на водопой. А голодный волк в поисках поживы набрел на брошенный плуг, стал лизать бычье ярмо, потом понемногу, сам того не замечая, просунул в него голову и, не в си-

лах высвободиться, поволок плуг по пашне. Вернулся пахарь, увидел его и воскликнул: «Зловредная ты тварь! вот кабы ты на самом деле забросил разбой и грабеж и взялся бы вместо того за землепашество! ..».

Так и нраву дурных людей нельзя доверять, даже если они обещают стать хорошими.

39. ЛАСТОЧКА И ПТИЦЫ.

Как только зацвела омела, ласточка догадалась, какая в ней таится опасность для пернатых; и, собрав всех птиц, она стала их уговаривать. «Лучше всего, — говорила она, — вовсе вырубить дубы, на которых растет омела, если же это невозможно, то нужно лететь к людям и умолять их не пользоваться силой омелы для охоты на птиц». Но птицы не поверили и осмеяли ее, и она просительницей полетела к людям. За ее сообразительность люди ее приняли и оставили жить у себя. Вот почему остальных птиц люди ловят и едят и только ласточку, просившую у них убежища, не трогают, позволяя ей спокойно гнездиться у них в домах.

Басня показывает: кто умеет предугадывать события, тот легко убегается от опасностей.

40. ЗВЕЗДОЧЕТ.

Один звездочет имел обыкновение каждый вечер выходить из дому и смотреть на звезды. И вот, прогуливаясь однажды по окраине и всеми мыслями устремившись в небеса, он нечаянно провалился в колодец. Тут он поднял крик и плач; и какой-то человек, заслыша эти вопли, подошел, догадался, что случилось, и сказал ему: «Эх, ты! хочешь рассмотреть, что делается в небе, а что на земле, того не видишь?»

Эту басню можно применить к таким людям, которые хвастаются чудесами, а сами не в силах сделать и того, что может всякий.

41. ЛИСИЦА И СОБАКИ.

Лисица пристала к стаду овец, ухватила одного из ягнят-сосунков и сделала вид, что ласкает его. «Что ты делаешь?» — спросила ее собака. «Нянчу его и играю с ним», — отвечала лисица. Тогда собака сказала: «А коли так, отпусти-ка ягненка, не то я приласкаю тебя по-собачьему!»

Басня относится к человеку легкомысленному, глупому и вороватому.

42. КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ДЕТИ.

Крестьянин собрался помирать и хотел оставить своих сыновей хорошими земледельцами. Созвал он их и сказал: «Детки, под одной виноградной лозой у меня закопан клад». Только он умер, как сыновья схватили заступы и лопаты и перекопали весь свой участок. Клада они не нашли, зато перекопанный виноградник принес им урожай во много раз больший.

Басня показывает, что труд — это клад для людей.

43. ЛЯГУШКИ.

Две лягушки, когда пересохло их болото, пустились искать, где бы поселиться. Пришли они к колодцу, и одна из них предложила, недолго думая, туда и прыгнуть. Но другая сказала: «А если и здесь вода пересохнет, как нам оттуда выбраться?»

Басня учит нас не браться за дело, не подумав.

44. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ.

Лягушки страдали оттого, что не было у них крепкой власти, и отправили они к Зевсу послов с просьбой дать им царя. Увидел Зевс, какие они неразумные, и бросил им в болото деревянный чурбан. Сперва лягушки испугались шума и попрятались в самую глубь болота; но чурбан был неподвижен, и вот понемногу они осмелели настолько, что и вскакивали на него, и сидели на нем. Рассудив тогда, что ниже их достоинства иметь такого царя, они опять обратились к Зевсу и попросили переменить им правителя, потому что этот слишком уж ленив. Рассердился на них Зевс и послал им водяную змею, которая стала их хватать и пожирать.

Басня показывает, что правителей лучше иметь ленивых, чем беспокойных.

45. ВОЛЫ И ОСЬ.

Волы тянули телегу, а ось скрипела; обернулись они и сказали ей: «Эх ты! мы везем всю тяжесть, а ты стонешь?»

Так и некоторые люди: другие трудятся, а они притворяются измученными.

46. БОРЕЙ И СОЛНЦЕ.

Борей и Солнце спорили, кто сильней; и решили они, что тот из них победит в споре, кто заставит раздеться человека в дороге. Начал Борей и сильно подул, а человек запахнул на себе одежду. Стал Борей еще сильнее дуть, а человек, замерзая, все плотнее кутался в одежду. Наконец, устал Борей и уступил человека Солнцу. И Солнце сперва стало слегка пригревать, а человек понемногу принялся снимать с себя все лишнее. Тогда Солнце припекло посильнее: и кончилось тем, что человек не в силах был вынести жары, разделся и побежал купаться в ближайшую речку.

Басня показывает, что часто убеждение бывает действеннее, чем сила.

47. МАЛЬЧИК, ОБЪЕВШИЙСЯ ПОТРОХОВ.

Зарезали люди в жертву богам быка в поле и созвали соседей на угощение. Среди гостей пришла и одна бедная женщина, а с нею ее сын. Во время долгого пира наелся мальчик до отвала потрохов, напился вина, заболел у него живот, и закричал он от боли: «Ой, мама, из меня потроха лезут!» А мать и говорит: «Не твои это потроха, сынок, а те, которые ты съел!»

Эту басню можно применить к должнику, который берет чужое с охотою, а когда приходит пора платить, страдает так, словно отдает свое собственное.

48. ЧИЖ.

Чиж в клетке висел на окне и пел среди ночи. На голос его прилетела летучая мышь и спросила, почему это он днем молчит, а ночью поет? Ответил чиж, что есть у него на то причина: пел он когда-то днем и попался в клетку, а после этого стал умнее. Сказала тогда летучая мышь: «Раньше бы ты был таким осторожным, пока тебя еще не поймали, а не теперь, когда это уже бесполезно!»

Басня показывает, что после несчастья раскаянье никому не нужно.

49. ПАСТУХ.

У пастуха, который пас стадо волов, пропал теленок. Он искал его повсюду, не нашел и тогда дал обет Зевсу принести в жертву козленка, если вор отыщется. Но вот зашел он в одну рощу и увидел, что его

теленка пожирает лев. В ужасе возвел он руки к небу и воскликнул: «Владыка Зевс! обещал я тебе в жертву козленка, если смогу отыскать вора; а теперь обещаю вола, если смогу от вора спастись».

Эту басню можно применить к неудачникам, которые ищут то, чего у них нет, а потом не знают, как избавиться от того, что нашли.

50. ЛАСКА И АФРОДИТА.

Ласка влюбилась в прекрасного юношу и взмолилась к Афродите, чтобы та превратила ее в женщину. Богиня сжалилась над ее страданиями и преобразила ее в прекрасную девушку. И юноша с одного взгляда так в нее влюбился, что тут же привел ее к себе в дом. И вот, когда они были в опочивальне, Афродите захотелось узнать, переменила ли ласка вместе с телом и нрав, и пустила она на середину их комнаты мышь. Тут ласка, позабыв, где она и кто она, прямо с постели бросилась на мышь, чтобы ее сожрать. Рассердилась на нее богиня и вновь вернула ей прежний облик.

Так и люди, дурные от природы, как ни меняют обличье, нрава изменить не могут.

51. КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ.

Змея подползла к сыну крестьянина и ужалила его насмерть. Крестьянин, не помня себя от горя, схватил топор и засел возле ее норы, чтобы убить ее сразу, едва она покажется. Выглянула змея, и ударил он топором, но по змее не попал, а расколол возле норы камень. Однако потом стало ему страшно, и стал он просить змею помириться с ним. «Нет, — ответила змея, — ни я не могу тебе добра желать, глядя на трещину в камне, ни ты мне — глядя на могилу сына».

Басня показывает, что после сильной вражды не легко бывает примирение.

52. КРЕСТЬЯНИН И СОБАКИ.

Крестьянина на пастбище застигла непогода, и он не мог выйти из хижины, чтобы достать пропитание. Тогда он съел сначала своих овец. Буря не унималась; тогда он поел и коз. Но непогоде конца не было

видно, и тогда, в третью очередь, взялся он за пахотных волов. Тут собаки, глядя, что он делает, сказали друг другу: «Пора нам отсюда бежать: коли хозяин не пожалел и волов, что с ним работают, то нас и подавно не пощадит».

Басня показывает, что остерегаться более всего надо тех, кто даже своих близких не колеблется обидеть.

53. КРЕСТЬЯНИН И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Сыновья у крестьянина вечно ссорились. Много раз уговаривал он их жить по-хорошему, но никакие слова на них не действовали; и тогда он решил убедить их на примере. Он велел им принести пучок прутьев; и когда они это сделали, дал он им эти прутья все разом и предложил переломить. Как они ни силились, ничего не получилось. Тогда отец развязал пучок и стал им давать прутья по одному; и они без труда их ломали. Тогда сказал крестьянин: «Так и вы, дети мои: если будете жить дружно меж собою, то никакие недруги вас не одолеют; если же начнете ссориться, то осилить вас будет всякому легко».

Басня показывает, что насколько непобедимо согласие, настолько бессилен раздор.

54. УЛИТКИ.

Крестьянский мальчик жарил улиток. И, услыхав, как они шипят, воскликнул: «Негодные твари! у вас дом горит, а вы еще песни петь вздумали?»

Басня показывает, как непристойно все, что делается не ко времени.

55. ХОЗЯЙКА И СЛУЖАНКИ.

У одной рачительной вдовы были служанки, и она каждую ночь, едва запоет петух, будила их на работу. Измученные работой без передышки, решили служанки задушить домашнего петуха; в нем вся беда, думали они, потому что это он будит по ночам хозяйку. Но когда они это сделали, пришлось им еще хуже: хозяйка теперь не знала ночного времени и будила их не с петухами, а еще того раньше.

Так для многих людей собственные хитрости становятся причиной несчастий.

56. ВОРОЖЕЯ.

Одна ворожея бралась заговорами и заклинаниями отвращать гнев богов и этим отлично жила и немало наживалась. Но нашлись люди, которые обвинили ее в посягательстве на богопочитание, привлекли к суду, осудили и приговорили к смертной казни. И, видя, как вели ее на суд, кто-то ей сказал: «Как же ты бралась отвращать гнев божества, а не смогла унять даже гнев людей?»

Басня обличает обманщиков, которые сулят великое, а попадаются на малом.

57. СТАРУХА И ЛЕКАРЬ.

У старухи болели глаза, и она приглашала лекаря, обещав ему заплатить. А он всякий раз, как приходил и намазывал ей глаза, уносил что-нибудь из ее вещей, пока она сидела зажмурившись. Когда он унес все, что можно, то закончил лечение и потребовал обещанную плату; а когда старуха отказалась платить, он ее потащил к архонтам. И тут старуха заявила, что она обещала заплатить, лишь если ей вылечат глаза, а она после лечения стала видеть не лучше, а хуже. «Раньше я видела у себя в доме все свои вещи, — сказала она, — а теперь ничего не вижу».

Так дурные люди из корысти нечаянно сами себя разоблачают.

58. ЖЕНЩИНА И КУРИЦА.

У одной вдовы была курица, которая каждый день несла по яйцу. Вдова подумала, что если курицу кормить побольше, то она будет нести и по два яйца в день. Так она и сделала; но курица от этого разжирела и вовсе перестала нестись.

Басня показывает, что многие люди, стремясь из жадности к большему, теряют и то, что у них есть.

59. ЛАСКА.

Ласка вошла в кузницу и стала облизывать пилу, которая там лежала. Она порезала об нее язык, потекла кровь; а ласка думала, что это

она что-то высасывает из железа и радовалась, пока не осталась совсем без языка.

Басня рассказывает о тех, кто сам себе вредит страстью к препирательству.

60. СТАРИК И СМЕРТЬ.

Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась Смерть и спросила, зачем он ее звал. «Чтобы ты подняла мне эту ношу», — ответил старик.

Басня показывает, что всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен.

61. КРЕСТЬЯНИН И СУДЬБА.

Крестьянин, вскапывая поле, нашел клад; за это он стал каждый день украшать Землю венком, полагая ее своей благодетельницей. Но явилась к нему Судьба и сказала: «Друг мой, зачем ты благодаришь Землю за мой подарок? ведь это я его тебе послала, чтобы ты разбогател! А ведь если случай переменит твои дела, и окажешься ты в нужде и бедности, то опять бранить ты будешь меня, Судьбу».

Басня показывает, что надо знать своего благодетеля и ему воздавать благодарность.

62. ДЕЛЬФИНЫ И ПЕСКАРЬ.

Дельфины и акулы вели между собой войну, и вражда их была чем дальше, тем сильнее; как вдруг вынырнул к ним пескарь (это такая маленькая рыбешка) и стал пытаться их помирить. Но в ответ на это один дельфин сказал: «Нет, лучше мы, воюя, погибнем друг от друга, чем примем такого примирителя, как ты».

Так иные люди, ничего не стоящие, набивают себе цену в смутные времена.

63. ОРАТОР ДЕМАД.

Оратор Демад говорил однажды перед народом в Афинах, но слушали его невнимательно. Тогда он попросил позволения рассказать народу Эзопову басню. Все согласились, и он начал: «Деметра, ласточка и угорь шли по дороге. Очутились они на берегу реки; ласточка через нее перелетела, а угорь в нее нырнул...» И на этом он замолк. «А что же Деметра?» — стали все его спрашивать. «А Деметра стоит и гневается на вас, — отвечал Демад, — за то, что Эзоповы басни вы слушаете, а государственными делами заниматься не хотите».

Так среди людей неразумны те, кто пренебрегает делами необходимыми, а предпочитает дела приятные.

64. УКУШЕННЫЙ СОБАКОЙ.

Одного человека укусила собака, и он бросился искать помощи. Кто-то ему сказал, что надо вытереть кровь хлебом и бросить хлеб собаке, которая укусила. «Нет, — возразил он, — ежели я так сделаю, то меня кинутся кусать все собаки в городе».

Так и злонравие в людях, если ему угождать, становится только хуже.

65. ПУТНИКИ И МЕДВЕДЬ.

Два приятеля шли по дороге, как вдруг навстречу им медведица. Один тотчас забрался на дерево и там спрятался. А другому бежать уж было поздно, и он бросился наземь и притворился мертвым; и когда медведица придвинулась к нему мордой и стала его обнюхивать, то задержал дыхание, потому что, говорят, мертвецов зверь не трогает.

Ушла медведица прочь, спустился приятель с дерева и спрашивает, что это ему медведица шептала на ухо? А тот в ответ: «Шептала: впредь не бери в дорогу таких приятелей, которые тебя бросают в беде!»

Басня показывает, что настоящие друзья познаются в опасностях.

66. ЮНОШИ И МЯСНИК.

Двое юношей покупали в лавке мясо. Пока мясник хлопотал, один из них ухватил кусок мяса и сунул другому за пазуху. Обернулся мясник, заметил пропажу и начал их уличать; но тот, который взял, божился,

что у него мяса нет, а тот, который спрятал, божился, что он мяса не брал. Догадался мясник об их хитрости и молвил: «Что ж, от меня вы ложными клятвами спасаетесь, да от богов не спасетесь».

Басня показывает, что ложная клятва всегда нечестива, как ее не прикрывай.

67. ПУТНИКИ.

Шли два путника по дороге. Один из них нашел топор, а другой воскликнул: «Вот нам и находка!» Первый ответил: «Неверно говоришь: не нам находка, а мне находка». Немного спустя столкнулись они с хозяевами, потерявшими топор, и те погнались за ними. Тот, у кого был топор, крикнул другому: «Вот нам и погибель!» Другой ответил: «Неверно говоришь: не нам погибель, а тебе погибель, — ведь когда ты нашел топор, то не взял меня в долю!»

Басня показывает; кто в счастье не делится с друзьями, тот в несчастье будет ими покинут.

68. ВРАГИ.

Двое врагов плыли на одном корабле. Чтобы держаться друг от друга подальше, один устроился на корме, другой — на носу; так они и сидели. Поднялась страшная буря, и корабль опрокинуло. Тот, что сидел на корме, спросил у кормчего, какой конец корабля грозит потонуть раньше? «Нос», — ответил кормчий. Тогда тот сказал: «Ну, тогда мне и умереть не жалко, лишь бы увидеть, как мой враг захлебнется раньше меня».

Так иные люди из ненависти к ближним не боятся пострадать, лишь бы увидеть, как и те страдают.

69. ЛЯГУШКИ.

Две лягушки жили по соседству: одна — в глубоком пруду в стороне от дороги, другая — на самой дороге, где воды было мало. Та, которая жила в пруду, уговаривала другую перебраться к ней, чтобы жить и сытнее, и спокойнее. Но другая не соглашалась и все говорила, что привыкла

к своему месту и не может расстаться с ним, — пока, наконец, случайно проезжавшая телега ее не раздавила.

Так и люди с дурными привычками погибают раньше, чем приобретают хорошие.

70. ДУБ И ТРОСТНИК.

Дуб и тростник спорили, кто сильней. Подул сильный ветер, тростник дрогнул и пригнулся под его порывами и оттого остался цел; а дуб встретил ветер всей грудью и был выворочен с корнем.

Басня показывает, что с сильнейшими не следует спорить.

71. ТРУС, ОТЫСКАВШИЙ ЗОЛОТОГО ЛЬВА.

Некий сребролюбец робкого нрава отыскал льва из золота и начал так рассуждать сам с собою: «Что же теперь со мною будет, не ведаю. Я сам не свой, и что мне делать, не знаю. Алчность моя и робость моя раздирают меня на части. Какой рок или какой бог сотворил из золота льва? Душа моя теперь борется сама с собой: золото она любит, а обличья этого золота страшится. Желание побуждает ее схватить находку, привычка — не трогать находки. О злая судьба, что дает и не позволяет взять! О сокровище, в котором нет радости! О милость богов, обернувшаяся немилостью! Что же? Как мне овладеть им? На какую хитрость пойти? Пойду и приведу сюда рабов: пусть они разом все за него возьмутся, а я буду посматривать издали».

Басня относится к богачу, который не смеет пользоваться и наслаждаться своим богатством.

72. ПАСЕЧНИК.

Какой-то человек пришел на пасеку, когда пасечника не было, и унес с собой соты и мед. Вернулся пасечник, увидел, что ульи пустые, остановился и начал их осматривать. А пчелы прилетели с поля, заметили его и стали жалить. И пасечник, больно искусанный, сказал им: «Негодные вы твари! Кто украл ваши соты, того вы отпустили, не тронув, а меня, кто о вас же заботится, кусаете!»

Так иные люди, не умея разобраться, от врагов не защищаются, а друзей отталкивают как злоумышленников.

73. ДЕЛЬФИН И ОБЕЗЬЯНА.

Морские путешественники обычно возят с собой обезьян и мальтийских собачек, чтобы развлекаться в плавании. И один человек, отправляясь в путь, взял с собой обезьяну. Когда они плыли мимо Суния — это мыс неподалеку от Афин, — разразилась сильная буря, корабль перевернуло, все бросились вплавь, а с ними и обезьяна. Увидел ее дельфин, принял за человека, подплыл к ней и повез ее к берегу. Подплывая уже к Пирею, афинской гавани, спросил ее дельфин, не из Афин ли она родом? Ответила обезьяна, что из Афин и что там у нее знатные родственники. Еще раз спросил ее дельфин, знает ли она Пирей? А обезьяна подумала, что это такой человек, и ответила, что знает — это ее добрый знакомый. Рассердился дельфин на такую ложь, потащил обезьяну в воду и утопил.

Против лжеца.

74. ОЛЕНЬ И ЛЕВ.

Олень, томимый жаждой, подошел к источнику. Пока он пил, заметил он свое отражение в воде и стал любоваться своими рогами, такими большими и такими ветвистыми, а ногами остался недоволен, худыми и слабыми. Пока он об этом раздумывал, появился лев и погнался за ним. Олень бросился бежать и далеко его опередил: [ведь сила оленей — в их ногах, а сила львов — в их сердцах.] Пока места были открытые, олень бежал вперед и оставался цел, но когда добежал он до рощи, то запутались его рога в ветвях, не мог он дальше бежать, и лев его схватил. И, чувствуя, что смерть пришла, сказал олень сам себе: «Несчастный я! в чем боялся я измены, то меня спасло, а на что я больше всего надеялся, то меня погубило».

Так часто в опасностях те друзья, которым мы не доверяли, нас спасают, а те, на которых надеялись, — губят.

75. ОЛЕНЬ.

Олень, незрячий на один глаз, пришел на берег моря и стал пастись, зрячим глазом повернувшись к земле, чтобы следить, не появятся ли охотники, а слепым глазом — к морю, откуда он не чаял никакой беды. Но мимо проплывали люди, заметили его и подстрелили. И, уже испуская

дух, сказал он сам себе: «Несчастный я! земли я остерегался и ждал от нее беды, а море, у которого я искал прибежища, оказалось куда опаснее».

Так часто, вопреки нашим ожиданиям, то, что казалось опасным, оказывается полезным, а то, что казалось спасительным, оборачивается коварным.

76. ОЛЕНЬ И ЛЕВ.

Олень, убегая от охотников, очутился около пещеры, в которой жил лев, и вбежал туда, чтобы спрятаться. Но схватил его лев, и, погибая, олень молвил: «Злополучный я! убегал от людей, а попал зверю в когти!»

Так иные люди из страха перед малыми опасностями бросаются в большие беды.

77. ОЛЕНЬ И ВИНОГРАД.

Олень, убегая от охотников, спрятался в винограднике. Прошли охотники мимо, и олень, решив, что его уже не заметят, стал объедать виноградные листья. Но один из охотников обернулся, увидел его, метнул оставшийся дротик и ранил оленя. И, почувствовав смерть, олень со стоном сказал сам себе: «Поделом мне: виноград меня спас, а я его губил».

Эту басню можно применить к людям, которые обижают своих благодетелей, и за это их наказывает бог.

78. ПЛОВЦЫ.

Взошли люди на корабль и пустились в плаванье. Когда они были уже далеко в море, поднялась страшная буря, и корабль чуть не потонул. А один из пловцов стал рвать на себе одежду и с плачем и стоном взывать к отеческим богам, обещая им благодарственные жертвы, если корабль уцелеет. Утихла буря, море снова успокоилось, и пловцы, нежданно избежав опасности, принялись пировать, плясать и прыгать. Но суровый кормчий властно им сказал: «Нет, друзья, и в радости должны мы помнить, что снова может разразиться буря!»

Басня учит не радоваться чрезмерно своим удачам, памятуя, как переменчива судьба.

79. КОШКА И МЫШИ.

В одном доме было много мышей. Кошка, узнав об этом, явилась туда и стала их ловить и пожирать одну за другою. Мыши, чтобы не погибнуть вконец, попрятались по норам, и кошка не могла до них там добраться. Тогда она решила выманить их хитростью. Для этого она ухватилась за гвоздь, повисла и притворилась мертвой. Но выглянула одна из мышей, увидела ее и сказала: «Нет, любезная, хоть и вовсе мешком обернись, а я к тебе не подойду».

Басня показывает, что разумные люди, испытав чье-нибудь коварство, не дают больше ввести себя в обман.

80. МУХИ.

В одной кладовой пролился мед, и на него налетели мухи; они его отведали и, почуяв, какой он сладкий, набросились на него. Но когда увязли у них ноги и не могли они улететь, то сказали, утопая: «Несчастные мы! за недолгую сладость погубили мы свою жизнь».

Так для многих сластолюбие становится причиной великих несчастий.

81. ЛИСИЦА И ОБЕЗЬЯНА.

Была у неразумных животных сходка, и обезьяна отличилась перед ними в пляске; за это они выбрали ее царем. А лисице было завидно; и вот, увидев в одном капкане кусок мяса, привела к нему лисица обезьяну и сказала, что нашла она этот клад, но себе не взяла, а сберегла для царя как почетный дар: пусть же обезьяна возьмет его. Та, ничего не подозревая, подошла и угодила в капкан. Стала она корить лисицу за такую подлость, а лисица сказала: «Эх, обезьяна, и с таким-то умом будешь ты царствовать над животными?»

Так и те, кто берется за дело неосмотрительно, терпят неудачу и становятся посмешищем.

82. ОСЕЛ, ПЕТУХ И ЛЕВ.

На скотном дворе были осел и петух. Голодный лев увидел осла и хотел уже подкрасться и растерзать его. Но в этот самый миг запел петух, — а львы, говорят, петушиного пения боятся; припал лев к земле и

пустился бежать. А осел воспрянул духом, видя, что лев петуха боится, и бросился в погоню; и тут-то, когда они отбежали подальше, лев повернулся и сожрал осла.

Так и некоторые люди, видя унижение своих врагов, преисполняются самоуверенности и, сами того не замечая, идут к гибели.

83. ОБЕЗЬЯНА И ВЕРБЛЮД.

Была у неразумных животных сходка, и обезьяна пустилась перед ними плясать. Пляска всем очень понравилась, и обезьяну хвалили. Верблюду стало завидно, и он тоже захотел отличиться: встал и сам пустился в пляс. Но был он такой неуклюжий, что животные только рассердились, побили его палками и выгнали прочь.

Басня относится к тем, кто из зависти пытается соперничать с сильнейшими и попадает в беду.

84. ДВА ЖУКА.

На островке пасся бык, а его навозом кормились два жука. Когда наступила зима, один жук сказал другому: «Я хочу перелететь на берег, чтобы здесь тебе хватило корму; сам я перезимую там, а если найдется много еды, то и тебе принесу». Перелетел жук на берег, нашел большую кучу свежего навоза и остался там кормиться. Прошла зима, и вернулся он на остров. Товарищ увидел, какой он жирный да крепкий, и стал его корить за то, что обещал, а ничего не принес. Жук ответил: «Не меня брани, а природу: место было такое, что есть было можно, а унести нельзя».

Эта басня относится к тем, кто ласков, пока речь идет лишь об угощениях, и бросает друга, когда нужно помочь чем-нибудь поважнее.

85. ПОРОСЕНОК И ОВЦЫ.

В одном овечьем стаде пасся поросенок. Однажды схватил его пастух, а он стал визжать и упираться. Стали овцы укорять его за такой крик: «Мы ведь не кричим, когда он то и дело хватает нас!» Ответил им

поросенок: «Меня он не так хватает, как вас; от вас ему нужна шерсть или молоко, а от меня ему нужно мясо».

Басня показывает, что недаром плачутся те, кто рискует потерять не деньги, а жизнь.

86. ДРОЗД.

В миртовую рощу повадился дрозд и сладкими ягодами наедался до отвала. Птицелов его приметил, подстерег и поймал на птичий клей. Сказал, умирая, дрозд: «Несчастный я! погнался за сластью, а лишился жизни».

Против человека распущенного и сластолюбивого.

87. ГУСЫНЯ, НЕСУЩАЯ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА.

Один человек особенно чтил Гермеса, и Гермес за это подарил ему гусыню, которая несла золотые яйца. Но у того не было терпения богатеть понемножку: он решил, что гусыня внутри вся из золота, и, недолго думая, зарезал ее. Но и в ожиданиях он обманулся, и яиц с этих пор лишился, потому что в гусыне он нашел одни потроха.

Так часто люди корыстолюбивые, льстясь на большее, теряют и то, что имеют.

88. ГЕРМЕС И СКУЛЬПТОР.

Гермес хотел узнать, насколько его почитают люди; и вот, приняв человеческий облик, явился он в мастерскую скульптора. Там он увидел статую Зевса и спросил: «Почем она?» Мастер ответил: «Драхма!» Засмеялся Гермес и спросил: «А Гера почем?» Тот ответил: «Еще дороже!» Тут заметил Гермес и собственную статую и подумал, что его-то, как вестника богов и подателя доходов, люди должны особенно ценить. И спросил он, показывая на Гермеса: «А этот почем?» Ответил мастер: «Да уж если купишь те две, то эту прибавлю тебе бесплатно».

Басня относится к человеку тщеславному, который рядом с другими ничего не стоит.

89. ГЕРМЕС И ТИРЕСИЙ.

Гермес захотел испытать, безошибочно ли ведовское искусство Тиресия. И вот украл он у него с поля волов, а сам в человеческом облике пришел в город и остановился у него в гостях. Дошла до Тиресия весть, что быки его похищены; взял он с собою Гермеса и вышел за город, чтобы по птичьему полету погадать о пропаже. Спросил он Гермеса, какую видит он птицу; и сперва сказал ему Гермес, что видит орла, летящего слева направо. Ответил Тиресий, что это их не касается. Тогда сказал Гермес, что теперь он видит ворону, которая сидит на дереве и глядит то вверх, то вниз. Тиресий в ответ: «Ну, так это ворона клянется небом и землей, что только от тебя зависит, верну я моих быков или нет».

Эта басня применима против вора.

90. ГАДЮКА И ВОДЯНАЯ ЗМЕЯ.

Гадюка ползала на водопой к источнику. А водяная змея, которая там жила, не пускала ее и негодовала, что гадюка, словно мало ей у себя пищи, забирается и в ее владения. Ссорились они все больше, больше и, наконец, условились решить дело схваткой: кто одолеет, тот и будет хозяином и земли, и воды. Вот назначили они срок; а лягушки, которые водяную змею ненавидели, прискакали к гадюке и стали ее ободрять, обещая, что они ей помогут. Началась схватка; гадюка билась с водяной змеей, а лягушки вокруг подняли громкий крик — больше они ничего и не умели. Победила гадюка, и стала их попрекать, что обещали они ей помочь в бою, а сами не только не помогали, но даже песни распевали. «Так знай же, любезная, — отвечали лягушки, — что наша помощь не в руках наших, а в глотках».

Басня показывает, что где нужда в делах, там словами не поможешь.

91. СОБАКА И ХОЗЯИН.

У одного человека были мальтийская собачка и осел. С собачкою он все время возился и всякий раз, обедая во дворе, бросал ей кусочки, а она подбегала и ласкалась. Ослу стало завидно, он подскочил и тоже стал прыгать и толкать хозяина. Но тот рассердился и велел прогнать осла палками и привязать к кормушке.

Басня показывает, что от природы не всем дается одинаковый удел.

92. ДВЕ СОБАКИ.

У одного человека были две собаки: одну он приучил охотиться, другую — сторожить дом. И всякий раз, как охотничья собака ему приносила добычу с поля, он бросал кусок и другой собаке. Рассердилась охотничья и стала другую попрекать: она, мол, на охоте каждый раз из сил выбивается, а та ничего не делает и только отъедается на чужих трудах. Но сторожевая собака ответила; «Не меня брани, а хозяина: ведь это он приучил меня не трудиться, а жить чужим трудом».

Так и сыновей-бездельников нечего ругать, если такими их вырастили сами родители.

93. ГАДЮКА И ПИЛА.

Забралась гадюка в кузницу и стала у всех кузнечных орудий просить подачки; собрав, что давали, подползла она к напильнику и его тоже попросила подать ей чего-нибудь. Но тот возразил ей так: «Глупа ты, видно, коли от меня поживы ждешь: я ведь не давать, а только брать ото всех привык».

Басня показывает, что глупы те, кто надеется разжиться у скряги.

94. ОТЕЦ И ДОЧЕРИ.

У отца были две дочери. Одну он выдал за огородника, другую — за горшечника. Прошло время, пришел отец к жене огородника и спросил, как она живет и как у них дела. Она отвечала, что все у них есть, и об одном только они молят богов: чтобы настала гроза с ливнем и овощи напились. Немного спустя пришел он и к жене горшечника и тоже спросил, как она живет. Та ответила, что всего им хватает, и об одном только они молятся: чтобы стояла хорошая погода, светило солнце, и посуда могла просохнуть. Сказал ей тогда отец: «Если ты будешь просить о хорошей погоде, а сестра твоя о ненастье, то с кем же должен молиться я?»

Так люди, которые берутся за два разных дела сразу, понятным образом терпят неудачу в обоих.

95. МУЖ И ЖЕНА.

Была у человека жена, нрава которой никто вынести не мог. Решил он проверить, будет ли она так же вести себя и в отцовском доме, и под благовидным предлогом отослал ее к отцу. Через несколько дней она вер-

нулась, и муж ее спросил, как ее там приняли. «Пастухи и подпаски, — отвечала она, — смотрели на меня очень сердито». — «Ну, жена, — сказал супруг, — уж если на тебя сердились те, кого с их стадами и дома не бывает с утра до вечера, то что же скажут другие, от кого ты целый день не отходила?»

Так часто по мелкому можно узнать важное, по явному — скрытое.

96. ГАДЮКА И ЛИСА.

Змея плыла по реке на пучке терновника. Лисица увидела ее и сказала: «По пловцу и корабль!»

Против человека дурного, что берется за злые дела.

97. ВОЛК И КОЗЛЕНОК.

Козленок отстал от стада, и за ним погнался волк. Обернулся козленок и сказал волку: «Волк, я знаю, что я — твоя добыча. Но чтобы не погибнуть мне бесславно, сыграй-ка на дудке, а я спляшу!» Начал волк играть, а козленок плясать; услышали это собаки и бросились за волком. Обернулся волк на бегу и сказал козленку: «Так мне и надо: нечего мне, мяснику, притворяться музыкантом».

Так люди, когда берутся за что-нибудь не вовремя, упускают и то, что у них уже в руках.

98. ВОЛК И КОЗЛЕНОК.

Волк проходил мимо дома, а козленок стоял на крыше и на него ругался. Ответил ему волк: «Не ты меня ругаешь, а твое место».

Басня показывает, что выгодные обстоятельства придают иным дерзости даже против сильнейших.

99. ПРОДАВЕЦ СТАТУЙ.

Один человек сделал деревянного Гермеса и понес на рынок. Ни один покупатель не подходил; тогда, чтобы зазвать хоть кого-нибудь, он стал кричать, что продается бог, податель благ и хранитель прибыли. Какой-то

прохожий спросил его: «Что же ты, любезный, продаешь такого бога, вместо того чтобы самому им пользоваться?» Ответил продавец: «Мне сейчас польза от него нужна скорая, а свою прибыль он обычно приносит медленно».

Против человека корыстного и нечестивого.

100. ЗЕВС, ПРОМЕТЕЙ, АФИНА И МОМ.

Зевс сотворил быка, Прометей — человека, Афина — дом, и выбрали они в судьи Мома. Позавидовал Мом их творениям и начал говорить: Зевс сделал оплошность, что у быка глаза не на рогах и он не видит, куда бодает; Прометей — что у человека сердце не снаружи и нельзя сразу отличить дурного человека и увидеть, что у кого на душе; Афине же следовало снабдить дом колесами, чтобы легче было переехать, если рядом поселится дурной сосед. Разгневался Зевс за такую клевету и выгнал Мома с Олимпа.

Басня показывает, что нет ничего столь совершенного, чтобы быть свободным от всяких упреков.

101. ГАЛКА И ПТИЦЫ.

Зевс пожелал назначить птицам царя и объявил день, чтобы все явились к нему. А галка, зная, какая она некрасивая, стала ходить и подбирать птичьи перья, украшая ими себя. Настал день, и она, разубранная, предстала пред Зевсом. Зевс за эту красоту уже хотел ее выбрать царем, но птицы, вознегодовав, обступили ее, каждая вырывая свое перо; и тогда, голая, она снова оказалась простой галкой.

Так и у людей должники, пользуясь чужими средствами, достигают видного положения, но, отдав чужое, остаются такими же, как были.

102. ГЕРМЕС И ЗЕМЛЯ.

Зевс сотворил мужчину и женщину и призвал Гермеса отвести их на землю и показать, где им ее пахать, чтобы вырастить хлеб. [...] Гермес исполнил приказание. Земля сначала противилась, но потом, когда Гермес сказал, что таков приказ Зевса, уступила понуждению и ска-

зала: «Пусть пашут, сколько угодно им: но с плачем и стоном они отдадут, что взяли».

Басня относится к тем, кто с легким сердцем берет деньги в долг и с печалью их возвращает.

103. ГЕРМЕС.

Зевс приказал Гермесу отсыпать всем ремесленникам волшебное снадобье лжи. Гермес растер его и отсыпал по равной мере каждому. Наконец, остался только сапожник, а снадобья было еще много; и тогда Гермес взял да и высыпал всю ступку перед сапожником. Вот почему все ремесленники — лжецы, а сапожники — больше всех.

Басня обращена против лжеца.

104. ЗЕВС И АПОЛЛОН.

Зевс и Аполлон спорили, кто лучше стреляет из лука. Натянул Аполлон лук и пустил стрелу, а Зевс одним шагом взял и шагнул на столько, сколько пролетела его стрела.

Так и всякий, кто тягается с сильным, лишь потерпит неудачу и станет посмешищем.

105. КОНЬ, БЫК, СОБАКА И ЧЕЛОВЕК.

Зевс сотворил человека, но жизнь ему дал недолгую. А человек, по своей сообразительности, с наступлением холодов построил себе дом и поселился там. Стужа была сильная, лил дождь; и вот конь не мог больше это выдержать, прискакал к человеку и попросил приютить его. А человек сказал, что пустит коня, лишь если тот подарит ему часть своей жизни: и конь охотно согласился. Немного спустя появился и бык, тоже не в силах более терпеть непогоду, и человек опять сказал, что пустит его, лишь если тот отдаст ему столько-то лет своей жизни; бык отдал, и человек его пустил. Наконец, прибежала собака, измучась на холоду, тоже отдала частицу своего века и тоже нашла приют. Так и получилось, что только назначенные Зевсом годы живет человек по-хорошему и по-настоящему; дожив до конских лет, делается хвастливым и чванным; в бычьи

годы становится тружеником и страдальцем; а в собачьи годы оказывается сварливым и ворчливым.

Эту басню можно применить к человеку старому, злонравному и несносному.

106. ЗЕВС И ЧЕРЕПАХА.

Зевс справлял свадьбу и для всех животных выставил угощение. Не пришла одна лишь черепаха. Не понимая, в чем дело, на следующий день спросил ее Зевс, почему она одна не пришла на пир. «Свой дом — лучший дом», — ответила черепаха. Рассердился на нее Зевс и заставил ее повсюду носить на себе собственный дом.

Так многим людям приятнее жить скромно у себя, чем богато у чужих.

107. ЗЕВС И ЛИСИЦА.

Зевс, восхищаясь умом и хитростью лисицы, поставил ее царем над неразумными животными. Но ему хотелось узнать, с переменой судьбы переменилась ли у лисицы и низкая ее душа? И вот, когда ее несли в носилках, он выпустил перед нею жука; жук закружился над носилками, а лиса, не в силах сдержаться, позабыла всякую царскую честь, выскочила из носилок и бросилась его ловить. Разгневался Зевс и обратил лисицу в ее прежнее состояние.

Басня показывает, что дурные люди даже среди пышности и блеска не меняют своего нрава.

108. ЗЕВС И ЛЮДИ.

Зевс сотворил людей и приказал Гермесу влить в них разум. Гермес сделал себе мерку и в каждого вливал поровну. Но получилось, что людей малого роста эта мерка наполнила до краев, и они стали разумными, а людям рослым питья на все тело не хватило, а хватило разве что до колен, и они оказались глупее.

Против человека, могучего телом, но неразумного духом.

109. ЗЕВС И СТЫД.

Зевс, сотворив людей, тотчас вложил в них все чувства и забыл только одно — стыд. Поэтому, не зная, каким путем его ввести, он велел ему войти через зад. Сначала стыд противился и возмущался таким унижением, но так как Зевс был непреклонен, то он сказал: «Хорошо, я войду, но на таком условии: если еще что войдет туда после меня, я тотчас удалюсь». Оттого-то все развратные мальчики и не знают стыда.

Эту басню можно применить к развратнику.

110. ГЕРОЙ.

У одного человека в доме обитал герой, и человек приносил ему богатые жертвы. А так как тратил он все больше и больше, не жалея денег на жертвоприношения, то вот явился ему герой однажды во сне и говорит: «Перестань, любезный, разоряться: ведь если ты совсем истратишься и останешься нищим, то меня же будешь в этом винить!»

Так многие попадают в беду по собственному неразумию, а винят в этом богов.

111. ГЕРАКЛ И ПЛУТОС.

Когда Геракл был принят в сонм богов, то на пиру у Зевса он с великим радушием приветствовал каждого из них; но когда последним подошел к нему Плутос, то Геракл опустил глаза в землю и отвернулся. Удивился на это Зевс и спросил, почему он всех богов радостно приветствует и только на Плутоса не желает смотреть. Ответил Геракл: «Когда я жил среди людей, видел я, что дружит Плутос чаще всего с теми, кто отличался злонравием; потому и не хочу я на него смотреть».

Басню можно применить к человеку, богатому деньгами, но дурному нравом.

112. МУРАВЕЙ И ЖУК.

В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидал его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время

года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришел он попросить у муравья корму. Сказал муравей: «Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не пришлось бы тебе теперь сидеть без корму».

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия.

113. ТУНЕЦ И ДЕЛЬФИН.

Тунец, спасаясь от дельфина, с громким плеском несся прочь; дельфин чуть было не схватил его, как вдруг тунец с разлету выскочил на берег, а вслед за ним, разогнавшись, вылетел и дельфин. Оглянулся тунец, увидел дельфина уже при смерти и сказал: «Теперь мне и умереть не жалко, раз я вижу виновника моей гибели гибнущим вместе со мной».

Басня показывает, что люди легче переносят свои несчастья, если видят, как бедствуют и виновники этих несчастий.

114. ЛЕКАРЬ И БОЛЬНОЙ.

Выносили покойника, и домочадцы шли за носилками. Лекарь сказал одному из них: «Если бы этот человек не пил вина и ставил клистир, он остался бы жив». — «Любезный, — отвечал ему тот, — ты бы ему это советовал, пока еще не поздно было, а теперь оно уже ни к чему».

Басня показывает, что нужно помогать друзьям вовремя, а не смеяться над ними, когда их положение безнадежно.

115. ПТИЦЕЛОВ И АСПИД.

Птицелов взял птичий клей и прутья и отправился на охоту. Увидел он дрозда на высоком дереве и захотел его изловить. Он связал свои прутья конец с концом и стал зорко всматриваться вверх, ни о чем более не думая. И, засмотревшись ввысь, не заметил он у себя под ногами лежащего аспида, наступил на него, а тот извернулся и его ужалил. Испу-

ская дух, сказал птицелов сам себе: «Несчастный я! хотел поймать другого, а не заметил, как сам попался и погиб».

Так и те, кто строит козни против ближних, сами первыми попадают в беду.

116. КРАБ И ЛИСИЦА.

Краб выполз из моря и кормился на берегу. А голодная лисица его увидела, и так как есть ей было нечего, то подбежала она и схватила его. И, видя, что сейчас она его съест, молвил краб: «Что ж, поделом мне: я житель моря, а захотел жить на суше».

Так и у людей — те, кто бросает свои дела и берется за чужие и несвойственные, поделом попадают в беду.

117. ВЕРБЛЮД И ЗЕВС.

Верблюд увидал, как чванится бык своими рогами; стало ему завидно, и захотел он и себе такие добыть. И вот явился он к Зевсу и стал просить себе рога. Рассердился Зевс, что мало верблюду его роста и силы, а еще он и большего требует; и не только не дал он верблюду рогов, но и уши ему обкорнал.

Так многие, заглядываясь в жадности на чужое добро, не замечают, как теряют свое собственное.

118. БОБР.

Бобр — это животное четвероногое, живет в прудах. Говорят, что из его яичек приготовляют некоторые лекарства. И когда кто-нибудь его увидит и погонится, чтобы убить, то бобр понимает, ради чего его преследуют, и сначала бежит прочь, полагаясь на свои быстрые ноги и надеясь уйти целым; а оказавшись уже на краю гибели, он откусывает и отбрасывает свои яички и этим спасает себе жизнь.

Так и разумные люди для спасения жизни ни во что не ставят богатство.

119. ОГОРОДНИК.

Огородник поливал овощи. Кто-то к нему подошел и спросил, почему сорные растения бывают такие здоровые и крепкие, а домашние — тонкие

и чахлые? Ответил огородник: «Потому что земля для одних — мать, а для других — мачеха».

Так несхожи бывают и дети, которых растит мать и которых растит мачеха.

120. ОГОРОДНИК И СОБАКА.

У огородника собака упала в колодец. Чтобы ее вытащить, он полез за нею сам. Но собака не поняла, зачем он спускается, подумала, что он ее хочет утопить, и укусила его. Сказал огородник, почуяв боль: «Поделом мне: если она сама решила утонуть, зачем мне было ее спасать?»

Против человека неблагодарного, который за добро платит злом.

121. КИФАРЕД.

Один бездарный кифаред пел свои песни с утра до вечера в доме со штукатуренными стенами; голос отражался от стен и казался ему необычайно благозвучным. Это придало ему духу, и он решился выступить в театре. Но когда он вышел на сцену и невыносимым голосом завел свою песню, его забросали камнями и выгнали.

Так и некоторые риторы: пока они в школе, то кажутся талантливыми, но едва возьмутся за государственные дела, как оказываются ничтожествами.

122. ВОРЫ И ПЕТУХ.

Воры залезли в дом, но ничего не нашли там, кроме петуха; схватили его и пошли вон. Петух увидел, что его зарежут, и стал умолять о пощаде: он-де птица полезная и ночью будит людей на работу. Но воры сказали: «Вот за это мы тебя и зарежем, раз ты будишь людей и не даешь нам воровать».

Басня показывает: все, что полезно хорошим людям, бывает особенно ненавистно дурным.

123. ГАЛКА И ВОРОНЫ.

Одна галка была ростом больше всех других галок; и вот, воспылав презрением к своей породе, отправилась она к воронам и попросилась жить вместе с ними. Но вид ее и голос был воронам незнаком, и они побили ее и прогнали. Отвергнутая, вернулась она к своим галкам: но те, негодуя на ее спесь, отказались ее принять. Так и осталась она ни при тех и ни при этих.

Так и с людьми, покидающими отечество для чужих краев: на чужбине их не уважают, а на родине чуждаются.

124. ВОРОН И ЛИСИЦА.

Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать».

Басня уместна против человека неразумного.

125. ВОРОНА И ВОРОН.

Вороне было завидно, что ворон дает людям знаменья при гаданиях, предсказывает будущее, и за это люди даже в клятвах его поминают; и решила она добиться того же и для себя. И вот, увидев прохожих на дороге, села она на дерево и начала громко каркать. Обернулись путники и удивились, но один из них воскликнул: «Идемте, друзья: это ворона, а от ее крику — никакого толку».

Так и люди, когда тягаются, чтобы сравняться с сильнейшими, терпят неудачу и становятся посмешищем.

126. ГАЛКА И ЛИСИЦА.

Голодная галка уселась на смоковницу. Там она увидела смоквы, зимние, недозрелые, и решила дождаться, пока они созреют. Увидела лисица, что ворона сидит и не улетает, узнала у нее, в чем дело, и ска-

зала: «Напрасно ты, любезная, на что-то надеешься: потешиться такой надеждой, пожалуй, можно, но насытиться — никогда».

Против человека, ослепленного жадностью.

127. ВОРОНА И СОБАКА.

Ворона приносила жертву Афине и звала собаку на жертвенный пир. Собака ей сказала: «Зачем тратишься на напрасные жертвы? Ведь богиня тебя так ненавидит, что даже знаменьям твоим не дает веры». Ответила ворона: «Оттого-то я и приношу ей жертву: я знаю, что она меня не любит, и хочу, чтобы она ко мне смягчилась».

Так многие из страха готовы услужить собственным врагам.

128. ВОРОН И ЗМЕЯ.

Ворон, не видя нигде добычи, заметил змею, которая грелась на солнце, налетел на нее и схватил; но змея извернулась и его ужалила; и сказал ворон, испуская дух: «Несчастный я! такую нашел добычу, что сам от нее погибаю».

Басню можно применить к человеку, который нашел клад и стал бояться за свою жизнь.

129. ГАЛКА И ГОЛУБИ.

Галка увидела, как голубей в голубятне хорошо кормят, и покрасилась белилами, чтобы зажить вместе с ними. И пока она молчала, голуби принимали ее за голубя и не гнали; но когда она забылась и каркнула, они сразу узнали ее голос и выгнали ее прочь. Оставшись без голубиного корму, вернулась галка к своим; но те не признали ее из-за белых перьев и не пустили жить с собой. Так галка, погнавшись за двумя выгодами, ни одной не получила.

Следственно, и мы должны довольствоваться тем, что имеем, памятуя, что алчность ничего не приносит, а только отнимает последнее.

130. ЖИВОТ И НОГИ.

Живот и ноги спорили, кто сильнее. Ноги каждый раз хвастались, что столько в них силы, что они и самый живот на себе носят; но живот

отвечал: «Эх, любезные, кабы я не принимал пищу, ничего бы не могли вы носить».

Так и в войсках количество ничего не значит, если воины лишены благоразумия.

131. ГАЛКА-БЕГЛЯНКА.

Один человек поймал галку, связал ей веревкой ноги и отдал своему сыну. Не в силах была галка жить с людьми, и при первом же случае убежала она и вернулась в свое гнездо. Но веревка ее запуталась в ветвях, взлететь она уж не могла, и, видя свою гибель, сказала галка сама себе: «Несчастная я! у людей жить в рабстве не захотела, а как жизни себя лишила — и не заметила».

Басня относится к таким людям, которые хотят спастись от малой беды, а негаданно попадают в большую.

132. СОБАКА И ЛИСИЦА.

Охотничья собака увидела льва и бросилась за ним. Обернулся лев и рявкнул; перепугалась собака и помчалась прочь. Лисица ее увидела и говорит: «Дурная ты голова: гонишься за львом, а сама даже голоса его слышать не можешь!»

Басню можно применить к человеку дерзкому, который берется клеветать на того, кто гораздо сильнее; но стоит тому дать отпор, и клеветник смолкает.

133. СОБАКА С КУСКОМ МЯСА.

Собака с куском мяса в зубах перебиралась через речку и увидела в воде свое отражение. Она решила, что это другая собака с куском побольше, бросила свое мясо и кинулась отбивать чужое. Так и осталась она без того и без другого: одного не нашла, потому что его и не было, другое потеряла, потому что его унесла вода.

Басня направлена против человека жадного.

134. СОБАКА И ВОЛК.

Собака спала перед хижиной; волк ее увидел, схватил и хотел сожрать. Попросила собака отпустить ее на этот раз. «Сейчас я худая и тощая, — говорила она, — но у моих хозяев скоро будет свадьба, и если ты меня сейчас отпустишь, то потом сожрешь пожирнее». Поверил волк и пока отпустил ее. Но когда он вернулся через несколько дней, то увидел, что собака спит теперь на крыше; стал он ее звать, напоминая об их уговоре, но собака отвечала: «Ну, любезный, если ты еще раз увидишь, что я сплю перед домом, то уж до свадьбы не откладывай!»

Так и разумные люди, раз избежав опасности, остерегаются ее потом всю жизнь.

135. ГОЛОДНЫЕ СОБАКИ.

Голодные собаки увидели в реке шкуры, которые там отмачивались, но не могли их достать, и тогда сговорились сначала выпить воду, а потом уже добраться до шкур. Принялись они пить, но только лопнули, а до шкур не добрались.

Так иные люди в надежде на прибыль берутся за опасные труды, но скорее губят себя, чем добиваются желаемого.

136. СОБАКА И ЗАЯЦ.

Охотничья собака поймала зайца и то его кусала, то его лизала в губы. Измучился заяц и сказал: «Любезная, уж ты или не кусайся, или не целуйся, чтобы я знал, враг ты мне или друг».

Басня относится к человеку двуличному.

137. КОМАР И БЫК.

Комар уселся на рог быка и долго там сидел, а потом, собираясь взлететь, спросил быка: может быть, не улетать ему? Но бык в ответ: «Нет, любезный: и как ты прилетел, я не заметил, и как ты улетишь, не замечу».

Эту басню можно применить к человеку ничтожному, от которого, есть ли он, нет ли, не может быть ни вреда, ни пользы.

138. ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ.

Поняли зайцы, какие они трусливые, и порешили, что лучше им всем разом утопиться. Пришли они к обрыву над прудом, а лягушки у пруда как заслышали их топотанье, так и попрыгали в самую глубь. Увидел это один заяц и сказал остальным: «Давайте не будем топиться: смотрите, и трусливее нас есть твари на свете».

Так и для людей зрелище чужих несчастий служит ободрением в собственных невзгодах.

139. ЧАЙКА И КОРШУН.

Чайка схватила из моря рыбу, но разодрала себе ею глотку и упала мертвой на морском берегу. Увидел это коршун и сказал: «Поделом тебе: родилась ты птицей, зачем же было тебе кормиться в море?»

Так справедливо попадает в беду тот, кто бросает свои занятия и берется за совсем ему несвойственные.

140. ЛЕВ И КРЕСТЬЯНИН.

Лев влюбился в крестьянскую дочь и посватался к ней. Крестьянин и не решался отдать хищнику дочь, и боялся отказать ему; поэтому вот что он придумал. Когда стал лев настаивать, сказал крестьянин, что жених-то он для дочери подходящий, но выдать ее может он только тогда, когда лев даст вырвать себе зубы и обрезать когти, а то девушка их боится. Лев, ослепленный любовью, с готовностью перенес и то, и другое; но после этого крестьянин его уже не боялся, и когда лев опять явился к нему, то палками прогнал его со двора.

Басня показывает, что даже тот, кто был страшен врагам, станет для них легкой добычей, если необдуманно им поверит и сам себя лишит всего, чем был страшен.

141. ЛЕВ И ЛЯГУШКА.

Лев услышал кваканье лягушки и обернулся на голос, подумав, что это какой-то большой зверь. Но когда, подождав, он увидел, что это лягушка вылезла из пруда, то подошел и растоптал ее, промолвив: «Не слуха надо пугаться, а вида».

Против человека болтливого, который только языком и умеет работать.

142. ЛЕВ И ЛИСИЦА.

Лев состарился, не мог уже добывать себе еду силой и решил это делать хитростью: он забрался в пещеру и залег там, притворяясь больным; звери стали приходить его проведать, а он хватал их и пожирал. Много зверей уже погибло; наконец, лисица догадалась о его хитрости, подошла и, встав поодаль от пещеры, спросила, как он поживает. «Плохо!» — ответил лев и спросил, почему же она не входит? А лисица в ответ: «И вошла бы, кабы не видела, что в пещеру следов ведет много, а из пещеры — ни одного».

Так разумные люди по приметам догадываются об опасности и умеют ее избежать.

143. ЛЕВ И БЫК.

Лев задумал злое против огромного быка и хотел залучить его хитростью. Поэтому он сказал быку, что принес в жертву овцу и зовет его на угощенье, а сам решил расправиться с гостем, как только тот уляжется за стол. Пришел бык и увидел: котлов много, вертелы огромные, а овцы нет; не сказал он ни слова и пошел прочь. Стал его лев упрекать и спрашивать, почему это он молчит и уходит, хоть никто ему худого не делает. Ответил бык: «Есть у меня на то причина: вижу я, что не овцу тут в жертву замышляют, а быка».

Басня показывает, что от разумных людей хитрости злодеев не укроются.

144. ЛЕВ И КРЕСТЬЯНИН.

Лев забрел к крестьянину на скотный двор; а тот захотел его поймать и запер за ним ворота. Не в силах выйти, лев сперва растерзал овец, потом набросился на волов; испугался крестьянин, что и на него лев нападет, и открыл ему ворота. Удалился лев; а жена крестьянина, глядя, как муж ее убивается, сказала: «Поделом тебе: зачем нужно было запирать со скотиною такого зверя, перед которым даже издали дрожишь?»

Так и те, кто раздражает сильнейших, сами от этого страдают.

145. ЛЕВ И ДЕЛЬФИН.

Лев, гуляя по берегу моря, увидел в волнах дельфина и предложил ему заключить союз: кому, как не им больше всего пристало быть друзьями и товарищами — царю морских животных и царю земных?

И дельфин охотно согласился. Немного спустя случилось льву биться с диким быком, и кликнул он дельфина на помощь. Хотел дельфин выйти из моря, но не мог, а лев его стал винить в измене. Ответил дельфин: «Не меня брани, а природу, которая сотворила меня морским животным и не позволяет мне выйти на сушу».

Так и мы, уговариваясь о дружбе, должны выбирать себе таких союзников, которые в опасности могут нам помогать.

146. ЛЕВ, ИСПУГАННЫЙ МЫШЬЮ.

У спящего льва по морде пробежала мышь. Вскочил лев и стал бросаться во все стороны, разыскивая, кто посмел к нему подойти. Увидела это лиса и начала его стыдить: он, лев, и вдруг испугался мыши! «Не мышь меня испугала, — ответил лев, — а наглость ее меня разгневала!»

[Басня показывает, что разумные люди и мелочами не пренебрегают.]

147. ЛЕВ И МЕДВЕДЬ.

Лев и медведь затравили молодого оленя и стали за него драться. Бились они жестоко, пока не потемнело у них в глазах и не упали они наземь полумертвые. Проходила мимо лисица и увидела, что лев и медведь лежат рядом, а между ними — олень; подхватила оленя и пошла прочь. А те, не в силах подняться, промолвили: «Несчастные мы! выходит, это для лисицы мы трудились!»

Басня показывает, что не зря горюют люди, когда видят, что плоды их трудов достаются первому встречному.

148. ЛЕВ И ЗАЯЦ.

Лев нашел спящего зайца и уже хотел его сожрать, как вдруг завидел, что бежит мимо олень. Лев бросил зайца и погнался за оленем, а заяц от шума проснулся и убежал. Долго гнался лев за оленем, но поймать его не смог и вернулся к зайцу; а увидев, что и того уже нет, сказал: «Поделом мне: добычу, что была уже в руках, я выпустил, а за пустою надеждою погнался».

Так иные люди, недовольные умеренным доходом, не замечают, как теряют и то, чем владеют.

149. ЛЕВ, ОСЕЛ И ЛИСИЦА.

Лев, осел и лисица решили жить вместе и отправились на охоту. Они наловили много добычи, и лев велел ослу ее поделить. Осел поделил добычу на три равные доли и предложил льву выбирать; рассердился лев, сожрал осла, а делить приказал лисе. Лисица собрала всю добычу в одну кучу, а себе оставила лишь маленькую частичку и предложила льву сделать выбор. Спросил ее лев, кто научил ее так хорошо делать, а лисица ответила: «Погибший осел!»

Басня показывает, что несчастья ближних становятся для людей наукою.

150. ЛЕВ И МЫШЬ.

У спящего льва по телу пробежала мышь. Лев проснулся, схватил ее и готов был сожрать; но она умоляла отпустить ее, уверяя, что еще отплатит добром за свое спасение, и лев, расхохотавшись, отпустил ее. Но случилось так, что немного спустя мышь и в самом деле отблагодарила льва, спасши ему жизнь. Попался лев к охотникам, и они привязали его веревкой к дереву; а мышь, заслышав его стоны, тотчас прибежала, перегрызла канат и освободила его, сказав так: «Тогда ты надо мною смеялся, словно не верил, что я смогу отплатить тебе за услугу; а теперь будешь знать, что и мышь умеет быть благодарной».

Басня показывает, что порой при переменах судьбы даже самые сильные нуждаются в самых слабых.

151. ЛЕВ И ОСЕЛ.

Лев и осел порешили жить вместе и отправились на охоту. Пришли они к пещере, где были дикие козы, и лев остался у входа, чтобы подстеречь выбегающих коз, а осел забрался внутрь и начал голосить, чтобы напугать их и выгнать. Когда лев переловил уже немало коз, вышел к нему осел и спросил, славно ли он бился и хорошо ли гнал коз. Ответил лев: «Еще бы! я и сам бы испугался, кабы не знал, что ты — осел».

Так многие выхваляются перед теми, кто их отлично знает, и по заслугам становятся посмешищем.

152. РАЗБОЙНИК И ТУТОВОЕ ДЕРЕВО.

Разбойник убил на дороге человека; люди это увидели и погнались за ним, а он бросил убитого и, весь покрытый кровью, пустился бежать. Встречные спросили, почему у него руки в крови; он ответил, что это он лазил на тутовое дерево. Но пока он с ними говорил, набежали преследующие, схватили его и распяли как раз на тутовом дереве. И сказало тутовое дерево: «Я не жалею, что стало орудием твоей смерти: ведь ты совершил убийство, да еще на меня хотел его свалить».

Так люди, от природы добрые, часто становятся злыми в ответ на клевету.

153. ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Волки хотели напасть на стадо овец, но никак это им не удавалось, потому что овец сторожили собаки. Тогда решили они добиться своего хитростью и послали к овцам послов с предложением выдать собак: ведь из-за них-то и пошла вражда, и если их выдадут, то меж волками и овцами водворится мир. Овцы не подумали, что из этого получится, и выдали собак. И тогда волки, оказавшись сильнее, без труда расправились с беззащитным стадом.

Так и государства, которые без сопротивления выдают народных вождей, незаметно для себя становятся вскоре добычей врагов.

154. ВОЛК И КОНЬ.

Волк бродил по полю и увидел ячмень; есть его он не мог и потому повернул и пошел прочь. Встретив по пути коня, он привел его к этому полю и сказал, что нашел здесь ячмень, но сам его есть не стал, а сберег для коня: так уж приятно ему слушать, как конь жует колосья. Ответил на это конь: «Ну, любезный, кабы волки могли ячменем кормиться, не стал бы ты ухо прежде брюха услаждать».

Басня показывает, что человеку, дурному от природы, доверия не будет, что бы он ни обещал.

155. ВОЛК И ЯГНЕНОК.

Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Отве-

тил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят.

156. ВОЛК И ЦАПЛЯ.

Волк подавился костью и рыскал, чтобы найти кого-нибудь себе в помощь. Встретилась ему цапля, и он стал сулить ей награду, если она вытащит кость. Цапля засунула голову в волчью глотку, вытащила кость и потребовала обещанной награды. Но волк в ответ: «Мало тебе, любезная, что ты из волчьей пасти голову целой вынесла, — так тебе еще и награду подавай?»

Басня показывает, что когда дурные люди не делают зла, это им уже кажется благодеянием.

157. ВОЛК И КОЗА

Волк увидел козу, которая паслась над обрывом; добраться до нее он не мог и стал ее упрашивать спуститься вниз: там, вверху, можно и упасть ненароком, а тут у него и луг, и травы для нее самые прекрасные. Но ответила ему коза: «Нет, не в том дело, что пастись у тебя хорошо, а в том, что есть тебе нечего».

Так, когда дурные люди замышляют дурное против разумных, то все их хитросплетения оказываются ни к чему.

158. ВОЛК И СТАРУХА.

Голодный волк рыскал в поисках добычи. Подошел он к одной хижине и услышал, как плачет ребенок, а старуха ему грозит: «Перестань, не то выброшу тебя волку!» Подумал волк, что она правду сказала, и стал ждать. Вечер наступил, а старуха все не исполняла обещанного; и ушел

волк прочь с такими словами: «В этом доме люди говорят одно, а делают другое».

Эта басня относится к тем людям, у которых слово расходится с делом.

159. ВОЛК И ОВЦА.

Наевшийся волк увидел овцу, лежавшую на земле; догадался он, что это она со страху упала, подошел и ободрил ее: если она ему трижды молвит правду, сказал он, то он ее не тронет. Начала овца: «Во-первых, не встречать бы мне тебя вовсе! Во-вторых, коли уж встретить, то слепого! А в-третьих, сгинуть бы всем волкам злою гибелью: мы вам ничего не сделали, а вы на нас нападаете!» Выслушал волк ее правду и не тронул овцу.

Басня показывает, что нередко и враг уступает правде.

160. ВОЛК И ОВЦА.

Волк, искусанный собаками, лежал без сил и не мог себе даже еды промыслить. Увидел он овцу и попросил принести ему хоть попить из ближайшей речки: «Ты мне дай только пить, а еду тогда я сам найду». Но овца отвечала: «Если я тебе пить дам, то едой тебе сама стану».

Басня обличает человека злобного, который действует коварно и лицемерно.

161. ГАДАТЕЛЬ.

Гадатель сидел на площади и давал предсказания за деньги. Вдруг к нему подбежал человек и крикнул, что грабители взломали его дом и унесли все добро. В ужасе гадатель вскочил и с воплем бросился со всех ног посмотреть, что случилось. Увидел это кто-то из прохожих и спросил: «Любезный, как же ты берешься гадать о чужих делах, когда о своих ничего не знаешь?»

Эта басня относится к таким людям, которые и сами не умеют жить, и за чужие дела берутся, их не касающиеся.

162. МАЛЬЧИК И ВОРОН.

Одна женщина гадала о судьбе своего малютки-сына, и гадатели ей сказали, что смерть ему принесет ворон. В страхе она изготовила большой ларец и посадила туда сына, чтобы уберечь его от ворона и смерти. А в назначенные часы она этот ларец отворяла и давала сыну необходимую пищу. И вот однажды отворила она ларец, чтобы дать ему пить, а мальчик неосторожно высунулся; и крючок от дверцы, который тоже называется «вороном», упал ему на темя и убил его насмерть.

Басня показывает, что от судьбы уйти невозможно.

163. ПЧЕЛЫ И ЗЕВС.

Пчелам было жалко отдавать людям свой мед, и они явились к Зевсу с просьбой дать им силу поражать жалом всякого, кто подойдет к их сотам. Рассердился на них Зевс за такую злобу и сделал так, чтобы, ужалив кого-нибудь, они тотчас теряли жало, а вместе с ним и жизнь.

Эта басня относится к людям злобным, которые сами себе приносят вред.

164. ЖРЕЦЫ КИБЕЛЫ.

У жрецов Кибелы был осел, на которого они навьючивали поклажу в своих странствиях. А когда осел измучился и околел, они содрали с него шкуру и сделали из нее бубны для своих плясок. Встретили их однажды другие бродячие жрецы и спросили, где же их осел; а они ответили: «Он умер, но побоев ему, мертвому, достается столько, сколько и живому не доставалось».

Так иные рабы, хоть и получают вольную, но от рабской своей доли избавиться не могут.

165. МЫШИ И ЛАСКИ.

У мышей была война с ласками, и мыши терпели поражения. Собрались они однажды и решили, что причина их несчастий — безначалие. Тогда они выбрали полководцев и поставили их над собой; а полководцы, чтобы выделяться среди всех, раздобыли и привязали себе рога. Про-

изошла битва, и снова все мыши потерпели поражение. Но простые мыши разбежались по норам и легко в них попрятались, а полководцы из-за своих рогов не могли туда залезть, и ласки их схватили и сожрали.

Тщеславие многим приносит несчастия.

166. МУРАВЕЙ.

Муравей некогда был человеком и занимался хлебопашеством; но, не довольствуясь плодами своего труда, он завидовал другим и все время их обкрадывал. Рассердился на него Зевс за такую жадность и превратил его в насекомое, которое мы называем муравьем. Но и в новом облике нрав у него остался прежний: он и по сей день бегает по полям и собирает по гумнам пшеницу и ячмень себе про запас.

Басня показывает: кто от природы злонравен, того никакое наказание не исправит.

167. МУХА.

Муха попала в горшок с мясом и, уже захлебываясь в отваре, сказала сама себе: «Что ж, я наелась, напилась, искупалась, теперь и помереть не жаль!»

Басня о том, что людям легче принять смерть, когда она неожиданная.

168. ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРПЕВШИЙ КРУШЕНИЕ, И МОРЕ.

Человек, потерпевший кораблекрушение, доплыл до берега моря и заснул там, измученный; а немного спустя проснулся, увидел море и стал его бранить за то, что оно завлекает людей своим мирным видом, а сто́ит им отплыть, как оно начинает яриться и их губит. Тогда море, приняв женский образ, обратилось к нему так: «Не меня брани, любезный, а ветры! Сама я от природы такова, какой ты меня видишь, но ветры налетают на меня мгновенно, и от них я становлюсь бурным и яростным».

Так и нам при виде беззаконий следует винить не тех, кто бесчинствует по чужому подстрекательству, а тех, кто их к этому побуждает.

169. МОТ И ЛАСТОЧКА.

Юноша-расточитель промотал все свое добро, и остался у него только плащ. Вдруг увидел он ласточку, которая прилетела раньше времени, и решил, что уже лето и плащ ему больше не нужен; отнес он плащ на рынок и продал. Но потом опять вернулась зима и сильные холода, и юноша, бродя тут и там, увидел ласточку на земле мертвой. Сказал он ей: «Эх, ты! и меня, и себя погубила».

Басня показывает, как опасно все, что делается не вовремя.

170. БОЛЬНОЙ И ЛЕКАРЬ.

Один человек был болен. Лекарь спросил, как он себя чувствует; больной ответил, что слишком потеет; лекарь сказал: «Это хорошо». В другой раз спросил лекарь, как дела; больной ответил, что его все время бьет озноб; лекарь сказал: «И это хорошо». В третий раз явился лекарь и спросил, как болезнь; больной ответил, что у него водянка; лекарь сказал: «Это тоже хорошо». И когда навестил больного кто-то из родственников и спросил, как здоровье, то ответил больной: «До того уж хорошо, что помирать впору».

Так многие, поверхностно судя, считают своих ближних счастливыми как раз за то, от чего они больше всего и мучатся.

171. ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, ТЕРНОВНИК И НЫРОК.

Летучая мышь, терновник и нырок решили сложиться и торговать заодно. Летучая мышь заняла денег и внесла в товарищество, терновник дал свою одежду, а нырок купил меди и тоже внес. Но когда они отплыли, разразилась сильная буря, и корабль перевернулся; сами они выбрались на сушу, но все добро потеряли. С тех самых пор нырок все ищет свою медь и ныряет за ней в морскую глубину; летучая мышь боится показаться заимодавцам и днем прячется, а ночью вылетает на добычу; а терновник, отыскивая свою одежду, цепляется за плащи прохожих, чтобы найти между ними свой.

Басня показывает, что больше всего мы заботимся о том, в чем когда-то сами понесли ущерб.

172. ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И ЛАСКА.

Летучая мышь упала на землю, и ее схватила ласка. Видя, что смерть пришла, взмолилась летучая мышь о пощаде. Ответила ласка, что не может ее пощадить: от природы у нее вражда со всеми птицами. Но сказала летучая мышь, что она не птица, а мышь, и ласка ее отпустила. В другой раз летучая мышь упала на землю, и ее схватила другая ласка. Стала просить летучая мышь не убивать ее. Ответила ласка, что у нее вражда со всеми мышами. Но сказала летучая мышь, что она не мышь, а летучее животное, и опять отпустила ее ласка. Так, дважды поменяв имя, удалось ей спастись.

Так и нам нельзя всегда быть одинаковыми: те, кто умеет применяться к обстоятельствам, часто избегают больших опасностей.

173. ДРОВОСЕК И ГЕРМЕС.

Один дровосек рубил дрова на берегу реки и уронил свой топор. Течение унесло его, а дровосек уселся на берегу и стал плакать. Пожалел его Гермес, явился и узнал у него, почему он плачет. Нырнул он в воду, и вынес дровосеку золотой топор и спросил, его ли это? Дровосек ответил, что не его; во второй раз нырнул Гермес, вынес серебряный топор и опять спросил, тот ли это, который потерялся? И от этого отказался дровосек; тогда в третий раз вынес ему Гермес его настоящий топор, деревянный. Признал его дровосек; и тогда Гермес в награду за его честность подарил дровосеку все три топора. Взял дровосек подарок, пошел к товарищам и рассказал все, как было. А одному из них стало завидно, и захотел он сделать то же самое. Взял он топор, пошел к той же самой речке, стал рубить деревья и нарочно упустил топор в воду, а сам сел и стал плакать. Гермес явился и спросил его, что случилось? А он ответил, что топор пропал. Вынес ему Гермес золотой топор и спросил, тот ли это, что пропал? Обуяла человека жадность, и воскликнул он, что это тот самый и есть. Но за это бог не только не дал ему подарка, но и его собственный топор не вернул.

Басня показывает, что насколько боги помогают честным, настолько же они враждебны нечестным.

174. ПУТНИК И СУДЬБА.

Путник, уставший после долгой дороги, бросился наземь возле колодца и заснул. Во сне он едва не скатился в колодец; но подошла к нему

Судьба, разбудила и сказала: «Любезный, если бы ты свалился, ведь ты бранил бы не себя за свою неосторожность, а меня!»

Так многие люди винят богов, когда виноваты сами.

175. ПУТНИКИ И ПЛАТАН.

Путники шли дорогою в летнюю пору, в полдень, изнемогая от жары. Увидели они платан, подошли и легли под ним отдохнуть. Глядя вверх на платан, стали они между собою говорить: «А ведь бесплодное это дерево и бесполезное для людей!» Ответил им платан: «Неблагодарные вы! сами пользуетесь моей сенью и тут же обзываете меня бесплодным и бесполезным!»

Так не везет и некоторым людям: они делают ближним добро, а благодарности за это не видят.

176. ПУТНИК И ГАДЮКА.

Путник шел зимой по дороге и увидел змею, которая погибала от стужи. Пожалел он ее, поднял, спрятал за пазуху и стал отогревать. Пока змея была замерзшая, она лежала спокойно, а как только отогрелась — ужалила его в живот. Почувствовав смерть, сказал путник: «Поделом мне: зачем я спас умирающую тварь, когда ее и живую-то надо было убить?»

Басня показывает, что злая душа не только не платит благодарностью в ответ на добро, но даже восстает против благодетеля.

177. ПУТНИКИ.

Путники шли по берегу моря. Взошли они на холм и заметили вдали плывущую вязанку хвороста, а подумали, что это большой корабль, и стали ждать, пока он причалит. А когда ветер пригнал хворост поближе, то они решили, что это плот, и поменьше, чем казалось, но продолжали ждать. Наконец, прибило хворост к берегу, увидели они, что это такое, и сказал один другому: «Зря мы дожидались: ничего тут нет!»

Так и некоторые люди издали кажутся грозными, а как посмотреть поближе, оказываются ничтожествами.

178. ПУТНИК И ГЕРМЕС.

Путник в дальней дороге дал обет, что если найдет что-нибудь, то половину пожертвует Гермесу. Наткнулся он на суму, в которой были миндаль и финики, и поспешил поднять ее, думая, что там деньги. Вытряхнул он все, что там было, и съел, а скорлупки от миндаля и косточки от фиников положил на алтарь с такими словами: «Вот тебе, Гермес, обещанное от находки: делюсь с тобой и тем, что было снаружи, и тем, что было внутри».

Басня относится к человеку жадному, который ради наживы и богов перехитрить готов.

179. ОСЕЛ И САДОВНИК.

Был осел у садовника; есть ему приходилось мало, а мучиться много, и взмолился он, чтобы Зевс отобрал его у садовника и передал другому хозяину. Послал Зевс Гермеса и велел продать осла горшечнику. И здесь ослу тяжело пришлось, и страдал он гораздо больше; вновь стал он призывать Зевса, и, наконец, Зевс распорядился продать его кожевнику. Увидел осел, чем занимается его хозяин, и сказал: «Ох, лучше мне было у прежних моих хозяев: ведь этот, как я погляжу, и вовсе шкуру с меня сдерет».

Басня показывает, что стоит рабам узнать своих новых хозяев, и они начинают жалеть о старых.

180. ОСЕЛ, НАВЬЮЧЕННЫЙ СОЛЬЮ.

Осел, навьюченный солью, переходил через реку, но поскользнулся и упал в воду; соль растаяла, и ослу стало легче. Обрадовался осел, и когда в следующий раз подошел к реке, навьюченный губками, то подумал, что если он опять упадет, то снова встанет с облегченной ношей; и поскользнулся уже нарочно. Но вышло так, что губки от воды разбухли, поднять их было уже невмочь, и осел утонул.

Так и некоторые люди своими собственными хитростями, сами того не ведая, доводят себя до беды.

181. ОСЕЛ И МУЛ.

Погонщик навьючил осла и мула и погнал их в путь. Пока дорога была ровная, осел еще держался под тяжестью; но когда пришлось идти

в гору, то выбился он из сил и попросил мула взять у него часть поклажи: тогда он-де сможет донести остальную часть. Но мул такие его слова и слушать не захотел. Рухнул осел с горы и убился насмерть; а погонщик, не зная, как теперь быть, взял и перевалил ношу осла на мула, да еще вдобавок навьючил на него и ослиную шкуру. Нагруженный сверх всякой меры, промолвил мул: «Поделом мне: кабы я послушался осла и принял малую часть его груза, не пришлось бы мне теперь тащить и всю его ношу, и его самого».

Так некоторые заимодавцы, не желая сделать должникам ни малейшей уступки, нередко теряют на этом весь капитал.

182. ОСЕЛ СО СТАТУЕЙ НА СПИНЕ.

Один человек поставил на осла статую бога и погнал осла в город. И каждый встречный этой статуе низко кланялся; а осел решил, что это кланяются ему, возгордился, начал реветь и не захотел идти дальше. Догадался погонщик, в чем дело, и отколотил осла палкою, приговаривая: «Дурная ты голова! только этого и не хватало, чтобы люди поклонялись ослу!»

Басня показывает, что люди, которые хвастаются чужими заслугами, становятся посмешищем для всех, кто с ними знаком.

183. ДИКИЙ ОСЕЛ.

Дикий осел повстречал домашнего осла, который грелся на солнце, подошел к нему и позавидовал, что у него такой хороший вид и так много корму. Но потом увидел он, как домашний осел тащит тяжесть, а погонщик идет сзади и колотит его палкой, и сказал: «Нет, больше я тебе не завидую: вижу, что твоя привольная жизнь дорогой ценой тебе достается».

Так не следует завидовать выгодам, которые сопряжены с опасностями и несчастьями.

184. ОСЕЛ И ЦИКАДЫ.

Осел услышал, как стрекочут цикады; понравилось ему их сладкое пенье, стало ему завидно, и спросил он: «Чем вы питаетесь, чтобы иметь

такой голос?» — «Росою», — ответили цикады. Стал осел и сам кормиться росою, но околел с голоду.

Так люди, добиваясь того, что противно их природе, не достигают цели, и к тому же терпят великие бедствия.

185. ОСЛЫ И ЗЕВС.

Ослы, измученные постоянными страданиями и невзгодами, отправили к Зевсу послов и просили у него избавления от трудов. Зевс, желая дать им понять, что это дело невозможное, сказал: тогда наступит перемена в их горькой судьбе, когда им удастся напрудить целую реку. А ослы подумали, что он и вправду это обещает; и вот до сих пор, где помочился один осел, туда сбегаются прудить и другие.

Басня показывает: кому что суждено, того не изменить.

186. ОСЕЛ И ПОГОНЩИК.

Погонщик гнал по дороге осла; но тот прошел немного, свернул в сторону и помчался к обрыву. Он должен был вот-вот свалиться, и погонщик стал его оттаскивать за хвост, но осел упрямо упирался. Тогда погонщик отпустил его и сказал: «Будь по-твоему: тебе же хуже!»

Басня относится к человеку упрямому.

187. ОСЕЛ И ВОЛК.

Осел пасся на лугу и вдруг увидел, что на него бежит волк. Осел притворился, что хромает; а когда волк приблизился и спросил, почему это он хромает, осел ответил: «Скакал через плетень и занозился колючкой!» — и попросил волка сперва вытащить колючку, а потом уж его съесть, чтобы не уколоться. Поверил волк; задрал осел ногу, и стал волк старательно разглядывать его копыто; а осел как ударил его копытом прямо в пасть, так и вышиб ему все зубы. Мучась от боли, промолвил волк: «Поделом мне! Отец меня вырастил мясником — не к лицу мне делаться лекарем!»

Так и люди, которые берутся за несвойственное им занятие, поделом попадают в беду.

188. ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ.

Осел натянул львиную шкуру и стал расхаживать, пугая неразумных животных. Завидев лисицу, он и ее хотел напугать; но та услышала, как он ревет, и сказала ему: «Будь уверен, и я бы тебя испугалась, кабы не слышно было твоего крику!»

Так иные неучи напускной спесью придают себе важность, но выдают себя своими же разговорами.

189. ОСЕЛ И ЛЯГУШКИ.

Осел, навьюченный дровами, переходил через болото. Поскользнулся он, упал, не смог подняться и начал стонать и кричать. Болотные лягушки услыхали его стоны и сказали: «Любезный, ты только что свалился, и уже так ревешь; а что бы ты делал, если бы сидел здесь столько, сколько мы?»

Эту басню можно применить к человеку малодушному, который падает духом от самых малых неприятностей, между тем как другие спокойно выносят и более тяжкие.

190. ОСЕЛ, ВОРОН И ВОЛК.

Пасся на лугу осел, у которого вся спина была в ранах. Сел ему на спину ворон и стал их расклевывать. Осел ревел и бился, а погонщик стоял поодаль и хохотал. Увидел это, проходя мимо, волк, и сказал сам себе: «Несчастные мы! нас едва увидят и бросаются в погоню, а ворон как ни вцепись, над ним только смеются».

Басня показывает, что злых людей издалека видно.

191. ОСЕЛ, ЛИСИЦА И ЛЕВ.

Осел и лисица решили жить в дружбе и отправились на охоту. Встретился им лев. Лисица, завидев грозящую опасность, побежала к нему и пообещала выдать осла, если он за это ее не тронет. Лев объявил, что отпустит ее; и тогда лиса подвела осла к ловушке и заманила его туда. Увидел лев, что осел уже убежать не может, и растерзал сперва лисицу, а потом уж набросился на осла.

Так люди, замышляющие зло против товарищей, часто не замечают, как и сами себя губят.

192. КУРИЦА И ЛАСТОЧКА.

Курица нашла змеиные яйца, бережно их высидела, и они треснули. Увидела это ласточка, и сказала ей: «Глупая! зачем вырастила ты таких детенышей, которые, чуть подрастут, тебя же загубят первую!»

Так никакие благодеяния не могут укротить дурной нрав.

193. ПТИЦЕЛОВ И ЖАВОРОНОК.

Птицелов ставил на птиц силки. Увидел его жаворонок и спросил, что это он делает. Ответил птицелов: «Город строю!» — и отошел в сторонку. Поверил жаворонок, подошел, клюнул приманку и неожиданно попался в силок. Подбежал птицелов и схватил его, а жаворонок и говорит: «Ну, любезный, если такие ты города строишь, то немного у тебя будет жителей!»

Басня показывает, что люди покидают дом и родину чаще всего тогда, когда у власти стоят дурные правители.

194. ПТИЦЕЛОВ И АИСТ.

Птицелов расставил на журавлей сети и издали наблюдал за ловлей. Вместе с журавлями опустился на поле и аист, и птицелов, подбежав, поймал его вместе с ними. Стал аист просить не убивать его: ведь людям он не только не вреден, но даже полезен, потому что ловит и убивает змей и прочих гадов. Ответил птицелов: «Будь ты хоть трижды полезен, но был ты здесь среди негодяев, и потому все равно заслужил наказание».

Так и мы должны избегать общества дурных людей, чтобы самим не прослыть их сообщниками в недобрых делах.

195. ВЕРБЛЮД.

Когда люди в первый раз увидели верблюда, они испугались его роста и в ужасе разбежались. Но прошло время, узнали они его смирный нрав, осмелели и стали к нему подходить; а еще немного спустя поняли они, что верблюд и вовсе не способен злиться, и дошли до такого к нему презрения, что надели на него уздечку и дали детям его погонять.

Басня показывает, что даже страх смягчается привычкой.

196. ЗМЕЯ И КРАБ.

Змея и краб жили вместе. Но краб относился к змее бесхитростно и дружелюбно, а змея всегда была злонравна и коварна. Краб не раз просил ее не таить против него зла и быть с ним такою, каков он с ней; но она не слушалась. Рассердился краб, подстерег ее во время сна, ухватил за глотку и задушил. И, глядя, как она вытянулась, он молвил: «Эх, любезная, не теперь, после смерти, быть бы тебе такой прямой, а тогда, когда я тебя об этом просил, а ты все не слушалась!»

Эту басню можно применить к людям, которые при жизни обращались с друзьями дурно, а после смерти хвалятся благодеяниями.

197. ЗМЕЯ, ЛАСКА И МЫШИ.

В одном доме бились друг с другом змея и ласка. А мыши этого дома, которых и ласка, и змея истребляли, выбежали посмотреть на их битву. Но, завидев это, ласка и змея перестали биться и набросились на них.

Так и в государствах те граждане, которые вмешиваются в распри демагогов, сами того не желая, становятся их жертвами.

198. РАСТОПТАННАЯ ЗМЕЯ.

Змея, которую люди топтали один за другим, стала жаловаться Зевсу. Но Зевс ей ответил: «Укусила бы ты первого, кто на тебя наступил, тогда второй бы уже не посмел».

Басня показывает: кто дает отпор первым обидчикам, того боятся и остальные.

199. МАЛЬЧИК, ЛОВЯЩИЙ КУЗНЕЧИКОВ.

За городскою стеной мальчик ловил кузнечиков. Поймал он уже немало, как вдруг увидел скорпиона и, приняв его за кузнечика, сложил уже было руку, чтобы его накрыть. Но скорпион поднял жало и сказал: «Попробуй только это сделать! тотчас потеряешь и тех кузнечиков, которых наловил».

Эта басня учит, что с добрыми и злыми нельзя вести себя одинаково.

200. МАЛЬЧИК-ВОР И ЕГО МАТЬ.

Мальчик в школе украл у товарища дощечку и принес матери. А та не только его не наказала, но даже похвалила. Тогда в другой раз он украл плащ и принес ей, а она приняла это еще охотнее. Время шло, мальчик стал юношей и взялся за кражи покрупнее. Наконец, поймали его однажды с поличным и, скрутив локти, повели на казнь; а мать шла следом и колотила себя в грудь. И вот он сказал, что хочет что-то шепнуть ей на ухо; подошла она, а он разом ухватил зубами и откусил ей кусок уха. Стала мать корить его, нечестивца: мало ему всех его преступлений, так он и родную мать еще увечит! Перебил ее сын: «Кабы наказала ты меня, когда я в первый раз принес тебе краденую дощечку, — не докатился бы я до такой судьбы и не вели бы меня сейчас на смерть».

Басня показывает: если не наказать вину в самом начале, она становится все больше и больше.

201. ГОЛУБЬ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ПИТЬ.

Голубь, измученный жаждой, увидел картину, изображавшую чашу с водой, и подумал, что она настоящая. Он бросился к ней с громким шумом, но неожиданно наткнулся на доску и разбился: крылья его переломались, и он упал на землю, где и стал добычею первого встречного.

Так иные люди в порыве страсти берутся за дело опрометчиво и сами себя губят.

202. ГОЛУБКА И ВОРОНА.

Голубка, откормленная в голубятне, хвасталась, как много у нее птенцов. Ворона, услыхав ее слова, сказала: «Перестань, любезная, этим хвастаться: чем больше будет у тебя птенцов, тем горше будешь ты оплакивать свое рабство».

Так и среди рабов несчастнее всех те, кто в рабстве рождает детей.

203. ОБЕЗЬЯНА И РЫБАКИ.

Обезьяна, сидя на высоком дереве, увидела, как рыбаки забрасывают в реку невод, и стала следить за их работой. А когда они вытащили невод и сели поодаль завтракать, она соскочила и захотела сама сделать,

как они: недаром говорят, что обезьяна — переимчивое животное. Но чуть взялась она за сеть, так в ней и запуталась; и сказала тогда она сама себе: «Поделом мне: зачем я полезла ловить рыбу, не зная, как за это взяться?»

Басня показывает, что браться за дело непривычное не только бесполезно, но даже пагубно.

204. БОГАЧ И КОЖЕВНИК.

Богач поселился рядом с кожевником; но, не в силах выносить вонь, стал его уговаривать переехать отсюда. А тот все время откладывал, обещая со дня на день переехать. Так оно и шло, пока не кончилось дело тем, что богач привык к запаху и перестал докучать кожевнику.

Басня показывает, что привычка и неудобства смягчает.

205. БОГАЧИ И ПЛАКАЛЬЩИЦЫ.

У богача было две дочери. Одна из них умерла, и он нанял по ней плакальщиц. Вторая дочь сказала матери: «Бедные мы! У нас горе, а мы и плакать не умеем, между тем как эти женщины, совсем чужие, так рыдают и бьют себя в грудь». Ответила мать: «Не дивись, мое дитя, что они так надрываются: им за это деньги платят».

Так иные люди из корыстолюбия не гнушаются наживаться и на чужом горе.

206. ПАСТУХ И СОБАКА.

У пастуха была огромная собака, и он всегда давал ей на съедение мертворожденных ягнят и околевших овец. Однажды, загнав уже стадо, увидел пастух, как собака ходит меж овец и виляет им. «Эй, любезная! — крикнул он, — самой бы тебе того, чего ты им желаешь!»

Басня относится к льстецу.

207. ПАСТУХ И МОРЕ.

Пастух пас стадо на берегу моря. Увидел он, какое море спокойное и тихое, и захотелось ему пуститься в плаванье. Продал он овец, купил фиников, погрузил их на корабль и отплыл. Но разразилась страшная

буря, корабль перевернулся, весь товар погиб, и сам он едва доплыл до берега. А когда снова наступила тишь, увидел он, что стоит на берегу человек и восхваляет спокойное море. И сказал ему пловец: «Эй, любезный, никак морю и от тебя фиников захотелось?»

Так часто разумным людям му́ка бывает наукой.

208. ПАСТУХ И ОВЦЫ.

Пастух пригнал своих овец в рощу и увидел там огромный дуб, весь в желудях. Расстелил он плащ, влез на дерево и начал стряхивать желуди. А овцы стали эти желуди подъедать и незаметно вместе с ними съели и плащ. Спустился пастух, увидел, что случилось, и говорит: «Зловредные вы твари! другим людям вы шерсть для плащей даете, а у меня, который вас кормит, и старый-то плащ отнимаете?»

Так многие люди по глупости чужим услуживают, а ближних обижают.

209. ПАСТУХ И ВОЛЧАТА.

Пастух нашел волчат и выкормил их с великим старанием: он надеялся, что когда они вырастут, то не только будут охранять его овец, но даже добывать ему и чужих. Но как только волчата выросли, они при первом удобном случае набросились на его собственное стадо. Со стоном сказал пастух: «Поделом мне: зачем я спас малолетками тех, кого надо было бы убить и взрослыми?»

Так спасти дурных людей — это значит укрепить их силы против себя же первого.

210. ПАСТУХ-ШУТНИК.

Пастух выгонял свое стадо от деревни подальше и частенько развлекался вот каким образом. Он кричал, будто волки напали на овец, и скликал поселян на помощь. Два-три раза крестьяне пугались и прибегали, а потом возвращались по домам осмеянные. Наконец, волк и в самом деле появился: он стал губить овец, пастух стал звать на помощь, но люди подумали, что это его всегдашние шутки, и не обратили на него внимания. Так и потерял пастух все свое стадо.

Басня показывает: вот чего достигают лжецы, — им не верят, даже когда они говорят правду.

211. КУПАЮЩИЙСЯ МАЛЬЧИК.

Мальчик однажды, купаясь в реке, стал тонуть; заметил он прохожего и позвал его на помощь. Тот начал бранить мальчика за то, что он полез в воду, не подумав; но мальчик ему ответил: «Сперва ты мне помоги, а потом, когда вытащишь, тогда и ругай».

Басня направлена против тех, кто сам дает повод себя бранить.

212. СТРИЖЕНАЯ ОВЦА.

Овца, которую неумело стригли, сказала стригальщику: «Если тебе шерсть нужна, держи ножницы повыше; а если мясо, то зарежь меня сразу, а не мучай так, укол за уколом».

Басня относится к тем, кто берется за дело не умеючи.

213. ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО, ЯБЛОНЯ И ТЕРНОВНИК.

Гранатовое дерево и яблоня спорили, у кого плоды лучше. Спорили они все жарче, пока терновник с ближней изгороди не услышал их и не объявил: «Перестанем, друзья: зачем нам ссориться!»

Так, когда лучшие граждане в раздоре, то даже люди ничтожные набираются важности.

214. КРОТ.

Крот, слепая тварь, сказал однажды своей матери: «Я прозрел!» Она решила проверить и дала ему зернышко ладана, спросив, что это такое? Ответил крот, что это — камешек. А она ему: «Дитя мое, не только зрения ты не получил, но еще и нюх потерял!»

Так иные хвастуны обещают невозможное, а сами оказываются бессильными и в малом.

215. ОСЫ, КУРОПАТКИ И КРЕСТЬЯНИН.

Однажды осы и куропатки, томясь жаждой, пришли к крестьянину и попросили у него попить воды; за это куропатки обещали ему вскопать виноградник и ухаживать за лозами, а осы — летать кругом и жалом отгонять воров. Ответил крестьянин: «Но у меня есть двое волов, они мне ничего не обещают, а все делают: лучше уж им я и дам пить».

Басня относится к человеку неблагодарному.

216. ОСА И ЗМЕЯ.

Оса уселась на голову змее и все время ее жалила, не давая ей покоя. Змея обезумела от боли, а отомстить недругу не могла. Тогда она выползла на дорогу и, завидев телегу, сунула голову под колесо. Погибая вместе с осою, она молвила: «Жизни лишаюсь, но с врагом заодно».

Басня против тех, кто сам готов погибнуть, лишь бы врага погубить.

217. БЫК И ДИКИЕ КОЗЫ.

Бык, спасаясь от настигающего льва, забежал в пещеру, где жили дикие козы. Козы стали его лягать и бодать, но он на это только сказал: «Я терплю это, потому что боюсь, но не вас, а того, кто стоит перед пещерой».

Так многие из страха перед сильнейшим терпят обиды и от слабейших.

218. ОБЕЗЬЯНЬИ ДЕТИ.

Обезьяны, говорят, рождают двух детенышей, и одного из них любят и бережно выхаживают, а другого ненавидят и не заботятся о нем. Но некий божественный рок устраивает так, что детеныш, которого холят, погибает, а который неухожен, остается жив.

Басня показывает, что всякой заботы сильнее рок.

219. ПАВЛИН И ГАЛКА.

Птицы держали совет, кого избрать царем, и павлин настаивал, чтобы выбрали его, потому что он красивый. Птицы уже готовы были согласиться, но тут галка сказала: «А если ты будешь царем и на нас нападет орел, то как ты нас спасешь?»

О том, что не красота, а сила должна украшать правителей.

220. ВЕРБЛЮД, СЛОН И ОБЕЗЬЯНА.

Животные держали совет, кого избрать царем, и слон с верблюдом выступили и спорили друг с другом, думая, что всех превосходят и ростом, и силою. Однако обезьяна заявила, что оба они не подходят: вер-

блюд — оттого, что не умеет гневаться на обидчиков, а слон — оттого, что при нем на нас может напасть поросенок, которого слон боится.
Басня показывает, что часто малая помеха останавливает большое дело.

221. ЗЕВС И ЗМЕЯ.

Зевс справлял свадьбу, и все звери приносили ему подарки, кто что мог. Приползла и змея, держа в зубах розу. Увидел ее Зевс и сказал: «У всех остальных приму я подарки, но из твоих зубов не приму».
Басня показывает, что любезности дурных людей опасны.

222. СВИНЬЯ И СОБАКА.

Свинья и собака бранились. Свинья поклялась Афродитою, что если собака не замолчит, она ей выбьет все зубы. Собака возразила, что свинья и тут неправа: ведь Афродита свинью ненавидит, да так, что не позволяет входить в свои храмы тем, кто отведал свиного мяса. Свинья в ответ: «Не из ненависти, а из любви ко мне она это делает, чтобы люди меня не убивали».
Так искусные риторы даже оскорбление, услышанное от противников, часто умеют обратить в похвалу.

223. СВИНЬЯ И СОБАКА.

Свинья и собака спорили, у кого лучше дети. Собака сказала, что она рожает быстрее всех зверей на свете. Но свинья ответила: «Коли так, то не забудь, что рожаешь ты детенышей слепыми».
Басня показывает, что главное не в том, чтобы делать быстро, а в том, чтобы сделать до конца.

224. КАБАН И ЛИСИЦА.

Кабан стоял под деревом и точил клыки. Лисица спросила, зачем это: ни охотников не видно, ни другой какой беды, а он клыки точит.

Ответил кабан: «Не зря точу: когда настанет беда, не придется мне тратить на это времени, и будут они у меня уже наготове».

Басня учит, что к опасностям надо готовиться загодя.

225. СКРЯГА.

Один скряга обратил все имущество в деньги, купил слиток золота, закопал его под стеною и каждый день приходил туда посмотреть на него. Поблизости работали люди; один из них приметил его посещения, догадался, в чем дело, и, когда скряга был в отлучке, украл золото. Вернулся хозяин, увидел пустое место и начал рыдать и рвать на себе волосы. Кто-то увидел его отчаянье, узнал, в чем дело, и сказал ему: «Не горюй: возьми камень, положи на то же место и мечтай, что это золото. Ведь когда и лежало тут золото, то ты не пользовался им».

Басня показывает, что обладание без пользования ни к чему.

226. ЧЕРЕПАХА И ЗАЯЦ.

Черепаха и заяц спорили, кто из них быстрей. Назначили они для состязания время и место и разошлись. Но заяц, полагаясь на свою природную резвость, не старался бежать, а улегся возле дороги и заснул. А черепаха понимала, что двигается она медленно, и потому бежала без передышки. Так обогнала она спящего зайца и получила победную награду.

Басня показывает, что нередко труд берет верх над природными способностями, когда ими пренебрегают.

227. ЧЕРЕПАХА И ДРАКОН.

Ласточка свила себе гнездо под крышею суда. Однажды, когда она улетела, заползла в гнездо змея и съела ее птенцов. Вернулась ласточка, увидела пустое гнездо и стала горько плакать. Другие ласточки старались ее утешить, ведь не ей одной довелось терять детенышей. Но она ответила: «Не столько о детях я плачу, сколько о том, что стала я жертвой насилия в таком месте, где другие жертвы насилия находят помощь».

Басня показывает, что тогда тяжелее всего людям обиды, когда они приходят от того, от кого их меньше всего ждешь.

228. ГУСИ И ЖУРАВЛИ.

Гуси и журавли паслись на одном лугу. Вдруг появились охотники; легкие журавли взлетели в воздух, а гуси были грузные, замешкались и попались в плен.

Так и у людей: во время государственных смут бедняки, легкие на подъем, без труда спасаются из одного города в другой, а богачи от избытка имущества остаются и часто попадают в рабство.

229. ЛАСТОЧКА И ВОРОНА.

Ласточка и ворона спорили, кто красивее. И ворона ласточке сказала: «Твоя красота цветет лишь весной, а мое тело и зиму выдерживает».

Басня показывает, что долголетие лучше красоты.

230. ЧЕРЕПАХА И ОРЕЛ.

Черепаха увидела в небе орла, и захотелось ей и самой летать. Подошла она к нему и попросила за какую угодно плату научить ее. Сказал орел, что это невозможно, а она все настаивала и упрашивала. Поднял тогда орел ее в воздух, унес в вышину и бросил оттуда на скалу. Рухнула черепаха, разбилась и испустила дух.

О том, что многие люди в жажде соперничества не слушают разумных советов и губят самих себя.

231. БЛОХА И АТЛЕТ

Блоха однажды вспрыгнула на ногу разгоряченному атлету и на скаку укусила его. Он рассердился и уже сложил ногти, чтобы ее раздавить, а она опять прыгнула так, как от природы дано ей прыгать, и ускользнула от гибели. Застонал атлет и молвил: «О Геракл! если ты против блохи мне не помогаешь, то как же ты поможешь мне против соперников?»

Басня показывает, что богов следует призывать не ради пустячных и безвредных мелочей, а только при важной необходимости.

БАСНИ ИЗ ПЕРЕИЗДАНИЯ ОСНОВНОГО ЭЗОПОВСКОГО СБОРНИКА

232. ЛИСИЦЫ У МЕАНДРА.

Собрались однажды лисицы на берегу Меандра, чтобы напиться; но река неслась с таким шумом, что, как они друг друга ни подбадривали, никто не решался сойти к воде. Но вот одной из них захотелось унизить других: она вышла вперед, стала насмехаться над их трусостью, а сама, гордясь своей отвагой, смело бросилась в воду. Течение вынесло ее на середину реки, а остальные лисы, стоя на берегу, кричали ей: «Не покидай нас, вернись, покажи, как вернее спуститься к воде?» Отвечала лисица, увлекаемая течением: «У меня есть весточка в Милет, и я хочу ее туда снести; когда буду возвращаться, покажу!»

Против тех, кто своей похвальбой сам себя вводит в опасность.

233. ЛЕБЕДЬ.

Говорят, что лебеди перед смертью поют. И вот один человек увидел, как на базаре продавали лебедя, и купил его, потому что наслышался о его пении. Однажды, собираясь угощать гостей, попросил он лебедя спеть на пиру; но тот отказался. Однако вскоре потом, почуяв свою близкую смерть, стал он себя оплакивать песней; и, услышав это, сказал хозяин: «Ежели поешь ты только перед смертью, надо было тогда мне, дураку, не просить тебя о песне, а зарезать».

Так и некоторые люди, не пожелав чего-нибудь сделать по доброй воле, должны бывают это сделать по принуждению.

234. ВОЛК И ПАСТУХ.

Волк шел за стадом овец, но никого не трогал. Пастух сперва заподозрил в нем врага и с опаской выжидал; но, увидев, что волк идет все время следом, а ни на кого не нападает, пастух решил, что нашел в волке не врага, а сторожа. И когда пришла ему нужда отлучиться в город, оставил он своих овец волку и ушел. Понял волк, что пришел его час, и прикончил чуть ли не все стадо. Вернулся пастух, увидел, что овцы его погибли, и сказал: «Поделом мне: как мог я овец доверить волку?»

Так и люди, которые доверяют свое добро жадным, поделом его теряют.

235. МУРАВЕЙ И ГОЛУБЬ.

Муравью захотелось пить; спустился он к источнику, чтобы напиться, но упал в воду. Голубь с ближнего дерева оторвал листок и бросил ему; муравей выбрался на листок и спасся. В это время остановился поблизости охотник, приготовил свои прутья и хотел уже голубя изловить; но тут муравей укусил птицелова в ногу, прутья у него дрогнули, и голубь успел улететь.

Басня показывает, что при случае и от бессильных бывает помощь.

236. ПУТНИКИ И ВОРОН.

Шли люди по своим делам, и попался им ворон, слепой на один глаз. Стали они следить за ним, а один даже предлагал вернуться: этого, мол, требует примета. Но другой возразил: «Как же может ворон предвещать будущее нам, коли собственного увечья он не мог предвидеть и не остерегся?

Так люди, беспомощные в собственных делах, не годятся и близким в советчики.

237. ПОКУПКА ОСЛА.

Один человек, покупая осла, взял его на испытание — привел к своим ослам и поставил возле кормушки. А осел сразу стал рядом с самым ленивым и прожорливым, от которого не было никакого толку, а на других ослов даже не посмотрел. Взял покупатель осла за привязь и отвел обратно к хозяину. Тот спросил, чем же кончилось испытание; ответил покупатель: «Мне теперь никаких испытаний не надо: как я погляжу, он такой же, как и тот, кого он из всех одного выбрал себе товарищем».

Басня показывает, что о человеке судят по его друзьям.

238. ДОМАШНИЕ ГОЛУБИ И ДИКИЕ ГОЛУБИ.

Птицелов раскинул сети и привязал к ним домашних голубей, а сам стал поодаль и принялся ждать. Дикие голуби подлетели к домашним и запутались в сетях, а птицелов подбежал и начал их ловить. Дикие стали корить домашних за то, что они не предупредили соплеменников

о западне; но те отвечали: «Нет, нам важнее не ссориться с хозяином, чем заботиться о соплеменниках».

Так и слуг не следует бранить за то, что из верности своим господам они отступают от любви к своим родичам.

239. ХРАНИТЕЛЬ ДЕНЕГ И КЛЯТВА.

Один человек получил от приятеля на хранение деньги и задумал их присвоить. Друг призвал его к клятве; тогда он забеспокоился и отправился к себе в деревню. У самых городских ворот увидел он какого-то хромого, который шел из города, и спросил его, кто он и куда идет. Ответил хромой, что зовут его Клятва и идет он в погоню за клятвопреступниками. Спросил тогда человек, через сколько же времени возвращается обычно хромой в город? Ответил тот: «Лет через сорок, а то и через тридцать». И тогда человек, не беспокоясь о будущем, пошел и дал клятву, что никаких денег на хранение не брал. Но тут же Клятва на него накинулась и погналась, чтобы сбросить с обрыва. Стал он жаловаться, что обещала Клятва вернуться через тридцать лет, а сама не дала ему даже дня. Отвечала Клятва: «Знай же, что если кто против меня жестоко провинится, то и дня не проходит, как я возвращаюсь!»

Басня показывает, что не писаны сроки божьего наказания, посылаемого злодеям за их нечестие.

240. ПРОМЕТЕЙ И ЛЮДИ.

Прометей по повелению Зевса вылепил из глины людей и животных. Но увидел Зевс, что неразумных животных получилось гораздо больше, и велел ему часть животных уничтожить и перелепить в людей. Тот повиновался; но получилось так, что люди, переделанные из животных, получили облик человеческий, но душу под ним сохранили зверообразную.

Басня направлена против человека грубого и глупого.

241. ЦИКАДА И ЛИСИЦА.

Цикада пела на высоком дереве. Лисице захотелось ее съесть, и пошла лисица на такую хитрость. Став перед деревом, стала она восхищаться дивным голосом и упрашивать цикаду спуститься: хочется ей

посмотреть, какое такое существо так прекрасно поет? Догадалась цикада, что лиса хитрит, оторвала с дерева листок и бросила. Кинулась на него лиса, как на настоящую цикаду; а та сказала: «Ошиблась ты, любезная, если возмечтала, что я сойду: лисиц я остерегаюсь с тех самых пор, как в лисьем навозе заметила я крылышки цикады».

О том, что разумные люди учатся на несчастьях ближних.

242. ГИЕНА И ЛИСИЦА.

Говорят, что гиены каждый год меняют свой пол и становятся то самцами, то самками. И вот однажды гиена, встретив лисицу, стала ее корить: она, гиена, хочет стать ей подругой, а лисица ее отвергает. Но та ответила: «Не меня кори, а свою породу — из-за нее не могу я знать даже, будешь ли ты мне подругой или другом».

Против человека двуличного.

243. ГИЕНЫ.

Говорят, что гиены каждый год меняют свой пол и становятся то самцами, то самками, И вот однажды гиена самец полезла к самке недолжным образом. Но та ответила: «Делай, что хочешь, любезный, но скоро я с тобой буду делать, что захочу».

Так выборному чиновнику может сказать его преемник, если тот его обидит.

244. ПОПУГАЙ И ЛАСКА.

Купил человек попугая и пустил его жить в своем доме. Попугай, привычный к домашней жизни, взлетел на очаг, примостился там и стал верещать своим звучным голосом. Увидела его ласка и спросила, кто он такой и откуда явился. Ответил попугай: «Меня только что купил хозяин». Сказала ласка: «Наглая тварь! тебя только что купили, и ты так кричишь! А мне, хоть я и родилась в этом доме, хозяева и пикнуть не позволяют, и стоит мне подать голос, как они начинают сердиться и гонят меня прочь». Попугай на это отвечал: «Ступай себе, хозяюшка: мой-то ведь голос совсем не так противен хозяевам, как твой».

Басня относится к человеку сварливому, который всегда бросается на других с обвинениями.

БАСНИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ РУКОПИСЕЙ ЭЗОПОВСКОГО СБОРНИКА

БАСНИ ИЗ РУКОПИСЕЙ СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ

245. ДИОГЕН В ДОРОГЕ.

Киник Диоген шел по дороге и очутился на берегу реки в половодье. Он остановился, не зная, как переправиться. Но тут один из перевозчиков увидел его замешательство, подплыл и переправил его. Диоген, пораженный таким доброжелательством, стоял и проклинал свою бедность, из-за которой он не мог отблагодарить благодетеля. Но пока он об этом размышлял, перевозчик заметил другого путника, который не мог перебраться через реку, бросился к нему и переправил этого тоже. Тогда Диоген подошел к перевозчику и сказал: «Нет, больше нет во мне благодарности за твою услугу: вижу, что ты так поступаешь не по разумному выбору, а по несчастной своей судьбе».

246. ДИОГЕН И ПЛЕШИВЫЙ.

Кинического философа Диогена ругал один плешивый. Диоген сказал: «А я тебя ругать не буду, вовсе нет: я даже похвалю твои волосы, что они с дурной твоей головы повылезли».

247. ВЕРБЛЮД.

Верблюду его хозяин приказал пуститься в пляс. Сказал верблюд: «Да уж больно я неуклюж даже когда хожу, не то что когда пляшу!»

Басня относится к человеку, ни к какому делу не пригодному.

248. ОРЕШНИК.

Рос орешник возле дороги, и прохожие с него каменьями сбивали орехи. Со стоном орешник молвил: «Несчастный я! что ни год, я сам себе ращу и боль, и поношение».

Басня о тех, кто страдает за свое же добро.

249. ЛЬВИЦА И ЛИСА.

Лиса попрекала львицу за то, что та рожает только одного детеныша. Львица ответила: «Одного, но льва!»

Басня показывает, что ценно не количество, а достоинство.

250. ВОЛК И ЯГНЕНОК.

Волк гнался за ягненком. Тот забежал в храм. Волк стал его звать обратно: ведь если его поймает жрец, то принесет в жертву богу. Ответил ягненок: «Лучше мне стать жертвой богу, чем погибнуть от тебя».

Басня показывает, что если нужно умереть, то лучше умереть с честью.

251. ОСЕЛ И МУЛ.

Осел и мул вместе шли по дороге. Увидел осел, что поклажа у них у обоих одинаковая, и стал возмущенно жаловаться, что несет мул не больше, чем он, а корму получает вдвое. Прошли они немного, и заметил погонщик, что ослу уже невмочь; тогда он снял с него часть поклажи и переложил на мула. Прошли они еще немного, и заметил он, что осел еще больше выбивается из сил; опять стал он убавлять ослу груз, пока, наконец, не снял с него все и не переложил на мула. И тогда обернулся мул к ослу и говорит: «Ну как по-твоему, любезный, честно я зарабатываю свой двойной корм?»

Так и мы должны судить о делах каждого не по началу их, а по исходу.

252. ПТИЦЕЛОВ И КУРОПАТКА.

К птицелову в поздний час пришел гость. Угостить его было нечем, и хозяин бросился к своей ручной куропатке, чтобы ее зарезать. Куропатка стала попрекать его неблагодарностью: ведь немало она ему помогала, когда заманивала и выдавала ему других куропаток, а он ее хочет убить! Ответил птицелов: «Тем охотней я тебя зарежу, коли ты и родичей своих не жалела!»

Басня показывает: кто предает своих соплеменников, того ненавидят не только те, кого он предает, но и те, кому он их предает.

253. ДВЕ СУМЫ.

Прометей, вылепив людей, повесил им каждому на плечи две сумы: одну с чужими пороками, другую с собственными. Суму с собственными пороками он повесил за спину, а с чужими — спереди. Так и получилось, что чужие пороки людям сразу бросаются в глаза, а собственных они не замечают.

Эту басню можно применить к человеку любопытному, который в собственных делах ничего не смыслит, а о чужих печется.

254. ЧЕРВЯК И ЗМЕЯ.

Росла у дороги смоковница. Червяк увидел спящую змею и позавидовал, что она такая большая. Захотел он и сам стать таким же, лег рядом и стал растягиваться, пока вдруг от натуги не лопнул.

Так бывает с теми, кто хочет помериться с сильнейшими: они раньше лопнут, чем сумеют достигнуть до соперников.

255. КАБАН, КОНЬ И ОХОТНИК.

Кабан и конь паслись на одном пастбище. Кабан всякий раз портил коню траву и мутил воду; и конь, чтобы отомстить, обратился за помощью к охотнику. Охотник сказал, что может помочь ему, только если конь наденет уздечку и возьмет его седоком на спину. Конь на все

согласился. И, вскочив на него, охотник кабана победил, а коня пригнал к себе и привязал к кормушке.

Так многие, в неразумном гневе желая отомстить врагам, сами попадают под чужую власть.

256. СОБАКА И ПОВАР.

Собака зашла в поварню и, пока повару было не до нее, стащила сердце и бросилась бежать. Обернулся повар, увидал ее и крикнул: «Смотри, любезная, теперь не уйдешь! Не мое ты сердце стащила, но мне свое отдашь!»

Басня показывает, что часто ошибки людей бывают им наукой.

257. ЗАЙЦЫ И ЛИСИЦЫ.

У зайцев была война с орлами, и они попросили помощи у лисиц. Но те ответили: «Мы бы помогли вам, кабы не знали, кто вы такие и кто такие ваши враги».

Басня показывает: кто заводит вражду с сильнейшими, те сами себя не берегут.

258. КОМАР И ЛЕВ.

Комар подлетел ко льву и крикнул: «Не боюсь я тебя: ты не сильней, чем я! Подумай, в чем твоя сила? В том, что ты царапаешься когтями и кусаешься зубами? Так это делает любая баба, когда дерется с мужем. Нет, намного я тебя сильнее! Если хочешь — сойдемся в бою!» Затрубил комар, набросился на льва и впился ему в морду возле ноздрей, где волосы не растут. А лев стал раздирать себе морду собственными когтями, покуда не изошел яростью. Победил комар льва и взлетел, трубя и распевая победную песню. Но тут вдруг попался он в сети к пауку и погиб, горько сетуя, что воевал с врагом, сильней которого нет, а гибнет от ничтожной твари — паука.

Басня обращена против того, кто побеждал великих, а побежден ничтожным.

259. ДРОВОСЕКИ И ДУБ.

Дровосеки рубили дуб; сделав из него клинья, они раскалывали ими ствол. Промолвил дуб: «Не так кляну я топор, который меня рубит, как эти клинья, которые от меня же и рождены!»

О том, что обида от близких людей тяжелее, чем от чужих.

260. СОСНА И ТЕРНОВНИК.

Сосна терновнику говорила надменно: «Нет от тебя никакой пользы, а из меня строят и дома, и крыши храмов». Отвечал терновник: «А ты вспомни, несчастная, как топоры и пилы тебя терзают, и тебе самой захочется из сосны стать терновником».

Лучше безопасная бедность, чем богатство с горестями и тревогами.

261. ЧЕЛОВЕК И ЛЕВ ПОПУТЧИКИ.

Лев и человек шли вместе по дороге. Человек провозгласил: «Человек сильнее льва!» Ответил лев: «Лев сильнее!» Пошли они дальше, и указал человек на каменные плиты с резными фигурами, на которых люди изобразили львов, укрощаемых и попираемых людьми. «Вот, — сказал он, — видишь, каково приходится львам!» Но ответил лев: «Кабы львы умели резать по камню, немало бы ты увидел на камне и людей, попираемых львами!»

О том, что иные люди хвастаются тем, чего на деле вовсе не умеют.

262. СОБАКА И УЛИТКА.

Одна собака имела привычку глотать яйца. Увидела она однажды улитку, приняла ее за яйцо, разинула пасть и сильным глотком проглотила. Но, почувствовав в желудке тяжесть, сказала она: «Поделом мне: не надо было думать, будто все, что ни круглое, то и яйцо».

Басня учит нас, что люди, которые берутся за дело не подумав, сами себя невольно ставят в нелепое положение.

263. ДВА ПЕТУХА И ОРЕЛ.

Два петуха дрались из-за кур, и один другого побил. Побитый поплелся прочь и спрятался в темное место, а победитель взлетел в воздух, сел на высокую стену и закричал громким криком. Как вдруг орел налетел и схватил его; а тот, который прятался в темноте, спокойно с этих пор стал владеть всеми курами.

Басня показывает, что господь гневается на горделивых и милосерд к смиренным.

БАСНИ ИЗ РУКОПИСЕЙ СРЕДНЕЙ РЕДАКЦИИ

264. СОБАКА, ЛИСИЦА И ПЕТУХ.

Собака и петух решили жить в дружбе и вместе пустились в дорогу. К ночи они пришли в рощу. Петух взлетел на дерево и устроился в ветвях, а собака заснула внизу в дупле. Прошла ночь, занялась заря, и петух по своему обычаю громко запел. Услыхала его лисица, и захотелось ей его сожрать; подошла она, стала под деревом и кричит ему: «Славная ты птица и полезная людям! Спустись, пожалуйста, и споем вместе ночную песню — то-то приятно будет нам обоим!» Но ответил ей петух: «Подойди, милая, поближе да окликни там у корней сторожа, чтобы он постучал по дереву». Подошла лисица, чтобы окликнуть сторожа, а собака на нее как выскочит; схватила она лисицу и растерзала.

Басня показывает, что так и разумные люди, когда им что-нибудь угрожает, без труда умеют отплатить врагам.

265. ЖАВОРОНОК.

Жаворонок попал в западню и сказал, рыдая: «Бедная я и несчастная пташка! Ни золота не крал я, ни серебра, ни иного чего ценного — из-за малого хлебного зернышка принимаю смерть».

Басня против тех, кто ради малой выгоды подвергается большой опасности.

266. ВОИН И ВОРОНЫ.

Шел один трус на войну. Закаркали над ним вороны, он бросил оружие и притаился. Потом подобрал оружие и пошел дальше. Снова они

закаркали, снова он остановился, но сказал, наконец: «Кричите, сколько хотите: мною вы не полакомитесь!»

Басня о трусе.

267. ЛЕВ, ПРОМЕТЕЙ И СЛОН.

Лев не раз жаловался Прометею: сотворил его Прометей и большим, и красивым, в пасти у него — острые зубы, на лапах — сильные когти, всех он зверей сильнее. «И все-таки, — говорил лев, — боюсь я петуха!» Отвечал ему Прометей: «Зря ты меня винишь! все, что мог я сделать, ты от меня получил; просто душа у тебя слишком слабая!» Начал лев плакаться на свою судьбу и жаловаться на свою трусость и решил, наконец, покончить с жизнью. Шел он с такою мыслью и встретил слона, поздоровался и остановился поговорить. Увидел он, что слон все время шевелит ушами, и спросил: «Что с тобой, почему у тебя такие беспокойные уши?» А вокруг слона в это время как раз порхал комар. «Видишь, — сказал слон, — вон этого, который маленький и жужжит? так вот, если он заберется мне в ухо, то я погиб». Сказал тогда лев: «Зачем мне умирать? ведь я должен быть настолько же счастливее слона, насколько петух сильнее комара!»

Ты видишь, как могуч комар: даже слон его боится.

268. ДЕРЕВЬЯ И ОЛИВА.

Решили однажды деревья помазать над собой царя. Сказали они оливе: «Царствуй над нами!» Ответила им олива: «Я ли откажусь от моего масла, которое так ценят во мне и бог, и люди, чтобы царствовать над деревьями?» Сказали деревья смоковнице: «Иди царствуй над нами!» Ответила им смоковница: «Я ли откажусь от моей сладости и от добрых моих плодов, чтобы царствовать над деревьями?» Сказали деревья терновнику: «Иди, царствуй над нами!» Ответил деревьям терновник: «Если действительно вы помажете меня царем над собою, то придите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет из терновника огонь и пожрет кедры ливанские».

269. ВОЛК И СОБАКА.

Волк увидел огромную собаку в ошейнике на цепи и спросил: «Кто это тебя приковал и так откормил?» Ответила собака: «Охотник». —

«Нет, не для волка такая судьба! мне и голод милей, чем тяжкий ошейник».

В несчастье и еда не вкусна.

270. ОСЕЛ И СОБАКА.

Осел и собака шли вместе по дороге. Нашли они на земле запечатанное письмо; поднял его осел, сломал печать, открыл и стал читать, чтобы собака слышала. А в письме говорилось про скотный корм: про сено, про ячмень, про солому. Противно было собаке слушать, как осел про это читает, и сказала она ослу: «Пропусти, дружок, немножко: может, там найдется что-нибудь и про мясо, и про косточки?» Просмотрел осел все письмо, но ничего не нашел, о чем собака спрашивала. Сказала тогда собака: «Брось, дружок, это письмо опять наземь: нету в нем ничего путного».

271. СТЕНА И КЛИН.

Забивали в стену клин сильными ударами, и стена, расступаясь, крикнула: «Зачем терзаешь ты меня, ведь я тебе ничего дурного не сделала!» А клин в ответ: «Не я виноват, а тот, кто так бьет по мне сзади».

272. ЗИМА И ВЕСНА.

Зима насмехалась над весною и попрекала ее: только она появится, как никто уже не знает покоя, одни идут в луга и рощи, где любо им рвать цветы, любоваться лилиями и розами и вплетать их себе в кудри; другие садятся на корабли и плывут за море, посмотреть, кто там живет; и никто уже не думает ни о ветрах, ни о ливнях. «А я, — говорила зима, — правлю как самовластный царь и вождь: я заставляю людей смотреть не в небо, а под ноги, в землю, заставляю их дрожать и трепетать, и они стараются по целым дням не выходить из домов». — «Вот потому люди и рады всегда проститься с тобой, — отвечала весна, — а мое им даже имя кажется прекрасным, клянусь Зевсом, прекраснее даже всех имен. И когда меня нет, они меня помнят, а когда я прихожу, они мне рады».

БАСНИ ИЗ РУКОПИСЕЙ МЛАДШЕЙ РЕДАКЦИИ

273. ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА.

Лев, состарившись, заболел и залег в пещере. Навестить своего царя явились все звери, кроме одной только лисицы. Воспользовался волк этим случаем и стал наговаривать льву на лисицу: она, мол, звериного владыку ни во что не ставит и потому не пришла навестить его. А лисица тут и появилась и расслышала последние слова волка. Рявкнул на нее лев; а она тотчас попросила дать ей оправдаться. «Кто из всех здесь собравшихся, — воскликнула она, — поможет тебе так, как помогла я, которая бегала всюду, искала тебе лекарства у всех врачей и нашла его?» Тотчас велел ей лев сказать, что это за лекарство. А она: «Должен ты ободрать заживо волка и завернуться в его шкуру!» И когда волк простерся мертвый, лиса с насмешкою сказала: «Не на зло, а на добро побуждать надо властителя».

Басня показывает: кто строит козни против другого, тот сам себе готовит западню.

274. ЩЕНОК И ЛЯГУШКИ.

Щенок бежал за одним прохожим; от долгого пути и от летней жары он устал и под вечер улегся поспать на росистой траве возле пруда. Заснул он, а лягушки по соседству подняли громкий крик, как у них водится. Щенок проснулся, рассердился и решил подойти к воде поближе и гавкнуть на лягушек, чтобы они перестали квакать и он мог бы спать спокойно. Но сколько он на них ни лаял, ничто не помогало; обозлился он и, уходя прочь, сказал: «Я был бы глупее вашего, если бы вздумал вас, крикливых и несносных, научить уму и вежливости».

Басня о том, что заносчивые люди, как бы они ни старались, не могут вразумить даже своих близких.

275. ЭФИОП.

Один человек купил эфиопа. Он подумал, что цвет его кожи стал таким от нерадивости прежнего хозяина, и потому, как только привел его домой, стал его отмывать всеми водами и всеми щелоками. Но кожа, какой была, такой и осталась, а от его усилий эфиоп только заболел.

Басня показывает, что, каков человек от природы, таким он и останется.

276. ПАСТУХ И ВОЛК.

Пастух нашел новорожденного волчонка, забрал его и выкормил вместе с собаками. Волчонок вырос; но когда случалось волку унести из стада овцу, он гнался за волком вместе с собаками, а когда собаки, не догнав волка, поворачивали, он бежал дальше, выхватывал овцу и делил с волком его добычу, а потом возвращался. Если же волки ниоткуда на стадо не нападали, он убивал овец сам и пожирал их вместе с собаками. Наконец, пастух дознался, в чем дело, понял все и казнил волка, повесив его на дереве.

Басня показывает, что, как ни корми, дурная порода не даст хорошего нрава.

277. ЛЕБЕДЬ.

Один богач выкармливал гуся и лебедя, но с разной целью: гуся для стола, лебедя ради пения. А когда пришло время принять гусю ту участь, для которой его растили, была ночь, и нельзя было распознать, который кто: и вместо гуся схватили лебедя. Но запел лебедь, почуяв смерть, и пение это обнаружило его породу и спасло его от гибели.

Басня показывает, что часто дары муз помогают избегнуть гибели.

278. ЖЕНА И МУЖ-ПЬЯНИЦА.

У одной женщины муж был пьяница. Чтобы отвадить его от этого пристрастия, придумала она такую хитрость. Она дождалась, чтобы муж ее напился и заснул, и когда он стал бесчувственным, как мертвец, она взвалила его на плечи, отнесла на кладбище, положила там и ушла. А когда, по ее расчету, он уже должен был протрезвиться, она подошла к воротам кладбища и постучала. Крикнул муж: «Кто там стучится у ворот?» — «Это я, — отвечала она, — несу покойникам поесть!» А он: «Не поесть, а попить принеси мне лучше, милейшая! Для меня мука слышать, как ты говоришь о еде, а не о вине!» Тут ударила она себя руками в грудь: «Несчастная я! никакого мне толку от моей хитрости! Видно, ты, муженек, не только не образумился, а стал еще хуже, чем был: привычка стала природою».

Басня показывает, что не надо привыкать к дурному: не то придет срок, и привычка будет владеть человеком против его воли.

БАСНИ
ИЗ ПЕРЕСКАЗОВ БАБРИЯ

279. СОЛОВЕЙ И ЛАСТОЧКА.

Кто пострадал, тот избегает даже места, где испытал страдание.

Соловья уговаривала ласточка жить в одном доме и под одной крышей с людьми, как живет она сама. Но соловей ответил: «Не хочу я вспоминать всю муку былых моих несчастий, потому и живу в одиночестве».

280. КОЗА И ОСЕЛ.

Кто измышлял козни против другого, тот сам становится виновником собственных бед.

У одного человека были коза и осел. Коза позавидовала, что осла так сытно кормят, и сказала ему: «До чего дурно с тобой обращаются! то ты ворочаешь жернов, то таскаешь вьюки!» И посоветовала ему притвориться припадочным и упасть в яму, чтобы отдохнуть. Осел поверил, упал в яму и расшибся. Хозяин позвал лекаря и попросил его помочь. Тот сказал, что для осла нужно приготовить снадобье из козьего легкого и тогда он выздоровеет. И они, чтобы вылечить осла, зарезали козу.

281. ПАСТУХ И КОЗА.

Когда вина очевидна, то скрыть ее невозможно.

Пастух зазывал своих коз в загон; а одна из них щипала вкусную траву и отстала. Пастух бросил в нее камнем, попал прямо в рог и сломал его. Стал он в смущении и страхе просить козу не выдавать его хозяину. А коза сказала: «Но ведь если даже я промолчу, рог-то мой сломанный ни от кого не скрыть!»

282. ЗЕВС И ДУБЫ.

Кто сам виновник своих бед, тот несправедливо за это хулит богов.

Дубы жаловались Зевсу: «Зачем ты сотворил нас вместе с другими растениями, коли нас все равно рубят?» Ответил Зевс: «Вы сами виноваты, если вас рубят: не расти на вас топорища, не нашлось бы на вас и топоров».

283. РАБЫНЯ И АФРОДИТА.

Не к лицу гордыня тому, кто разбогател дурными средствами, да еще вдобавок сам дурного нрава и дурного вида.

В одну рабыню, дурную и безобразную, влюбился хозяин. Она брала у него деньги, ходила разодетой и разубранной и даже с самой хозяйкой заводила ссоры; а богине Афродите без устали приносила жертвы и обеты, будто та даровала ей красоту. Но богиня явилась ей во сне и сказала: «Не с чего тебе меня благодарить, не сделала я тебя краше: лишь тому ты хороша, кто мне противен».

284. РЫБАК И РЫБЫ.

Легко спастись тому, кто небогат; а кто важен и на виду, тот редко, как мы убеждаемся, избегает опасностей.

Рыбак вытянул из моря невод с добычею. Всю крупную рыбу он забрал и вывалил на землю. А мелкая рыба сквозь ячейки сети успела легко ускользнуть в море.

285. ЧЕЛОВЕК И ЛИСА.

Человек должен быть кроток и не гневаться без меры. А кто несдержан в гневе, тот нередко за это платится немалыми несчастиями.

Один человек лютой ненавистью ненавидел лисицу за то, что она портила его посевы. И вот, поймав ее, захотел он казнить ее страшной казнью: привязал к ее хвосту паклю, политую маслом, и поджег. Но злой бог погнал лисицу прямо на поле хозяина; и пришлось ему горько плакать, ибо ни единого зерна он с того поля не собрал.

286. АФИНЯНИН И ФИВАНЕЦ.

Когда ссорятся слуги, тогда и хозяева начинают враждовать из-за своих подчиненных.

Два человека поспорили, который из богов сильнее, Тезей или Геракл? И оба эти бога, рассердившись каждый на своего хулителя, выместили гнев на его стране.

287. СТРЕЛОК И ЛЕВ.

Начиная дело, думай, как его кончить, и постарайся остаться невредимым.

Один умелый стрелок пошел на охоту в горы. Все звери бросились перед ним в бегство. Только лев вызвал его на бой. Но тот пустил стрелу, ранил льва и сказал: «Прими сперва гонца моего да посмотри, каков он есть; а там и я к тебе пожалую». Лев раненый пустился бежать. Лиса его стала уговаривать остановиться и опомниться; а он ей: «Нет, меня не проведешь: коли от гонца мне так больно, то что же со мной будет, когда он сам пожалует?»

288. МЕДВЕДЬ И ЛИСИЦА.

Эта басня изобличает лихоимцев, лицемерных и тщеславных.

Медведь расхвастался, будто он любит людей и потому не трогает их трупов. Лиса на это отвечала: «Уж лучше бы ты терзал мертвых, да живых не трогал».

289. СВАДЬБА СОЛНЦА.

Часто люди легкомысленные радуются там, где радоваться вовсе нечему.

Однажды летом Солнце справляло свадьбу. Все животные были в восторге, и лягушки тоже ликовали. Но одна из них сказала: «Чему радуетесь, глупые? Солнце и в одиночку сушит нашу тину; что же с нами будет, если оно в браке еще сына родит себе под стать?»

290. СТАРЫЙ КОНЬ.

Не следует превозноситься, когда находишься в расцвете сил и славы: многим достается старость, полная страданий.

Старого коня продали на мельницу. И когда припрягли его к жернову, воскликнул он скорбно: «Какие широкие круги отмеривал я на бегах, и какие узкие будут здесь!»

291. КРЕСТЬЯНИН И ОРЕЛ.

Крестьянин нашел в силке орла, но, изумленный его красотою, отпустил его на волю. И орел показал, что ему знакомо чувство благодарности: увидев, что крестьянин присел как-то под стеною, которая едва держалась, он подлетел и когтями сорвал с его головы повязку. Тот вскочил и погнался за орлом, и орел бросил ему свою добычу. А когда крестьянин, подобрав ее, обернулся, то увидел, что стена, под которой он сидел, рухнула, и был растроган такою благодарностью орла.

Кому сделали добро, тот должен отплатить добром же; а кто сделал зло, тому воздастся тем же.

292. ТЕЛЕНОК И БЫК.

Кто работает и трудится, тому хвала, а кто бездельничает, тому невзгоды и плети.

Теленок, не бывавший в ярме, посочувствовал пахотному быку в его тяжкой доле и сказал: «Ах, как страдаешь ты и как выбиваешься из сил!» Но бык молчал и вел свою борозду. А когда собрались крестьяне приносить жертвы богам, то старого быка они выпрягли из ярма и пустили пастись, а теленка на веревке потащили на заклание. И сказал ему бык: «Так вот на что тебя берегли! Видно, твоя шея не ярма дожидалась, а ножа!»

293. ВЕРБЛЮД.

Басня относится к государству, в котором властвуют недостойные и неразумные вместо достойных и разумных.

Верблюд переходил реку с быстрым течением, и когда он стал испражняться, то быстрое течение вынесло его навоз ему перед глаза. Сказал верблюд: «Что это значит? что было сзади, то вдруг оказалось спереди!»

294. ГЕРАКЛ, АФИНА И РАЗДОР.

Каждому ясно, что драки и раздоры бывают причинами большого зла.

Геракл шел по узкой тропе и вдруг заметил на земле что-то похожее на яблоко. Он попробовал раздавить его ногой, но увидел, что оно только стало вдвое больше. Тогда он пошел на него с палицей и ударил его. Но оно раздулось на всю ширину тропы и загородило ему путь. Геракл отбросил палицу и стоял в изумлении. Тут явилась ему Афина и сказала: «Остановись, брат! Это — Распря и Раздор: если его не трогать, он останется таким, как был, если же с ним биться, то вот так он и будет расти».

295. СОБАКА И ПОВАР.

Часто люди, которых выгнали как недостойных, от стыда принимаются за хвастливые речи.

В одном доме был пир. Хозяйская собака позвала на угощенье другую собаку, свою приятельницу. Та пришла. Но повар ухватил ее за лапу и вышвырнул вон. Собаки стали ее расспрашивать, как она угостилась. «До того угостилась, — отвечала она, — что даже выхода найти не могла».

296. БЫКИ И ЛЕВ.

Если хочешь жить в безопасности, то врагам не доверяй, а друзьям верь и заботься о них.

Трое быков всегда паслись вместе. Льву хотелось их съесть, но из-за их единодушия это не удавалось. Тогда коварными наговорами он их перессорил. И когда они стали пастись поодиночке, он стал нападать на них по очереди и так сожрал всех.

297. ВОЗ ГЕРМЕСА.

Арабы — самые большие лжецы и обманщики из всех народов: ни слова правды нет у них на языке.

Гермес нагрузил однажды целую телегу ложью, обманами, плутовством и поехал с нею по всей земле, каждой стране уделяя частицу груза. Но когда достиг он страны арабов, то сломалась, говорят, у него телега; а арабы подумали, что груз на ней лежит богатый, и всё с нее порасхватали, так что нечего было уже и везти к остальным народам.

298. БОЧКА ЗЕВСА.

Надежда одна живет среди людей и сулит им достигнуть ускользнувшего от них счастья.

Зевс запечатал все человеческое счастье в бочку и отдал одному человеку. А человек был любопытный и захотел узнать, что там внутри. Сбил он печать, и счастье улетело в обитель богов.

299. ЛАСТОЧКА И ВОРОНА.

Хвастуны своими выдумками и похвальбой сами лишают себя доверия.

Ласточка сказала вороне: «Я — девушка, и афинянка, и царевна, и дочь афинского царя!» — и рассказала, каким насильником был Терей и как он вырвал у нее язык. Ворона в ответ: «Какова же ты была бы с языком, если ты и без языка столько болтаешь!»

300. МУЛ.

Даже если случай вознесет тебя высоко, не забывай, кто ты есть по природе своей, ибо все блага жизни преходящи.

Мул, разъевшись от ячменя, пустился бежать вскачь, громко крича: «Мать моя — лошадь, и я ничуть не уступаю ей в беге!» Но когда остановился он, то сразу понурился, потому что припомнил, что отцом-то его был осел.

301. ЖУРАВЛЬ И ПАВЛИН.

Лучше быть достойным человеком под убогой одеждой, чем бесчестно жить в богатом наряде.

Со скромным журавлем спорил золотокрылый павлин, насмехаясь над его опереньем. Журавль ответил: «Зато я взлетаю с криком до самых звезд, а ты, как петух, еле поднимаешься над землей, и тебя никогда не видели в небе».

302. ЛЕВ, ВЕПРЬ И КОРШУНЫ.

Дурные раздоры и распри лучше прекращать, потому что они ведут к беде.

В летнюю пору, когда от зноя всех мучит жажда, лев и вепрь пришли на водопой к маленькому источнику и заспорили, кому из них первому пить. И так распалились, что дело дошло до смертного боя. Но вот они повернули головы, чтобы дух перевести, и увидели коршунов, которые выжидали, кто из них падет, чтобы его сожрать. Тогда, прекратив раздор, они сказали: «Лучше нам стать друзьями, чем снедью для коршунов и воронов».

303. БРАКИ БОГОВ.

Когда приходит спесь к государствам и народам, тогда по пятам за нею идет война.

Боги устроили свадьбы по жребию, кому какая невеста достанется. Последним тянул жребий бог войны, и досталась ему последняя невеста — Спесь. Он влюбился в нее безмерно, женился на ней и с тех пор, куда бы она ни шла, ходит за нею следом.

304. ЛЕВ И ДИКИЙ ОСЕЛ.

Следует соразмерять свое поведение со своими силами, а с теми, кто сильней, не дружить и не враждовать.

Лев и дикий осел охотились вдвоем: лев был сильней, а осел быстрей бегал. Когда набралось у них добычи, лев начинает ее делить и делит

на три части. «Вот эту часть, — говорит он, — беру я как самый главный, потому что я — царь; вторую беру как участник охоты; а третья часть дорого тебе обойдется, коли ты не уберешься отсюда!»

305. НЕУМЕЛЫЙ ВРАЧ.

Эта басня обличает лекарей, неученых, невежественных и хвастливых.

Жил-был неумелый врач. Однажды пришел он к одному больному, про которого все говорили, что опасности для него уже нет и только выздоровеет он не сразу. А этот врач взял и сказал ему: «Будь готов ко всему: жить тебе осталось не дольше дня». И с этими словами он вышел. Прошло время, больной встал с постели, но был еще бледен и еле волочил ноги. Однажды повстречал его врач. «Здравствуй, — говорит, — как там поживают покойники?» Ответил больной: «Кто пьет воду Леты, у того забот не бывает. Но скажу тебе, недавно Смерть и Аид сильно разгневались на всех врачей за то, что они не дают больным умирать, и записали их всех в большой список. Хотели они и тебя записать, но уж я упал к их ногам и, как ни стыдно мне было, поклялся им, что вовсе ты не врач, и что это напрасно на тебя наклеветали».

306. КОРШУН.

Когда человек маленький и завистливый льстится на то, что ему не дано, он теряет и то, что ему дано.

У коршуна был когда-то голос громкий и не похожий на теперешний. Но случилось ему услышать, как ржет лошадь, стал он ей подражать, подражал без конца, но и ржать как следует не научился, и собственный голос потерял. Так не стало у него ни лошадиного голоса, ни своего прежнего.

307. ВСАДНИК И КОНЬ.

Нельзя забывать, что за трудами должно следовать успокоение и отдых.

Пока шла война, всадник вволю кормил зерном своего коня, потому что конь ему служил, как друг, во всех опасностях. Когда же война кон-

чилась, стал ему конь служить, как раб, таская большие тяжести, а кормясь одной мякиной. Но когда снова заслышалась война и затрубили трубы, взнуздал он коня опять и в оружии сел на него верхом. Но конь не мог его выдержать, все время падал и сказал, наконец, хозяину: «Ступай к пешим воинам и сражайся среди латников: меня ты из коня превратил в осла, но сумеешь ли из осла превратить в коня?»

308. ВОРОН, АПОЛЛОН И ГЕРМЕС.

Кто не почитает своих благодетелей, тот в несчастии не найдет себе заступников.

Ворон, попав в силок, взмолился к Аполлону, обещая принести ему жертву ладаном. Но, избавившись от опасности, он забыл об обещании. Снова попав в другой силок, он, не поминая Аполлона, стал сулить жертву Гермесу. Но тот ему сказал: «Как я тебе поверю, негодный, если ты отрекаешься от своего прежнего господина, да еще и оскорбляешь его?»

309. БОЛЬНОЙ ВОРОН.

Кто повсюду имеет врагов, тот в беде не найдет друзей.

Больной ворон сказал своей плачущей матери: «Не плачь, мать, а лучше помолись за меня богам!» Отвечала мать: «Кто же из богов тебя пожалеет, сынок? Разве ты хоть чей-нибудь жертвенник оставил неограбленным?»

310. СОБАКА.

Не следует навлекать на себя опасности роскошью и тщеславием, а надо избегать их.

Собака была выкормлена для того, чтобы драться с дикими зверями. Но, увидав их во множестве, одного за другим, разорвала она ошейник на горле и бросилась бежать по окольным переходам. Другие собаки, видя, что она откормлена, как бык, спросили: «Почему ты бежишь?» Та ответила: «Я знаю, что корму у меня вдоволь и что тело мое в холе; зато я всегда на волосок от смерти, потому что должна биться с медведями и

львами». И собаки сказали друг другу: «Как мы ни убоги, а хорошо нам живется, потому что нам не приходится биться ни с медведями, ни с львами».

311. СОБАКА С БУБЕНЦОМ.

Тщеславные повадки хвастунов явственно изобличают их тайное злонравие.

Собака кусала прохожих врасплох. Тогда хозяин привязал ей к шее бубенец, чтоб ее было заранее слышно. Хвастливо позвякивая бубенцом, вышла собака на площадь; но тут старая сука ей молвила: «Чем ты хвалишься? ведь не за доблесть ты это получила, а в обличенье тайного твоего злонравия».

312. ЛЕВ И ОЛЕНЬ.

Когда у власти и правления оказывается человек своенравный и несправедливый, то всякому лучше его сторониться.

Лев сошел с ума. Глядя на него из чащи, олень промолвил: «Горе нам, бедным! Что он натворит, обезумев, если его и в своем-то уме едва можно было терпеть!»

313. БОЛЬНОЙ ЛЕВ, ЛИСИЦА И ОЛЕНЬ.

Любовь к славе помрачает человеческий ум и не дает ему увидеть грозящую опасность.

Лев заболел и залег в пещеру. И сказал он лисице, своей наперснице и собеседнице: «Если ты хочешь, чтобы я остался жив и здоров, замани мне в лапы того огромного оленя, что живет в роще, обманув его своими медовыми речами: я хочу насытиться его потрохами и сердцем». Отправилась лиса и отыскала оленя, который резвился в лесу. Она ему поклонилась, поздоровалась и сказала: «Пришла я к тебе с хорошей вестью! Ты знаешь, что царь наш, лев, — твой сосед; так вот, сейчас он занемог и ждет кончины. Стал он думать, кто же из зверей станет царем после него? Кабан, говорит он, глуп; медведь — лентяй; барс — вспыльчив; тигр — чванлив; а вот олень больше всех достоин быть царем: ростом он выше всех, живет он долго, а рога его ужасны для змей. Но зачем долго

говорить? ты выбран им на царство! Не обойди же меня наградой за такую весть. Но теперь прощай, я спешу, а то лев давно меня ищет: ведь я у него советница во всех делах. И если хочешь, то послушайся меня, старухи; ступай и ты к нему и будь при нем в час кончины». Так говорила лисица. От таких слов пошла у оленя голова кругом, и побежал он к пещере, не чуя никакой беды. А лев и бросился прямо на него, но от нетерпения только и успел располосовать ему когтями уши. Олень со всех ног умчался в лес; лисица только лапами всплеснула, видя, что все ее труды пошли прахом; а лев рычал и стонал, разом терзаясь и досадой, и голодом. И вот снова попросил он лисицу что-нибудь устроить и заманить к нему оленя новой хитростью. Говорит лисица: «Не радостное это дело и не легкое, но все-таки помогу тебе». И пошла она, как охотничий пес по следам, плетя в уме козни, а пастухов расспрашивала, не попадался ли им олень, весь в крови? Они показали ей рощу, и в роще она нашла оленя, который там переводил дух. Встала она перед ним без зазрения совести; а у оленя от ярости вся шерсть поднялась дыбом, и крикнул он ей: «Негодная, больше ты меня не обманешь! Посмей только подойти ко мне — не уйдешь живою! Ступай морочить тех, кто тебя не знает: их и заманивай в цари!» Но лиса на это: «Так вот какой ты трус, какой малодушный! Так вот как мало веришь ты твоим друзьям! Лев тебя взял за ухо, чтобы дать тебе перед смертью добрый совет и наставления о том, как блюсти столь великое царство; а ты и малую царапину побоялся принять от его лапы! Теперь за это он на тебя разгневался и хочет поставить царем волка — ох, недобрый это будет царь! Но ступай же, не пугайся, не будь, как овца; клянусь тебе всеми ручьями и всеми листьями, что лев тебе не сделает ничего дурного: только для тебя ведь я и стараюсь!» Так обманула она робкого оленя и уговорила вторично пуститься в путь. А как вошли они в пещеру, тут-то лев и попировал вволю и костями, и костным мозгом, и потрохами. А лисица только стояла и смотрела; но когда выпал у оленя череп, она потихоньку его подхватила и выпила весь мозг в награду за свои труды. Лев тем временем перетрогал все и не мог доискаться только мозга. А лиса встала в сторонку и сказала ему: «Да право же, мозга у него и не было! Напрасно ищешь: откуда быть мозгу у такого зверя, который, спасшись, снова лезет прямо в лапы льву?»

314. ЛЕВ, СПРАВЕДЛИВО ЦАРСТВУЮЩИЙ.

Когда в государстве царит справедливость и все судьи судят по совести, тогда даже простые люди живут без тревоги.

Царствовал лев без гнева, без свирепости, без насилия, кротко и справедливо, словно человек. И все звери стекались к его дворцу, чтобы при-

звать друг друга к ответу и ответить друг другу за все: волк овце, барс дикой козе, тигр оленю, собака зайцу. Молвил тогда пугливый заяц: «Ах, как мечтал я дожить до такого дня, когда и слабых зверей будут бояться сильные!»

315. ТРУСЛИВЫЙ ОХОТНИК.

Басня изобличает наглых трусов — тех, кто храбр на словах, а не на деле.

Один охотник искал львиный след. Спросил он дровосека, не видал ли тот львиных следов или львиного логова? Дровосек ответил: «Да я тебе сейчас и самого льва покажу!» Побелел охотник от страха и, стуча зубами, молвил: «Да нет, мне нужен только след, а совсем не лев!»

316. ВОЛКИ И ВОЛК-НАЧАЛЬНИК.

Кто делает вид, что устанавливает законы по справедливости, те на деле часто сами не верны своим же установлениям.

Волк, начальствуя над остальными волками, издал для всех закон: все, что каждый волк добудет на охоте, он должен принести в стаю и каждому дать по равному куску, чтобы остальные волки с голоду не стали поедать друг друга. Осел, проходя мимо, тряхнул головой и сказал: «Отличная мысль для волка! Но как же ты сам припрятал у себя в логове вчерашнюю добычу? ну-ка, раздели ее между всеми!» И волк, разоблаченный, отменил закон.

317. ЛЕВ И ВОЛК.

Басня изобличает хищных и жадных грабителей, которые, попав в беду, сами бранят других.

Однажды волк унес овцу из стада и тащил ее к себе в логово; но тут ему встретился лев и отбил у него овцу. Волк отбежал и крикнул: «Нечестно ты отнял мое добро!» Лев со смехом отвечал: «А ты-то разве честно получил его в подарок от приятеля?»

318. СОБАКИ И ВОЛКИ.

Только единодушие и единомыслие целого войска приносит победу над врагами.

Была война между волками и собаками. Собаки выбрали своим военачальником греческого пса, но он не спешил вступать в сражение, и собаки громко роптали. Вождь сказал: «Послушайте, почему я медлю. Обо всем надо думать заранее. У волков и порода, и масть у всех одна, а мы и с виду разные, и из мест разных, и даже мастью несхожи: одни черные, другие рыжие, третьи белые, четвертые серые. Как же я сумею начальствовать вами на войне, если у вас у всех все разное и ни в чем нет согласия?»

319. ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ И ЗЕВС.

Иные из людей, которых боги наделили разумом, не сознают этой чести и завидуют животным неразумным и бессловесным.

Говорят, что бог создал животных раньше, чем человека, и одарил их кого силой, кого быстротой, кого крыльями. А человек, стоя нагой, сказал: «Только я один и остался не одаренным!» Зевс ответил: «Ты сам не замечаешь, какого удостоился величайшего дара: ты наделен и владеешь речью, которая и у богов, и у людей сильнее всякой силы и быстрее всякой быстроты». Тогда, ощутив этот дар, человек преклонился и, исполненный благодарности, удалился.

320. ТЕЛЕНОК И ОЛЕНЬ.

Тем, кто от природы робок, никакое разумное увещание не придаст силы, будь тот даже с виду и велик, и крепок.

Теленок сказал оленю: «Ты и ростом больше собак, и быстротою их превосходишь, и рога у тебя есть для защиты; отчего же ты их так боишься?» Олень отвечал: «Что все это так, я знаю; но стоит мне заслышать собачий лай, как все у меня в голове помрачается и, кроме бегства, я ни о чем уже не думаю».

321. ПАСТУХ И СОБАКА.

Близость с дурными людьми несет великие несчастия и даже гибель. Пастух загонял овец в овчарню и вместе с ними чуть не запер там волка. Но собака это заметила и сказала ему: «Если ты хочешь уберечь овец, то зачем впускаешь этого зверя?»

322. СВЕТИЛЬНИК.

Слава и жизненный блеск не должны ослеплять человека: никакие блага не принадлежит ему навеки.

Фитилек в светильнике, упившись маслом, разгорелся и стал хвастаться, что сияет он ярче солнца. Но дохнул чуть слышный ветер, и он погас. И сказал кто-то, прилаживая его опять: «Свети и молчи: не затмить тебе блеска светил».

323. КРАБ И ЕГО МАТЬ.

Кто бранит обиженных судьбою, тому следует сперва самому жить правильно и ходить прямо, а потом уже учить других.

«Не ходи боком, — говорила мать крабу, — и не волочи брюхо по мокрым камням». А тот в ответ: «Сперва ты, наставница моя, ступай прямо, а я посмотрю и тогда уж пойду за тобой».

324. МЫШЬ ПОЛЕВАЯ И МЫШЬ ГОРОДСКАЯ.

Жить скромно и спокойно лучше, чем предаваться роскоши среди опасностей и страхов.

Две мыши, одна полевая, другая домашняя, гостили друг у друга. Домашняя первой пришла к подруге, чтобы угоститься у нее, пока хлеба на поле стоят спелыми. Погрызла она зерен и корешков с налипшими комьями и говорит: «Живешь ты, как несчастный муравей! А вот у меня добра сколько угодно: сравнить с тобой, так я живу прямо в роге изобилия! Приходи ко мне, когда захочется: попируем!» Уговорила и повела мышку к себе домой. Показала ей и хлеб, и муку, и бобы, и фиги, и мед, и финики, а у той от удовольствия так глаза и разбегаются. Взяла она сыр из корзины и потащила к себе. Вдруг кто-то открыл дверь; мыши

бросились бегом в узкую щелку и забились туда с писком, тесня друг друга. Потом снова высунулась мышка, потянулась к сушеной маленькой фиге, но опять кто-то зачем-то вошел, и опять обе мышки попрятались. И тут полевая мышь, хоть и была она голодная, сказала так: «Прощай, оставайся со всем твоим богатством и довольством, коли оно не дается без опасностей. А я лучше буду грызть мои корешки да травки и жить небогато, да зато в безопасности».

325. ЧЕЛОВЕК И ГЕРМЕС.

Пусть никто не хулит богов в несчастии, а лучше оглянется на то, в чем сам виноват.

Один человек увидел, как тонул корабль со множеством людей, и сказал: «Неправедно судят боги: из-за одного нечестивца сколько гибнет невинных!» А на том месте, где он стоял, было множество муравьев, и только он это сказал, как какой-то муравей укусил его. И хоть укушен он был одним только муравьем, но раздавил за это многих. Тогда предстал ему Гермес, ударил его жезлом и сказал: «Почему же ты сердишься, что боги вас судят так же, как ты — муравьев?»

326. СТАТУЯ БОГА.

Обращаться с дурным человеком по-хорошему — бесполезно; поступить с ним по-свойски — гораздо лучше.

У человека была деревянная статуя бога. Каждый день он приносил богу жертвы и умолял ниспослать ему богатство. Так прошло много времени, а он только еще больше обеднел. Тогда разозлился он, схватил статую за ногу и швырнул оземь. А из разбитой ее головы так и посыпались деньги. Человек подобрал их и говорит: «Мошенник ты, видно, и упрямец: пока я тебе кланялся да жертвы приносил, от тебя никакого толку не было, а стоило мне за тебя по-свойски взяться — и ты сразу вон каким богатством меня жалуешь».

327. ЗАЯЦ И ЛИСА.

Кто любопытен и дурно употребляет свое любопытство, тем нередко приходится плохо.

Заяц спросил лису: «Вправду ли ты так ловка на поживу, что зовут тебя лиса-добычница?» Лиса отвечала: «Если не веришь, то ступай сюда,

я угощу тебя». Заяц послушался, но только он вошел, как сам и достался лисице на обед. И промолвил он: «Хоть и плохо мне приходится, зато узнал я, как тебя зовут: ты не лиса-добычница, а лиса-обманщица».

328. ВОЛКИ И СОБАКИ.

Вот какое возмездие ждет всех, кто предает свое отечество.

Волки сказали собакам: «Мы всем похожи друг на друга: отчего бы нам не жить по-братски, душа в душу? Между нами нет никакой разницы, кроме как во вкусах: мы живем на свободе, а вы подчиняетесь людям и рабски им служите, а за это должны терпеть от них побои, носить ошейники и сторожить их овец. А вместо корма они бросают вам одни кости. Если же вы нас послушаетесь, то выдайте нам ваши стада, и мы все вместе наедимся досыта». Собаки поддались на такие уговоры; но когда волки вошли в загон, то прежде всего они растерзали собак.

329. ОСЕЛ И КОНЬ.

Не следует завидовать тем, кто богат и кто стоит у власти; а надо, вспомнив о недоброжелательстве и опасностях, которым они подвергаются, возлюбить бедность — матерь спокойствия.

Осел завидовал коню за то, что тот получает хороший корм и уход, и плакался на свою судьбу: ему, ослу, приходится таскать тяжести, кормят его впроголодь, а конь красуется в своей уздечке и бляхах, и бегать ему легче. Пока осел так рассуждал, пришло время войны; хозяин в оружии влез на коня и поскакал в гущу врагов. И конь под ударами упал, израненный, и испустил дух. Тогда осел стал думать уже иначе и пожалел коня.

330. ЗЕВС-СУДЬЯ И ГЕРМЕС.

Не нужно удивляться, что люди злые и несправедливые не скоро получают воздаяние за свои дурные дела.

Зевс приказал Гермесу записать все людские прегрешения на черепках и положить их в ларец подле него, чтобы каждому было воздано по справедливости. Но черепки перемешались между собою, и когда Зевс берется за правый суд, то одни попадаются ему в руки раньше, а другие — позже.

331. ОСЕЛ И ЛИСА.

Не нужно слушать попреки болтунов: они до добра не доводят.

Осел грыз колючий терновник. Лиса, увидев это, воскликнула: «Да как же ты с твоим нежным языком жуешь такую жесткую и колючую снедь?»

332. ЛЯГУШКА-ВРАЧ.

Кто сам не учен, тот может ли для других быть учителем и наставником?

Лягушка, болотная жительница, вылезла на сушу и заявила всем животным: «Я — врач и лучше знаю все целебные снадобья, чем даже врач богов — Пеан!» — «Но как же будешь ты лечить других, — возразила лисица, — если сама ты такая бледная и землистая, как больная, а вылечить себя не можешь?»

333. ЗМЕИНАЯ ГОЛОВА И ЗМЕИНЫЙ ХВОСТ.

Басня изобличает людей дурных и коварных, которые восстают на своих господ.

Однажды змеиный хвост решил поползти вперед и повести за собою все остальные члены. Те возразили: «Как же ты поведешь нас, ведь у тебя нет ни глаз, ни носа, как у остальных животных?» Но хвост не послушался, и здравый смысл оказался побежденным. А хвост пополз впереди вслепую и поволок за собою все тело, пока не занесло его в каменистую расщелину и не изранил он там себе и спину, и туловище. Только тогда обратился он к голове с униженною просьбою: «Смилуйся, госпожа, спаси нас: вижу сам, что неладный затеял я спор».

334. РЕКА И МЕХ.

Несчастье в жизни сводит в могилу даже человека заносчивого и дерзкого.

Река обратилась с вопросом к плывущему по ней бурдюку из бычьей кожи: «Как тебя звать?» Тот отвечал: «Сухомятная кожа». Вспенив свой поток, река ему сказала: «Ищи себе другое название: у меня ты живо размокнешь».

335. ОРЕЛ И ХОЗЯЕВА.

Благодетелям надо отвечать добром, а с дурными людьми обращаться обходительно.

Один человек поймал орла, подрезал ему крылья и пустил к себе на двор жить вместе с курами. Но орел от тоски сидел понуро и не брал корма: похож он был на пленного царя. Купил его у хозяина другой человек, отрастил ему перья, смазал крылья маслом и пустил его летать. Взлетев, орел схватил когтями зайца и принес ему в подарок. Лиса, увидев это, сказала: «Отдай его лучше не этому хозяину, а первому: этот и без того добрый, а того еще надо задобрить, чтобы он опять не поймал тебя и не подрезал крылья».

336. РОЗА И БАРХАТНИК.

Лучше проводить век в скромном достатке, чем после недолгой роскоши испытать горестную превратность судьбы или даже погибнуть.

Бархатник рос рядом с розою. И сказал он ей: «Как прекрасны твои цветы! И богам, и людям они одинакого желанны. Ах, завидую я твоей красоте и аромату!» — «Нет, бархатник, — отвечала роза, — мне дано жить лишь краткий срок, и если меня никто не сорвет, я увядаю. А ты всегда живешь и цветешь, словно только что распустился».

337. ТРУБАЧ.

Кто подстрекает к дурному злых и жестоких правителей, те виновны больше, чем они сами.

Был в войске трубач, своей трубою созывавший всех на бой с врагом. Попав однажды в плен к неприятелю, он умолял пощадить его, потому что он никого не убивал и не грабил и кроме своего медного рога ничего не знал. Ему сказали: «Тем, что ты возбуждаешь других к бою, а не удерживаешь, ты будешь губить нас еще того больше».

338. КОЗЕЛ И ВИНОГРАД.

Басня изобличает людей неблагодарных, которые обирают своих друзей.

Козел объедал побеги цветущей виноградной лозы; и лоза ему сказала: «Зачем ты меня портишь? разве мало тебе травы? Вот погоди, когда крестьяне тебя зарежут, я дам им вдоволь вина для жертвоприношений».

339. СЫН, ОТЕЦ И НАРИСОВАННЫЙ ЛЕВ.

Если с кем что-нибудь должно случиться, то судьбе этой надо противостоять в открытую, а не хитрить, ибо уйти от нее невозможно.

У боязливого старика был единственный сын, благородный юноша и страстный охотник. Однажды старик увидал во сне, будто его сына растерзал лев. Он испугался, что сон окажется вещим и сбудется; и поэтому он выстроил высокий и прекрасный дворец и заключил в него сына. Стены дворца были расписаны для красоты изображениями разных животных, а среди этих животных был и лев. Но чем больше юноша смотрел на эти стены, тем больше его охватывала скорбь. И вот подошел он к нарисованному льву и сказал: «Зловредный ты зверь! из-за тебя да из-за лживого сна отец меня запер в терем, как бабу! Как мне отомстить тебе?» И с этими словами ударил он кулаком по стене, как будто хотел побить льва. Но тут вонзилась ему под ноготь заноза, вспух нарыв, воспаление разошлось по всему телу до самого паха, и скоро в горячке юноша простился с жизнью. Так погубил его лев, хоть и был только нарисованный; и не помогла юноше отцовская хитрость.

340. ДОБРОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ.

Добродетель не скоро тебе встретится, а пороки тебя поражают один за другим.

Добродетели были изгнаны с земли пороками, потому что оказались слабее их. Тогда они поднялись к небу и спросили Зевса, как же им жить среди людей. Зевс ответил: «Являйтесь к ним не все сообща, а поодиночке». Вот почему пороки являются к людям постоянно, так как живут ближе, а добродетели, которые вынуждены спускаться с неба, — реже.

341. РАНЕНЫЙ ОРЕЛ.

Острее жалит боль, когда ее причиняет кто-нибудь из близких.

Орел сидел на скале, высматривая зайцев, чтобы броситься на них. Один охотник выстрелил в него из лука, и острие стрелы вонзилось ему

в тело, а другой конец, с оперением, торчал перед глазами. И орел, увидев его, сказал: «Вдвойне мне больно оттого, что умираю я от своих же перьев».

342. КРЕСТЬЯНИН И БЕСПЛОДНОЕ ДЕРЕВО.

Люди по природе своей не столько почитают и любят справедливость, сколько гоняются за выгодой.

У мужика на его земле было дерево, которое не приносило плодов, а только служило приютом для шумных воробьев и цикад. Мужик собрался срубить дерево за его бесплодие, взял топор и нанес удар. Цикады и воробьи стали упрашивать, чтобы он не вырубал их прибежище, а позволил им веселить его, мужика, своим пением. Но он, не обращая внимания на них, ударил во второй раз и в третий. Тогда в дереве открылось дупло, и крестьянин нашел в нем пчелиный рой и мед. Отведав его, он отбросил топор, а дерево стал почитать священным и заботиться о нем.

343. ЛЫСЫЙ НАЕЗДНИК.

Не следует горевать в несчастиях: ведь того, чем природа не наделила тебя при рождении, никогда нельзя сохранить. Голыми мы пришли, голыми и уйдем.

Один лысый человек надел на голову накладные волосы и стал гарцевать верхом на лошади. Но подул ветер и сорвал с него эту прическу. Все, кто были поблизости, громко расхохотались, а наездник молвил, придержав коня: «Что же удивительного, что чужие волосы улетели и оставили меня с тем, что у меня было при рождении?»

344. КУЗНЕЦ И СОБАКА.

Басня обличает лентяев, бездельников и тех, кто кормится от чужих трудов.

У кузнеца была собака. Пока он ковал, собака спала; но как только он принялся за еду, собака мигом проснулась и подошла к нему. Хозяин бросил ей кость и сказал: «Жалкая ты лентяйка! когда я грохочу по наковальне, ты спишь, а когда шевелю челюстями, тотчас просыпаешься!»

345. МЫШЬ И ЛЯГУШКА.

Даже и у мертвого есть защита, ибо божественная справедливость надзирает над всем и, воздавая мерой за меру, блюдет равновесие.

Сухопутная мышь на свою беду подружилась с лягушкой. И лягушка, задумав дурное, привязала лапку мыши к своей лапе. Сперва они вышли на сушу, чтобы закусить полевыми колосьями; но потом, когда они приблизились к берегу пруда, лягушка при виде воды воспрянула духом, закричала «брекекекекс коакс!» и потащила мышку за собою прямо в глубину. Несчастная мышь, наглотавшись воды, раздулась, умерла и поплыла по пруду, привязанная к лягушкиной лапе. Ее заметил коршун и схватил в когти; а лягушка на привязи выскочила из воды следом за нею, и сама также досталась на обед коршуну.

346. ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК И МЕДНЫЙ ГОРШОК.

Опасно бедному человеку жить по соседству с человеком сильным и жадным.

По реке плыли глиняный горшок и медный горшок; и глиняный сказал медному: «Держись от меня подальше и не приближайся: ты ли меня толкнешь, я ли тебя толкну ненароком — все равно я разобьюсь».

БАСНИ ИЗ ШКОЛЬНЫХ СБОРНИКОВ

БАСНИ ИЗ СБОРНИКА ПСЕВДО-ДОСИФЕЯ

347(4). ХОЗЯИН И МОРЯКИ.

Один хозяин плыл по морю и от непогоды занемог. Пока продолжалось ненастье, моряки помогали больному, а он им говорил: «Если вы не поведете корабль скорее, я вас всех камнями закидаю!» На это один из моряков сказал: «Эх, если бы мы были на таком месте, где есть камни!»

Такова наша жизнь: приходится сносить легкие обиды, чтобы избежать тяжелых.

348(5). КОШКА И КУРЫ.

Кошка притворилась, что у нее день рождения, и пригласила кур на угощенье. А когда они осторожно вошли, то она заперла двери и стала их одну за другой пожирать.

Эта басня относится к тем, кто гонится за доброй надеждой, а находит совсем иное.

349(8). ВОРОНА И КУВШИН.

Ворона, которой хотелось пить, подлетела к кувшину и попробовала его наклонить. Но он стоял крепко, и повалить его она не могла. Однако хитростью она добилась, чего хотела: она стала бросать в кувшин камешки, и когда их набралось много, вода поднялась и перелилась через края: тогда и утолила ворона свою жажду.

Так разум оказывается важнее силы.

350(13). БОЛЬНОЙ ОСЕЛ И ВОЛК.

Увидел волк больного осла и стал его тело ощупывать, расспрашивая, в каком месте у него больше болит. Отвечал осел: «Там, где ты трогаешь».

Таковы дурные люди: они вредят даже тогда, когда кажется, будто помогают.

БАСНИ ИЗ СБОРНИКА АФТОНИЯ

351(4). ПТИЦЕЛОВ И ЦИКАДА.

Басня про птицелова, которая учит смотреть не на слова, а на дела.

Птицелов услышал цикаду и подумал, что добыча ему попалась немалая: ибо он судил о ней по ее пению. Но когда, пустив в ход все свое искусство, он поймал цикаду, то увидел, что ничего не добыл, кроме пения, и стал проклинать пустую молву, которая многих людей наводит на ложные суждения.

Так и дурные люди кажутся лучше, чем они есть.

352(9). ОСЕЛ И ВОЛК.

Басня про осла, которая учит не помогать дурным.

Осел искал, кто бы вытащил ему занозу, что застряла в ноге. Никто не решался, и только волк взялся ему помочь и зубами вытащил у осла его мучение. А осел исцеленной ногой тут же и ударил исцелителя.

Так дурные люди за добро платят злом.

353(13). СТАРЫЙ КОНЬ.

Басня про коня, которая учит видеть человеческую долю.

Конь, утомленный старостью, оставил битвы и стал ворочать жернова. Вынужденный променять бранное поле на мельницу, стал он оплакивать свое горе и припоминать былое. «Ах, — говорил он мельнику, — ходил я, бывало, на войну, вся сбруя на мне была разукрашена, и ухаживать за мною был приставлен особый человек. А теперь я и сам не знаю,

за какую мою провинность променял я битвы на жернова?» Ответил мельник: «Перестань болтать о былом: такая уж судьба у смертных — терпеть перемены и к лучшему, и к худшему».

354(16). ТРИ БЫКА И ЛЕВ.

Басня про быков, которая учит единодушию.

Три быка паслись вместе, а лев ходил за ними следом, чтобы на них напасть. Пока быки жили дружно, справиться с ними он не мог, и поэтому решил разлучить их и затем одолеть. Перессорил он их и восстановил друг на друга, и когда разошлись они в разные стороны, то лев без труда одолел порознь тех, кого не в силах был одолеть вместе.

Так единодушие спасает единодушных.

355(20). ЛИСИЦА И ЛЕВ.

Басня про лисицу, которая учит не посягать на непосильное.

Лисица жила при льве и была ему помощником: она разведывала ему добычные места, а он нападал и брал добычу; потом они ее делили по заслугам. Но стала лиса завидовать, что льву важнее кажется его охота, чем ее разведывание; попробовала она сама напасть на стадо, но тут же и стала добычею охотников.

Лучше безопасная покорность, чем опасная власть.

356(22). ОЛИВА И СМОКОВНИЦА.

Басня про оливу и смоковницу, которая учит юных благоразумию.

Олива смеялась над смоковницей: она, олива, круглый год в цвету, а смоковница сбрасывает цвет по смене времен года. Только она это сказала, как повалил снег; оливу он застал в цвету и, засыпав ей молодые побеги, вместе с красотой ее уничтожил и ее саму; у смоковницы же ветки были без листьев, и снег, опускаясь прямо на землю, нисколько им не повредил.

Красота для неблагоразумных оборачивается позором.

357(27). ПЧЕЛЫ И ПАСТУХ.

Басня про пчел и пастуха, которая учит не давать дурным людям поживы.

В дупле дуба пчелы делали мед. Один пастух застал их за этой работой и захотел отобрать у них мед. Но пчелы налетели со всех сторон и стали его жалить. Сказал, наконец, пастух: «Пойду-ка я прочь: не надо мне меда, коли для этого нужно иметь дело с пчелами».

Дурная пожива опасна для тех, кто ею прельщается.

358(28). ОРЕЛ, ЗМЕЯ И КРЕСТЬЯНИН.

Басня про орла и змею, которая учит благодарности.

Змея и орел сцепились и дрались. Змея уже захлестнула орла своими кольцами, но крестьянин это увидел, разнял их и выпустил орла на волю. Обиделась на это змея и пустила свой яд в питье крестьянину-спасителю. Тот, ничего не подозревая, собрался было пить, но тут налетел орел и выхватил чашу у него из рук.

Кто делает добро, тому и люди благодарны.

359(40). ВОРОН И ЛЕБЕДЬ.

Басня про ворона, которая учит не идти против природы.

Ворон увидел лебедя и позавидовал его белым перьям. Решив, что и он станет таким же, если отмоется, покинул он алтари, с которых таскал пищу, и стал жить возле рек и озер. Но цвета перьев своих изменить он не смог, как ни чистился, а корму там ему не было, и он умер.

С образом жизни природа не меняется.

БАСНИ
ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

360. ЦАПЛЯ И САРЫЧ.

(Семонид Аморгский, отр. 9)

Однажды цапля на реке у сарыча
Меандрского угря из клюва вырвала...

361. РЫБАК И ПОЛИП.

(Симонид Кеосский, отр. 11)

Карийскими притчами называются те, которые приписываются какому-нибудь карийцу. Например, один рыбак зимою увидел в воде полипа и сказал: «Если нырну я за ним — от холода замерзну, если не стану его ловить — от голода дети мои помрут». Эту басню использовал Тимокреонт в песнопениях, а Симонид упоминает о ней в победном гимне Ориллу.

362. ЖАВОРОНОК, ПОГРЕБАЮЩИЙ ОТЦА.

(Аристофан, «Птицы», 471—475)

Как видно, ты неуч, как видно, дурак, и не читывал басен Эзопа.
А Эзоп говорил, что жаворонок из всех был птиц первородным.
Родился он раньше самой земли, как вдруг отец его умер.
И лежал без могилы четыре дня: земли-то не было в мире.
Вот помучился сын и отца-мертвеца у себя в голове схоронил он.

363. СИБАРИТ.

(А р и с т о ф а н, «Осы», 1427—1432)

Однажды с колесницы сибарит упал
И больно оземь головой ударился:
Плохим он был возницей и лошадником.
Приятель тут нашелся и сказал ему:
«Своим пусть делом каждый занимается!»
Вот так и ты беги лечиться к Питталу.

364. СИБАРИТСКАЯ ЖЕНЩИНА.

(А р и с т о ф а н, «Осы», 1435—1440)

В Сибарисе женщина
Ежа ушибла (сам я там присутствовал),
И еж искал свидетелей-заступников.
Она ж ему: «Клянуся Прозерпиною,
Чем думать о суде и о свидетелях,
Купил бы ты повязку — был бы умницей».

365. ЭЗОП И СОБАКА.

(А р и с т о ф а н, «Осы», 1401—1405)

Эзоп с пирушки возвращался вечером,
Как вдруг собака на него залаяла.
«Собака ты, собака, — говорит Эзоп, —
Чем заводить язык такой злокозненный,
Купи ты лучше хлеба — будешь умницей».

366. ЭЗОП В КОРИНФЕ.

(Д и о г е н Л а э р т с к и й, II, 5, 42)

Сочинил Сократ и эзопову басню, но не очень удачно; начинается она так:

Некогда молвил Эзоп насельникам града Коринфа:
Кто добродетелен, тот — выше людского суда.

367. НАСЛАЖДЕНИЕ И БОЛЬ.

(Платон, «Федон», 60b)

«Что за странная вещь, — сказал Сократ, — это так называемое наслаждение! Как удивительно срослось оно со своей кажущейся противоположностью — с болью! Вместе они не желают приходить к человеку, но если человек преследует и настигает что-нибудь одно из них, то почти неизбежно приходит к нему и другое: можно подумать, что это два тела об одной голове. Я думаю, — продолжал он, — что если бы это пришло в голову Эзопу, он сочинил бы целую басню о том, как бог пожелал примирить вечных противников, Наслаждение и Боль, но не сумел, и тогда связал их голова к голове, так что к кому явится одно, к тому за ним следом приходит и другое. Так, видно, случилось и со мной. . .»

368. ЦИКАДЫ.

(Платон, «Федр», 259bc)

Говорят, цикады когда-то были людьми — в те времена, когда Муз еще не было на свете. А когда явились Музы и песни, то от радости иные люди пришли в такой восторг, что за пеньем забыли есть, забыли пить и довели себя до последнего издыхания. От них-то и пошла порода цикад; а Музы даровали им способность жить, не нуждаясь в корме, и петь без еды и без питья до самой смерти, а после этого они восходят к Музам и рассказывают им, кто из людей кому из Муз оказывает почет.

369. ДОХОД И БЕДНОСТЬ.

(Платон, «Пир», 203b-e)

Когда родилась Афродита, боги устроили пир; а среди богов был и Доход, сын Мудрости. Между тем, как они угощались, пришла к их пиру и Бедность, чтобы попросить подаяния у дверей. И вот Доход, упившись нектаром — нектаром, ибо вина у богов не подавали, — вышел освежиться в сад Зевеса и там заснул пьяным сном. Тогда Бедность задумала на поправу своей нищете родить ребенка от Дохода: подошла и легла с ним, и родила от него Эрота. Оттого-то и стал Эрот сопутником и служителем Афродиты: ведь родился он в день ее рождения, и от природы влюблен в красоту, а Афродита — это сама красота. А так как Эрот — сын Дохода

и Бедности, то доля его оказалась вот какая. Прежде всего, он всегда живет в нищете, и совсем он не такой прекрасный и нежный, каким его многие воображают, — нет, он грязный, загрубелый, босой, бездомный, вечно униженный, спит на голой земле, под дверьми и при дорогах, под открытым небом; сын своей матери, он всегда сопутствует людям в нужде. Но он также и сын своего отца: вслед за ним он ищет добра и красоты, он отважен, смел и силен, он славный ловчий, всегда таящий в уме какую-нибудь хитрость, он жаден до знания, изобретателен, всю жизнь стремится к мудрости, лукавец, плут и чародей. Он не смертен и не бессмертен: в один и тот же день он живет и цветет, пока удача, а потом умирает, а потом опять воскресает, ибо таков и его отец. Все, что он добывает, то сам все время теряет, и поэтому Эрот никогда не беден и никогда не богат: между мудростью и неразумием он стоит на полпути.

370. ЛИСА И ЕЖ.

(Аристотель, «Риторика», II, 20)

Эзоп на Самосе говорил речь в защиту демагога, которого судили по уголовному делу. Он сказал: «Лиса переходила реку и попала в омут, не могла оттуда выбраться и долго там мучилась: в нее вцепилось множество клещей. Проходил мимо еж, увидел ее, пожалел и спросил, не обобрать ли с нее клещей? Лиса не захотела. «Почему?» — спросил еж. Объяснила лиса: «Эти клещи уже насосались моей крови и теперь едва-едва тянут; а если ты их оберешь, явятся другие, голодные, и уж они-то меня вконец высосут». Так и вам, самосские граждане, — сказал Эзоп, — человек этот уже не опасен, потому что богат; а если вы его казните, то найдутся на вас другие, бедные, и они-то разворуют все ваше общее добро».

371. ЛЬВЫ И ЗАЙЦЫ

(Аристотель, «Политика», III, 13, 2, 1284а)

Тут можно было бы сказать, как сказал Антисфен: зайцы в народном собрании говорили речи, что все во всем равны, но львы возразили: «Вашим доводам, зайцы, не хватает только наших зубов и когтей».

372. ЛЮДСКАЯ МНОГОРЕЧИВОСТЬ.

(Каллимах, отр. 192 Pf.)

. . . Вот почему и наш Евдем, как пес, лает;
Вот почему Фильтона за осла примешь;
И голос попугая получил ритор,
И заревел трагический поэт ревом
Морского зверя, и с таких-то пор древних
Пошло говорунов и болтунов племя.
Об этом, Андроник, поведал всем людям
Эзоп-сардиец — тот, что так слагал басни
И так не поздорову принят был в Дельфах.

373. ЛАВР И ОЛИВА.

(Каллимах, «Ямбы», отр. 194 Pf.)

Послушай притчу. Некогда в горах Тмола
Лавр и олива стали меж собой спорить
(Так говорят лидийцы). . .
Краса деревьев. . .
. . . .
«. . .С изнанки лист — как брюхо у змеи, белый,
А там, где солнце, — догола жарой выжжен.
Не я ли осеняю вход в любом доме?
Не я ли для жреца и вещуна дорог?
На листьях лавра Фебова сидит жрица,
Поет о лавре, на лавровом спит ложе.
Припомни: разве не лавровый прут Бранха
Отвел от ионийцев грозный гнев Феба,
Целящие удары вкруг себя сея
И дважды, трижды темные слова слыша?
Нет без меня ни плясок, ни пиров в Дельфах;
На празднике пифийском я — венок сильным:
Ко мне в Темпейский дол сыны дорян ходят,
Чтобы отрезать гибкие мои ветви
И в Дельфы принести на торжество бога?
Припомни: я не знаю никогда горя:
Я неприкосновенен, — и рабы с ношей
Меня обходят; я святой, — и в грязь грубо
Меня не топчут; если ж нужно сжечь тело

Покойника, или замкнуть навек в склепе,
То для венков, для смертного его ложа
С тебя, а не с меня берут листву люди».
Так молвил гордый лавр. Но не смутясь этим,
Ответила красавцу та, чей дар — масло:
«Бесплодный лавр, ты подлинно сказал правду:
Ты пел, как Аполлонов лишь поет лебедь,
И с этой песней не пристало мне спорить.
Ведь так и есть: кого сразит Арес в битве,
Тот голову склоняет на мои листья;
Я — спутник тех, кто гибелью стяжал славу.
И ежели, тифоновы прожив годы,
Седоволосый старец на руках внуков
Ложится в гроб, — я устилаю путь смертный
Обильнее, чем ты — пути гонцов, рвущих
Тебя с темпейских круч. И как ты мог молвить,
Что не моя награда, а твоя — выше?
В Олимпии ли, в Дельфах ли славней игры
И честь побед? Уж ты бы помолчал лучше!
Я не хочу хулить или хвалить род твой,
Но ты послушай, что среди листвы птицы
Щебечут, с давних пор в твоих ветвях сидя,
Болтливые свидетели твоей жизни!
«Кто дал нам лавр? Дала его земля, так же
Как дуб, как клен, как кипарис, как всю рощу.
А кто нам дал оливу? Это дар людям
Самой Паллады, спорившей с морским богом
Пред человеком-змеем на брегу Акты.
Какой же бог какое из дерев любит?
Феб-дальновержец лавру своему верен,
Паллада же — оливе, своему дару.
Ну, что ж, не нам судить, который бог выше!
Но есть ли людям в лавровых плодах польза?
Ни съесть, ни выпить, ни пощекотать ноздри!
А как вкусны оливки, если взять на зуб,
Как хорошо для притиранья их масло
И для купанья, — это сам Тезей знает!
Видать, и здесь олива — впереди лавра!
А что за ветвь просители в руках держат?
Оливковую! Лавру нет и здесь веры!»
Но полно их воронью болтовню слушать, —
И как у них от вздора не болят клювы? —
На Делосе — и там мое в чести древо,

У чьих корней Латона родила сына...
. . . .
Нет, как ни посмотри, а лавр во всем хуже!»
Так молвила олива; и от слов этих
Затосковал еще сильнее лавр скорбный.
Но тут терновник, чьи шипы язвят больно,
Заговорил (он рядом рос и все слышал):
«Несчастные, зачем нам затевать ссору?
Зачем должны мы ненавидеть друг друга,
Браниться злобно...?»
Но лавр на это, разъярясь, как бык дикий,
Сказал, свирепо глядя: «Жалкий куст мерзкий,
Что общего меж нами и тобой? Смолкни!
С тобою рядом нам и так дышать тошно...»

374. ЖРЕЦ КИБЕЛЫ И ЛЕВ.

(Палатинская антология, VI, 217)

Зимней холодной порой, спасаясь от сильного снега,
Жрец Кибелы нашел в дальней пещере приют.
Кудри свои распустив, он стряхивал снежную влагу —
Вдруг в пещеру за ним лютый бросается лев.
Жрец, взмахнувши рукой, ударяет в свой бубен священный —
Катится грома раскат, гулом наполнился свод.
Зверь, обитатель лесов, святого не выдержал звука, —
В страхе он бросился прочь, в дебри лесистые гор.
Женоподобный меж тем посвящает служитель богини
Ей за спасенье свое платье и пряди волос.

375. МЫШЬ И РАКУШКА.

(Палатинская антология, IX, 86)

Мышка, что всюду снует и везде находит поживу,
Слизня увидела вдруг — ракушку, створки вразлет.
Только куснула она его за мясистую мякоть —
Вмиг над ее головой створки захлопнулись враз.
Больно сжался капкан, ни выхода нет, ни пощады:
Вот как залезла сама мышка в свой собственный гроб.

376. СОВА И ПТИЦЫ.

(Дион Хрисостом, XII, 7 сл.)

Потому-то, думается мне, и Эзоп сочинил свою басню о том, как премудрая сова, когда стал расти дуб, советовала птицам: «Не давайте вырасти этому дубу, уничтожьте его так или иначе, потому что от него родится такая отрасль, которая всем вам будет пленом, — неизбежимая омела». И в другой раз, когда стали люди сеять лен, сова советовала птицам: «Выклюйте эти семена, не к добру вам они растут!» И в третий раз, увидев человека с луком, сова предупреждала их: «Этот человек настигнет вас вашими же перьями, он ходит по земле, но стрелы его крылаты!» И все же птицы не поверили ее речам, и думали, что она глупа, и говорили, что она безумна. И только когда все случилось по ее словам, изумились птицы и поверили в ее мудрость. Вот почему при появлении совы все птицы слетаются к ней, ко всезнающей; но она уже не дает им советов и только тоскует вслух.

377. СОБАКИ-МУЗЫКАНТЫ.

(Дион Хрисостом, XXXII, 66)

И вот еще какую рассказывал он басню об этих ваших кифаредах. Когда Орфей играл среди животных, то все они только наслаждались и дивовались, но подражать никто не решался. И только среди собак, породы бесстыдной и никчемной, нашлись такие, которые взялись за музыку и тотчас пустились сами промышлять этим искусством. Потом они даже превратились в людей, но занятие свое сохранили. Вот откуда пошла эта порода кифаредов, и вот почему никогда не могут кифареды совсем избавиться от своих наследственных свойств: кое-что в них осталось от уроков Орфея, но по большей части в их музыке так и слышно, что они из собачьего племени. Так шутил этот фригиец.

378. ГЛАЗА И РОТ.

(Дион Хрисостом, XXXIII, 16)

С вами случилось то же, что и с глазами в басне Эзопа. Глаза полагали, что они лучше и выше всех, а все сласти доставались не им, а в рот, и даже самая сладкая из всех сластей — мед. Поэтому они были в обиде и сердились на человека. Но когда человек дал им меду, глаза стало щипать, слезить, и вместо сладости они почувствовали только горечь.

Так и вы не ищите услады в речах философии, как глаза — услады в меде: не то и вас будет щипать, и вам тоже станет горько, и вы тоже скажете, что никакого толку в философии нет, а все это одна хула и брань.

379. САТИР И ОГОНЬ.

(Плутарх, «Какая польза человеку от врагов», 2, p. 86e)

Когда сатир в первый раз увидел огонь, он бросился было его обнимать и целовать, но Прометей ему крикнул: «Эй, козел, пожалей свои щеки!» И впрямь, огонь жжет тех, кто его трогает, но тем, кто умеет им пользоваться, он дает и свет и тепло и помощь при всякой работе.

380. ДАР СКОРБИ.

(Плутарх, «Утешение к Аполлонию», 19, p. 112a)

Говорят, что один древний философ пришел к царице Арсиное, которая оплакивала сына, и рассказал ей вот какую басню. Когда Зевс назначал божествам каждому свою почесть, то Скорбь опоздала и пришла, когда все назначения были уже сделаны. Она стала просить и ей что-нибудь пожаловать, а Зевс был в затруднении, так как все уже было роздано; наконец, он дал ей то, что оставалось для умерших — слезы и вздохи. И как все остальные божества любят каждое свой удел, так и Скорбь любит свой. Так вот, женщина, если ты лишишь Скорбь ее почестей, то не придет она к тебе; если же ты благочестиво почтишь ее назначенными ей почестями — стенаньями и вздохами, тогда она будет к тебе милостива и всегда будет с тобою, когда тебе случится воздавать ей эти почести.

381. БЕГЛЫЙ РАБ.

(Плутарх, «Брачные наставления», 41, p. 144a)

Один человек увидел раба, давно от него убежавшего, и погнался за ним. Тот спрятался на мельнице. Хозяин сказал: «Где же, как не здесь, мне приятнее всего видеть тебя?»

382. ВОЛК И ПАСТУХИ.

(Плутарх, «Пир семи мудрецов», 13, 156a)

Эзоп рассказал такую басню: увидел волк, как пастухи в своей палатке закусывают овечкой, подошел поближе и сказал: «А какой бы вы подняли шум, будь на вашем месте — я!».

383. ЛУНА И ЕЕ МАТЬ.

(Плутарх, «Пир семи мудрецов», 14, 157ab)

Однажды луна попросила свою мать: «Сшей мне платье по фигуре!» Но мать сказала: «Да как же я сошью его по фигуре? Ведь сейчас ты полная, а скоро станешь худенькой, а потом изогнешься в другую сторону».

Так-то, милый Херсий, для человека пустого и неразумного нет никакой меры в жизни: из-за превратностей страстей и судьбы он во всем бывает сегодня такой, а завтра иной. . .

384. СОБАЧИЙ ДОМ.

(Плутарх, «Пир семи мудрецов», 14, 157b)

. . . Он подобен эзоповской собаке, которая зимой, ежась и сворачиваясь клубком от холода, захотела выстроить себе дом; но когда пришло лето и можно было спать, растянувшись во всю длину, то она рассудила, что слишком уж она велика для того, чтобы нуждаться в доме, да и построить такой большой дом будет нелегко.

385. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

(Плутарх, «Застольные вопросы», I, 5, 614b)

Кто предлагает подобного рода предметы для рассуждения, тот в обществе ничуть не лучше, чем Эзоповы журавль да лиса. Лиса эта размазала по плоскому камню жидкую кашу, да и предложила ее журавлю — не столько для насыщения, сколько для посмеяния, потому что жидкую кашу узким клювом журавль ухватить никак не мог. Тогда в свою очередь при-

гласил журавль лисицу в гости и поднес ей угощение в кувшине с длинным и узким горлышком: сам он без труда просовывал туда клюв и лакомился, а лисица этого не могла, и так понесла заслуженное наказание.

Точно так же, когда на пиру философы начинают вдаваться в тонкие и хитроумные рассуждения, для большинства трудноуследимые и потому скучные, а остальные в свою очередь принимаются за пустые рассказы и песни, за пошлую площадную болтовню, тогда всякая радость совместной пирушки теряется, и Дионис преисполнится гневом.

386. КОРОЛЕК И ОРЕЛ.

(Плутарх, «Политические наставления», 12, 806е)

У Эзопа птичка королек поднялась в небо на плечах орла, а потом взлетела и первая достигла цели.

387. ДВА ДНЯ ПРАЗДНИКА.

(Плутарх, «Фемистокл», 18)

Первый день праздника и второй день праздника поссорились. Второй говорил первому: «Ты полон забот и хлопот, а я даю всем на покое насладиться приготовленным». — «Правда твоя, — ответил первый день, — но ведь не будь меня, не было бы и тебя».

388. КУКУШКА И ПТИЦЫ.

(Плутарх, «Арат», 30)

Эзоп говорит, что кукушка спрашивает мелких птичек, почему они улетают от нее прочь, а те отвечают: «Потому что ты когда-нибудь обратишься в ястреба».

389. ТЕНЬ ОСЛА.

(Псевдо-Плутарх, «Жизнь десяти ораторов», «Демосфен», 848а)

Однажды Демосфену в народном собрании афиняне не давали говорить. Тогда он объявил, что хочет сказать лишь несколько слов. Народ замолчал, и он начал: «Один молодой человек в летнюю пору нанял себе

осла от Афин до Мегары. Был полдень, солнце пекло, и ездок и погонщик оба захотели укрыться в тени от осла. Тут началась у них ссора: один твердил, что другой заплатил только за осла, но не за его тень, другой уверял, что платил за все сразу». Рассказав это, Демосфен хотел уйти с трибуны; но афиняне его остановили и потребовали, чтобы он продолжал. «Так что же, — сказал Демосфен, — про тень осла вы готовы слушать, а о важных государственных делах не хотите?»

390. ЧЕЛОВЕК, СЧИТАЮЩИЙ ВОЛНЫ.

(Лукиан, «Гермотим», 84)

Думается, что без всякого труда можно понять смысл басни, которую рассказывал Эзоп. Один человек, говорил он, сидел на берегу над прибоем и считал набегающие волны, но вдруг сбился и начал горевать и сетовать. Тут подошла к нему лисица и сказала: «Что толку, любезный, горевать о волнах, которых уже нет? Не лучше ли забыть о них и начать счет сначала?»

Так и ты: если уж ты принял такое решение, то самое лучшее для тебя — жить жизнью, общей со всеми, быть таким же гражданином, как большинство людей, и не питать никаких странных и призрачных надежд. . .

391. ЕЗДОК И БЕШЕНЫЙ КОНЬ.

(Лукиан, «Киник», 18)

С вами происходит то же самое, что с человеком, который сел, говорят, на бешеного коня: конь, конечно, подхватил его и помчал, а он уже не мог слезть на скаку; и когда какой-то встречный спросил: «Куда несешься?» — то ездок отвечал: «Куда ему угодно!» — и показал на коня.

Так и вас если спросить: «Куда несетесь?» — и если вы захотите сказать правду, то вы только и скажете: «Куда страстям угодно», или, уточняя: «Куда угодно наслаждению», «куда честолюбию», «куда алчности». . .

392. ПЛЯШУЩИЕ ОБЕЗЬЯНЫ.

(Лукиан, «Рыбак», 36)

Говорят, что один египетский царь выучил однажды обезьян военной пляске. Обезьяны — твари самые переимчивые ко всему человеческому, они быстро выучились и пустились в пляску, одетые в багряницу и с ма-

сками на мордах. Зрелище продолжалось уже долго и с большим успехом, как вдруг какой-то шутник из зрителей вынул из-за пазухи горсть орехов и бросил их плясунам. Как только обезьяны увидали орехи, забыли они о всякой пляске, вновь стали, чем были, из воинов — обезьянами, разбили маски, разорвали платья и все передрались друг с другом из-за орехов, так что строй их воинственной пляски мигом распался на великую потеху для зрителей.

393. МОМ И АФРОДИТА.

(Элий Аристид, XXVIII, 136)

Ты словно заново повторяешь старинную басню про Мома и Афродиту. Говорят, будто Афродита восседала на троне во всем своем блеске, а Мом лопался от злости, не видя, к чему в ней придраться. Наконец, ее он не тронул, а высмеял ее сандалию: и так оба остались при своем, Афродита не услышала ничего дурного, а Мом не сказал ничего хорошего. Так и ты, восторгаясь сценой, ругаешь кулисы и, не в силах оспорить главное, отыгрываешься на оговорках.

394. ПАСТУХ И МЯСНИК.

(Максим Тирский, XIX, р. 235)

Пастух и мясник шли однажды вместе по дороге. Вдруг они увидели жирного барана, который отбился от стада и заблудился, и оба бросились к нему. Животные тогда еще говорили по-человечески; и вот баран спросил каждого, чем тот занимается и для чего хочет забрать его и увести. А узнав, в чем дело и какое у кого ремесло, он предпочел отдаться пастуху: «Ты рад, когда нам хорошо, а тот, другой, для нас, овец, палач и убийца».

395. ОБЕЗЬЯНЫ, СТРОЯЩИЕ ГОРОД.

(Гермоген, «Прогимнасмы», 1)

Однажды обезьяны собрались на совет: не построить ли им город; и уже приняли решение, уже собрались приниматься за дело, когда одна старая обезьяна их удержала: в кольце городских стен, сказала она, всех их будет переловить гораздо легче.

396. ОСЛИНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО.

(Зиновий, V, 39)

Один горшечник у себя в мастерской разводил птиц. Мимо проходил осел; погонщик за ним не уследил, и осел просунул голову к горшечнику в окошко. Птицы перепугались, стали носиться по мастерской и перебили горшечнику все горшки. Хозяин потащил погонщика в суд. Какой-то встречный спросил его, за что они судятся; горшечник ответил: «За ослиное любопытство».

397. ОСЕЛ И ЖАЖДЕНЬ.

(Элиан, «Рассказы о животных», VI, 51)

Я и басню вам должен поведать об этом животном, как я ее слышал, дабы никто не подумал, что я ее не знаю. Когда Прометей похитил огонь, — гласит предание, — тогда, говорит басня, Зевс пришел в великий гнев, и тем, кто донес ему о преступлении, дал в награду дар долголетия. Подарок этот, как я слышал, положили на осла, и осел с такой поклажей пустился в путь. Время было летнее, ослу захотелось пить, и вот он подошел к источнику напиться. Но источник охраняла змея, и она приказала ему остановиться и удалиться. Тогда измученный осел пообещал ей за дружескую услугу дать того снадобья, которое он вез. Так и состоялся обмен: осел получил питье, а змея — долголетие, но вдобавок к нему — уверяет басня — еще и жажду, которая была у осла.

«Неужели?» — скажете вы. Но разве я сам сочинил эту басню? Я не стал бы ее и рассказывать, если бы до меня она не прозвучала в стихах у трагика Софокла, у того Динарха, который был соперником Эпихарма, у Ивика Регийского и у комических поэтов Аристия и Аполлофана.

398. КРЕСТЬЯНИН И ВШИ.

(Аппиан, «Гражданские войны», I, 101)

Крестьянин пахал землю, но его кусали вши. Два раза снимал он рубашку и обирал их; а когда они снова стали его кусать, тогда, чтобы не отрываться все время от работы, он свою рубаху бросил в огонь.

Так и я советую: кого я уже дважды победил, лучше пусть на третий раз не добивается такого костра.

399. ДУРАК И РЕШЕТО.

(Гален, «О способе лечения», I, 9)

Такое определение кажется мне до того полно ошибок, что я вспоминаю дурака, который при взгляде на решето сказал: «Не знаю, есть ли там что или нет ничего».

400. АПОЛЛОН, МУЗЫ И ДРИАДЫ.

(Гимерий, XX)

Снова призову я себе в спутники Эзопа; ибо та басня, которую хочу я вам поведать, — не какая-нибудь ливийская или египетская, а прямо из самой Фригии, где и весь басенный род берет начало, где и эту отыскал я среди эзоповых безделок.

Когда Аполлон приспособил свою лиру для песенного лада, [...] тогда собрались отовсюду к нему Музы, стали вокруг и повели хоровод под звуки его лиры. А там и новая толпа пришла послушать его пение — нимфы, дриады и гамадриады, горные божества и великие проказники. И когда они попросились в хоровод вместе с Музами, то казалось, что это тоже богини, подобные Музам; когда же петь они начали по-простецки и плясать под лиру дикую пляску, тогда разгневался Аполлон [...] Но не сразу хватается он за стрелы и колчан — не дерзает Эзоп изобразить его в басне так, как Гомер в Илиаде, а мы здесь будем следовать прежде всего Эзопу. [...] Так вот, Аполлон, по его словам, перестраивает свои струны с нежного лада на грубый, ударяет по ним не пальцами, а смычком; а вслед за ним начинают негодовать на нимф и горы, и рощи, и реки, и птицы, и наконец, сам Геликон от избытка страсти оборачивается человеком, говорит человеческим голосом и произносит настоящую обвинительную речь против нимф [...]: «Куда несет вас, нимфы? Какое безумие обуревает вас? Почему с Геликона, с этого поприща Муз, спешите вы на Киферон? Там — бедствия и страдания, там — начало трагедии, и этим славен Киферон! Я пастухов превращаю в певцов, а он разумных делает безумными: мать неистовствует там против сына, и род встает на род. А здесь — сады Мнемосины, здесь были рождены Музы, здесь были они вскормлены; здесь они теперь игрой и пляской вторят Аполлону, вечно внимая сладкому его напеву. Ваше исступление страшит меня: не сцена ли перед нами, не зачин ли мрачной трагедии? Но полно! нимфы, кажется, сами уже упредили конец моей речи: вот одна из них уже возле бога, другая сейчас подойдет, а третья вот-вот закружится в хороводе. Да, безмерны чары аполлоновой лиры, и разве не сильней они чар пояса Афродиты?» Так говорит Геликон в рассказе Эзопа.

401. ЭРОТ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.

(Гимерий, Эклога 10, 6)

Послушай басню. Когда Зевс сотворил людей, он украсил их всем тем, что и сейчас при них. Только Эрот еще не поселился в обители человеческой души: крылатый, он витал под небесами и поражал своими стрелами одних лишь богов. Испугался Зевс, что прекраснейшее из его творений исчезнет с лица земли, и посылает Эрота сохранить человеческий род. Однако Эрот, хоть и принял это повеление Зевса, однако не пожелал равно обитать во всех душах и равно посещать древние и новопосвященные храмы; нет, души многие и заурядные отдал он пасти низшим Эротам, рожденным от нимф, сам же вселился в души божественные и небесные, обуревая их любовным безумием на вящее благо роду человеческому. И вот, если встретится тебе человек, от природы вялый и к дружеству равнодушный, то знай, что высший Эрот не удостоил его своей близости; если же найдешь в нем ум острый и живой, а сердце — пламенное в любовной приязни, то знай, что в нем обитает высший Эрот.

402. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

(Фемистий, XXXII, p. 434)

И вот что еще рассказывает Эзоп: ту глину, из которой Прометей вылепил человека, он замешал не на воде, а на слезах. Потому и не следует воздействовать на человека силой — это бесполезно; а если нужно, то лучше укрощать его и смягчать, успокаивать и урезонивать по мере возможности. И к такому отношению он отзывчив и чуток.

ВИЗАНТИЙСКИЕ БАСНИ

БАСНИ ИЗ СБОРНИКА СИНТИПЫ

403(4). РЕКИ И МОРЕ.

Собрались реки вместе и стали обвинять море: «Почему мы в тебя несем воду пресную и вкусную, а как только впадут наши воды в твои, так сразу становятся солеными и негодными для питья?» Услыхало море, как его порочат, и говорит в ответ: «Не впадайте в меня, и не будете солеными».

Эта басня относится к тем, кто незаслуженно обвиняет ближних, а сам пользуется их же щедротами.

404(6). ОХОТНИК И ВОЛК.

Охотник увидел, как волк набросился на стадо и стал терзать овец изо всех сил; замышляет тогда охотник волка затравить и выпускает на него своих собак, промолвив при этом: «Эх ты, трус! есть ли зверь тебя трусливее? Где же твоя хваленая сила, если даже против собак ты не можешь выстоять?»

Басня показывает, что из людей каждый искусен в своем собственном деле.

405 (11). БЫК, ЛЬВИЦА И КАБАН.

Бык набрел на спящего льва, ударил его рогами и убил насмерть. Пришла его мать-львица и стала его горько оплакивать. Кабан увидел,

как она убивается, встал поодаль и сказал: «Эх, а сколько людей, у которых вы сами погубили детей, теперь проливает по ним слезы?»

Басня показывает: кто какою мерою других мерит, того и самого ею будут мерить.

406 (17). ЛИСИЦА И ЛЕВ.

Лисица увидала льва в клетке, подошла к нему и стала над ним дерзко издеваться. Сказал ей лев: «Это не ты надо мной издеваешься, а мое несчастье».

Басня показывает, что многие достойные люди, попав в беду, терпят поношение от ничтожных.

407(19). СОБАКИ И ЛИСИЦА.

Собаки нашли львиную шкуру и стали ее терзать. Лисица, посмотрев на них, сказала: «Будь этот лев живой, вы быстро убедились бы, насколько его когти сильнее ваших зубов!»

Басня показывает тех, кто унижает достойных людей, когда они утратят свою славу.

408 (20). БОЛЬНОЙ ОЛЕНЬ.

Олень занемог и прилег где-то на лугу. Животные, навещая его, щипали траву вокруг него и выщипали ее всю. И олень, оправившись от болезни, все же погиб, изнуренный, от недостатка корма.

Басня показывает: кто заводит друзей бесполезных и никчемных, тот вместо выгоды потерпит только убыток.

409 (21). ЧЕЛОВЕК И СОБАКА.

Один вор, видя проходившую собаку, всякий раз бросал ей куски. Наконец, говорит собака человеку: «Ступай-ка прочь, любезный: такая твоя доброта лишь предупреждает меня кой о чем поважнее».

Басня показывает: если кто осыпает другого подарками — значит, он затеял что-то явно неправедное.

410 (30). ДИКИЙ ОСЕЛ И ДОМАШНИЙ ОСЕЛ.

Дикий осел увидел домашнего осла, навьюченного тяжелым грузом, и стал попрекать его рабской долей: «Вот я поистине счастлив: живу на воле, трудов не знаю, ни о чем не забочусь и пасусь себе в горах. А ты кормишься из чужих рук, томишься в рабстве и терпишь вечные побои». Но в этот самый миг показался лев; к домашнему ослу он и приближаться не стал, потому что при нем был погонщик, а на дикого, одинокого, он бросился со всею свирепостью и сожрал его.

Басня показывает, что людей строптивых и упрямых, желающих жить по-своему и без чужой помощи, настигает скорая гибель.

411 (38). СОБАКА И ВОЛЧИЦА.

Собака гнала волчицу, похваляясь, какая она быстроногая да сильная: ей казалось, что волчица убегает оттого, что она слабее. Но обернулась волчица и сказала собаке: «Не тебя я боюсь, а твоего хозяина, что бежит следом».

Басня показывает, что не следует чваниться чужою доблестью.

412 (45). ЧЕЛОВЕК, КОНЬ И ЖЕРЕБЕНОК.

Один человек скакал на кобылице, которая была уже на сносях; и среди пути кобыла родила жеребенка. Жеребенок тотчас побежал за матерью следом, но быстро утомился и крикнул человеку, скакавшему на ней: «Разве ты не видишь, что я еще мал и к дальней дороге неспособен? Подумай, если ты меня здесь бросишь, я тут же погибну; а если заберешь, да отведешь до места, да будешь потом кормить, то я подрасту, и ты сам сможешь на мне ездить».

Басня показывает, что нужно делать добро тем, от кого ожидаешь ответной услуги.

413 (48). ЧЕЛОВЕК И КИКЛОП.

Жил-был один человек, честный во всех делах и благочестивый. Долгое время жил он с детьми в довольстве, а потом вдруг постигла его крайняя бедность. Было ему так горько, что стал он клясть провидение

и решил покончить с жизнью. И вот взял он широкий меч и пошел в уединенное место, сочтя за лучшее умереть, нежели мучиться в такой беде. Но по пути попалась ему глубокая яма, а в яме лежала немалая куча золота, которое запас там один великан по имени Киклоп. Увидел человек это золото, и наполнилась его душа сразу и страхом и радостью: бросает он свой меч, вытаскивает из ямы золото и скорее уходит с ним домой, к своим детям. А Киклоп пришел потом к своей яме, увидел, что золота нет, а вместо него на земле лежит меч, и тотчас выхватил его и закололся.

Басня показывает, что людей грубых непременно постигает несчастье, а людям добрым и благочестивым достается все самое хорошее.

414 (49). ОХОТНИК И ВСАДНИК.

Один охотник изловил зайца, забрал его с собой и пошел своей дорогой. По пути ему встретился всадник и попросил у него зайца, обещая заплатить. Но как только взял он у охотника зайца, тотчас галопом бросился прочь. Охотник побежал следом, надеясь вот-вот его настичь; а когда всадник уже далеко от него отскакал, охотник, скрепя сердце, крикнул ему вслед: «Ступай себе! дарю тебе этого зайца».

Басня показывает, что многие люди, против воли лишаясь своего добра, притворяются потом, что отдали его сами.

415 (54). ЮНОША И СТАРУХА.

Шел один юноша по дороге в жаркий день, и повстречалась ему пожилая женщина, которая держала путь в ту же сторону, что и он. Видя, что от жары да от дорожной усталости она совсем измучилась, он ее пожалел, слабосильную, и, пока она вконец не выбилась из сил, подхватил ее, посадил себе на плечи и понес. Но между тем, как он ее нес, стало смущать ему мысли дурное желание, и от бесстыдного вожделения распалилась в нем похоть: повалил он вдруг старуху на землю и сошелся с нею бесстыдным образом. А она его спросту спрашивает: «Что это такое ты со мною делаешь?» Ответил он так: «Тяжела ты больно, и поэтому решил я состругать с тебя немного мяса». С такими словами, доведя свое дело до конца, поднял он ее опять с земли и взвалил на плечи. Мало ли, много ли еще он прошел, говорит ему старуха: «Если тебе нести меня все еще в труд да в тягость, ты опять сними меня да еще постругай!»

Басня показывает, что иные люди, достигнув цели своих желаний, делают вид, что они этого вовсе не хотели, и притворяются, будто и делали-то они не это, а совсем другое.

БАСНИ-НОВЕЛЛЫ ИЗ ФЛОРЕНТИНСКОЙ И АФИНСКОЙ РУКОПИСЕЙ

416. ВОР И ГОСТИНИК.

Вор поселился в одной гостинице и жил там несколько дней в надежде что-нибудь украсть, но все как-то не было случая. Вот однажды он увидел, что хозяин гостиницы надел красивый новый хитон — дело было в праздник — и сидит у ворот гостиницы, а поблизости никого нет. Подошел вор, присел рядом с хозяином и заговорил с ним. Разговаривали они целый час, а потом начал вор разевать рот и при этом завывать по-волчьи. Спросил его хозяин: «Что это ты?» Вор отвечал: «Так и быть, скажу тебе; об одном прошу, постереги мой плащ, потому что придется мне тут его оставить. Я сам не знаю, добрый господин, почему это, но то ли за грехи мои, то ли еще отчего находит на меня иногда такая зевота; и стоит мне зевнуть три раза подряд, как я оборачиваюсь волком и бросаюсь на людей. И с этими словами зевнул он во второй раз и опять завыл, как прежде. Услышал это гостиник и подумал, что вор говорит правду; вскочил он в испуге и хотел убежать. А вор ухватил его за хитон и стал просить: «Не уходи, добрый господин, и возьми мой плащ, а то я его потеряю!» И с этими словами разинул рот и стал зевать в третий раз. Испугался хозяин, что тот сейчас его съест, сбросил свой хитон, кинулся бегом в гостиницу и заперся изнутри. А вор подхватил хитон и ушел восвояси.

Так бывает с теми, кто верит выдумкам.

417. ДВА ЛЮБОВНИКА.

Один человек приходил по ночам украдкой к женщине и любился с ней. А чтобы она его узнала, он подавал ей знак: подходил к двери и тявкал, как маленькая собачка, и она отворяла ему дверь. Так делал он каждый раз. Другой человек заметил, как уходит он вечерами по одной и той же дороге, догадался, в чем тут хитрость, и однажды ночью пу-

стился за ним следом, издали и крадучись. А гуляка, ничего не подозревая, подошел к двери и пробрался в дом, как обычно. Увидел его сосед все, что нужно, и воротился домой. А на следующую ночь он сам прокрался первым к двери развратницы и затявкал, как маленькая собачка. Подумала женщина, что это ее любовник, погасила свет, чтобы его не заметили, и отворила дверь; вошел он и слюбился с ней. А немного погодя пришел и первый ее любовник и, как всегда, затявкал перед дверью, как маленькая собачка. И тогда тот, который был в доме, заслышав, что соперник его из-за двери тявкает, как маленькая собачка, встал и сам залаял громким голосом, как огромный пес. Понял тот за дверью, что в доме кто-то его сильнее, и удалился восвояси.

418. МОРЯК И ЕГО СЫН.

Был, говорят, у одного моряка сын, и моряк хотел, чтобы он обучился грамматике. Поэтому он послал сына в школу, и через некоторое время сын там обучился грамматике до тонкости. Тогда и говорит юноша отцу: «Батюшка, вот я изучил всю грамматику до тонкости; но теперь мне хочется изучить и риторику». Понравилось это отцу; послал он опять сына в школу, и стал он там настоящим ритором. Вот однажды сидел сын дома и обедал вместе с отцом и матерью, рассказывая им про грамматику и про риторику. Перебил его отец и сказал сыну: «О грамматике слыхал я, что это есть основание всех искусств и кто ее знает, тот без ошибок может и говорить и писать; а вот в чем сила риторики, я не знаю». Сын в ответ отцу говорит: «Верно ты сказал, отец, что грамматика есть основание всех искусств; но риторика еще того сильнее, потому что она может без труда доказать что угодно и даже неправду представить правдой». Тогда отец сыну говорит: «Ежели в ней такая сила, то поистине она куда как могуча! Но покажи-ка ты мне ее силу вот сейчас!» А случилось так, что на столе у них было два яйца. Отец говорит: «Смотри, нас трое, а яиц на столе два; как сделаешь ты, чтобы их стало три?» А сын ему: «Без труда — с помощью арифметики». «Как же?» — спрашивает отец. «Сосчитай-ка их еще раз!» — говорит сын. Начал отец их считать и говорит: «Одно, два». А сын ему: «Так ведь один да два как раз и будет три!» Говорит отец: «Верно, сынок; а коли так, то одно съем я, другое твоя мать, а ты ешь то, которое сам изготовил своей риторикой».

БАСНИ ИЗ СБОРНИКА ЯМБИЧЕСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

419 (I, 8). МЫШЬ В КУЗНИЦЕ.

Под смех рабочих мышь несла из кузницы
Другую мышь, от голода издохшую,
И так сказала: «Следовало плакать бы,
Что даже мышь вы прокормить не можете».

420 (I, 22). СТРАУС.

В большом сраженье меж зверьми и птицами
Ливийский страус, попадая в плен к врагам,
Зверям назвался зверем, птицам — птицею,
И показал тем — ноги, этим — голову.

421 (II, 7). МЕДВЕДЬ, ЛИСА И ЛЕВ НА ОХОТЕ.

Медведь, лиса и лев в лесу охотились.
Медведь и лев немало сил потратили,
Лиса ж, верблюда увидав на привязи,
Тотчас вскричала: «Вот и я с добычею!»

422 (II, 28). ВОЛК-МУДРЕЦ.

Волк изучал творенья волчьей мудрости
И захотел сказать об этом курице;
Но та, едва лишь пасть его увидела,
Как бросилась подальше от ученого.

БАСНИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АВТОРОВ

423. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУМЯНЦА.

(Григорий Назианзин, «Нравственные стихи», 29, 187—206)

Ну, а теперь расскажу-ка я вам о скромности басню,
Скромности вашей подстать: в старости стал я болтлив.

Некогда, в давние дни ни худого, ни доброго дела
 Не различал человек: так говорит нам молва.
Многие люди, почета не стоивши, были в почете,
 Многие были умны, а почитались ни в грош.
Слава тем доставалась, кто был достоин позора,
 Славы достойным — позор: не было правды ни в чем.
Но не укрылось царящее зло от господа бога;
 В гневе неспешном своем рек он такие слова:
«Нехорошо, чтобы добрым и злым наравне доставалась
 Слава: от этого зло множиться будет и цвесть.
Ныне хочу я пометить моим божественным знаком
 Тех, кто сумеет во всем зло отличить от добра».
Рек, и у добрых людей покрывает ланиты румянцем:
 С кровью взошла на лицо краска живого стыда.
Женам и девам он дал румянец и ярче и краше —
 Слабому телу оплот, нежному сердцу покров.
Злым же людям в удел даны холодные души —
 Вот почему и стыда лица не ведают их.

424. ЛАСТОЧКИ И ЛЕБЕДИ.

(Григорий Назианзин, письмо 94)

Ты попрекаешь меня молчаливостью и грубостью, о изящнейший и остроумнейший муж! Что ж, позволь мне рассказать тебе одну недурную басню, и может быть, она как-нибудь уймет твое словообилие.

Ласточки однажды стали насмехаться над лебедями за то, что те не хотят иметь дела с людьми, не желают петь при всех, а живут по лугам и рекам, всему предпочитают уединение, поют редко-редко, да и то лишь сами для себя, словно стыдно им этого дара Муз. «А у нас, — говорили ласточки, — есть целые города, и дома, и люди; с людьми мы болтаем, людям рассказываем всю нашу историю, старинную, аттическую, про Пандиона, про Афины, про Терея, про Фракию, про дальний путь, про наше несчастье, про насилие, про отрезанный язык, про письмо, а больше всего — про Итиса и про то, как стали мы из людей птицами». А лебеди даже не удостаивали ласточек ответом. Но невмоготу стала им болтовня ласточек, и сказали они так: «Эх, ласточки! А вот ради нас люди сами по доброй воле пробираются в наши глухие места, чтобы послушать, как вскидываем мы крылья навстречу Зефиру, а он звенит в них благозвучно и сладостно. И если мы поем немного и не для многих, то хороша наша песня тем, что звучит она в самом мерном ладу и не перебивают ее чуждые шумы. А вы хоть и живете у людей под крышей, да люди вас

и видеть не любят, и слышать не хотят, и поделом: даже с вырезанным языком вы не умеете молчать: хоть вы и плачетесь на свою немоту да на свои страдания, ни одна птица, даже самая сладкогласная, не говорливее вас».

«Пойми, что молвлено», — говорит Пиндар; и если ты согласишься, что мое молчание лучше твоего многословия, то перестань меня им попрекать, а не то я отвечу пословицей, самой краткой и самой меткой: «Тогда лебеди запоют, когда галки замолчат».

424а. ТРИ ГРОЗДИ ДИОНИСА.

(Фотий, Письма, 16)

Эзоп был баснописцем: басни, как он полагал, заключали в себе немалую жизненную пользу. Сочинил он немало и других рассказов, стараясь ими исправить дурные людские нравы. Вот среди них-то и есть примечательная басня, которую он придумал, чтобы показать вредоносную природу вина. Басня эта такова. Некогда Дионис создал три виноградные грозди. Первую он взял себе, вторую отложил в подарок Афродите, а третью оставил на долю Спеси. Вот почему Спесь, которая так неприглядно обнаруживается в речах и поступках людей, обычно считается их «виною». Может быть, ты спросишь, что все это значит? Вот что. Сам Дионис не был безумен, хотя и водил за собою безумных вакханок; об остальном мы говорить не будем, ибо письмо не место для долгих и подробных изъяснений, но во всяком случае Дионис никогда не терял трезвости. А это значит, что первая гроздь предназначается для того, кто пьет вино только в меру своей жажды. А если кто, утолив жажду, все же продолжает пить вино уже от второй грозди, то хоть он и остается человеком, но равновесие свое теряет, позволяет увлечь себя в неистовства Афродиты и получает посвящение в таинствах распутства. Не стенай, однако, над его падением и не проливай слишком много слез над этим бедствием — ибо есть еще третья гроздь, и над ней-то уместнее тебе излить свое сострадание и скорбь, потому что эта чаша делает того, кто ее пьет, невольником, порабощенным Спесью, и извергает его из общества свободных людей в рабскую долю. Да, поистине, было бы лучше и полезней, если бы вовсе не являлся на свет Дионис!

425. ПАСТУХ И ВОЛК.

(Никифор Василаки, «Прогимнасмы», I, 4)

Заемный убор опасен.

Надумал однажды волк переменить свое обличье, чтобы этим побольше добыть себе добычи. И вот он покрылся овечьей шкурой, вмешался в овечье стадо и самого пастуха обманул своею хитростью. Но наступила ночь, замкнул пастух зверя в овчарне, загородил вход и, ничего не подозревая, укрепил забор; а потом, когда захотелось ему есть, он своим ножом и зарезал волка.

Так лицемер, украсившись заемным убором, нередко гибнет, и наряд бывает причиной его горькой участи.

426. БЫК, ОБМАНУТЫЙ ЛЬВОМ.

(Никифор Василаки, «Прогимнасмы», I, 1)

Лев увидел однажды быка; льву очень хотелось его съесть, но он боялся бычьих рогов. Словно больной, он видел лекарство и не решался его принять. Голод, одолевая, побуждал его сцепиться с быком, но длинные рога его отпугивали. Наконец, голод взял свое, и вот лев подступает к быку, тая обман под личиной дружбы, — ведь лицом к лицу с опасностью и храбрец робеет, а где опасно действовать силой, там пускаются на хитрость. «Нравится мне, какой ты сильный, — говорит лев, — и еще больше нравится, какой ты красивый: что за голова, что за осанка, что за ноги, что за копыта! Но зачем эта тяжесть на голове? Сбрось с себя этот никчемный убор, тогда голова у тебя станет и красивей, и легче, и в сражении крепче. Да и к чему тебе рога, когда сам лев с тобой в мире?» Послушался бык; но когда он лишился мощного своего оружия, то стал легкой добычей для льва, и тот спокойно его сожрал.

Слушаться врагов — значит подвергать себя не только обману, но и опасности.

427. ВОЛК И ОСЕЛ В СУДЕ.

Волк негаданно повстречал в дороге осла. И хотя уже явно осел был в его власти и почти что у него в зубах, волку показалось мало такой своей добычи и такого чужого несчастья: он захотел подкрепить дело словом. «Не бойся, — сказал он, издеваясь над несчастным, — я не настолько несправедлив, чтобы обидеть тебя, не выслушав сначала всю историю твоей жизни. Давай по очереди расскажем друг другу про все дур-

ные дела, какие совершили мы в жизни. Если мои будут хуже твоих — ты свободен от всех моих подозрений и можешь в полной безопасности бежать к себе на пастбище. Если же окажется, что в своих преступлениях ты зашел дальше меня, — тогда сам суди, не заслуживаешь ли ты за это от меня наказания». Так сказал волк и начал перечислять свои злодеяния: сколько коз и овец он растерзал, сколько козлов и баранов унес, сколько быков задушил и, наконец, сколько пастухов покусал, а то и загрыз насмерть. Обо всем этом и о многом этому подобном рассказывал он со смирением и мягкостью, словно эти преступления вовсе и не были, по его мнению, преступлениями; а когда кончил, то велел ослу рассказывать о своих. А осел, как ни старался, все не мог припомнить за собой ничего недозволенного; и вот, в недоумении, рассказывает он, наконец, словно о преступлении, вот о каком случае. «Однажды, — говорит он, — взвалил на меня хозяин свою поклажу — а были это овощи, — и шел я себе, шел, как вдруг стала меня щекотать муха. Я не вытерпел, запрокинул голову, чтобы сдунуть ее с ноздрей, и тут один листик от овощей отвис и попал мне на зуб, а я его разжевал и проглотил. Но тотчас я за это и поплатился: хозяин был рядом, при нем была палка, и он так отколотил меня по спине, что я тут же все и выблевал». Не успел бедняга кончить свою исповедь, как волк ловит его на слове, словно когда-то ягненка: «Что за несправедливость! Что за чудовищное преступление! Как только тебя земля носит, нечестивец! Что за наглость, что за мерзость, что за срам! Твой несчастный хозяин над этими овощами мучился, сеял, поливал, полол, собирал, столько из-за них трудов перенес, столько на них надежд полагал, и вдруг весь его прибыток погибает — из-за кого? из-за тебя, неблагодарный! Ты сам говоришь, как сильно избил он тебя — разве из этого не видно, как глубоко ты ранил его в самое сердце тем, что сожрал его овощи? Но нет, как видно, для святой Правды мало таких побоев за такой поступок, и она просто отложила окончательное твое наказание: я тебя не искал, но ты сам попался мне в лапы, чего же более?» И с этими словами волк набрасывается на несчастного осла и, растерзав его, пирует над добычей. Ему и до всякой исповеди только этого и хотелось, но он разыгрывал справедливость, чтобы сделать вид, будто сожрал он жертву по праву. Поступил он так же, как поступают люди несправедливые, когда грабят чужое и прикрываются благовидными предлогами: лживые их доводы заставляют и кривду казаться правдой.

428. ЛИСИЦА И КРЕСТЬЯНИН.

Однажды в винограднике крестьянина
Коварная лисица нору вырыла
И ночью грызла гроздья виноградные,

А днем, таясь, сидела у себя в норе,
Зарывшись в землю и от страха скорчившись.
Но вот старик поймал ее ловушкою,
Стал бить ее, душить ее, терзать ее.
«Ах, вовсе я гроздей твоих не трогала,
Наоборот, — кричит ему несчастная, —
Я от других зверей оберегала их».
Но все напрасно: был старик безжалостен,
И бил, пока не вышиб из лисицы дух.

429. ЧЕРНАЯ ЛАСКА.

(Никифор Григора, «История», VII, 1)

Жил-был один человек, по ремеслу кожевник, и была у него белая ласка; в доме было много мышей, и она ловила каждый день по одной. Однажды ненароком упала она прямо в лохань, где у кожевника была черная краска для кож, и едва-едва оттуда выбралась, черная с головы до ног. А мыши решили, что, переменив так удивительно обличье, она и мышей не захочет больше трогать; и вот они без страха разбежались по полу, вынюхивая направо и налево, чего бы поесть. Тут ласка при зрелище такой добычи хоть и не могла при всем желании справиться со всеми сразу, но двоих ухватила и растерзала; а все остальные пустились бежать со всех ног и только дивились, что с виду она переменилась, а нравом стала еще свирепей.

430. ПТИЦЕЛОВ И ВОРОБЕЙ.

(Иоанн Кантакузин, «История», III, 59)

Говорят, один птицелов поймал однажды воробья, но тот сказал ему человечьим голосом: ежели он, птицелов, его, воробья, привяжет на привязь, то суждено ему потерять сына; если отпустит, то суждено потерять жену; а если в величайшем неразумии своем задушит, то суждено самому тут же умереть. Увидел птицелов, что беда ему грозит ото всех сторон, и стал горько сетовать, проклиная тот день, когда он поймал воробья, отчего и пошли все его несчастья.

Думается, что сочинитель этой басни хотел ею показать, что многие люди, стремясь поправить свои дела, сами невольно попадают в тяжкие опасности.

ДОПОЛНЕНИЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛАТИНСКИЕ БАСНИ

БАСНИ ИЗ «РОБЕРТОВА РОМУЛА»

1 (7). ХВАСТЛИВЫЙ ЖУК.

Один навозный жук вылезал, сытый, из навозной кучи и вдруг увидел, что в вышине летит орел, да так быстро, что за малое время облетает огромные просторы неба. Стало жуку обидно, и сказал он своим так: «Смотрите, вот орел: клюв и когти у него хищные, тело крепкое, крылья быстрые; когда захочет, он и до облаков взлетает, когда пожелает — и к самой земле мчится. А мы с вами живем у природы в немилости, и не считают нас ни за летучих, ни за ползучих тварей, хотя ведь орел ни голосом не слаще меня, ни перьями не ярче меня. Нет! пристану лучше я к птицам и буду с ними повсюду летать и жить». И тут взлетел он в небо и загудел противным своим гудением. Но когда в вышине захотел он лететь за орлом, то не выдержал сильного ветра и рухнул, измученный и перепуганный, далеко-далеко от своих обычных мест. И здесь, оставшись без корма, сказал он уныло: «Ах, вернуться бы мне на мою навозную кучу — и что мне за дело тогда, считают меня летучим или ползучим?»

Так люди надменные в своем хвастливом чванстве бывают наказаны: не достигнув тех благ, которых искали, они лишаются и тех, какие имели.

2 (9). КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ЖЕНА.

Один мужик увидал жену свою в роще с любовником. Рассвирепел он и бросился к ним. Любовник вскочил и скрылся в роще, а жену мужик пустился ругательски ругать. Но та сделала удивленный вид и спросила, за что же это он ее так ругает? Ответил муж, что видел ее с любовником. И тогда вскричала женщина громким голосом: «Ах, бедная я, бедная!

Теперь помру я через три дня, и в этом нет сомнения! Ведь и с матерью моей, и с бабкой так было: перед тем, как им умереть, появлялся возле них некий юноша, а им оставался невидим. Нет! нельзя мне больше оставаться в миру: поэтому прошу тебя, поделим все наше добро поровну, и тогда я со всей моей долей тотчас уйду в какой-нибудь монастырь». А мужик-то был скуп; вот и говорит он ей: «Что ты, женушка, не делай этого! честное даю тебе слово: никого я с тобою не видел!» — «Нет, — твердит женщина, — не останусь я: пора мне, пора позаботиться о спасении души. И разве не слышу я, как ты меня ругаешь и ругаешь за какой-то грех, а я ни в чем не виновата?» — «Слова дурного больше не скажу, — говорит мужик, — и никакого греха за тобой не знаю! А если я что и говорил, так это в шутку!» — «Поклянись, — говорит женщина, — поклянись своими отцом-матерью, что никого ты со мной не видел, что никуда ты за мною не пойдешь подсматривать, что никогда ты не будешь меня ругать». — «Что ж, давай поклянусь», — говорит мужик. И вот пришли они к монастырю, и там над святыми мощами мужик поклялся во всем обещанном.

Это означает, что у женщины есть все хитрости дьявола, да еще одна, и что обманывать она умеет как за глаза, так и в глаза.

3 (10). КУКУШКА И ПТИЦЫ.

Сошлись однажды птицы выбирать себе царя и вдруг услышали вдалеке, как кукушка кукует. Понравился им голос, громкий и звонкий, а чей он, никто не знал. И решили они, что такая звонкая и говорливая птица достойна быть над ними царем, если только душой и делами она не хуже, чем пением. Вот и послали они синицу, чтобы посмотреть, как она выглядит да как живет. Прилетела синица, села на дереве неподалеку и увидела кукушку. Смотрит: вид у кукушки жалкий, голова понурая, царственности никакой, а скорее видны бессилие и трусость. Захотела синица получше испытать кукушкин нрав: уселась на дерево над самой кукушкой и нагадила ей прямо на спину; а кукушка и тут не пошевельнулась. Полетела тогда синица прочь, браня и ругая кукушку, и рассказала всем птицам, какая та трусливая и как не посмела даже отомстить, когда ее осрамили. «Как же, — говорит, — будет она защищать нас от больших птиц, когда даже себя защитить от такой крохотной птички, как я, и то она не смеет? Нет, избави нас бог избрать такого правителя; а изберем кого-нибудь умного, сильного и смелого». Вот и выбрали птицы царем над собою орла, рассудив, что царем он будет достойным, ибо рост у него видный, клюв и когти острые, от вражьих набегов он защитник верный, а справедливости блюститель честный и строгий. Кроме того, в пище и во

всем он умерен, так что не будет гневить народ непомерными поборами: раз насытясь, он несколько дней постится, ибо ведает, что не под стать царскому достоинству угнетать народ непрерывными тяготами.

Такой пример учит народ: выбирая себе господина или судью, предпочитать следует не того, кто на словах велик, а на деле ничтожен, но того, кому добродетель дает силы отражать врагов и подавлять несправедливых.

4 (11). ПРОДАВЕЦ КОНЯ.

Один мужик вырастил коня на продажу и хотел получить за него двадцать солидов. И сосед его готов был этого коня купить, только просил сбавить цену. Сошлись на том, чтобы цену коню назначил первый человек, которого они встретят по дороге на рынок. И случилось так, что повстречался им человек одноглазый. Спросили его, какова настоящая цена коню? а он и ответил: «Настоящая цена коню — десять солидов». Покупщику такие слова понравились, и он потребовал себе коня за эту самую цену: но продавец все спорил и спорил, пока не пришли они со своим делом в суд. Покупщик ссылался на взаимный уговор их и на то, что оценщик был незнакомый и, стало быть, вне подозрения. Но продавец отвечал, что оценка его недействительна: раз он был одноглаз, значит, видел он только половину коня и, понятно, назначил за нее половину цены. Услыхав такое рассуждение, расхохотались судьи и кончили дело шуткой, а мужик со своим конем воротился домой, с честью оправданный от обвинений соседа.

Так умный человек может уйти от беды, если слова его, хоть сами по себе и несерьезные, искусно принимают видимость рассуждения.

5 (13). ЯСТРЕБ, ОРЕЛ И ЖУРАВЛЬ.

Однажды орел сильно прогневался на ястреба и погнался за ним по пятам, а все остальные птицы — следом. Но ястреб, спасаясь, залетел в расщелину горы и там спрятался. Орел перед расщелиной стал толковать со своими баронами, кто из них лучше сумеет вытащить ястреба. И вот поручили это журавлю, который со своей длинной шеей легче мог до него дотянуться. Но когда журавль подошел, вытянул шею и запустил голову в расщелину, ястреб тут же ухватил его за горло обеими когтистыми своими лапами и с силой стиснул. Журавль от этого внезапного нападения и от этих острых когтей так испугался, что его прослабило,

и замарал он и орла и всех птиц, что стояли вокруг. И поэтому, едва он вырвался из ястребиных когтей, так от великого стыда тотчас решил улететь из родного края прочь и поселиться в неведомых местах. И уже пустился он в путь, и уже летел над открытым морем, как вдруг повстречалась ему чайка и спросила, отчего это решил он переселиться? Рассказал журавль обо всем, что с ним приключилось, а чайка и спрашивает: «Сам-то ты бежишь, а зад-то свой, я думаю, ты оставил на старом месте?» — «Нет, — отвечает журавль, — он у меня везде с собой». — «Тогда вот тебе мой совет, — говорит чайка, — возвращайся-ка ты в родной край, потому что так и на чужбине с тобой может приключиться что-нибудь такое или похожее». И журавль согласился и вернулся.

Так бывает со многими, кто покидает родной край, чтобы уйти от срама, но в чужой земле с ними приключается то же самое, а то и похуже. Не землю, а нрав свой должен менять человек.

6 (14). ВОЛК КАЮЩИЙСЯ.

Волк решил замолить свои злодеяния и дал обет не есть ничего мясного весь великий пост до самой пасхи. Но вскоре встретился ему на опушке рощи жирный баран, один-одинешенек, и сказал волк сам себе: «Ах, с каким удовольствием отведал бы я этого барана, кабы не было на мне зарока! Впрочем, о чем я думаю? ведь он один, а это значит, что любой прохожий может с ним расправиться, если я сам о нем не позабочусь! Стало быть, уж лучше я решу, что это — лососина, возьму да и съем; тем более, что лососина — пища нежная и в эту пору стоит дорого». И с этим он барана схватил и сожрал.

Так иные, привыкнув ко злу, настолько бывают развращены душой, что ни клятва, ни обет уже не сдерживают их желаний, и при первом же случае они возвращаются к своим привычкам.

7 (15). ЛАСТОЧКА И ВОРОБЬИ.

Один мужик собрал по осени урожай и положил в житницу. А ласточка, которая там гнездилась под стрехой, созвала туда воробьев; они налетели через окошко и стали клевать мужиково зерно. Заметил это мужик и расставил на воробьев силки и петли; но ласточка их предупредила, и они на недолгое время перестали прилетать. Догадался мужик, что это ласточка открыла его умысел, и убрал силки, говоря громким голосом, что на птиц он больше не в обиде и ловить их не собирается.

А после этого вышел из житницы и расставил свои силки и прочие снасти на воробьев снаружи и потихоньку. Ласточка словам мужика поверила и опять пригласила воробьев на угощение: теперь-де ничего им не грозит. Налетели воробьи, стали клевать; а мужик как накинул разом на все окна свои тайно приготовленные сети, так и запер всех в житнице, похватал и стал избивать. И тогда один из воробьев так сказал ласточке: «Лживо ты говорила, что ничто нам не грозит: погибельное угощение ты приготовила для нас!» Но ласточка отвечала: «Не я, а мужик меня обманул, и я, поверив ему, обманула вас. Но теперь вижу: не всему, что говорят, можно верить».

Так многие по своему легковерию часто передают другим самые лживые слухи.

8 (18). КРЕСТЬЯНИН И ВОЛЫ.

Один мужик вывозил на волах из хлева тот навоз, который они же и навалили. Волы на него стали браниться: они-де своими трудами доставляют ему и пшеницу и ячмень, чтобы он со всем домом жил безбедно немало лет, а он их за это посылает на такую грязную работу. Но мужик им в ответ: «Скажите, а не вы ли сами понаделали все то добро, которое везете?» — «Не спорим,» — говорят быки. — «А коли так, — говорит мужик, — то это будет только справедливо: на покое вы загадили мой дом, на работе вы его очищаете».

Басня относится к слугам, ворчливым и надменным: сделав что-нибудь хорошее, они тотчас начинают ворчать и не помнят, сколько хорошего было сделано для них самих. А сделав что-нибудь дурное, они об этом всегда помалкивают.

9 (19). ЗАЯЦ И ОЛЕНЬ.

Заяц увидел оленя с прекрасными его ветвистыми рогами и начал сетовать перед Юпитером на свою долю: и слабый-то он, и убогий, и никто его не боится, поэтому-де он просит дать ему для красы и для защиты такие вот рога, как у оленя. Сказал ему Юпитер, что тяжелы они и не справится он с ними. «Ничего, — отвечал заяц, — отлично справлюсь я с такими рогами». Тогда, по велению Юпитера, выросли у него на голове рога, огромные и ветвистые. Но тут и оказалось, что под тяжестью их заяц не мог уже бегать; попался он пастухам, и они его убили.

Так многие жаждут многого и чают найти в нем себе почет, а обретают невзгоды и смерть.

10 (20). ВОЛК И НАВОЗНЫЙ ЖУК.

Спал однажды волк в своей пещере, как вдруг забрался ему под хвост навозный жук. Проснулся волк от жестокой боли и долго катался по земле туда и сюда, пока, наконец, жук не выбрался оттуда, где он был. Увидел его волк и возненавидел, что от такой ничтожной мелкой твари терпел он столько мук. «Несчастный, — говорит он, — да как ты смел напасть на того, кто и лучше тебя и сильнее? Ну, что ж, если ты на свою силу надеешься, собирай всю родню, друзей и близких и выходи на бой со мною и с моими — а сойдемся завтра на этом поле». Так и договорились и на другой день вышли к бою: с волком были звери лесов и чащ, а с жуком — все жуки и все их племя мух и ос. И звери, по совету волка, все заткнули себя сзади и сверх того еще обвязали ремнями. Вот сошлись они, и оса первая пребольно ужалила оленя; не стерпел олень, подскочил, и лопнули на нем ремни. Как увидел это волк, так вскричал громким голосом: «Спасайся, кто может! Не держатся наши ремни: промешкаем самую малость — и у каждого будет под хвостом оса или жук, а то и оба». И услышав это, все пустились в бегство.

Так со многими бывает: в трудную минуту не раз приходится с немалым позором уступать даже слабым и презираемым.

БАСНИ ИЗ «РАСШИРЕННОГО РОМУЛА»

11 (35). ВОР И НАВОЗНЫЙ ЖУК.

Жил-был один знаменитый вор, и любил он воровать ночью, когда никто не слышит. Вот однажды, устав от ночной работы, забрел он на луг. Время было летнее, луг был весь в траве и цветах, по лугу бежал ручей с нежным журчанием, и все это манило отдохнуть утомленного вора. И вот, соблазнившись приятным местом и часом, раскинулся он на траве и заснул. Но едва погрузился он в сон, как забрался в него навозный жук. А если спросишь, откуда он забрался, то отвечу: забрался снизу, потому что знал свое дело. Как почувствовал вор в себе неуютного гостя, сразу проснулся. Те места, где угнездился жук, у него очень болели, и пошел он к врачам, спросить, что с ним такое. А врачи говорят: «Это ты забеременел». Поверил человек врачам и ему самому стало казаться, что в этом причина всех мук. Удивительная новость разносится по всей округе, все с изумлением слушают и страшно пугаются, потому что знаменье это, говорят, недоброе. Вот уж вор лежит в родах и стонет, а люди сидят вокруг и смотрят, чем же дело кончится и какая придет беда. Но пока он кричал и стонал, как роженица, навозный жук устал,

наконец, от долгой борьбы и выбрался тем же путем, каким вошел. Так и открылось, что жук, мучитель лошадей, был и мучителем рожающего вора.

Таков несчастный людской обычай: всегда люди падки до нового и всякой новинки ждут с нетерпением, хотя бы то было им же на беду.

12 (36). ЖЕНЩИНА И ЕЕ ЛЮБОВНИК.

Одна женщина, когда мужа ее не было дома, обманывала его с любовником. Вдруг муж вернулся, присмотрелся сквозь щелку, увидел их вместе и воскликнул: «Ах, что я вижу! Лучше б это было призраком!» Услыхав его голос, женщина испугалась, вскочила, в распущенной рубашке, с растрепанными волосами, и как бросится навстречу мужу с такими словами: «Ах дорогой мой, какое это желание произнес ты с таким тяжелым вздохом?» А он ей говорит: «Показалось мне, что какой-то юноша был у тебя в постели, и обнимался с тобой, и целовался с тобой, и всеми радостями наслаждался с тобой». На это жена говорит ему так: «Вижу я, как был ты глуп, так и остался глуп. Вот она, давняя твоя дурь — верить всему, что приснится и привидится!» — «Да не сон это, — говорит ей муж, — днем я это видел и своими глазами». А жена ему: «Так неужто ты веришь всему, что видишь своими глазами?» Отвечает муж: «Кто же не верит своим глазам? Глаза не лгут». — «Ну, тогда иди сюда, — говорит женщина, — и проверим, так это или не так». Была у них кадка с водой, стоявшая под открытым небом; ведет к ней женщина мужа и говорит: «Вот, посмотри сюда, и увидишь юношу, о котором ты говорил». Муж жене поверил, посмотрел, но увидел в воде только самого себя и говорит: «Любовника не вижу, а вижу мужа». А женщина ему: «Ну, что же, видишь ты правду своими глазами?» Муж ей в ответ: «Отнюдь, — говорит, — только призрак правды я вижу». И тогда в заключение женщина воскликнула: «И ты можешь верить своим глазам, которые тебя так обманывают!» Доверчивый муж не знает, что возразить, благодарит женщину и говорит: «Ах, куда спокойнее верить милой жене, чем неверным глазам!»

Мораль этой басни следует искать в женщинах.

13 (39). ВОР И ДЬЯВОЛ.

Спал вор в терновнике под белым терновым кустом, и приснилось ему, что перед ним стоит дьявол. Проснулся он, оглянулся и видит: кто снился, тот уже наяву перед ним стоит. И говорит ему дьявол: «Любез-

ный друг, верность твоя безгранична, и я знаю, что не напрасно к тебе благосклонен: и пути твои, и дела твои достойны моей милости. И если ты будешь и впредь таков, в помощи моей не будет тебе отказа: призови только мое имя, и всюду пройдешь безопасно». Вор от таких речей обнаглел, еще хуже стал разбойничать, и так как о хозяине своем он не забывал, то всюду был ему успех. Но вот, наконец, он попался, и предстал перед судом, и был осужден, и повели его в колодках на казнь, которая ждет воров; и тут-то, когда волокли его жестоко и грубо, снова он воззвал к дьяволу, ибо на дьявола была вся его надежда. Предстал вызванный и говорит: «Здесь я: не сомневайся!» Вот пришли они к месту казни, и снова вор воззвал к своему господину; а господин всех казнимых опять говорит: «Будь терпелив: терпение все превозмогает!» Вот уже захлестнули ему веревкой горло, и в третий раз воззвал он к своему защитнику с такими словами: «В беде познается истинный друг: ты видишь, где я и что со мной, подай же мне помощь во имя того белого тернового куста, что был свидетелем и залогом нашего союза». А дьявол на это: «До сих пор воевал ты спокойно, с нашею помощью; а теперь неплохо было бы посмотреть, каково ты будешь воевать без меня?»

Часто мы бываем свидетелями, как обманщик обманывает обманщика и коварство уступает коварству, а более всего бывает обманут тот, кто полагается на дьявола.

14 (42). ДРАКОН И ЧЕЛОВЕК.

Дракон с человеком заключил уговор быть друзьями и товарищами и был этому договору верен. Вот прошло немного времени, и оставляет дракон человеку на хранение и сбережение все свои сокровища — а было там серебра и золота без числа, и драгоценных камней множество, ибо в драгоценных камнях дракон хорошо разбирался, а были ли там и дорогие ткани, того я не знаю. Все эти сокровища отдал хитрый дракон человеку на хранение, а потом, желая испытать верность товарища, положил среди них яйцо и промолвил: «Есть у меня еще и другое сокровище, не меньше этого, и мне надо его проверить и укрыть. Ты же во имя нашей дружбы береги это яйцо: в нем моя жизнь и спасение». И с этими словами дракон пустился в путь, а человека оставил стеречь сокровище. Но был человек жаден, и стал он думать, как бы завладеть сокровищем, и решил разбить то яйцо, в котором будто бы была драконова жизнь; решил и сделал. А когда дракон не в долгом времени воротился к своему товарищу, то увидел, что яйцо разбито, и понял, чего стоит верность такого человека.

Полезное дело испытывать друга и товарища, ибо тогда, убедясь в их верности, спокойнее можно верить им и полагаться на них.

15 (43). ОТШЕЛЬНИК.

Точно так и один отшельник, желая испытать своего слугу и убедиться, верен ли он, спрятал под опрокинутым горшком мышку и сказал слуге: «Я иду навестить других братьев, ты же оставайся стеречь мою келью; если что понадобится, бери, ни на чем тебе нет запрета, и один только этот горшок, который опрокинут, ты не трогай и не двигай — не хочу, чтобы ты знал, что под ним спрятано». Вот ушел хозяин, а слуга стал гадать, что же это такое запрещено ему трогать? И как водится, не посчитал он запрет ни во что, а рассудил, что отлично можно ему все узнать и хозяин не заметит. Подходит он к горшку, подозревая в нем что-то замечательное, приподымает его и этою неосторожностью упускает на свободу спрятанную мышь. Вернулся тем временем отшельник и сразу спрашивает слугу, видел он, что лежало под горшком, или нет? «Видел,— отвечает слуга, — только лучше бы и не видел!»

Так следует испытывать слуг: если верны они в малом, то должны быть верны и во многом.

16(44). КРЕСТЬЯНИН С ОДНОЙ ЛОШАДЬЮ.

У крестьянина была единственная лошадь; и думал он, будь у него еще одна лошадь, мог бы он гораздо лучше и пахать и обрабатывать поле. Поэтому он все время и просил, и молил, и взывал к господу, чтобы удалось ему по божьему произволению купить вторую лошадь. Между тем, пока твердил он это в своих молитвах без конца, утомляя господа такими просьбами, случилось так, что вор увел единственную лошадь, которая у него была. И потеряв собственную лошадь, стал человек молиться уже по-другому — говорил он: «Господи боже, верни мне только украденную лошадь, и тогда уж я не буду докучать тебе о второй».

Так глупцы, недовольные тем, что имеют, хотят того, чего у них нет, и не хранят то, что у них есть, пока их добро у них не украдут или не отнимут; а как получат они свое обратно, так и сами видят, что этого им было вполне достаточно.

17 (45). ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЛИЛСЯ.

Один человек имел обычай приходить в церковь поздно, склонять колени и молиться всегда одними и теми же словами: «Господи боже, будь милостив ко мне, и к жене моей, и к детям моим, а больше ни к кому». Но услышал это однажды его сосед и тоже стал молиться, чтобы тот слышал: «Господи, господи, боже всемогущий, разрази ты его, и жену его, и детей его, а больше никого».

18 (46). ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГАЛКА.

У одного городского жителя была ручная галка, которую он долгими стараниями научил говорить по-человечьи. И вот случилось несчастье: сосед его эту галку убил. Хозяин галки, тяжко огорченный такой потерей, пришел с жалобой к судье. Судья сказал: «Смерть пичуги — невелик убыток: вот будь в ней какие-нибудь особенные достоинства, тогда другое дело». Говорит хозяин: «Она умела говорить по-человечьи, дивно перенимала наши слова и голоса, и никто еще не слыхивал такого дивного пения». — «Если так, — говорит судья, — то, конечно, лишиться такой птицы — большая потеря». Зовут в суд ответчика-соседа. А ему было страшно держать ответ, и вот принес он с собою в суд под полою баранью крашеную шкуру, чтобы задобрить судью. Увидел судья кончик этой шкуры и сразу сообразил, в чем тут дело и как его толковать. Вот спрашивает он истца: «А как твоя галка умела петь и какие речи говорить?» Тот отвечает: «Песен ее не знаю, а голоса передать не умею». И тогда судья, предвкушая подарок, говорит: «Я полагаю так: ни при жизни твоя птица дохода не приносила, ни смерть ее тебе убытка не принесла».

Много есть таких людей, которые говорить не умеют, а молчать не желают.

19 (47). КРЕСТЬЯНИН И ГНОМ.

Одному мужику довелось поймать горного гнома. И гном, чтобы вызволиться, подарил ему исполнение трех желаний. А жена мужика уговорила мужа пожелать, чтобы эти желания перешли к ней: она-де лучше знает, чего стоит желать и чего не стоит. Вот и уступил муж жене остальные два желания. А она не стала торопиться и выжидала случая. Но вот однажды за едою случилось ей грызть баранью кость; хотела она до-

браться до мозга, да не смогла, и протянула кость мужу с такими словами: «Хоть бы у тебя был железный клюв, чтобы догрызться до этого мозга!» И только она это сказала, как муж ее уже сидит с железным клювом. Говорит она тогда: «Нет уж, лучше пусть у тебя будет лицо без клюва, как раньше!» Вот так-то из их желаний ни одно не пошло ей на пользу.

Если человек вверяется и подчиняется власти другого, то пусть тот, кого он выбирает вожатым и наставником, будет человеком ученым и сдержанным в своих делах.

20 (48). ЛИСИЦА И ОТРАЖЕНИЕ ЛУНЫ.

Шла лисица ночью возле реки, увидела в воде отражение луны и решила, что это сыр. Вот и стала она лакать воду: она думала, что выпьет реку, высохнет дно, и сыр достанется ей. Так и лакала она без передышки, пока не захлебнулась.

Так человек алчный рвется к наживе с таким усилием, что сам себя сводит в могилу раньше времени.

21 (49). ВОЛК И ВОРОН.

Увидел однажды волк барана, у которого на спине сидел ворон, и с глубоким вздохом сказал: «Блаженный ворон, под счастливой звездою он рожден: где бы он ни сидел, что бы ни сказал, что бы ни сделал, никто ему дурного слова не скажет. А окажись я на его месте, и все вокруг закричали бы что есть мочи и погнали бы меня прочь, будто бы для них нет ничего дороже барана».

Так завистник всегда завидует людскому счастью; и хоть сам он сознает свое злонравие, все же обижается, что верят ему меньше, чем другим.

22 (51). ЛИСИЦА И ГОЛУБКА.

В зимнюю пору лиса вышла из норы на добычу и увидела голубку, что сидела на верхушке креста. Захотелось ей голубку поймать; вот подошла она поближе, поздоровалась и со своей обычной хитростью заговорила так: «Право, я дивлюсь, почему это ты под северным ветром,

снегом и дождем забираешься на такие высокие места? А по мне, так лучше бы ты сидела пониже, да ко мне поближе, и мы коротали бы день разговорами». Отвечала голубка: «Я птица робкая, несмелая, вот и сижу я спокойствия ради там, где повыше». — «Прогони страх! — говорит лисица. — Я только что из совета: там запрещены отныне все ссоры и драки, оглашена грамота о вечном мире, и теперь, клянусь жизнью, не решилась бы я на тебя косо смотреть». — «Если это правда, то все это очень хорошо — и писанный договор, и читанная грамота; и я с большой охотой коротала бы время в наших разговорах; но вон на дороге два человека, верхом и с собаками, и едут они, как я понимаю, на охоту». Лисица на такие слова пугается и спрашивает, далеко ли они и нет ли где здесь укрыться от них: дело в том, что за собак-де она не ручается, слышали они грамоту о мире или нет. А голубка ей: «Да, боюсь я, что твоя грамота хоть и написана, да не подписана».

Так разумный человек должен быть осторожен с неприятелем — ибо враг не пожалеет никакой дружбы ради выгоды.

23 (52). ОРЕЛ, ЯСТРЕБ И ГОЛУБИ.

Орел, царь птиц, как называют его древние, уселся однажды на вершине дуба; ястреб, которого называют судьей птиц, сел на сук пониже орла и поближе к земле; а на самой земле, поплескивая крылышками, сытые малыми зернышками, миловались голуби. Сказал им ястреб: «Откуда это у вас такая смелость, что вы так беспечно себя ведете предо мною, вашим судьей и господином? Будьте уверены: кабы не сидел надо мною царь птиц, орел, не такие бы пошли у нас забавы».

Хорошо, когда есть над судьею высшая власть, ибо страх перед нею будет сдерживать его неистовство.

24 (53). КОНЬ В ПОЛЕ.

Голодный конь увидел поле, все в спелых колосьях; да не приметил он терновника, что отделял поле от дороги, и понял это лишь когда больно изорвал о него живот.

Так люди алчные видят предмет своей алчности, но тернистых путей к нему не видят, и оттого

«Только к корысти стремятся, и только с убытком уходят».

25 (54). ЧЕЛОВЕК, КОЗЕЛ И КОНЬ.

Один человек вывел на продажу козла, косматого и вонючего, и с ним коня, стройного и красивого, и за них назначил покупателю цену: один талант. Покупатель стал торговаться: он хотел купить только коня, а козла оставить продавцу. Отказался продавец: «Или получай и того и другого, или не получишь ни того ни другого».

Конь и козел — это добродетели и пороки в людях дурных и испорченных: связаны они неразделимо, и если тебе случится жить с дурным человеком, то увидишь — даже если есть в нем какая добродетель, пусть редкая, во всяком деле ей неизбежно будет сопутствовать порок, как коню козел.

26 (62). ВОЛК И ЕЖ.

Случилось однажды волку и ежу свести меж собою дружбу, и уговорились они, чтобы еж отвлекал на себя лютых псов, потому что есть такой у ежей обычай — спасаясь от собак, свертываться в клубок. С таким уговором отправились они в деревню и похитили овечку. Волк ее подхватил и ударился в бегство, а товарища оставил позади — задерживать настигающих собак. Но увидел еж, что колючки его от собак еще спасают, а от людей совсем бесполезны, и позвал волка к себе на помощь. А волк в ответ: «Чем же я могу тебе помочь, если до леса еще далеко, а мужики с собаками на нас так и наседают?» Говорит ему еж: «Тогда поцелуй меня в последний раз, чтобы мог ты потом передать друзьям, с какою нежностью простились мы друг с другом перед лицом смерти». — «Правда твоя, — говорит волк, — так я и сделаю». Подбежал и поцеловал ежа. А еж как ухватит волка зубами за губу и повис на нем так, что не оторвать. Собаки уже наседают, и бежит волк, волей-неволей волоча с собой прицепившегося ежа. Говорит: «Отпусти меня, наконец, не то сейчас обоих нас поймают». Отвечает ему еж: «Сам знаешь: не отпущу тебя, потому что по чести и справедливости такие нежные друзья и спасаться должны вместе, и погибать вместе». Вот добежали они до леса; тут увидел еж, что спасение близко, разжал зубы, отцепился от волчьей губы и забрался на соседнее дерево. «Ну, сиди, жалкая ты тварь, — говорит волк, — и спасайся от собак, как знаешь, а я побегу в самую чащу и там останусь цел». Отвечает ему еж: «Заключили мы с тобой уговор о товариществе, а теперь ты его бесстыдно нарушаешь, коли хочешь овцу утащить, а меня бросить; но пусть так — делай с овцою, что угодно, только смотри, берегись собак!»

Так бывает с обманщиком: желая обмануть другого, он сам себя обманывает.

27 (65). ДВА ВОЛКА.

Повстречались однажды два волка, разговорились, и зашла у них речь о том, что люди по самой природе своей волков ненавидят и всегда на них набрасываются, даже если волки им не делают ничего дурного. И сказал волк волку: «Дело в том, что люди от нас никогда добра не видели; а вот пусть они увидят хоть раз, что мы доброе дело делаем, и тогда поверят, что мы и всегда бы так хотели». Отвечал другой волк: «Что ж такого хорошего можем мы сделать, чтобы люди и впредь от нас ждали добра?» Говорит первый: «Давай, выйдем из лесу: люди сейчас работают на полях, вот мы и поможем им снопы вязать». Вот вышли они из лесу в поле и давай вязать снопы, как порешили. Но не тут-то было: лишь завидели люди волков в поле, как с громким криком бросились прямо к ним. Удивились волки и говорят: «Что это? С какой такой стати набрасываются они на нас, если мы тут стараемся им же не во вред, а на пользу?» — И сказал один другому: «Нет, вернемся лучше в лес и будем жить, как жили. Что бы мы ни делали людям, добро иль худо, — не избыть нам людской ненависти».

Так и дурные люди: как не получают они тотчас награду и славу, на которую рассчитывали, так сразу и отступаются от доброго дела.

28 (68). ЖИВОПИСЕЦ И ЖЕНА ЕГО.

Жил был один живописец, и картины, какие он делал, он давал жене своей переписывать, чтобы она каждую его черту повторяла бы точка в точку. Посмотрел он однажды и видит: получается картина, никуда не годная. Стал он ругать работницу за нерадивость; а она, видя, что муж сердится, и зная, что никакой нерадивости не было, а каждую черту она повторяла так, как следует, говорит ему в ответ: «По-твоему, я картину твою испортила, а между тем, я ничего не прибавила и не убавила от того, что ты сам нарисовал. Поэтому сперва сам научись вести твои черты, как следует, а тогда и я смогу перенять твое мастерство».

Так многие сваливают свою вину на других и поносят других, сами заслуживая брани.

29 (69). ЛАНЬ И ОЛЕНЕНОК.

Лань однажды в поле учила своего олененка, как надо избегать опасности. А тут как раз повстречался им охотник, и спросил олененок, кто это такой и что это за штука у него в руках? Мать говорит: «Это —

тот самый, кого больше всего тебе надо бояться: заметь его хорошенько, чтобы быть осторожным и убегать от него, если встретишь». Олененок отвечает: «Да я его отлично вижу: он совсем не страшный и даже, помоему, трусит. Я по тому сужу, что с коня он слез так, чтобы конь заслонял его от нас, — как видно, он нас боится, и немало, потому что вот он побежал прятаться и залез в самый густой кустарник. Только скажи, а что это у него в руках?» Лань говорит: «В руках у него деревянная изогнутая палка, и она для нас очень опасна, а посредине на веревке палка поменьше, и она-то опаснее всего: ее и надо бояться». — «Если это вещи такие опасные, — спрашивает малыш, — почему же человек их изо всех сил к себе прижимает?» — «Потому и опасные, — отвечает мать: — чем крепче он их к себе прижимает, тем скорее достанет до нас».

Так глупые люди не предвидят и не остерегаются заранее бед и опасностей, пока не почувствуют их на себе.

30 (70). ВОРОН И ВОРОНЯТА.

Сидел ворон на придорожном дереве, а с ним его воронята. Сидел и учил своих воронят быть осторожными. Проходил по дороге человек, и сказал ворон воронятам: «Вот кого надо вам опасаться больше всех: как только увидите, что он наклоняется к земле, — летите скорее прочь!» Отвечает один вороненок: «А я улечу, едва он покажется, он даже наклониться не успеет!» — «Отлично, — говорит отец, — видно, мне за тебя и впредь можно не беспокоиться; но остальным моим птенцам вновь и вновь буду твердить: будьте осторожны!»

31 (72). КОЗА И ВОЛК.

Коза однажды паслась среди кустарника и вдруг повстречала огромного волка. «Что ты здесь делаешь? — спросил ее волк, — в этой тенистой роще?» Отвечала коза: «Господин мой, долго и далеко убегала я от вашего лица; а теперь сама к вам навстречу иду и об одной только прошу милости». Волк ей говорит: «И я тебя искал повсюду и вот нашел на моих собственных пастбищах; милость тебе я готов оказать какую угодно, не проси только сохранить тебе жизнь». — «Не о жизни прошу, — говорит коза, — а прошу только не убивать меня, пока не пропою я две молитвы, одну за меня, другую за тебя». — «Хорошо, — говорит волк, — будь, как ты просишь». Тогда коза говорит: «Отведите же меня на возвышенное место, чтобы я ближе была к небесам и слышнее раздавались бы

мои молитвы и песнопения; а все козы, дикие и домашние, как услышат меня, так и сами благочестиво начнут молиться и за меня и за вас». Сделал волк, как она просила; встала коза на возвышенное место, возвела очи к небу и принялась кричать громким голосом; а волк стоял рядом и думал, что это она поет молитву. Услышали ее крик все козы по соседству, а там и собаки, и мужики сбежались со всех дворов, и набросились на волка, и схватили его, и избили его, и козу от зубов его избавили. И вот, когда его уже волокли и колотили, обернулся волк к козе и сказал: «Эх, не везет мне! видно, за меня ты молилась кое-как, а за себя — не жалея сил». Отвечала коза: «Мне и того довольно, что из молитв моих только молитва за меня и была услышана».

Так многие, обещая заботиться о чужих делах, заботятся только о своих и пекутся о собственной пользе.

32 (73). МУЖ И ЖЕНА-СПОРЩИЦА.

У одного человека была жена, буйная и упрямая, болтливая и строптивая. Случилось им однажды гулять по лугу, который только что был хозяином старательно выкошен, и сказал муж: «Как ровно и старательно выкошена здесь трава!» — «Неправда, — говорит жена, — не выкошена здесь трава, а выщипана». — «Вечно ты мне перечишь! — говорит муж. — Но уж это я знаю точно: мой сосед этот луг выкосил косою». — «С ума ты спятил, — твердит жена, — не косою, а щипцами выщипана здесь трава». — «Не можешь, чтобы не за тобою было последнее слово!» — кричит муж, валит ее, налегает и говорит: «Признавайся, что я прав, не то смотри: отрежу тебе язык за то, что всегда он мне говорил гадости! Говори: чем выкошен луг?» А она не могла уже выговаривать слова, как следует, потому что он ухватил ее за язык и сильно сжимал; но все-таки выговорила вместо «щипцы» — «сыпы». Тут начал муж отрезать ей язык и опять спросил то же самое. А она без языка уже не могла говорить, но знаками показала все то же упрямство, сложив и двигая пальцами, как щипцами. Так и отрезал муж жене язык.

33 (74). ЕЩЕ О МУЖЕ И ЗЛОЙ ЖЕНЕ.

У одного человека была жена, строптивая и непокорная. Пошел он однажды со своими рабами к реке, чтобы отвести оттуда воду и сделать пруд. Рабы его просили взять с собою еды, чтобы подкрепиться после работы. «Вот как мы сделаем, — говорит им хозяин. — Вы подите и

возьмите припасов у моей жены, только не говорите, что это для меня или по моему желанию». Вот пошли они и сказали, как велел хозяин: «Работу на нас взвалили тяжелую, а припасов у нас нет, потому что хозяин у нас скуп и даже сам не хочет есть». Женщина на это говорит: «Так ему и надо, пусть сидит голодный, а о вас я пойду и сама позабочусь». И в обеденный час пришла она к ним, принесла вдоволь всякой еды и велела рабам лечь и закусывать, а муж пускай себе работает один. Только начали они есть, как подходит муж, чтобы тоже подкрепиться, и подсаживается к жене. Она видит, что муж тоже хочет есть, и отодвигается от него подальше, а муж опять к ней подсаживается. Так вот они и пересаживались, она отодвигаясь, а он придвигаясь, пока не свалилась жена с берега прямо в реку и не утонула. Побежали рабы вниз по берегу, чтобы перехватить ее на мелком месте. А хозяин им и говорит: «Зря ищете внизу по течению — бегите лучше вверх, да поджидайте ее у истока. Живая она во всем шла против меня, а мертвая непременно будет плыть против течения».

Если женщина тебе перечит, ты с нею не спорь: потому что как кожу с тела содрать, так и строптивость из души изгнать одинаково невозможно.

34 (113). ВОИН И РАЗБОЙНИКИ.

Один солдат скакал по полю и увидел двух разбойников, которые перешептывались, словно затевая какое-то злое дело. Подскакал он и спросил, чего это они шепчутся, когда в открытом поле никого нет и можно разговаривать свободно? Отвечал один разбойник: «Конечно, надобности в этом никакой, но шепот как-то больше к лицу черным делам, а потому и нам по душе».

Так люди глупые и злонравные во всяком деле обнаруживают свое злонравие и сами себя выдают без всякой нужды.

35 (114). БОГАЧ, ПУСКАВШИЙ СЕБЕ КРОВЬ.

Один богатый человек сделал себе кровопускание, а выпущенную кровь велел дочери приберечь, пока не придет врач посмотреть ее и не скажет, какие в ней признаки болезни. А дочь была небрежная и не устерегла: прибежала на кровь собака и часть вылакала, а часть расплескала. Увидела это девушка, испугалась, что отец рассердится, заплакала и обо всем рассказала подруге. Та утешает ее и говорит: «Знаю,

что делать: пусти себе самой кровь в эту же чашку и покажи врачу, как велел отец: вот никто ни о чем и не догадается». Понравился девушке такой совет, и она поспешила сделать, как сказано. А врач был в своем искусстве не пустой знаток: только посмотрел он на кровь, как увидел в ней верные признаки беременности. Говорит он хозяину: «По всем правилам моей науки говорю тебе с уверенностью: кровь показывает, что беременен тот, у кого она пущена». Изумляется хозяин, что с ним случилось такое небывалое дело, и в великом страхе ждет, когда начнутся роды. Весь дом в изумлении и ужасе, все дрожат за беременного хозяина, не знают, что делать, и ругают врача лжецом и обманщиком. Но между тем в страхе перед грозящей опасностью, начинают люди доискиваться, как было дело, обнаруживают пролитую кровь, приступают с расспросами к девушке и выпытывают от нее всю правду. Видит девушка, что врач в своем деле не ошибается, рассказывает все по порядку и открывает отцу свое бесчестие.

Так и раскрывается то, что не делает чести человеку небрежному и ненадежному.

36 (119). БАРСУК СРЕДИ СВИНЕЙ.

Был на желуди большой урожай, и разбрелись по лесу свиньи со свинопасами. А барсук, лесной уроженец и житель, который тоже желудями кормится, как заметил, что свиньи напустились на желуди, так и сам к ним присоединился: заявил, что он тоже из свиного рода и по праву должен пастись вместе с ними. Но потом увидел он, как свиньи, отъевшись, попадают под нож и гибнут, испугался за себя и говорит мясникам: «Меня не надо трогать: ведь родом и породою я — собака и людям в пищу не гожусь». А в доказательство показал свои собачьи когти и стал скрести ими землю на собачий лад.

Так многие люди, жадные и хитрые, сразу служат двум хозяевам и этим вводят всех в обман; но когда хитрость их раскрыта, то даже если делают они добро и говорят правду, никто уже ни со словами, ни с делами их не считается.

37 (120). ВОЛК И ЕЖ.

Волк и еж жили в дружбе. Но случилось волку наступить неосторожно на капкан, и капкан ухватил его за лапу. Просит волк друга своего, ежа, помочь ему и показать себя в такой беде верным другом.

А еж отвечает: «Как же я могу тебе помочь, пока святые, направившие тебя в капкан, сами оттуда тебя не вызволили? Много раз приносил ты обеты святым ради удачи на охоте, и от мяса зарекался, и мало ли от чего, а выполнял обещанное куда как плохо! Вот и кажется мне, что это они, обиженные, и завели тебя в эту петлю. Стало быть, надо сперва заслужить их прощение; если заслужишь — будет тебе на пользу и моя дружба; а не заслужишь — не будет, потому что против воли божьей я никогда не пойду».

Не очень надейся на товарища, а больше следи сам за собой.

38 (121). ВОЛК И ПЕРЕВОЗЧИК.

Шел волк в чужие места и пришел к реке. Увидел он, что река — широкая и глубокая и не решился броситься в волны, а попросил перевозчика, чтобы перевез его на своем суденышке. «Перевезу, коли заплатишь», — говорит перевозчик. А волк в ответ: «Дам, что угодно, только пусти меня в лодку». Пустил его перевозчик и отвалил от берега. Говорит волк человеку: «Ну, какой же ты хочешь от меня платы?» — «Скажи мне, — говорит перевозчик, — три слова правды, вот и вся плата». Понравилось это волку, и он тут же говорит первое: «Кто делает добро, тот хороший человек». — «Что правда, то правда», — отвечает перевозчик. Добрались они до середины реки, говорит волк второе свое слово: «А кто не делает добра, тот дурной человек». — «И то правда», — отвечает перевозчик. — «А какое третье?» — «Третьего пока не знаю, — говорит волк, — но ты подвези меня к берегу, а я тем временем придумаю». Подъехали они к берегу, волк одним скачком выскочил из лодки, и как очутился на суше, крикнул: «А кто делает добро дурному, тот только силы теряет зря!»

Правду сказал волк: кто делает добро злому, тому и воздается за добро злом.

39 (124). СВЯЩЕННИК И ВОЛК.

Один священник вздумал учить волка азбуке. Говорит священник «Б», и волк говорит «Б». Говорит священник «А», и волк говорит «А». «А теперь сложи», — говорит священник. «По складам не умею», — говорит волк. А священник: «Что получается, то и скажи». — «Полу-

чается, — говорит волк, — по-моему, Ба-ра-шек». Молвит на это священник: «Да, впрямь, видать, что на уме, то и на языке».

У кого что болит, тот о том и говорит: оттого и поймешь, что у человека лежит на сердце.

40 (128). ВОЛК И ГОЛУБКА.

Увидел волк, как лесная голубка веточки собирает, и сказал ей: «Целый день, как я погляжу, ты по хворосту порхаешь и прутики собираешь; а все никогда не видать у тебя ни крепкого дома, ни жаркого очага». Отвечала голубка: «И я тоже вижу с тех пор, как мы соседи: всегда ты хватаешь овечек, всегда их таскаешь к себе, а все никогда не видать ни одежды на тебе, ни компании вокруг тебя».

Так люди злые и хищные трудятся не меньше, чем добрые, но счастья этим не наживают.

41 (130). ЧЕЛОВЕК В ЧЕЛНОКЕ.

Один человек задумал в челноке переплыть через пролив и помолился богу, чтобы тот пришел к нему на помощь и привел его к желанной пристани. Но на половине пути обрушилась на челнок буря, и челнок закачался, а пловец затрепетал. Взмолился он тогда к господу, чтобы тот привел его назад туда, откуда он отплыл; но когда повернул он и попробовал плыть обратно, волны его не пустили. Тогда отчаялся он пристать к тому или другому берегу, и обратился к господу так: «Поступи со мною, господи, по твоей воле, коли не хочешь, чтобы я поступал по моей воле». И только он так сказал, повеял попутный ветер и сам принес его к желанному берегу.

Кто свою волю подчиняет божьей воле, тот пусть будет уверен, что бог его не оставит в беде.

42 (131). СТАРИК И ЕГО СЫН.

У одного старика был юноша-сын. Когда увидел сын, что отец его достиг преклонных лет и близится к закату, спросил он отца, как ему теперь жить и в какой земле поселиться после отцовой смерти? Сказал отец сыну: «В той земле живи, где люди тебя будут любить». Сын на это:

«А если не найдется такой земли, тогда как?» — «Тогда в той земле, где люди тебя будут бояться». — «А если и такой не найдется, — опять спрашивает юноша, — тогда как?» — «Если ни той, ни другой земли не найдется, — говорит отец, — тогда поселись в такой земле, где тебе ничего не придется делать». — «А если и такой не найду, отец?» Говорит тогда отец: «Ну, коли так, живи, где хочешь, только чтоб никто ничего про тебя не знал».

43 (132). КОТ-ЕПИСКОП.

Уселся кот у очага, надел митру, оперся на посох и созвал к себе мышей и крыс. «Я, — говорит он, — ваш епископ; подойдите под мое благословение и повинуйтесь мне». Но сказала на это одна старая крыса: «Нет, лучше мне умереть некрещеною, чем принять крещение от твоей руки!» И тогда мыши и крысы, разбежавшись от его благословения, попрятались по своим норам, а коту пришлось, снявши митру, сложить с себя епископство.

Побоялась крыса поддаться под власть кота, потому что потом нелегко бы ей было от этой власти избавиться: попасть под чужую власть легко, а освободиться от нее трудно.

«ПОСТОРОННИЕ БАСНИ» ИЗ МЮНХЕНСКОЙ РУКОПИСИ

44 (26). ЛИСИЦА И МУЛ.

Многие люди глупо чванятся и хотят стать учителями, не побывав в учениках. Послушай об этом басню.

Мул пасся на лугу возле рощи. Подошла к нему лисица и спросила: «Кто ты такой?» Мул отвечал: «Животное». — «Не о том спрашиваю, — говорит лисица, — а спрашиваю, кто был твой отец». — «Дед мой был конь», — говорит мул. «И не об этом спрашиваю, — говорит лисица, — ты только скажи, как тебя зовут». — «Не знаю, как меня зовут, — отвечает мул, — отец мой умер, когда я еще был совсем маленьким. А чтобы не забыли мое имя, приказал он написать его у меня на левом заднем копыте. Хочешь знать, как меня зовут, — подойди и читай по копыту». Догадалась лиса о такой хитрости и побежала в лес искать волка, с которым у нее была вражда. Нашла она его под деревом, голодного, и приня-

лась бранить: «Ах ты глупый, ах дурной, ах неразумный, зачем здесь валяешься, зачем голодом мучишься? Встань и ступай на ближний луг, там тебя ждет животное огромное, жирное и тщеславное; прикончи его, и наешься досыта». Пошел волк к мулу на луг, спрашивает: «Кто ты такой?» Мул отвечает: «Животное». — «Не о том спрашиваю, — говорит волк, — а спрашиваю, кто был твой отец?» — «Дед мой был конь», — говорит мул. — «И не об этом спрашиваю, — говорит волк, — ты только скажи, как тебя зовут?» — «Не знаю, как меня зовут, — отвечает мул, — отец мой умер, когда я был совсем еще маленьким. А чтобы не забыли мое имя, приказал он написать его у меня на левом заднем копыте. Хочешь узнать, как меня зовут, — подойди и читай по копыту». Тут волк, не смекнув, в чем дело, и не догадываясь о хитрости, подходит к копыту мула и начинает старательно его отчищать: он подумал, будто там и впрямь что-то написано, и хотел прочитать. А мул как хватил его прямо по лбу, так и глаза и мозг вышиб ему наземь. А лисица, которая притаилась поодаль в зарослях дрока, рассмеялась и захлопала в ладоши с такими словами: «Ах ты неразумный, ах глупый, ах дурной, и это ты-то полез читать, не зная грамоте? Клянусь моей правой лапой, поделом тебе раскроили лоб».

Так и все глупцы, когда хотят показаться учеными, то часто попадают впросак.

45 (27). БОРОВ.

Много есть людей, которые недовольны частной жизнью и жаждут властвовать над теми, кто равен им и выше их. Послушай об этом басню.

Был в большом стаде свиней один тщеславный боров. Возомнив о себе, рассердился он, что не он в стаде вожак, и завертелся по стаду, громко визжа и сверкая клыками: этим он хотел всех напугать. Но никто не испугался, и сказал он в гневе: «Зачем мне здесь оставаться? Я приказываю — и никто не слушается, я гневаюсь — никто не бежит, я угрожаю — никто не трепещет. Нет, — говорит, — больше я здесь не останусь!» Встал и пошел прочь. По дороге набрел он на стадо ягнят, встал в середину, завертелся, громко визжа, брызгая пеной и сверкая клыками; увидели это ягнята и в ужасе разбежались кто куда. А боров остановился с важным видом и сказал: «Вот здесь мне лучше и остаться: здесь найду я приличный мне почет и внушу подобающий страх; здесь гнев мой всех обращает в бегство, угрозы всех заставляют трепетать; здесь все меня любят и боятся». Прожил он так немало дней, как вдруг однажды выходит на ягнят голодный волк, чтобы кого-нибудь отбить и сожрать. Ягнята, едва его издали завидели, разбежались во все стороны; а боров

гордо решил, что ягнята его будут защищать, и даже бежать не подумал. Ухватил его волк и поволок в лес, себе на ужин, да по пути наткнулся случайно на стадо свиней, откуда был боров. Увидел боров своих и завизжал громким голосом. А они, как узнали его, так и бросились на волка все, как один, избили его, изранили до полусмерти и брата своего у него вырвали. И тогда встал боров посреди своего народа, полный горечи и стыда, и молвил: «Говорится в пословице: в счастье и в несчастье держись за своих! Вот и я, кабы не ушел от своих, не испытал бы таких невзгод».

Так и многие люди, гордо желая властвовать больше, чем им дано, нередко попадают в беду.

46 (32). КОЗЕЛ И ВОЛК.

Нередко на тех, у кого и сила и власть, восстают люди бессильные и нищие. Послушай об этом басню.

Волк гнался за козлом, чтобы его поймать; но козел взобрался на высокий обрыв у реки и был там в безопасности. Сел волк подстерегать его внизу. Два дня, три дня прошло, наконец почувствовал волк голод, а козел жажду, и разошлись они в разные стороны: сперва волк, чтобы поесть, потом козел, чтобы попить. Вот напился он досыта, посмотрел на свое отражение в воде и говорит: «Ах, какие отличные у меня ноги и какая прекрасная борода и какие огромные рога! И волк посмел за мною гнаться? А вот возьму я и выйду сам на него и не дам ему надо мной насильничать!» А волк из-за его спины все эти слова потихонечку подслушивал, а потом как вонзит зубы прямо ему в ляжку, да и говорит: «О чем это ты здесь рассуждаешь, братец козел?» Увидел козел, что попался, и говорит: «Ах господин волк, пощади и прости мою вину: таковы уж козлы, что когда напьются, то и пойдут болтать, чего не следует». Но волк его не стал жалеть и сожрал.

Учит эта басня людей бессильных и нищих не восставать на тех, у кого и сила, и власть.

47 (33). ВОЛК И ОСЕЛ.

Никому не следует слушаться советов человека, замыслившего против тебя зло. Послушай об этом басню.

Волк повстречал осла и говорит ему: «Братец осел, нынче я голодный, и поэтому я тебя съем». Отвечает осел: «Как тебе угодно, так и делай:

твое дело приказывать, мое дело — твоей воле покорствовать. И ежели съешь ты меня, то избавишь от великих мучений: я ведь и вино с давильни, и урожай с поля, и дрова из лесу, и камни с гор для постройки таскаю, и муку с мельницы вожу, и, короче говоря, все труды и тяготы на мне одном. Увы, в недобрый день я родился! Одна лишь у меня к тебе просьба: не хочу я, чтобы ты меня съел на большой дороге, потому что мне стыдно. Ведь если ты съешь меня здесь, на глазах у соседей и хозяев, то все будут говорить: да как же это наш ослик позволил себя сожрать? Поэтому, сделай милость, послушайся моего совета: пойдем в лес, совьем из зеленых веток крепкие веревки, и ты меня повяжи поперек тела, как раба, а я тебе повяжу их на шею, как хозяину; а потом отведи меня в глубину леса и там съешь меня спокойно и в свое удовольствие». Волк, не догадываясь о его хитрости, говорит: «Ладно, как ты говоришь, так и сделаем». Вот пошли они, свили крепкие-прекрепкие веревки—волк вил, осел ветки подносил — и повязал ими волк осла поперек тела, а осел волка — за шею. Потом осел говорит: «Идем теперь, куда хочешь». А волк ему: «Сам покажи, по какой дороге». — «С удовольствием», — говорит осел. И направляется осел к дому своего хозяина. Как завидел волк деревню, говорит: «Не по той дороге идем!» А осел отвечает: «Не говори так, господин мой: лишь бы ты шел, а дорога — та самая!» Понял волк, что его обманывают, попятился, а осел давай его тащить вперед, прямо к хозяйским дверям; выбежали хозяин с челядью и излупили волка до полусмерти. Нацелился кто-то топором раскроить волку череп, да промахнулся и рассек привязь; вырвался волк и скорей бежать в горы. А осел шествует прямо в хозяйский дом. И на радостях, что отделался от такой опасности, начинает кричать громким криком. Услышал этот крик волк в горах и говорит: «Нет уж, не дождешься ты больше, чтоб я сам себя дал связать!»

Эта басня учит не слишком доверяться человеку, против которого мы же замышляем недоброе; а раз обманувшись, быть предусмотрительнее.

48 (34). ЗМЕЯ И КРЕСТЬЯНИН.

О том, что нельзя тому доверять, кому делаешь зло. Послушай об этом басню.

Шел мужик засевать поле. Шел он по дороге и сильно наступил на змею. Говорит ему змея: «Наступил ты на меня, приятель, а ведь я тебе ничего не сделала! Говорю тебе теперь: кого обижаешь, тому не верь!» Но мужик не обратил на нее внимания и пошел своей дорогою.

На другой год случилось мужику опять идти по той же дороге. Спрашивает его змея: «Куда путь держишь, приятель?» Мужик отвечает: «Поле засевать». Говорит змея: «Смотри, не сей в сырую землю: лето нынче будет дождливое, и что посеешь по сырым местам, то погибнет. Впрочем, кого обижаешь, тому не верь». Ушел мужик и, опасаясь хитрости, посеял зерно по сырой земле. Но лето в тот год было дождливое, семена по сырым местам погибли, и остался крестьянин ни с чем.

На следующий год шел опять мужик по той же дороге засевать поле. Спрашивает его змея: «Куда направился, приятель?» Мужик отвечает: «Поле засевать». Говорит змея: «Смотри, не сей в сухую землю: лето нынче будет засушливое, и что посеешь по сухим местам, то погибнет. Впрочем, кого обманываешь, тому не верь». И все-таки крестьянин, опасаясь хитрости, посеял зерно по сухой земле. Но лето в тот год было засушливое, семена погибли на сухой земле, и не собрал мужик ничего.

Еще через год опять пошел мужик по той же дороге засевать поле, и спрашивает его змея: «Куда спешишь, приятель?» Мужик отвечает: «Поле засевать». Говорит змея: «Сей семена в такую почву, которая не слишком сухая и не слишком сырая, а средняя, потому что погода будет тоже не слишком засушливая и не слишком дождливая, а средняя, Впрочем, кого обижаешь, тому не верь». Пошел мужик и сделал так, как сказала змея. Лето в тот год было мягкое и благоприятное, и мужик собрал вдоволь урожаю. Вот, когда возвращался он с поля, говорит ему змея: «Ну, что, приятель? Все сбылось с тобою, что я предсказывала?» — «Сбылось, — говорит мужик, — и на том тебе спасибо». Говорит змея: «А мне бы хотелось другой благодарности!» — «Чем же тебя отблагодарить?» — спрашивает мужик. Отвечает змея: «Ничего особенного мне не надо; а только пришли ты завтра ко мне твоего единственного сына с горшком молока; я тебе покажу мою нору, туда и поставь молоко». И прибавила: «Впрочем, как я тебе не раз уж говорила, кого ты обидел, тому не верь». Ушел мужик, а на следующий день послал к змее своего единственного сына, как и обещал. Поставил сын перед норою горшок, полный молока; а змея тут его и ужалила, и умер мальчик. Пришел тогда к змее отец его, говорит ей: «Насмеялась ты надо мною и сына моего коварно умертвила!» А змея с высокого утеса отвечает так: «Нет, не коварно я себя вела: ты сам меня ни за что обидел и до сих пор не рассчитался со мной. А я тебе всегда повторяла: кого обижаешь, тому не верь».

Учит эта басня быть осторожным, когда доверяешь человеку, которого обидел.

49 (35). ЛИСИЦА И ВОЛК.

Ежели кто будет обижен, пусть не мстит он за обиду словесно, то есть оскорблениями и поношениями, ибо это недостойная месть. Послушай об этом басню.

Лисица у реки лакомилась рыбой. Волк, который был поблизости и был голодный, попросил ее поделиться. Говорит ему лиса: «Не пристало тебе подъедать мои объедки, не приведи бог! Но вот мой тебе совет: ступай, принеси сковороду, я научу тебя ловить рыбу и есть». Побежал волк в деревню, стащил сковороду, принес лисице. Лисица эту сковороду накрепко привязала к волчьему хвосту и говорит: «Ступай теперь в реку, сковороду волоки за собою, а я пойду следом, буду полошить рыбу». Потащил волк сковороду через реку, а лиса потихоньку бросала в нее камни. Вот уже набралось камней до краев, и говорит волк: «Не могу больше тащить эту сковороду». А лиса ему: «Ах, как я рада, что тебе так везет в рыбной ловле! Но придется мне пойти, кликнуть подмогу, чтобы вытянуть твою рыбу со сковороды или из реки». И пошла она в деревню и говорит мужикам: «Что же вы стоите? Что же вы делаете? Этот волк у вас пожирал и овец, и ягнят, и всякий скот, а теперь он у вас и рыбу из реки тащит?» И тут все набросились на волка с мечами, с палками, с собаками и избили его чуть не до смерти. Наконец, рванулся волк посильнее, оторвал себе хвост и убежал бесхвостый.

А лев, царь зверей, был тогда в той провинции, но мучили его судороги и боль в животе. Все звери приходили навестить его и пожалеть. Вместе с ними пришел и волк и говорит: «Царь мой и повелитель, вот я, твой раб, обошел всю эту провинцию, чтобы разыскать средства от твоей болезни, и нашел только одно. Живет в этой провинции лиса, надменная и хитрая, в ней-то и скрыто самое лучшее средство. Ежели посмеет она к тебе прийти, ты ее подзови к себе на совет и сдери с нее шкуру, да только заживо: и тотчас будешь здоров». А у лисицы была нора в той самой скале, где обитал лев, и она все это чутко подслушала. И только волк ушел, лисица выскочила, обвалялась в грязи, а потом является ко льву и говорит: «Привет тебе, мой царь!» — «И тебе привет, — отвечает лев, — но подойди же сюда, я хочу тебя поцеловать и поделиться с тобою некоторыми тайными моими замыслами». Отвечает лисица: «Господин мой, ты видишь, я так к тебе спешила, что с дороги вся еще в грязи и в навозе, и боюсь я, что если подойду, то больно будет утробе твоей от этой мерзкой вони. Лишь когда вымоюсь я и расчешусь, тогда явлюсь пред лицо моего господина. Но прежде, чем уйти, скажу, зачем я пришла. Я, раба твоя, чуть не целый мир обошла, чтобы разыскать средство от твоей болезни, и узнала только одно такое средство, а указал мне его один ученый грек. Есть в этой провинции волк, огромный и бесхвостый, и ради этого средства он и потерял хвост, ибо говорят, что теперь оно как раз у него.

И если он к тебе придет, призови его для совета, наложи на него свои великолепные лапы, сдери с него всю шкуру, кроме той, что на голове и на лапах, но осторожно, чтобы ушел он живым; этой-то шкурой, пока она еще теплая, оберни живот, и обретешь исцеление». И с такими словами удалилась лисица. А тотчас затем приходит ко льву волк, и тотчас лев призывает его для совета, и налагает на него свои лапы, и сдирает с него всю шкуру, кроме той, что на голове и на лапах, и обертывает себе теплою шкурою живот. Тут и мухи, и осы, и шмели набросились на волчье мясо и стали его жалить, побежал волк со всех ног, а лисица с высокого утеса кричит ему с хохотом: «Кто это такой бежит там по полю, на руках — рукавицы, на голове — шлык? Послушайся меня: будешь бежать мимо дома — помолись за хозяина, будешь бежать мимо площади — помолись за всех, и если тебе за это ничего не перепадет — беги дальше».

50 (36). ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ВОЛК.

Многие ищут высоких мест и важных, возносятся выше своего положения, ищут большего и смотрят на лучшее; но как вознесутся они выше прежнего, так подчас упадут ниже прежнего. Послушай об этом басню.

Волк на рассвете поднялся со своего ложа, потянулся и говорит: «Благодарение богу! Нынче мне суждено наесться по-настоящему, так уж мне подсказывает моя задняя лапа». Отправился он в дорогу, нашел на дороге пирожок, целый и нетронутый, — обронил его кто-то из прохожих, — повертел его и говорит: «Нет, не буду тебя есть, от тебя у меня только в брюхе забурчит! И зачем мне тебя есть? Нынче я наемся по-настоящему, так уж мне на рассвете подсказала моя задняя лапа». Пошел дальше, нашел свиную тушу, соленую и сухую. Перевернул ее и говорит: «Нет, не буду тебя есть, от тебя мне только пить захочется. И зачем мне тебя есть, если я знаю, что наемся сегодня по-настоящему?»

Пошел дальше, видит: пасется на лугу лошадь с жеребенком; говорит волк: «Благодарение богу! Я ведь так и знал, что сегодня наемся по-настоящему!» И обращается к лошади: «Ну, сестрица, сейчас я твоего жеребенка съем». А лошадь ему: «Воля твоя, делай с нами, что хочешь; только вот я вчера на ходу занозила себе ногу, а ты ведь лекарь, вот я и прошу тебя, сперва вытащи ее, а потом уже съешь жеребенка». Подошел волк к лошадиной ноге, хотел было вытащить занозу, а лошадь как хватит его прямо по лбу, а сама с жеребенком — в лес, и была такова. Опамятовался волк и говорит: «Ничего, это мне не беда, ведь сегодня я еще наемся вдоволь».

Пошел он дальше по дороге и видит: два барана борются на лугу. Говорит волк: «Благодарение богу! Вот уж где я наемся по-настоящему».

И обращается к ним: «Ну братцы, сейчас я кого-то из вас съем». А один из баранов ему отвечает: «Воля твоя, делай с нами, что хочешь. Но сначала рассуди нас праведным судом: луг этот нам достался от родителей, а мы не умеем его поделить, оттого и деремся». — «Что ж, — говорит волк, — исполню вашу просьбу, только скажите, как?» Говорит один из баранов: «Слушай, господин наш: соизволь встать на самой середине луга, я отойду к одному краю, брат к другому, и кто первый до тебя добежит, тому и владеть лугом, а другого ты съешь». «Давайте!» — говорит волк. Разошлись бараны по две стороны поля, да как припустятся со всех ног прямо на волка! И так они его боднули справа и слева, что даже обмарался волк. Ушли бараны прочь, а волк остался чуть живой, с переломанными ребрами. Полежал он малость, опамятовался и говорит: «Нет, и это мне не беда, ведь я еще сегодня наемся вдоволь!»

Пошел он дальше и видит: пасется свинья с поросятами. Говорит волк: «Слава тебе, владычица небесная! Так я и знал, что обед у меня сегодня будет на славу». И объявляет свинье: «Закушу я, сестрица, твоими поросятками!» Свинья ему в ответ: «Воля твоя, делай, что хочешь: об одном прошу, окрести их сперва, а то они еще некрещеные. А потом уж и ешь их, как твоей душе угодно». — «Что ж, — говорит волк, — покажи, в чем их крестить». Подвела его свинья к канаве, где была мельница, и говорит: «Вот тебе святая вода». Встал волк над канавой, словно священник, хотел было уже ухватить поросенка да окунуть в воду, а свинья как хрюкнет, да и столкнула волка изо всей силы в самую середину канавы. Понесла его вода прямо на мельничное колесо, и ступицы отделали ему всю шкуру. Еле-еле выбрался волк и говорит: «Хоть и обманули меня, а мне все горя мало: все-таки у меня будет сегодня обед на славу».

Шел он мимо деревни и видит: стоят козы около хлебной печи. Говорит волк: «Слава богу! Вот он, мой обед, на глазах у меня гуляет!» и направился прямо к ним. А козы, едва его завидев, все попрятались в печь. Подошел волк, встал перед заслонкой и говорит: «Привет вам, сестрицы! А я к вам пришел, чтобы съесть вас и наесться доотвалу». Козы ему отвечают: «А мы, господин наш, ведь только для того и забрались сюда, чтобы ты отслужил нам обедню, а мы послушали; а потом выйдем все к тебе, и тогда делай с нами, что тебе угодно». Тут притворился волк епископом и начал перед печью завывать громким воем. А селяне как услышали этот вой, повыскакивали с дубьем и с собаками, исколотили волка до полусмерти, а собаки еще и покусали. Едва он ускользнул от них, ни жив, ни мертв.

Тогда подошел волк к высокому дереву, растянулся под ним и начал сетовать, начал каяться и говорить такие слова: «Господи, господи, сколько же на меня несчастий в один день разом навалилось! Но как подумаю я о том, так вижу, что сам виноват безмерно. Зачем я был такой гордый, зачем пирожком побрезговал и свиной тушею погнушался!»

И еще сказал: «Ведь отец мой не был лекарем, и я не учился лекарскому делу; зачем же полез я в лекари и хотел у кобылы занозу из ноги вытягивать? Отец мой не был судьей, и я не учился законам; зачем же полез я в посредники и хотел рассудить двух баранов? Отец мой не был священником, и я не учился грамоте; зачем же я брался крестить поросят? Отец мой не был епископом, и на мне нет никакого сана; зачем же я брался петь обедню и раздавать благословения?» И взмолился: «Господи боже, пусть же на меня с небес обрушится великий меч и поразит меня на этом самом месте!» А на дереве сидел человек и рубил ветки; он не пропустил ни одного волчьего слова, и когда тот кончил стенать, взял он и швырнул в него топором, да так метко, что волк из-под дерева так колесом и покатился. А когда встал он на ноги, то посмотрел сперва на небо, потом на дерево, и молвил: «Господи, господи, до чего же быстро до тебя долетают наши молитвы!» И со всех ног, избитый и израненный, бросился он в лес: откуда уходил надменным, туда вернулся униженным.

Учит эта басня: не берись не за свое дело, не гонись за тем, что выше тебя, будь всяк своим местом доволен.

51 (37). ОХОТНИК И ПАХАРЬ.

Многие многое часто без стыда занимают в чужих домах, а в своем хранить не умеют, и плачут так, словно что-то потеряли, хотя на деле ничего и не имели. Послушай об этом басню.

Охотник с собаками гнался за зайчиком, а тот, убегая, натолкнулся на пахаря и припустился мимо. Но пахарь хватил его палкой, стащил в борозду и забросал землей. Потом скачет к нему охотник и издали кричит: «Не видал ли ты, пахарь, как тут пробегал заяц?» Пахарь в ответ: «Не знаю даже, о чем ты говоришь!» И тогда охотник воскликнул со слезами в голосе: «Ах, а до чего он был бы хорош под перцем!» А пахарь, прихлестнув быков, со слезами в голосе ему ответил: «Ну, живей! — Только лучше он все-таки будет с солью!»

Басня учит не искать у чужих недоступного и не плакать, будто ты чего-то лишился, когда у тебя ничего и не было в руках.

52 (39). СОБАКА, ВОЛК И СКУПЕЦ.

Если случается, что глава семьи плохо кормит своих домочадцев, то часто эта скупость оборачивается ему же во вред; если же кто захочет иметь больше, чем от природы ему дано, то попадет в беду. Послушай об этом басню.

У одного богача было большое стадо овец, а при нем собака, чтобы отгонять волков; но собаку эту он по своей скупости не кормил. Поэтому пришел однажды к собаке волк и говорит ей: «Отчего, скажи на милость, ты вся так исхудала, что вот-вот свалишься от голода? Только оттого, что хозяин у тебя не в меру скуп. Но если хочешь, я дам тебе добрый совет». — «Дай мне добрый совет, — говорит собака, — мне в нем большая нужда». Волк говорит: «Я заберусь в стадо, ухвачу ягненка и притворюсь, что убегаю. А ты беги за мною со всех ног. Но не добежав до меня, ты растянись на земле, словно тебе невмочь меня преследовать от голода и слабости. Как увидят это пастухи и прочая челядь, так и скажут: да, вот если бы нашу собаку кормили получше, то не только ягненка, а и головы своей волк бы не унес! И тогда-то, верно, начнут кормить тебя вволю». Отвечает собака: «Как сказал, так и делай!» И вот волк забирается в стадо, хватает ягненка, притворяется, что убегает; собака бежит за ним со всех ног, но, не добежав, растягивается на земле, словно не в силах догнать его из-за страшного голода. Заговорили пастухи и прочая челядь: «Поистине сказать, кабы наш хозяин не жалел для нее хлеба, то не только ягненка, а и головы своей волк бы не унес!» Услышал это хозяин, покраснел со стыда и кричит с притворным гневом, словно сердится на челядь: «Разрази бог того, кто смотрит за этой собакой! Дать ей тотчас корму!» И с этих пор собаке стали давать и похлебку и мякинный хлеб, и она стала вновь набираться сил.

Прошло немного дней, и вот снова приходит к собаке волк и говорит: «Ну, хорош ли был мой совет?» — «В самый раз», — отвечает собака. «А хочешь, дам тебе совет еще получше?» — спрашивает волк. «Ну-ка, я послушаю!» — говорит собака. Волк объясняет: «Я сейчас заберусь в стадо, ухвачу ягненка и притворюсь, что убегаю. А ты беги за мною со всех ног, нагони и ударь меня грудью, но только слегка, а потом повались наземь, словно у тебя еще сил не хватает встать. Пастухи это увидят и скажут: «Да, вот если бы нашу собаку кормили вдоволь, волк не только ягненка бы не унес, но и сам бы живым не ушел». Говорит собака: «Боюсь, боюсь я моего хозяина: кормить-то он меня кормит, да не досыта. Но как сказал, так и делай!» И вот волк хватает самого жирного ягненка, бросается в бегство, собака мчится за ним со всех ног, налетает на него всей грудью, но тут же бросается наземь, словно от голода и худобы не в силах его одолеть. Зашумели пастухи и прочая челядь: «Поистине сказать, кабы нашу собаку кормили вдоволь, волк не только ягненка бы жирного не унес, но и сам бы живым не ушел». Услышал это хозяин и кричит в гневе и ярости: «С этого дня кормить ее в полную волю!» И стали теперь собаке похлебку давать мясную, а хлеб пшеничный. И за несколько дней набралась она сил, не жалея хозяйского корма.

После этого приходит снова к ней волк и говорит: «Ну, братец, не отличный ли был мой совет?» — «Отличный! — отвечает собака, — и мне на

пользу, и тебе не во вред». Говорит волк: «Тогда сейчас заберусь я в стадо и унесу себе в награду барана». — «Нет, — говорит собака, — ты свою награду получил: двух хозяйских ягнят сожрал». Говорит волк: «А все-таки, с твоего позволения, я сделаю, что сказал». — «Нет тебе моего позволения, — собака ему в ответ, — а коли сделаешь, жизнью клянусь, живым не уйдешь». Говорит волк, слыша такие слова: «Тогда скажи, как мне быть, потому что я умираю с голоду». Собака говорит: «Есть у моего хозяина в кладовой стена, гвозди в ней расшатались, и она совсем не держится; а лежит там и хлеб самый лучший, и свиные туши засоленные, и бочки, полные вина. Вот ты заберись туда нынче ночью и будешь сыт до отвала». Волк ей на это: «Хитришь со мной: стоит мне войти, как ты поднимешь на ноги и хозяина и челядь. Тут мне и конец будет». Собака поклялась ему честью, что не обманет: «Не предам я тебя: мне ведь из всего хозяйского добра поручено лишь это стадо, а до прочего мне и дела нет». И вот волк ночью подкрался и залез в кладовую. Наелся он там досыта хлебом и жирным мясом, а потом потянул вина из бочки и напился допьяна. Рассуждает он сам с собой: «Мужик, когда он сыт и пьян, непременно затянет песню; отчего же и мне не затянуть свою, коли я тоже сыт?» Да и затянул. Взвыл он раз, услыхали собаки и подняли лай, взвыл другой, услыхали люди, заговорили: «Волк рядом!»; взвыл в третий раз, поняли люди: «Он в кладовой!» — сбежались и убили его.

Басня эта в укор хозяевам богатым, сильным и важным, чтобы они не забывали кормить своих людей.

«ПОСТОРОННИЕ БАСНИ» ИЗ УЛЬМСКОГО ИЗДАНИЯ 1476 г.

53 (11). ЗАВИСТЛИВАЯ СОБАКА.

Многие люди жалеют для других даже то, что не надобно им самим; и хоть от собственного добра им нет никакого проку, все же они чужих к нему не подпускают. Послушай об этом басню.

Жадная собака лежала в закуте, полном сена. Шли мимо быки, но она им не давала ухватить ни клочка, скаля большие зубы. И сказали ей быки: «Нехорошо ты делаешь, коли жалеешь для нас то, что тебе все равно не по нутру. Ведь сама ты сено есть не можешь по природе своей, а нам его есть не даешь». И подобно этому, она держала кость в пасти, сама ее разгрызть не могла и другим собакам не давала.

Басня показывает, что нелегко избавиться от зависти. С трудом ее можно унять, но совсем искоренить нельзя.

54 (13). ОТЕЦ И ТРОЕ СЫНОВЕЙ.

Многие люди из самых пустых причин спорят, идут на суд, заводят тяжбы и прения. Послушай об этом басню.

У одного человека было трое сыновей. Перед смертью оставил он им все свое имущество: грушевое дерево, козла и мельницу. Вот сыновья похоронили отца и говорят: «Попросим судью разделить между нами наследство». Пошли и сказали: «Послушай нас, господин судья! Отец наш только что помер и оставил он нам наследство, чтобы мы его поделили». — «А что за наследство?» — спрашивает судья. Отвечают ему: «Грушевое дерево, козел и мельница».

Спрашивает судья: «На каком же условии он вам оставил дерево?» Они отвечают: «Завещал нам отец его так поделить, чтобы ни один не имел больше другого». — «Как же поделите вы дерево?» — спрашивает судья. Говорит старший брат: «Я возьму себе от этого дерева все прямое и все кривое». Говорит средний: «А я возьму все сочное и все сухое». Говорит младший: «А я возьму все корни, весь ствол и все ветки». Говорит тогда судья: «В самом деле, тогда уж никто не сможет иметь больше! Впрямь, ни я, и никто другой не сможет решить, кто получил больше, а кто меньше. Если кто из вас сумеет доказать, что другой взял больше, чем он, то пусть он и берет себе все дерево».

Потом спрашивает судья: «На каком же условии отец вам оставил козла?» Отвечают сыновья: «О козле он распорядился, чтобы получил его тот, кто сможет для этого козла вымолить у господа побольше росту». И стал молиться старший брат: «Господи боже, пусть этот козел вырастет такой, чтобы как захочется ему пить, так и выпил бы он всю воду в море и всю воду в небе, да и то наполовину бы не напился!» Говорит средний брат: «Нет, козел этот должен быть моим, потому что я для него молю еще больше росту!» И стал он молиться: «Пусть бы весь на свете лен, и шерсть и коноплю сплели в одну веревку, а козел пусть будет такой огромный, чтобы этой веревкой даже ногу ему нельзя было бы захлестнуть!» Говорит третий брат: «Нет, думается мне, что козел этот мой, потому что я для него молю еще того больше росту!» И стал молиться так: «Господи боже, пусть будет такой могучий орел, чтобы взлетел он до самого неба и взглянул оттуда на все четыре стороны света, и сколько он оттуда окинет взглядом в длину, ширину и высоту, столько места пускай и займет этот козел!» Говорит тогда судья: «В самом деле, кто же из вас пожелал козлу больше росту? Ни я и никто другой не сможет на это ответить. Кто из вас даст на это верный ответ, тот пусть и берет себе козла».

«Но как же пожелал ваш отец делить мельницу?» — Отвечают сыновья: «О мельнице отец наш так распорядился: чтобы получил ее тот, кого все друзья и родные признают самым ленивым». И старший говорит:

«Вот я до того ленив, что лежу в большом доме годы напролет, не вставая, а в крыше есть одна-единственная дырка, и через нее капает мне на голову вода, кожу пробивает, жилы протирает, череп продалбливает, уже и мозг начинает гнить да через другое ухо вытекать, а я так уж ленив, что ни с постели встать, ни на другой бок повернуться, ни головой не могу шевельнуть от великой моей лени». Средний говорит: «Нет, моя будет мельница, потому что я ленивее: вот как поголодаю я полмесяца или месяц, да увижу стол, уставленный вдоволь всякой снедью, так и то куска в рот не положу от великой моей лени, разве что кто-нибудь другой мне откроет рот да положит туда еду». А младший говорит: «Нет, думается мне, мельница будет за мной, потому что я еще того ленивее: вот как я уморюсь от жажды чуть не до смерти, да окажусь вдруг в реке по самый подбородок, так и то я скорей умру, чем шевельну головой, чтобы хоть каплю проглотить, разве что кто-нибудь другой мне раздвинет челюсти да вольет туда воды». Говорит тогда судья: «И вы не знаете, и мне невдомек, и никто не скажет, кто же из вас троих ленивее». Так и ушли от него братья, не получив решения.

Басня показывает, что не следует идти в суд попусту и бездумно ради таких дел, которые все равно судом не решить, а не то придется уйти осмеянным и ни с чем, как это и случилось с тремя братьями.

55 (14). ЛИСИЦА И ВОЛК.

Многие люди желают сразу быть учителями, не быв учениками, и учить прежде, чем научатся сами. И пытаясь подражать тем, кто больше, сильнее и умнее их, нередко попадают они в беду. Послушай об этом басню.

Лисица пришла к волку и говорит: «Прошу тебя, господин мой, прими моего сына от святой купели и будь ему крестным отцом». — «С охотою!» — сказал волк. Окрестили сына и нарекли ему имя Бенедиктул. Прошло несколько месяцев, и говорит волк матери Бенедиктула: «Пожалуйста, сестрица, отпусти ко мне сына твоего Бенедиктула, я его буду кормить и научу моему искусству, чтобы легче он мог прокормиться: а у тебя ведь и без того немало детей, и тебе их кормить очень трудно». Говорит лисица: «Господин мой, как тебе угодно, так и делай, а от меня тебе спасибо, что помнишь обо мне».

Взял волк с собою крестника своего Бенедиктула, пошел с ним ночью к овчарне поискать поживы, но ничего не добыл. А когда подошел рассвет, забрался волк на высокую гору над самой деревней и сказал крестнику своему Бенедиктулу: «Вот побывал я нынче у овчарни, но ничего не добыл, а только сильно устал; теперь я вздремну, а ты не спи и следи,

когда из деревни погонят скотину на пастбище; тогда разбуди меня, и мы чем-нибудь да поживимся». Заснул волк, и вот на заре Бенедиктул его будит и кричит: «Господин мой, господин!» — «Чего тебе, сын мой?» — спрашивает волк. Говорит Бенедиктул: «Вот уже свиней выгоняют на пастбище». А волк ему: «До свиней нам нету дела, потому что они все в щетине, и если съесть их, то будет больно — того и гляди, щетина исколет все горло, да так и останется торчать». Прошел час, и опять Бенедиктул кричит: «Господин мой, господин!» — «Что там?» — спрашивает волк. — «Овец и коров выгоняют на пастбище». А волк в ответ: «И этих не будем трогать, потому что при них бегут собаки, огромные и сильные: как увидят они меня, так и бросятся, чтоб загрызть; да и пастухи в деревне меня терпеть не могут, как увидят они меня, так и бросятся на меня с громким криком». Еще час прошел, и опять Бенедиктул: «Господин мой, господин!» — «Чего тебе, сын мой?» — спрашивает волк. Говорит Бенедиктул: «А вот и лошадей выгоняют на пастбище». Волк говорит: «Посмотри-ка, сын мой, куда они бегут?» Бенедиктул посмотрел и говорит: «Бегут на лужок, что рядом с лесом, где ольха растет». Тут волк встал, потихоньку скользнул в лес, чтобы никто не заметил, подобрался неслышно к самым лошадям, да как вцепится самой жирной прямо в морду! Убил он ее разом, и наелся вместе с крестником своим Бенедиктулом.

Тотчас Бенедиктул встает, подходит к волку и говорит: «Прощай, батюшка, а если есть какие поручения, то скажи, я исполню. Иду теперь к матери: я уже ученый, и больше мне учиться ни к чему». Говорит волк: «Не уходи, сын мой: боюсь, пожалеешь ты, что уходишь». — «Нет, — отвечает Бенедиктул, — что мне надо знать, я уже знаю и больше не останусь». — «Коли так уж ты решил, — говорит волк, — то ступай с миром, только смотри, не пожалей; а матери твоей передай от меня привет».

Встал Бенедиктул и пошел к своей матери. Увидела его мать, спрашивает: «Почему так скоро назад?» Отвечает Бенедиктул: «Потому что я уже ученый-переученый, да такой, что без труда не только себя и тебя, а и всех детей твоих прокормлю!» Спрашивает мать: «Откуда же у тебя так скоро и вдруг такая ученость?» А он в ответ: «Нечего тебе меня расспрашивать, а лучше вставай да ступай за мной. Встала мать и пошла.

И вот Бенедиктул, как волк у него на глазах, так и сам пошел ночью к овчарне поискать поживы, но ничего не добыл. А перед рассветом забрался он на высокую гору над самой деревней и сказал матери: «Вот, побывал я ночью у овчарни, но ничего не добыл и сильно устал; теперь я вздремну, а ты не спи и следи, когда из деревни погонят скотину на пастбище; как увидишь, разбуди меня, и тогда узнаешь, что я умею: покажу я тебе всю мою ученость». Вот на заре будит лисица сына своего Бенедиктула: «Сын мой, сын мой!» — «Чего тебе, мать?» —

отвечает тот. Мать ему: «Вот уже свиней выгоняют на пастбище». А Бенедиктул ей: «До свиней нам нету дела, потому что все они в щетине, и если съесть их, то будет больно — того и гляди, щетина так и останется в горле торчать». Прошел час, и опять мать кричит: «Сын мой, сын мой!» — «Что ты мне спать не даешь? — спрашивает тот. А лисица: «Быков погнали на луг». Говорит Бенедиктул: «Не буду я трогать быков, потому что пастухи при них грубые, а собаки огромные и злые, и как увидят они меня, побегут по пятам с криком, чтобы меня убить». Еще час прошел, и опять лисица кричит: «Бенедиктул, сын мой, сын мой!» — «Чего тебе, мать моя?» — спрашивает тот. А она ему: «Вот и лошадей выгоняют на пастбище». Бенедиктул на это: «Посмотри-ка, мать, куда они бегут?» Посмотрела лисица и говорит: «Бегут на лужок, что рядом с лесом». Тут встает Бенедиктул и говорит матери: «Теперь становись здесь, на обрыве, да смотри, что я буду делать: тогда ты и поймешь, как следует, какой я ученый и какой я умный». Встал, потихоньку скользнул в лес, чтобы никто не заметил, подобрался украдкой к тому месту, где паслись лошади, да как вцепится самой жирной прямо в морду! Он думал, что тут ее и прикончит; однако лошадь словно и не почувствовала никакой тяжести, приподняла Бенедиктула да припустилась бежать прямо к пастухам, а он так и висел у нее на морде, не разжимая зубов. Увидела это мать с вершины горы и закричала во все горло: «Бенедиктул, сынок, сынок, отпусти лошадь и убегай! Слышишь, отпусти и убегай!» Но тот не мог отпустить лошадь: слишком крепко вцепился он зубами ей в морду. Увидела лисица, как сбегаются пастухи, поняла, что ждет ее сына, заломила руки и вскричала со слезами в голосе: «Горе мне, бедной, горе! Горе мне оттого, что ты так скоро разделался с учением! Вот ты и погиб, а я, несчастная, осталась! Ах, кабы ты вовремя послушался крестного твоего, волка!» И тут тщеславного Бенедиктула схватили пастухи, убили и содрали с него шкуру.

Басня учит: не зовись учителем, пока не научишься быть учеником, не учи других, пока сам не учен, не равняйся тщеславно с теми, кто сильней тебя и умней!

56 (15). СОБАКА, ВОЛК И БАРАН.

Нередко человек хитрый, но неразумный и бессильный пытается обмануть тех, кто умнее и сильнее, и кончается это плохо. Послушай об этом басню.

У одного хозяина было большое стадо овец, а при них была собака, такая огромная и лютая, что волки от лая ее пугались, а от вида ее бежали. Поэтому ни один волк не смел приближаться к стаду. Так прошло

много лет, и, наконец, собака померла. Собрались пастухи в великом огорчении, стали толковать: «Как нам быть? Издохла наша собака, теперь придут волки и растаскают все наше стадо». Услышал это один чванный баран и говорит пастухам: «Послушайтесь дельного совета: обстригите мне шерсть, спилите рога, натяните на меня шкуру с этой мертвой собаки, и от одного моего вида все волки будут в страхе». Пастухи так и сделали; а волки как пришли по своему обычаю, да как увидели издали барана в собачьей шкуре, так сразу и бросились бежать в великом смятении. Но вот однажды пришел один волк голодный-преголодный, ухватил ягненка и бежать. А баран помчался за ним по пятам. Обернулся волк, видит: за ним гонятся, обмарался со страху и припустился еще быстрее, а баран за ним по пятам. Видит волк, что его настигают, и еще раз обмарался. Видит, что баран его вот-вот уже схватит, и от великого страха обмарался в третий раз. Но пока волк бежал со всех ног, спасая свою жизнь, а баран за ним, случилось так, что придорожный кустарник разодрал на баране собачью шкуру; увидел это волк и догадался об обмане. Налетел он на барана, схватил его и спрашивает: «Кто ты такой?» Барану делать нечего, он отвечает: «Я баран». Волк ему: «Тогда с какой стати ты меня пугал?» Отвечает баран: «В шутку». — «Ступай за мною, — говорит ему волк, — покажу я тебе, какая это шутка». Повел он его туда, где от страха обмарался в первый раз, и говорил: «Вот она, твоя шутка?» Повел туда, где во второй раз обмарался, и говорит: «И это твоя шутка?» Повел туда, где в третий раз обмарался, и опять говорит: «И это, значит, твоя шутка?» А потом загрыз его и сожрал.

Эта басня учит тех, кто неразумен и слаб, не хитрить с умными и сильными.

57 (16). ЧЕЛОВЕК, ЛЕВ И ЕГО СЫН.

Много есть людей, которые не слушаются своих родителей, не принимают их наставлений, не поддаются их наказаниям, и оттого приходит в свой срок их гибель. Послушай об этом басню.

Жил в безлюдном месте один человек; жил он трудами рук своих, вырубая лес и засевая поле. А лев, бродя по тем местам, топтал посевы, выкапывал и губил семена. Тогда человек поставил ловушки, натянул петли; увидел лев, что ему с человеком не справиться, забрал своего сына, маленького львенка, и удалился в другие места.

Прошло время, вырос львенок в могучего льва и спрашивает он отца: «Скажи, природные мы здесь жители или пришлые гости-чужеземцы?»

Отвечает ему отец: «Нет, не природные мы здесь жители: пришли мы сюда из дальних мест, чтобы избавиться от человека и его хитростей». Спрашивает львенок в изумлении: «Что же это за человек, которого даже и львы боятся?» Отвечает лев: «Он и меньше нас, и слабее нас, но хитроумен на диво». Львенок говорит: «Пойду туда и отомщу ему за наши обиды». — «Не ходи, сын мой, — говорит лев, — потому что у этого человека много хитростей на уме, и боюсь я, он тебя схватит и убьет». Львенок на это: «Клянусь головою и душою моей, не стану я так делать, а отомщу ему за наши обиды». — «Пожалеешь, коли пойдешь!» — говорит ему лев. Но львенок, не обращая на это внимания, отправляется к человеку.

Шел он по дороге и увидел: пасется лошадь, спина стерта, ребра переломаны. Спрашивает: «Скажи, кто тебя так измучил?» — «Человек, — отвечает лошадь, — он связывает меня и цепочками, и веревками, и уздечками, а потом садится мне на спину, скачет, куда хочет, и оттого у меня спина стерта, ребра переломаны и вся я избита чуть не до смерти». Спрашивает львенок: «Точно ли ты — животное из царства моего отца?» Отвечает лошадь: «Не только из царства твоего отца, но и из твоего собственного царства». Говорит львенок: «Клянусь моей головой, я отомщу за твои обиды».

Пошел он дальше и увидел: пасется бык, весь исколотый и исхлестанный чуть не до смерти. Спрашивает: «Скажи, кто тебя так измучил?» — «Человек, — отвечает бык, — он связывает меня крепкими ремнями и заставляет пахать землю и таскать камни, а сам колет и хлещет меня чуть не до смерти». Спрашивает львенок: «Точно ли ты животное из царства моего отца?» Отвечает бык: «Не только из царства твоего отца, но и из твоего собственного царства». Воскликнул львенок: «О, сколько зла творит человек — не только мне, но и моим подданным! Но клянусь моей головой и гривой, я отомщу за тебя».

Посмотрел он и видит на земле следы человека. Спрашивает: «Что это за след?» — «След человека», — отвечает бык. Приложил львенок к этому следу свою лапу и воскликнул: «Какие маленькие у него лапы и как много он делает зла!» И обращается к быку: «Покажи мне, где человек?» — «Вот он», — отвечает бык. Посмотрел львенок и видит: на вершине горы человек с лопатой в руках копает и таскает землю. Крикнул ему львенок: «Сколько же зла и какого зла наделал ты, человек, и отцу моему, и мне, и нашим животным, над которыми мы — цари! Но теперь изволь держать ответ!» А человек показал ему дубину и топор с ножом да говорит: «Клянусь тебе богом, меня сотворившим, и душою отца моего: только взойди сюда, и дубиной этой я тебя убью, топором этим зарублю, а ножом этим сдеру с тебя шкуру». Говорит лев: «Тогда ступай к отцу моему, он — царь и рассудит нас». Человек на это: «Поклянись мне сперва, что не тронешь меня, пока не предстану я перед отцом твоим, и я тебе дам та-

кую же клятву, а потом пойду с тобой предстать перед отцом твоим». Поклялся львенок его не трогать, а человек поклялся не трогать льва. И пошли они ко льву-отцу.

По пути человек сошел с большой дороги и двинулся по тропинке, где расставлены были его западни. Говорит ему львенок: «Где ты идешь, там и я пойду». А человек на это: «Воля твоя!» Как пошел лев вслед за человеком, так тотчас попал в петлю, и петля ему крепко стянула две лапы. Закричал он во весь голос: «Человек, человек, помоги мне!» — «Что с тобой?» — спрашивает человек. Говорит львенок: «Спутало мне что-то передние ноги, и я прошу тебя помочь мне». — «Нет, говорит человек, — ведь я поклялся тебя не трогать, пока не придем к отцу твоему; поэтому не могу я тебе помочь». Побрел львенок дальше на двух задних ногах и, пройдя немного, попал в другую петлю: оказались теперь стянутыми и задние его ноги. Закричал он во весь голос: «Человек, человек, помоги мне!» — «Что с тобой?» — спрашивает человек. Говорит львенок: «Спутало что-то мне и задние лапы, и не могу я пошевелиться». Тогда человек выломал в лесу свежую дубину и начал ею льва охаживать. Увидел львенок, что попался, стал просить: «Человек, человек, пощади и помилуй, не бей меня по спине, не бей по груди, не бей по животу, а бей по ушам моим, за то, что они не слушали отцовских советов — „не ходи туда, много человек знает хитростей!“ — и бей по голове моей, за то, что не поняла она отцовских предостережений — „увидишь, пойдешь к человеку — пожалеешь!“» Услышал это человек, хватил его по ушам да по голове, и упал лев мертвым.

Эта басня учит слушаться родителей и быть чутким к их поучениям и предостережениям.

58 (17). ВОИН, ЛИСА И ОРУЖЕНОСЕЦ.

Много есть людей, которые лгут так много и так коварно, что никто им не верит, и им самим подчас приходится признаваться в своей лжи. Послушай об этом басню.

Один воин шел с оруженосцем по полю. Оглянулся воин и увидел лисицу. Говорит он: «Боже, какая большая лисица!» Оглянулся и оруженосец и говорит: «И ты, господин, дивишься такой лисице? Клянусь моей тебе верностью, совсем недавно видел я в одном месте лисицу ростом больше быка!» — «Да, говорит воин, — сколько же шуб можно сделать из ее меха, если меховщики будут хорошие!» Пошли они дальше, рассуждая о том и о сем, и сказал воин: «О Юпитер всемогущий, охрани нас сегодня от всякой лжи, дай нам перейти через ту реку в безопасности и добраться до желанного приюта невредимыми!» Услышал это оруженосец

и спрашивает: «Скажи, господин мой, о чем это таком ты так жарко молишься?» Воин отвечал: «Неужели ты не знаешь? Скоро придется нам переходить через реку удивительного свойства: если пойдет через нее человек, который в этот день солгал, то живым он не выйдет, а утонет и погибнет». Услышал это оруженосец и поражен был великим страхом. Вот подошли они к одной речушке, и спрашивает оруженосец: «Хозяин, не та ли это опасная река, про которую ты говорил?» — «Нет, — говорит хозяин, — она еще далеко». Говорит оруженосец: «Оттого я спрашиваю, что лиса-то, о которой я нынче говорил, была не больше крупного осла». Отвечает хозяин: «А мне до ее роста и дела нет». Пошли они дальше и пришли к другой реке; опять оруженосец спрашивает: «Хозяин, не та ли это река, про которую ты нынче говорил?» — «Нет еще», — говорит воин. А оруженосец: «Оттого я спрашиваю, что лиса-то, о которой я нынче тебе говорил, была не больше нашего теленка». Отвечает воин: «А мне до ее роста и дела нет». Пришли они к еще одной речке, оруженосец спрашивает: «Хозяин, не это ли та река, про которую ты нынче говорил?» — «Отнюдь», — отвечает воин. А оруженосец: «Оттого я спрашиваю, что лисица-то, о которой я нынче говорил, была не больше нашего барашка». А воин: «Мне до ее роста и дела нет». Наконец, к вечеру подошли они к большой реке. Говорит оруженосец: «Кажется мне, хозяин, что это и есть та река, о которой ты нынче говорил». — «Она самая», — отвечает воин. Говорит тогда оруженосец, перепуганный и красный от стыда: «Сознаюсь, господин мой, в своей лжи: клянусь тебе жизнью и головой моей, что лисица, о которой я тебе говорил, была не больше той, которую мы видели». Рассмеялся воин, разбранил его и говорит: «А я тебе клянусь, что и вода в этой реке не опаснее всякой другой воды».

Басня осуждает выдумки лжецов, ибо нередко лжецы тонко выводятся умными людьми на чистую воду, начинают сами себе противоречить и признаются во лжи.

«ПОСТОРОННИЕ БАСНИ» ИЗ БЕРНСКОЙ РУКОПИСИ

59 (27). ОБЕЗЬЯНА, ЕЕ ДЕТЕНЫШ И МЕДВЕДЬ.

У обезьяны был детеныш, которого она нежно любила. Однажды он резвился возле медведя, сидевшего на цепи, а медведь схватил его и съел. Увидев это, обезьяна навалила вокруг медведя дров и сожгла его.

Басня учит не причинять обид и не делать зла, ибо за это придет возмездие.

60 (28). СОБАКА И УБИТЫЙ ХОЗЯИН.

У собаки хозяин погиб от недруга. Собака осталась сторожить его тело, и даже хлеб, какой ей давали дома, приносила и клала к устам хозяина. А когда ей случилось увидеть недруга, она бросилась на него за то, что он убил хозяина. И удивленные слуги нашли мертвого хозяина, а недруга его, истерзанного среди поля собакою, схватили и повесили.

Басня учит нас не уступать собакам в верности.

61 (29). СОБАКА И ТОНУЩИЙ МАЛЬЧИК.

Собака увидела, как мальчик, играя на берегу Иордан-реки, упал в воду. Собака подплыла к нему и зубами вытащила его на берег.

Басня учит и людей оказывать помощь друг другу.

62 (31). БАРАН И ЛЫСЫЙ ХОЗЯИН.

Домашний баран был приучен бодать бревно. Однажды его хозяин, пьяный и к тому же лысый, заснул без парика. Увидев это, баран решил, что хозяин приглашает его бодаться, боднул и убил хозяина.

63 (33). ВОЛК И ГОЛОДНАЯ ЛИСА.

Волк повстречал голодную лису и говорит: «Ступай со мной, да разинь пошире рот: вон там поет пташка-соловей, он упадет тебе прямо в рот, и ты сыта будешь». Пошла лиса, разинула рот и опять его закрыла. Вол спрашивает: «Что же ты не делаешь, как я говорю?» А лиса: «Да что в ней, в этой птичке? Только перья да пенье!»

Так и многие люди хороши только на словах.

64 (34). ЖУРАВЛИХА-ИЗМЕННИЦА.

Журавлиха сошлась с чужим журавлем, и застиг их в это время муж. Он скликнул отовсюду других журавлей и вышел с ними в поле и на глазах у них заклевал свою жену насмерть.

Басня учит блюсти супружескую верность.

65 (36). БАРАН И ВОЛК.

Баран с овцами был в овчарне, а калитка была открыта. Вошел волк; увидел его баран и воскликнул: «Ах, разрази господь того, кто не запер калитку!» — «Это не из-за меня ли ты так говоришь?» — спросил волк. «Избави боже, — ответил баран, — но ведь мог войти кто-нибудь другой!»

Басня учит быть сдержанным на язык.

66 (40). МЫШЬ, ЕЕ ДОЧЬ, ПЕТУХ И КОТ.

Мышь дочери говорила: «Не выходи из норки!» А та вышла и увидела петуха, который разгребал ногами солому и громко кричал. Испугалась мышка. Потом она увидела кота, который шел к ней по дорожке медленно и мягко, и от неожиданности так и бросилась, дрожа, в свою норку. Мать увидала, что она вся дрожит, и спросила, в чем дело. Та ей и говорит, что видела она петуха, который был, как дьявол, и кота, который был, как святой отшельник. Говорит мать: «Кто злым кажется, того не бойся, а вот кто святым кажется, того остерегайся».

Басня учит остерегаться лицемеров.

67 (41). ПЕТУХ, КОНЬ И ХОЗЯИН.

Петух увидел, как хозяйская жена мучила своего мужа, чтобы он открыл ей одну тайну; а открыв эту тайну, он подвергся бы великой опасности. Стал петух ликовать в своем птичнике; а конь заплакал, понимая, какая опасность грозит хозяину, если тайна откроется. Сказал ему петух: «Вовсе мне и не жаль хозяина: у него только одна жена, и с той он не может сладить, а у меня десять жен, и ни одна не смеет пикнуть без моего позволения». Услышал это хозяин и так расправился с женой, что та уже больше никогда ему не перечила.

Басня учит исправлять нравы подвластных тебе людей.

68 (45). ЛИСИЙ ПОДАРОК И ВОЛК.

Лисица подарила волку четки, намазанные кровью; волк проглотил их и похвалил. Сказала тогда лиса: «Погоди, вот как будут они из тебя выходить, да тебя раздирать — тут ты и почувствуешь, что это такое».

69 (47). СОБАКА, ПРОСЯЩАЯ КОСТЬ У ХОЗЯИНА.

Собака увидела, что хозяин ее обедает и держит в руках кость. Попросила она у него эту кость, но он ответил: «Не тебе я ее дам, а тому, кто стережет мой дом днем и ночью». — «Значит, мне, — говорит собака, — потому что это я стерегу его и ночью, когда вы спите, и днем, когда обедаете». — «Не тебе», — говорит хозяин. «А кому?» — спрашивает собака. «Тому, кто первый защищает меня от опасности». — «Значит, мне, — говорит собака, — ведь если кто нападет на тебя, то твои друзья только схватятся за мечи, чтобы помочь, а я собственным телом брошусь вперед». — «Не тебе», — говорит хозяин. «А кому?» — спрашивает собака. «Тому, кто первый поможет мне в беде». — «Значит, мне, — говорит собака, — ведь если ты будешь тонуть, то твои друзья бросятся искать челнок, а я прямо брошусь в воду». — «Не тебе». — «А кому?» — «Тому, кто меньше всех любит меня и больше всех притворяется». — «Тогда пропала я, — говорит собака, — не видать мне кости, а получит ее моя хозяйка, потому что это она меньше всего любит тебя и больше всего притворяется».

Басня учит не просить лишнего и не высказывать всю правду.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БАСНИ ЭЗОПА

1

Когда первобытный человек впервые почувствовал себя человеком, он оглянулся вокруг себя и впервые задумался о мире и о себе. По существу это были два вопроса: теоретический и практический. Вряд ли он сам умел их отчетливо разграничить, но мы это сделать сможем. Теоретический вопрос гласил: как устроен этот мир? Практический вопрос гласил: как должен вести себя в этом мире человек?

На первый вопрос человек отвечал себе мифом. На второй вопрос человек отвечал себе басней.

Конечно, не только басней — кроме басни, в его распоряжении были пословицы, поговорки, поучительные сентенции. Но эпический, повествовательный характер из всех этих малых форм словесности имела только басня. Наряду с мифом басня была одной из древнейших форм мышления и одним из древнейших жанров словесного искусства.

Зачатком басни был пример — простейшая форма аргументации в обычной разговорной речи. Человек видит, что его сосед хочет в чем-то поступить неразумно, он может сказать соседу: «Не делай этого: так поступать — это все равно, как если бы кто-нибудь. . .» и т. д. Это — простейший случай *условного* примера, из которого впоследствии разовьется парабола. Но человек может сказать и так: «Не делай этого: мой приятель однажды хотел сделать то же самое, думал — будет лучше, а попал в большую беду». Это — простейший случай *действительного* примера, и из него разовьется басня. Легко понять, что житейские факты, приводимые в примере, могут быть бесконечно разнообразны, в зависимости от повода к разговору и от жизненного опыта говорящего. Жизненный опыт человека предстает здесь в простейшей форме конкретного случая. Это — апелляция от частного к частному, первая ступень логического мышления.

С развитием человеческого сознания развивается способность мышления к обобщению. На смену умозаключению от частного к частному приходит умозаключение от частного к общему и от общего к частному.

Конкретный пример перестает быть рассказом о единичном жизненном факте и становится обобщенным изображением целого ряда аналогичных случаев. Такое обобщение отличается от прямого примера тем, что изображает случай не действительный, а вымышленный, от условного примера — тем, что вымышленный случай изображается как действительный. Это появление типического в индивидуальном и превращает пример из явления бытовой речи в явление художественной речи. Пример становится басней.

Обобщенность басенного повествования проявляется в том, что действующими лицами басни оказываются схематически очерченные образы — животные вместо людей; в том, что круг мотивов и сюжетов сужается и упрощается применительно к возможностям этих новых персонажей; в том, что действие совершается вне определенного времени и пространства; в том, что концовкой басни часто делается влагаемая в уста какого-нибудь персонажа обобщительная сентенция («Так всегда бывает со всяким, кто делает то-то и то-то»). Почему именно животные стали основными героями басни? Потому что их образы были хорошо знакомы народной фантазии еще со времен первобытного анимизма и тотемизма, когда религиозное сознание переносило человеческие характеры и отношения на мир животных так же, как впоследствии — на мир богов. Образы, созданные религиозным сознанием человека, стали первым достоянием его художественного сознания: боги и герои сделались персонажами мифа, животные — персонажами басни. Если действующими лицами басни оказываются люди, то их характеристика бывает очень схематична и обычно сводится к обозначению: «пастух», «рыбак», «скупой», «лжец» и т. д.

Теперь басня обладает достаточным комплексом признаков, чтобы выделиться как фольклорный жанр. Примеры, приводимые в речах, бесконечно разнообразны и поэтому несопоставимы друг с другом; басни же все, независимо от случая их применения, принадлежат к одному и тому же типу, складываются по одним и тем же схемам и ощущаются как явления одного порядка. Только функция басни остается та же, что и функция примера — служить подспорьем в аргументации. Басня рассказывается только по конкретному поводу, только «кстати»; она вплетается в связную речь в виде пояснения или довода, и форма ее изложения всецело определяется контекстом: она может быть и пространной и краткой, чаще — краткой, чтобы не отвлекать внимания от основного хода мысли. Но теперь уже достаточно лишь небольшого толчка, чтобы басня выпала из своего контекста и стала существовать самостоятельно, соотносясь только с себе подобными.

Так как зачатки басенного жанра коренятся в простейших формах речевого общения, которые одинаковы у всех народов мира, то очевидно, что возможности для становления басенного жанра имеются в культуре любого народа. Однако какое развитие получают эти возможности, — это

зависит уже от конкретных исторических особенностей формирования каждой культуры. На Ближнем Востоке басня пользовалась большим почетом, тексты басен мы находим на шумерийских и вавилонских клинописных табличках, находим в Библии. Но выделиться в самостоятельный жанр, не зависимый от контекста, как в Библии, и не смешиваемый с пословицами и поучениями, как в Шумере и Вавилоне, басня здесь не смогла. Это выделение произошло лишь в Греции.

В Греции басня, как и повсюду, начинала свой путь развития от простейшего примера в аргументации. Такой пример носит название «притчи» (aînos). В XIV книге «Одиссеи» Гомера вернувшийся на родину в образе нищего скитальца Одиссей ночует в хижине свинопаса Эвмея, которому он выдает себя за простого воина, воевавшего когда-то под Троей. Ночь стоит холодная и дождливая, и вот Одиссей начинает рассказывать случай из своей жизни: однажды под Троей сидел он в засаде с Одиссеем, Менелаем и другими воинами, стоял мороз, а плаща у него не было; он шепнул об этом Одиссею, а тот, хитрец, обратился к товарищам: «Далеко мы зашли: не пойти ли кому-нибудь в стан к Агамемнону и не попросить ли подмоги?» Встал один воин, сбросил для легкости плащ и побежал к стану; а он, рассказчик, подхватил этот плащ, завернулся в него и проспал до утра. Догадливый Эвмей отвечает: «Славную ты нам рассказал притчу!» (XIV, 508), и дает гостю плащ, чтобы укрыться, деловито предупредив, что это на одну только ночь. Это простейший случай использования примера: единичный жизненный эпизод применен как иносказательное подкрепление деликатной просьбы. А в трагедии Софокла «Аянт» Менелай и Тевкр жестоко спорят над телом героя, имеет ли мертвый Аянт право на погребение; истощив доводы, они обращаются к притчам. Менелай говорит: «Я видел мужа, который дерзко пустился в море перед бурей; но, застигнутый бурей, он пал духом, и всякий из гребцов мог попирать его ногами. Так и ты с твоим дерзким языком уймешь свой крик, когда на тебя дохнет большая буря». Тевкр отвечает: «И я видел неразумного мужа, который оскорблял ближних в несчастии; и некто, похожий на меня, сказал ему так: „Человек, не делай зла умершим, чтобы не пришлось тебе поплатиться!“ И этот неразумный муж сейчас передо мною, и это не кто-нибудь, а ты. Какова притча?» (ст. 1142—1158). И здесь пример выступает как средство аргументации, подкрепляя собой на этот раз не просьбу, а угрозу; но содержание примера здесь уже не черпается из действительной жизни, а откровенно придумывается ad hoc. Достаточно заменить человеческих персонажей животными, и перед нами будет басня.

Сложившуюся форму басни с устойчивым кругом мотивов, персонажей и моральных толкований мы впервые находим в греческой литературе в VIII—VI вв. до н. э. Это не случайно. Эти века были бурным временем ожесточенной общественной борьбы в греческих городах — борьбы,

сокрушившей господство старой землевладельческой знати и положившей начало демократическому строю. Ближний Восток не знал такого социального переворота, и это определило разницу в судьбе восточной и греческой басни. На Востоке басня осталась средством поучения, средством поддержания традиции, их рассказывали высшие низшим, старшие младшим. В Греции басня стала орудием борьбы, средством ниспровержения традиции, их рассказывали низшие высшим, народные ораторы — правителям; иносказательность басенной формы позволяла пользоваться ею там, где прямой социальный протест был невозможен. Недаром именно к этому времени отнесло предание жизнь легендарного родоначальника басни — Эзопа, и недаром Эзоп то и дело изображается преданием в образе оратора, выступающего перед властями с басней на устах (№ 370; «Жизнеописание», 94, 132—141). Басня этой поры была еще всецело устным жанром: твердой формы басни не имели, каждый рассказывал их по-своему, рассказывались они непременно применительно к какому-нибудь конкретному поводу: только так могли они служить орудием общественной борьбы. Басня вплеталась в связную речь в виде довода или пояснения, и форма ее изложения всецело определялась задачей речи. В таком виде басня переходит из устной речи и в первые произведения письменной литературы.

Первую бесспорную басню в греческой литературе мы находим в VIII в. у Гесиода: это — знаменитая притча (aînos) о соловье и ястребе (№ 4; см. «Труды и дни», 202—212), обращенная к жестоким и несправедливым властителям. Здесь мы уже встречаем и животных-персонажей, и действие вне времени и пространства, и сентенциозную мораль в устах ястреба. В следующем столетии баснями пользуются ямбические и лирические поэты: Архилох, издеваясь над человеком, который обманул его и поплатился за это, напоминает ему притчу о лисе, которую обидел орел и был за это наказан богами (№ 1), а другому своему недругу он рассказывает притчу о лисе и обезьяне (№ 81). Поэту Стесихору Аристотель приписывает выступление перед гражданами города Гимеры с басней о коне и олене (№ 255) применительно к угрозе тирании Фаларида. «Карийскую притчу» о рыбаке и осьминоге (№ 361), по позднейшему свидетельству, использовали Симонид Кеосский и Тимокреонт. Встречаются в скудных отрывках, сохранившихся от поэтов этого времени, и другие басенные темы (№ 17, 142, 196, 215, 358, 360); но краткость отрывков не позволяет судить, были ли здесь использованы целые басни в их основной, аргументационной функции, или поэты ограничивались случайным заимствованием отдельных образов.

Греческая литература классического периода (V—IV вв. до н. э.), периода господства демократии, уже опирается на вполне сложившуюся традицию устной басни. Эсхил пользовался басней в трагедии: сохранился отрывок, излагающий «славную ливийскую басню» (lógos) об орле,

пораженном стрелою с орлиными перьями (№ 341). Однако в высоком стиле трагедии житейски-прозаичная басня плохо прививалась. Зато в комедии басня оказалась как нельзя более кстати: у Аристофана в «Птицах» Писфетер в разговоре с птицами блистательно аргументирует баснями Эзопа о жаворонке, похоронившем отца в собственной голове (№ 362 — пародия?), и о лисице, обиженной орлом (№ 1), а Тригей в «Мире» ссылается на басню в объяснение своего полета на навозном жуке (№ 3); а вся заключительная часть комедии «Осы» построена на обыгрывании некстати применяемых героем басен и тому подобных цветков светского остроумия («эзоповские» и «сибаритские шутки», № 363—365). О том, как популярна была басня в ораторских речах в пору расцвета демократии, не приходится и говорить: тот же Аристофан в тех же «Осах» заставляет героя рассуждать, как приятно быть судьею и слушать, как тебя улещают наперебой судебные ораторы:

А иные и басню расскажут нам, а иные эзопову шутку...

Геродот ввел басню в историографию: у него Кир поучает слишком поздно подчинившихся ионян басней о рыбаке-флейтисте (№ 11); за ним басни стали приводить в своих сочинениях Феопомп и другие историки IV века. Не чуждаются басен даже философы: Демокрит поминает «эзоповскую собаку», которую погубила жадность (№ 133); близки к этому жанру Продик в своей знаменитой аллегории о Геракле на распутье (Ксенофонт, «Воспоминания», II, 1, 21—34) и Протагор в своей басне (mŷthos) о сотворении человека (Платон, «Протагор», 320c); Антисфен ссылается на басню о львах и зайцах (№ 371); в заглавиях сочинений его ученика Диогена «Леопард» и «Галка» просвечивают басенные мотивы. По-видимому, особенно охотно пользовался баснями в своих беседах Сократ: у Ксенофонта он рассказывает басню о собаке и овцах («Воспоминания», II, 7, 13—14), у Платона он вспоминает, что говорила в эзоповой басне лисица больному льву о следах, ведущих в его пещеру («Алкивиад I», 123a), и даже сам сочиняет в подражание Эзопу басню о том, как природа связала страдание с наслаждением (№ 367). Больше того: Платон утверждает, что Сократ, никогда ничего не сочинявший, незадолго до смерти переложил в стихи эзоповы басни («Федон», 60cd), — рассказ, явно вымышленный, но охотно принятый на веру потомками.

Из этого обзора видно, что в художественном сознании греков классической эпохи басня уже отчетливо выделялась в самостоятельный жанр устной словесности: основной круг басенных сюжетов уже определился, эти сюжеты были знакомы каждому и служили общим арсеналом средств для любой аргументации. Это видно отчасти уже из перемен в терминологии: если ранее употреблявшийся термин aînos подчеркивал в басне элемент поучительности, наиболее связанный с единичным контекстом, то вытесняющие его термины mŷthos и lógos подчеркивают в басне элемент

вымысла (mŷthos) или прозаического изложения (lógos), не зависящие от конкретного применения басни. Это видно, далее, из того, что басенные сюжеты начинают служить предметом пародии (у Аристофана): следовательно, они уже настолько привычны публике, что их условность стала ощутимой и может восприниматься иронически. Это видно также из того, что внутри басенного рода начинают различаться подчиненные ему виды и подвиды: ливийская басня, сибаритская басня и т. д. Наконец, это видно из того, что с понятием басни теперь связывается представление о зачинателе этого жанра — точно так же, как с жанром эпоса связывалось имя Гомера, с жанром ямба — имя Архилоха и т. д. Таким зачинателем басенного жанра в представлении греков стал Эзоп. Имя Эзопа с этих пор навсегда закрепилось за басенным жанром: где мы говорим: «басня», грек говорил: «Эзопова басня».

2

Кто такой был Эзоп и что он сделал для развития басни? Мы увидим, что эти два вопроса приходится четко разграничивать.

Имя Эзопа впервые упоминается в греческой литературе у Геродота, чья «История» писалась в 440—430-х годах. Геродот упоминает Эзопа лишь мимоходом, по своему обычному ходу ассоциаций: он говорит о египетских пирамидах, а в связи с этим — о женщине, которая жила в Египте, но пирамид не строила, а в связи с этим — об Эзопе, который и в Египте не жил. Вот соответствующий отрывок Геродота (II, 134—135):

«Царь Микерин также оставил после себя пирамиду, правда, гораздо меньше... Некоторые эллины неосновательно полагают, что пирамида эта сооружена гетерой Родопидой. Однако, говоря так, они не знают даже, что эта Родопида жила в царствование Амасиса, а не Микерина, ... много лет спустя после тех царей, которые сооружали эти пирамиды. Родом она была фракиянка, рабыня самосского жителя Иадмона, а ее товарищем по рабству был баснописец Эзоп. Что и Эзоп был рабом Иадмона, это особенно ясно из следующих обстоятельств. Когда дельфийцы много раз по велению оракула вызывали, кто мог бы получить выкуп за убитого у них Эзопа, никто не объявлялся; наконец, получил выкуп внук того Иадмона, тоже Иадмон, — следовательно, и Эзоп принадлежал Иадмону. Родопида была доставлена в Египет самосским жителем Ксанфом для промысла телом, но ее выкупил за большие деньги митиленец Харакс, сын Скамандронима, брат поэтессы Сапфо».

Имя Родопиды, которая здесь упоминается, тоже было окутано легендами. Геродот говорит, что, желая себя увековечить, она пожертвовала в Дельфы небывалый дар — гору железных вертелов, ценой в десятую часть своего нажитого блудом состояния («Куда как достойно дельфийцев, — замечает по этому поводу Плутарх: — Родопиде уделять место

для десятой доли ее заработков, а Эзопа, ее товарища по рабству, казнить». См. Плутарх, «О дельфийском оракуле», 14). А позднейшая легенда, сохраненная Страбоном и Элианом, рассказывает, что однажды во время купания орел похитил у Родопиды сандалию, принес ее египетскому царю, тот заочно влюбился в обладательницу сандалии, стал искать ее по всему Египту, нашел, сделал царицей, а потом похоронил в своей пирамиде, — фольклорный сюжет «Золушки» на греко-египетский лад. Однако нас интересует не Родопида, а Эзоп. Мы видим, что Геродот считает «баснописца Эзопа» лицом, заведомо известным читателям, и что он сообщает о нем три факта: во-первых, жил Эзоп в первой трети VI в. (фараон Амасис правил с 570 г. до н. э., поэтесса Сапфо умерла ок. 568 г. до н. э.); во-вторых, он жил на Самосе и был рабом некоего Иадмона; в-третьих, он был за что-то убит в Дельфах, и дельфийцам пришлось платить за него выкуп.

Таково то немногое, что можно считать фактами о жизни Эзопа. Далее факты кончаются, и начинается легенда. Каждый из мотивов, намеченных Геродотом, получает в ней самую подробную разработку.

Прежде всего, восполняется важный пробел в сведениях Геродота: историк не назвал его родины, легенда ее придумывает. Так как упомянутая рядом с Эзопом Родопида была родом из Фракии, то проще всего было представить Эзопа ее земляком. Действительно, мы находим упоминания, что в IV в. Аристотель и его ученик Гераклид Понтийский называли Эзопа фракийцем. Но такая ученая гипотеза не удовлетворила легенду. Фракийцы были народом сильным, воинственным, не терпевшим рабства, а Эзопа нужно было изобразить рабом как можно более типичным. И легенда объявляет Эзопа не фракийцем, а фригийцем. Фригия была областью в Малой Азии, издавна поставлявшей рабов в Грецию, фригийцы считались лентяями и неженками, ни для чего, кроме рабства, не годными, о фригийских рабах сочинялись даже пословицы; например: «Битый лучше стал фригиец и услужливее стал». Представление о том, что Эзоп был фригийцем, стало всеобщим по крайней мере с I в. н. э.: мы находим и в «Жизнеописании Эзопа» (о котором ниже), и у Федра, и у позднейших авторов, упоминающих Эзопа. Для любителей точности называли даже глухой фригийский городок, где он родился: Котиэй.

Далее, восполняется другой пробел в сведениях Геродота: облик Эзопа. Персонаж истории может иметь только имя, герой легенды должен иметь облик. Какой же облик? Свободный эллин от природы должен быть красив, — стало быть, рабу-варвару от природы свойственно быть безобразным. И вот возникает представление о неслыханном безобразии Эзопа. Впервые мы находим соответствующее описание его наружности опять-таки в «Жизнеописании» I в. н. э. («брюхо вспученное, голова — что котел, курносый, с темной кожей, увечный, гугнивый...» и т. д.), но само это представление возникло намного раньше: уже в V в. до н. э. мы находим

на аттической вазе изображение бородатого человека, большеголового, скуластого, длинноносого, толстобрюхого и тонконогого, который сидит скорчась перед маленькой лисицей, как Эдип перед Сфинксом, а она ему что-то говорит, поучительно жестикулируя. Почти несомненно, что это — изображение Эзопа.

Далее, получают развитие скупые геродотовские указания на время жизни Эзопа. Деловитые александрийские филологи III в. до н. э. «уточнили» (неизвестно, на чем основываясь) даты его жизни и смерти: оказалось, что расцвет его деятельности приходится на 52 олимпиаду (572—569 гг.), а смерть в Дельфах — на первый год 54 олимпиады (564 г. до н. э.); эту дату с завидным единогласием указывают несколько поздних источников. Но еще до александрийцев хронологией Эзопа занялась народная фантазия, однако по-своему. Она прикинула, кто из знаменитых людей древности мог быть современником Эзопа; самыми знаменитыми оказались «семь мудрецов» конца VII—начала VI в. — Фалес, Биант, Питтак, Клеобул, Периандр, Хилон, Солон. И легенда делает Эзопа собеседником «семи мудрецов»: уже в IV в. поэт Алексид пишет комедию «Эзоп», и в ней Эзоп беседует с Солоном о том, как следует пить вино на пирушках (отрывок цитируется у Афинея, X, 431d). А затем, в эллинистическую и римскую эпохи, когда стали популярны сочинения на тему «Пир семи мудрецов», Эзоп изображался в них участником этих пиров, сидящим «на низеньком стульчике возле Солона, возлежавшего на высоком ложе», и подающим шутливые реплики (Плутарх, «Пир семи мудрецов», 4). Легендарным покровителем семи мудрецов был лидийский царь Крез, добродушный и сказочно богатый; и легенда переносит Эзопа ко двору Креза, где он говорит царю тонкие комплименты («Крез настолько счастливее всех, насколько море полноводнее рек!» — Зиновий, V, 16) и в оправдание поясняет: «С царями надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще!» На что Солон возражает: «Нет, клянусь Зевсом! или как можно меньше, или как можно достойней!» (Плутарх, «Солон», 28). Эзопа при дворе Креза мы находим и в «Жизнеописании», но уже без сопоставления с семью мудрецами: составитель «Жизнеописания» явно не хотел, чтобы его герой льстил Крезу и пасовал перед Солоном.

Далее, совершенно непредвиденную разработку получает тема пребывания Эзопа на Самосе в рабстве у Иадмона. Прежде всего, Аристотель (№ 370) изображает Эзопа свободным человеком, выступающим на Самосе в суде; Гераклид Понтийский пишет о нем: «Баснописец Эзоп, родом фракиец, получил свободу от Идмона-глухого, а перед тем был рабом Ксанфа». Иными словами, оба ученых подчеркивают не то, что Эзоп был рабом, а то, что он стал свободным. Народная фантазия опять-таки мыслит противоположным образом: она рисует Эзопа именно рабом, умным рабом глупого хозяина, и рисует их постоянные столкновения, из которых

Эзоп неизменно выходит победителем. Вокруг этой пары персонажей концентрируются многочисленные фольклорные бродячие мотивы, и в результате возникает та вереница анекдотов, которая составляет почти половину — и самую веселую половину — «Жизнеописания Эзопа» (§ 22—91). При этом происходит любопытная подмена имени хозяина. У Геродота, как мы видели, хозяина Эзопа и Родопиды зовут Иадмон, но отвозит Родопиду в Египет не он, а некий Ксанф. Гераклид, чтобы объяснить это, предполагает, что Ксанф был первым хозяином Эзопа (и Родопиды), а от него Эзоп перешел к Идмону (Иадмону), который получает характерный эпитет «kōphos», что может значить «глухой» и может значить «глупый». Наконец, в «Жизнеописании» Иадмон вовсе не упоминается, хозяин Эзопа носит имя Ксанф, а эпитет «kōphos» — «глупый» хоть и не произносится, но очень к нему подходит. Отчего имя Ксанф вытеснило имя Иадмон, сказать трудно: может быть, только потому, что по своему смыслу (xanthos — «рыжий») оно лучше подходило комическому персонажу. Заметим, что среди многочисленных упоминаний имени Эзопа у поздних писателей — философов и риторов II—IV вв. н. э. — ни одно не связывается с многочисленными анекдотами «ксанфовского» цикла: философам и риторам явно не нравилось, как ловкий раб посрамлял их собрата.

Наконец, легенда превратила в живописную историю финал жизни Эзопа — его гибель в Дельфах. Ученый Геродот ничего не говорит о поводах к его убийству; но уже в следующем поколении Аристофан, менее заботясь об исторической достоверности, влагает в уста персонажам комедии «Осы» такой диалог (ст. 1446—1449):

— Эзоп однажды в Дельфах. . .
— Мне плевать на то!
— Был обвинен, что чашу спер в святилище,
И рассказал дельфийцам, как однажды жук. . .
— С жуками вместе провались, негоднейший!

А еще сто лет спустя уже упоминавшийся Гераклид Понтийский повторяет его слова как исторический факт: «Эзопа . . . погубили за святотатство, отыскав в его вещах краденую золотую чашу». Так ходячий фольклорный мотив подкинутой чаши (ср. библейский рассказ об Иосифе и его братьях) прочно вошел в состав легенды об Эзопе. Оставалось мотивировать вражду дельфийцев к Эзопу. Но тут мотивировка напрашивалась сама собой: Эзоп попрекнул дельфийцев тем, что они не сеют, не жнут, а живут тунеядцами, кормясь от жертв, приносимых Аполлону со всей Греции (попрек, нередкий в классической греческой литературе), и за это дельфийские жрецы его возненавидели. Такую мотивировку мы находим в трех источниках (схолии к «Осам» Аристофана; схолии к Каллимаху; сборник кратких биографий в папирусе конца II в. н. э.); не про-

тиворечит ей и четвертый источник (Плутарх, «О запоздалом божеском возмездии», 12), вводящий дополнительные мотивы из «крезовского» цикла. За убийством следует божья кара (бесплодие, мор) и ее искупление. Но и на этом не унимается народная фантазия: в отрывках писателей IV—III вв. до н. э. несколько раз мелькает упоминание, что Эзоп воскресал после смерти и его душа воплощалась в новых телах; однако популярности этот мотив не получил.

В эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.), когда греческая культура теснее соприкоснулась с восточной культурой, этот пестрый комплекс мотивов, сложившихся в легенду об Эзопе, дополнился еще одним элементом: с именем Эзопа был связан сюжет знаменитой сирийской «Повести о мудром Ахикаре» — о писце ассирийского царя Ахикаре, о том, как его чуть не погубил клеветою его приемный сын Надан и как он выручил своего царя, разгадав ему загадки, предложенные другим царем. Этот эпизод, составивший большой кусок «Жизнеописания Эзопа» (§ 101—123), наиболее ощущается в нем как инородное тело: слишком несхожи образы униженного греческого раба и важного ассирийского вельможи. Однако народная фантазия, всюду искавшая материала для возвеличения своего героя — Эзопа, не преминула воспользоваться и этим сюжетом.

Все эти многообразные элементы легенды об Эзопе были, наконец, сведены в один писаный текст — было создано «Жизнеописание Эзопа» («Повесть о Ксанфе-философе и Эзопе, его рабе, или Похождения Эзопа»), одна из немногих дошедших до нас «народных книг» греческой литературы. Оно было создано, по-видимому, на эллинистическом Востоке, во II—I вв. до н. э. (время, когда и в «высокой литературе» складываются первые образцы романов и сборников новелл); древнейший из дошедших до нас его текстов восходит к несколько более позднему времени, к I—II вв. н. э. (время римского владычества, сказавшегося на ряде латинизмов в языке памятника). Безымянный составитель сделал основной частью жизнеописания «ксанфовский» цикл эпизодов (отсюда заглавие), за ними следует эпизод с Крезом, затем — «ахикаровский», затем — последний, «дельфийский» эпизод. Однако составитель не ограничился ролью простого пересказчика. Он постарался придать своему материалу единую идейную концепцию, и это — самое интересное в его работе.

Мы видели, что основной мотив дельфийского эпизода в эзоповской легенде (по всем другим источникам) — мотив вражды со жрецами, мотив, если можно так выразиться, антиклерикальный. Составитель «Жизнеописания» дополняет его мотивом более высоким — враждой с Аполлоном, мотивом, если можно так выразиться, богоборческим. Прямее всего это сказано в § 100: «А Эзоп принес жертву Музам и посвятил им храм, где были их статуи, а посредине — статуя Мнемосины, а не Аполлона. И с тех пор Аполлон разгневался на него, как некогда на Марсия». В папирусном отрывке «Жизнеописания», восходящем к более древнему тексту, чем наш,

мы находим прямое указание, что Аполлон помогал дельфийцам против Эзопа (§ 127). Но и в нашем тексте об этом говорит многое. Эзоп убегает от дельфийцев не в храм Аполлона, а в храм Муз (§ 134), заклинает их не во имя Аполлона, а во имя Зевса-Гостеприимца (§ 139), кара за убийство Эзопа приходит не от Аполлона, а от Зевса (§ 142); а в начале «Жизнеописания» во главе Муз, благодетельствующих Эзопа (§ 7), выступает не Аполлон, а Исида. Можно вспомнить также притчу Эзопа о вещих лживых снах (§ 33), где Аполлон противопоставляется Зевсу в весьма неблагоприятном свете. Все эти «антиаполлоновские» мотивы свойственны только «Жизнеописанию», только народной версии легенды об Эзопе (в упоминаниях у философов и риторов Аполлон, наоборот, выступает даже заступником Эзопа. См. Либаний, «Апология Сократа», 181; Гимерий, XIII, 5—6). И это не случайно. Легендарный образ Эзопа — это народный вызов всему аристократическому, «аполлоническому» представлению об идеале человека: варвар — он благороднее эллинов, безобразный — он выше красавцев, неуч — он мудрее ученых, раб — он посрамляет свободных. Это — живое воспоминание о драматической эпохе общественной борьбы VIII—VI вв. — борьбы классов, борьбы идеологий. Мы видим, что народ сохранил это воспоминание надолго, почти до конца античности: только на рубеже средневековья, в IV—V вв. н. э., когда социальные грани внутри отживающей античной культуры стали расплываться, появилась новая переработка «Жизнеописания Эзопа», в которой антиаполлоновские мотивы исчезли или стушевались.

А басни? Какое они имеют отношение к этой фигуре Эзопа — народного мудреца? И вот, когда мы подходим к этому вопросу, нас ждет самая большая неожиданность.

Народная легенда об Эзопе совершенно не интересуется баснями Эзопа. Ее герой — Эзоп-мудрец, Эзоп-шутник, но не Эзоп-баснописец. Правда, в конце «крезовского» эпизода в «Жизнеописании» упоминается: «Тут Эзоп записал для царя свои притчи и басни, которые и сейчас ходят под его именем, и оставил их в царском книгохранилище» (§ 100); но сказано об этом так бегло и неуместно, что фраза эта кажется простой отпиской. Правда, Эзоп не раз выступает в «Жизнеописании» с притчами и баснями (§ 33, 37, 67, 94, 97, 99, 126, 129, 131, 133, 135, 140, 141), но любопытно, во-первых, что почти все эти басни сосредоточены в двух эпизодах («крезовском» и «дельфийском»), где Эзоп выступает уже не рабом, а свободным; и любопытно, во-вторых, что почти все эти басни отсутствуют в основном эзоповском сборнике, а многие из них даже напоминают не столько басни, сколько анекдоты (§ 67, 129, 131, 141) — иными словами, Эзоп и здесь прежде всего шутник. Безымянного составителя «Жизнеописания» привлекала личность Эзопа, а не басни Эзопа. Поэтому «Жизнеописание» не дает нам решительно никакого материала, чтобы

судить о месте Эзопа в истории басни. Не помогают и упоминания позднейших авторов: они щедры на общие слова («В басне же ее Гомером, Фукидидом или Платоном был Эзоп-самосец...» — говорит, например, Юлиан, VII, 207 с), но явно не вкладывают в них никакого конкретного содержания.

Романическая красочность «Жизнеописания Эзопа» заставляла многих исследователей думать, что образ Эзопа — лишь порождение народной фантазии и что баснописец с таким именем вообще никогда не существовал. Это — чрезмерная крайность: как у Фауста и Уленшпигеля были исторически существовавшие прототипы, так и у легендарного Эзопа мог быть прототипом исторический Эзоп, который — вернемся к скупому известию Геродота — в VI в. до н. э. жил на Самосе и погиб в Дельфах. Больше ничего, к сожалению, мы о нем сказать не можем, и тем более не можем сказать, что он сделал для развития басни. Может быть, он раньше других или лучше других пользовался баснями в своих речах (так полагали еще античные риторы); может быть, он раньше или лучше других перенес на греческую почву опыт восточной, шумеро-вавилонской басни с ее животными персонажами (так полагают некоторые современные ученые),— что бы мы ни предположили на этот счет, это будут только предположения. Поэтому не будем на них задерживаться.

Но почему легенда, сделав своим героем Эзопа, осталась равнодушна к эзоповым басням? Причина этому есть. Дело в том, что личность Эзопа сохраняла в памяти масс пафос первых схваток в борьбе народа против знати; а басни — басни этот пафос потеряли. Как это случилось, мы сейчас увидим.

3

Аристофановский Филоклеон с нежностью вспоминал, как судебные ораторы услаждали ему слух баснями и шутками Эзопа. Сомневаться в верности его слов не приходится, но проверить их мы не можем: в V веке, в пору расцвета афинской демократии, еще не было обычая записывать речи ораторов. Аттическое красноречие становится нам по-настоящему известно только с IV в., века Лисия, Исократа и Демосфена. От ораторов этого времени сохранилось немало речей; но во всех этих речах нет ни единой басни. Мы видим, что между V и IV веками в отношении народа к басне произошел крутой перелом. Вся дальнейшая история античной басни была последствием этого перелома.

После того как борьба между знатью и народом закончилась победой народа, басня перестала быть орудием борьбы. Боевой пафос басенной морали потускнел, иносказательность полемической аргументации стала ненужной. Движение софистов принесло с собой новые идейные искания, новые нравственные идеалы; доморощенный практицизм басенной морали более не мог никого удовлетворить. Басню по-прежнему любят, но уже

не относятся к ней серьезно. Это — средство развлечения толпы, не достойное серьезного оратора. Характерен анекдот о Демаде, самом остроумном из ораторов IV в. (№ 63 в эзоповском сборнике). Он говорил речь в народном собрании, его не слушали. Тогда он стал рассказывать: «Деметра, ласточка и угорь путешествовали вместе; подошли они к реке, и ласточка взлетела в воздух, а угорь нырнул в воду». Здесь он остановился; его стали спрашивать: «А Деметра?» — «А Деметра на вас сердится,— ответил Демад,— за то, что вы о государственных делах не думаете, а забавляетесь эзоповыми баснями».

В связи с этими переменами в общественных интересах совершаются и перемены в форме бытования басни. Басня не перестает существовать, но она меняет аудиторию. Из «высокой» литературы для взрослых граждан она опускается в литературу учебную, предназначенную для детей. Это происходит на рубеже классической и эллинистической эпох, когда как раз начинает складываться и вырабатывать свою учебную литературу тот тип школы (три ступени обучения: у начального учителя, у грамматика, у ритора), который остался господствующим до конца античности. В такой школе басня пришлась как нельзя более к месту: младшие впитывали из нее народную мудрость, старшие пользовались ею как материалом для риторических упражнений. И школа надолго остается основным питомником басни — и в Греции, и в эллинистических государствах, и в Риме.

Когда басней пользовался поэт или оратор, он обращался к взрослым людям, давно знакомым с ходовыми басенными сюжетами, и поэтому мог ограничиваться беглыми намеками на них, крепко связанными с ходом аргументации. А школьный учитель должен был знакомить своих учеников с басенной мудростью впервые, и поэтому он должен был рассказывать басню подробнее и растолковывать ее смысл откровеннее. Таким образом, басня в школе впервые теряла связь с конкретным фактом действительности, впервые отделялась от контекста и выступала в свободном виде. А это давало возможность перейти к собиранию и записи басенных сюжетов «про запас», для нужд преподавания. Так на рубеже классической эпохи и эллинизма возникают первые сборники басен.

Самый ранний из таких сборников, о котором мы имеем точные сведения, был составлен около 300 г. до н. э. Деметрием Фалерским, философом аристотелевской школы и видным оратором и теоретиком красноречия. Этот сборник, по-видимому, послужил основой и образцом для всех позднейших записей басен. Спрос на такие записи был велик, басенные сборники переписывались во множестве для школьных нужд; сперва они были лишь сырым материалом для школьных упражнений, но скоро перестали быть исключительным достоянием школы и стали читаться и переписываться как настоящие «народные книги». Поздние рукописи таких сборников дошли до нас в очень большом количестве. Сравнивая их

между собой, ученые смогли приблизительно восстановить состав и даже текст большого собрания эзоповских басен, которое было в ходу (как такая «народная книга») около II в. н. э. Мы будем называть его «основным эзоповским сборником».

«Основной эзоповский сборник» дает нам представление о том материале, который был в распоряжении риторических школ; позднеантичные учебники риторики дают нам представление о приемах, которыми он обрабатывался. Басня в школе входила в число «прогимнасм» — подготовительных упражнений, с которых начиналось обучение ритора (басня, рассказ, хрия, сентенция, общее место, похвала и порицание, сравнение, описание и т. д.). До нас дошло четыре учебника по прогимнасматическому курсу: Феона (конец I в. н. э.), Гермогена (II в. н. э.), Афтония (IV в.) Николая (V в.), а также обширные комментарии к ним, скомпилированные уже в византийскую эпоху. По существу — это первая теория басни в европейской научной литературе. Содержание их учений единообразно, они дополняют друг друга, но почти не противоречат друг другу. Мы будем цитировать их со ссылками на том и страницу издания Х. Вальца «Rhetores Graeci» (1832—1835).

Общее определение басни, единогласно принятое всеми прогимнасматиками, гласит: «Басня есть вымышленный рассказ, являющий образ истины» (I, 172; ср. I, 59 и др.). Комментатор поясняет: «„Вымышленный" мы добавляем оттого, что, по общему мнению, басня слагается из вымышленных элементов; а что басня содержит изображение истины, видно из того, что она не достигала бы цели, если бы не имела сходства с истиной. Сходство же с истиной является следствием убедительности вымысла» (I, 258; II, 572). Таким образом, определение басни складывается в основном из двух главных понятий — «вымышленности» и «убедительности». Каждое из этих понятий подвергалось дальнейшему уточнению.

В понятии «вымышленного» различались вымысел «относительно сущности», т. е. то, чего не было и не могло быть, и вымысел «относительно достоверности», т. е. то, чего не было, но что могло бы быть (II, 157—158). Басня с ее говорящими животными и пр., конечно, относилась к первой категории; отдельные басни о событиях, которые «могли бы быть» (например, «Собака с куском мяса», «Богач и кожевник») считались исключениями (II, 159; II, 12).

В понятии «убедительного» различались различные источники правдоподобия: «убедительный склад басни должен образовываться из многих элементов: из предметов, которыми обычно заняты животные; из обстоятельств, при которых они обычно появляются (например, о соловье мы говорим, что он появляется весной); из речей, соответствующих природе каждого (так, овец следует наделять речами глупыми, а лису — хитрыми и т. п.); из поступков, не превышающих способностей живот-

ных (чтобы мы не говорили, например, будто мышь помышляла царствовать над животными)» (II, 10—12). Так как «убедительность» была одним из основных понятий всей античной риторики, то прогимнасматики с особой заботой обосновывают эту сторону басни. «Ставят также вопрос: как басня может украсить убедительную речь? Ведь если признано, что вымысел противоположен правдоподобию, убеждать же способно только правдоподобие, то заключающийся в басне вымысел „относительно сущности" противоречит убедительности, которая из нее возникает. В самом деле, кого можно убедить... будто конь или лиса владеют речью? Но на это некоторые дают такой ответ. Как при гипотетическом суждении мы допускаем ложную предпосылку, так и в баснях мы допускаем в качестве предпосылки, что неразумные животные способны говорить или действовать. Если в этом отказано, то басня невозможна с самого начала; если же это допущено, то во всем остальном мы стремимся к правдоподобию, т. е. к тому, чтобы вымысел отвечал свойствам действующих лиц и чтобы обстоятельства находились в соответствии с лицами» (II, 160). «Поэтому из-за того только, что в басне содержится вымысел, который, по общему мнению, бесполезен, — не следует оставлять без внимания все остальные ее достоинства» (II, 161).

В свете уточнений такого рода исходное определение басни выглядело уже недостаточным. Хотя оно и осталось навсегда основным и общепринятым, но делались попытки и новых, более подробных определений. Так, в комментарии к Афтонию содержится следующее обстоятельное определение: «По нашему мнению, идеальное определение риторской басни было бы такое: басня есть риторический рассказ, по существу вымышленный, по убедительности же склада являющий образ истины и сочиняемый с целью поучения и пользы. Здесь „рассказ" был бы родом; „по существу" — отличие, отделяющее басню от рассказов, которые, будучи вымышлены не относительно сущности, а относительно достоверности — „потому что этого не было", — не являются баснями (например, если бы кто сказал, что Гектор убил Агамемнона, — это было бы высказывание вымышленное, но относительно достоверности, а не относительно сущности, ибо нет ничего невозможного в том, что Агамемнон и впрямь был бы побежден Гектором). „По убедительности склада являющий образ истины" — тоже отличие, отделяющее риторическую басню от рассказов, которые, хотя и вымышлены относительно сущности, все же не являются баснями, так как не представляют образа действительности (например, „вчера солнце закатилось, а на земле был день"). „Сочиненный с целью поучения и пользы" — тоже отличие, отделяющее риторическую басню от поэтической, так как поэтическая басня сочиняется не для поучения и пользы, а для возбуждения душевного волнения» (II, 158).

После определения басни прогимнасматики перечисляли ее разновидности. По содержанию различались басни, в которых действуют или люди,

или животные, или и те и другие (I, 59—60). По происхождению различались басни эзоповы, ливийские, сибаритские, фригийские, киликийские, карийские, египетские, кипрские (I, 172). Соотношение этих двух принципов деления оставалось неясным; лишь иногда пытались отождествить басни о людях — с сибаритскими, басни о животных — с киликийскими и кипрскими или с ливийскими, лидийскими и фригийскими, а басни о тех и других вместе — с эзоповыми (II, 574—575; II, 162—164). Обычно же эзоповыми называли все басни в целом, хотя и делали оговорку, что Эзоп их не изобрел, а только пользовался ими искуснее других (I, 173—174; I, 59, 5—6; II, 165).

Мораль в басне определялась так: «Это — сентенция, прибавляемая к басне и разъясняющая содержащийся в ней полезный смысл. Она выводится трояко: показательно, например: „эта басня нас учит: молодость, чуждающаяся труда, ведет за собою бедственную старость"; умозаключительно, например: „кто так не поступает, тот достоин осуждения"; и увещевательно, например: „и ты, дитя мое, избегай того-то и того-то"» (II, 576; I, 259—260). Мораль, поставленная в начале басни, называется «промифий», мораль в конце басни — «эпимифий». Эпимифий предпочтительнее, чем промифий: «ведь юноши, считая себя взрослыми, уклоняются от откровенных поучений; и вообще ясно, что полезный смысл басни станет показательнее, будучи высказан после нее; если же мораль, будучи поставлена спереди, уже оказывает воздействие на души юношей, то оказывается излишней сама басня» (II, 12; ср. II, 173—174).

О стиле басни теоретики говорят немного, но согласно. «Слог басни должен быть возможно более простым и бесхитростным, свободным от всякой возвышенности и закругленности, чтобы замысел был ясен, а слова не превосходили способностей лиц, их произносящих, в особенности, когда в басне выступают неразумные животные. Поэтому слог должен быть простым и лишь слегка возвышаться над обиходной речью» (II, 454; ср. II, 176—177).

Об упражнениях, материалом для которых служила басня, мы имеем также самые подробные указания. «Басню мы пересказываем, изменяем, вплетаем в повествование, распространяем, сокращаем. Можно прибавить после басни мораль, можно и наоборот, поставив мораль впереди, присочинить подходящую к ней басню. Кроме того, мы составляем к басням опровержения и утверждения. — Что такое пересказ, мы уже объясняли. . .; в басне же изложение должно быть особенно простым, естественным и, поскольку возможно, неприукрашенным и ясным. . . Изменять басни. . . следует, преимущественно переводя рассказ в косвенную речь; древние по большей части пересказывали басни именно таким образом — и совершенно правильно, как говорит Аристотель, потому что басню рассказывают не от своего имени, а возводят ее к древности, чтобы смягчить впечатление неправдоподобия. . . Вплетаем басню в повествование мы так:

изложив басню, продолжаем ее рассказом, или наоборот: рассказ сначала, а присочиненную басню потом. Например: верблюд пожелал иметь рога — и ушей лишился; сказав это сначала, мы прибавим к этому рассказ следующим образом: „думается, что нечто схожее с участью этого верблюда постигло и Креза лидийского..." и т. д. Чтобы распространить басню, мы расширяем содержащиеся в ней речи персонажей и даем описания реки или чего-нибудь подобного; чтобы сократить, делаем обратное. Вывести мораль — это значит: сказав басню, попробовать прибавить к ней приличную поучительную сентенцию. Одна и та же басня может, пожалуй, иметь несколько моралей, если мы будем исходить из разных ее мотивов; и, наоборот, одну и ту же мораль могут выражать многие басни. Выделив прямое значение морали, предложим ученикам сочинить какую-нибудь басню, соответствующую выделенному мотиву: они без труда это сделают и наберут множество басен — иные позаимствовав из старинных сочинений, иные просто услышав, иные же сочинив самостоятельно. Наконец, опровержения и утверждения к басне мы составляем следующим образом: когда сам баснописец в одно и то же время сочиняет нечто вымышленное и невозможное, но убедительное и полезное, то следует составлять опровержение, показывая, что его слова и неубедительны, и бесцельны, а составляя утверждение, показывать противоположное» (I, 175—179).

Все эти упражнения имели целью подготовить ученика к использованию басни как одного из средств аргументации в публичной речи. Место басни среди других форм аргументации наметил еще Аристотель в «Риторике» (II, 20). Аристотель различает в риторике два способа убеждения — пример и энтимему, соответственно аналогичные индукции и дедукции в логике. Пример подразделяется на пример исторический и пример вымышленный; пример вымышленный в свою очередь подразделяется на параболу (т. е. условный пример) и басню (т. е. конкретный пример). По убедительности энтимема сильнее примера, поэтому в речи пример должен следовать за энтимемой и служить ей подтверждением; из примеров исторический предпочтительней, так как легче сочинить подходящую к случаю басню, чем подыскать аналогичный факт. Это место в системе доводов басня сохраняет и в позднейшей риторике (Квинтилиан, V, 11, 19—20), хотя по большей части лишь номинально: практическая малоупотребительность басни ведет к тому, что риторы уделяют ей очень мало внимания. При этом из трех видов красноречия — совещательного, торжественного и судебного — басня считалась наиболее свойственной первому, «так как при помощи басни мы или склоняем слушателя к чему-нибудь, или отклоняем от чего-нибудь» (II, 568). Понятно, что при таком употреблении главным в басне была ее мораль: «Сперва ритор выделяет поучение и, исходя из него, придумывает соответствующую ему басню, так что по порядку поучение оказывается последним, а по природе и по значению — первым» (II, 152).

Однако это использование басни в публичных речах, разработанное с такою тщательностью, на практике оставалось номинальным. Ораторы, особенно ораторы политические, относились к басне с пренебрежением. Со II в. до н. э. политическим центром Средиземноморья стал Рим; в Риме бушевали гражданские войны, красноречие там было оружием в жестокой политической борьбе, наивная басня для такого красноречия была бесполезна. Цицерон в I в. до н. э. не пользуется баснями в речах и не рассматривает их в риторических трактатах. Современная ему «Риторика к Гереннию» видит в басне лишь средство развлечения, но не доказательства: «Если слушатели будут утомлены, то начнем с какого-нибудь способа возбудить смех: с притчи, басни, похожего передразнивания, передержки, иронии. . .» (I, 6, 10). Даже Квинтилиан, писавший полтораста лет спустя в мирной обстановке риторической школы, отзывается о басне высокомерно: «Басни. . . способны увлекать души по преимуществу людей грубых и невежественных, которые прислушиваются к выдумкам с большей непосредственностью и, пленившись их усладою, легко соглашаются с тем, что доставляет им удовольствие» (V, 11, 19).

Вот как случилось, что басня, некогда бывшая боевым оружием общественной борьбы, на новом этапе общественного развития оказалась не у дел, осталась риторическим упражнением или занимательным чтением на досуге, должна была применяться к сознанию детей в школе и обывателей в жизни. Посмотрим, как сказалось это ее положение на содержании и строении древнейшего доступного нам басенного свода — «основного эзоповского сборника» I—II вв. н. э.

4

«Басня есть вымышленный рассказ, являющий образ истины». Как известно, основная особенность басенного жанра — в том, что эта «истина», составляющая ее идейное содержание, не остается скрытой в образах и мотивах, а декларативно формулируется в морали. Это облегчает нашу работу. Попробуем сделать обзор идейного репертуара басен по тем моралям, которые выводили из них составители эзоповского сборника (не смущаясь тем, что порой, на наш взгляд, эти морали выведены весьма произвольно — см., например, басню № 128!). Мы увидим, что такие сентенции явственно распадаются на несколько смысловых групп.

В мире царит зло, — говорит первая группа моралей (около 30 басен). В центре ее внимания — «дурной человек» (№ 96). Он творит зло и будет творить зло, несмотря ни на что (№ 16, 122, 155, 156). Исправить его невозможно (№ 69, 166, 192); он может изменить свой вид, но не нрав (№ 50, 107). Его можно только бояться и сторониться (№ 19, 52,

64, 93, 194, 209, 221). Дурному человеку никогда не стать хорошим, а хороший сплошь и рядом становится дурным (№ 152, 200).

Судьба изменчива, — говорит другая группа моралей (около 20 басен), — и меняется она обычно только к худшему (№ 179). От судьбы все равно не уйдешь (№ 162, 185, 218). Поэтому человек должен уметь применяться к обстоятельствам и все время помнить, что в любой момент они могут измениться (№ 39, 112, 172, 224). Удачи не стоят радости, а неудачи — печали: все преходяще, и ничто не зависит от человека (№ 13, 21, 24, 78).

Видимость обманчива, — говорит третья группа моралей (около 35 басен). За хорошими словами часто кроются дурные дела (№ 22, 33, 34, 45, 90), за величавым видом — ничтожная душа (№ 27, 108, 111, 141, 177, 188); люди хвастаются, что могут делать чудеса, а не способны на самые простые вещи (№ 40, 56, 161); те, на кого надеешься, могут погубить, а те, кем пренебрегаешь, — спасти (№ 74, 75, 150). Поэтому надо уметь узнавать дурных и под личиной (№ 9, 37, 38, 142, 190), лицемеров сторониться (№ 35, 158, 160), а для себя желать благ не показных, а внутренних (№ 12, 130, 229).

Страсти пагубны, потому что они ослепляют человека и мешают ему различать вокруг себя за видимостью сущность, — такова четвертая группа моралей (более 35 басен). Самая пагубная из страстей — алчность (№ 126, 128, 133, 178); она делает человека неразумным и опрометчивым (№ 9, 43, 48, 49, 57, 81, 135, 201), она заставляет его бросать надежное и устремляться за ненадежным (№ 4, 6, 18, 58, 87, 94, 117, 129, 148). За алчностью следует тщеславие, толкающее человека к нелепому бахвальству и лицемерию (№ 14, 15, 20, 98, 110, 151, 165, 174, 182); затем — страх, заставляющий человека бросаться из огня в полымя (№ 76, 127, 131, 217); затем — сластолюбие (№ 80, 86), зависть (№ 83), доверчивость (№ 140) и другие страсти.

Освободившись от страстей, человек поймет, наконец, что самое лучшее в жизни — довольствоваться тем, что есть, и не посягать на большее; это — пятая группа моралей (около 25 басен). Не надо искать того, что не дано от природы (№ 184); нелепо соперничать с теми, кто лучше или сильней тебя (№ 2, 8, 70, 83, 104, 125, 132, 144); каждому человеку дано свое дело, и каждому делу — свое время (№ 11, 54, 63, 97, 114, 169, 212).

Из этого основного жизненного правила вытекает ряд частных правил. В своих делах можно полагаться только на себя (№ 30, 106, 231) и на свой труд (№ 42, 147, 226). Друзей-помощников нужно выбирать с большой осмотрительностью (№ 25, 65, 72, 84, 145, 199), платить им благодарностью (№ 61, 77), но самому ни от кого благодарности не ждать (№ 120, 175, 176, 215). В жизненных тяготах нужно запасаться терпением (№ 189) и всесмягчающей привычкой (№ 10, 195, 204), учиться на своих и на чужих ошибках (№ 79, 134, 149, 171, 207), а если все-таки придет

несчастье, — утешаться тем, что оно пришло не к тебе одному (№ 23, 68, 113, 138, 216). В конечном счете жизнь все-таки всегда лучше смерти (№ 60, 85, 118).

Таковы основные группы моралей сборника, имеющих более или менее общее содержание. Кроме того, ряд моралей имеет более узкое приложение. О делах семейных говорят басни № 92, 119 (родители и дети, мать и мачеха). О делах профессиональных говорят две морали, упоминающие риторов (№ 121 — с порицанием, № 222 — с похвалой). О делах хозяйственных говорит цикл басен против должников — тех, кто в нарушение басенных уроков пытаются полагаться в делах не на одного себя (№ 5, 47, 101, 102). О делах общественных идет речь при упоминании рабов (№ 164: раб и на свободе останется рабом; № 179: рабу не добиться лучшей жизни; № 202: рабу с детьми хуже, чем рабу без детей). О делах политических говорится в моралях десяти басен: политика — дело опасное, которого лучше не касаться (№ 197); она выгодна лишь бездельникам и наглецам (№ 26, 62, 213), а честных людей губит (№ 153); правитель должен быть дельным (№ 217), а если нет, то хотя бы спокойным (№ 44); от дурных правителей приходится уходить в изгнание (№ 123, 193), поэтому бедняки должны только радоваться, что они дальше стоят от политики, чем богачи (№ 228). Наконец, дела религиозные затрагивают те морали, в которых выражается надежда, что боги помогут добрым и воздадут злым (№ 1, 32, 36, 66, 173).

Вот идейная концепция эзоповской басни. В мире царит зло; судьба изменчива, а видимость обманчива; каждый должен довольствоваться своим уделом и не стремиться к лучшему; каждый должен стоять сам за себя и добиваться пользы сам для себя, — вот четыре положения, лежащие в основе этой концепции. Практицизм, индивидуализм, скептицизм, пессимизм — таковы основные элементы, из которых складывается басенная идеология. Это — хорошо знакомый истории тип идеологии мелкого собственника: трудящегося, но не способного к единению, свободного, но экономически угнетенного, обреченного на гибель, но бессильного в борьбе. Первое свое выражение в европейской литературе эта идеология находит у Гесиода; и уже у Гесиода она встречается с литературной формой басни. В басне и получает эта идеология свое классическое воплощение. И если басня среди всех литературных жанров оказалась одним из наиболее долговечных и наименее изменчивых, то причина этому — именно живучесть и стойкость мелкособственнической идеологии.

Легко понять, что такой апофеоз существующего мирового порядка не имел ничего общего с тем революционным пафосом, который одушевлял когда-то эту самую мелкособственническую массу в ее борьбе против знати. Бунтарский дух давно выдохся, а обывательская идеология осталась. Или, вернее сказать, бунтарство нашло дальний отголосок в легендарной фигуре Эзопа — этом вызове всем общепризнанным идеалам знат-

ности, красоты и учености, — а обывательство нашло выражение в бережно отфильтрованной школою моралистике эзоповских басен. Вот почему так трудно соединимы оказались образ Эзопа и идейный мир приписанных ему басен; вот почему «Жизнеописание» и сборники басен упорно не хотели соединяться до самого конца античности.

Но вернемся к поэтике эзоповских басен.

Желание продемонстрировать незыблемость мирового порядка определило прежде всего структуру басенного сюжета. Эта структура нашла свое законченное выражение в нехитрой схеме: «Некто захотел нарушить положение вещей так, чтобы ему от этого стало лучше; но когда он это сделал, оказалось, что ему от этого стало не лучше, а хуже». В этой схеме, с небольшими вариациями, выдержано около трех пятых всех басен основного эзоповского сборника.

Вот примеры. Орел унес из стада ягненка; галка позавидовала и захотела сделать то же; бросилась на барана; но запуталась в шерсти и попалась (№ 2). Гусыня несла человеку золотые яйца; ему этого было мало; он зарезал ее; но вместо золота нашел в ней простые потроха (№ 87). Верблюд увидел, как бык чванится своими рогами; позавидовал ему; стал просить у Зевса рогов и для себя; но в наказание и ушей лишился (№ 117). Зимородок хотел спасти свое гнездо от людей; он свил его на скале над морем; а море взяло и смыло его (№ 25). Рыбаки тянули сеть; радовались, что она тяжелая; вытащили ее; а она оказалась набита песком и камнями (№ 13). Крестьянин нашел змею; пожалел ее; отогрел; а она его и ужалила (№ 176). Волк услышал, как нянька грозила выкинуть младенца волку; поверил ей; долго ждал исполнения угроз; но остался ни с чем (№ 158). Галка жила в неволе; это было ей в тягость; она улетела на свое дерево; но запуталась веревкой в ветвях и погибла (№ 131). Схема почти всегда одна и та же — четырехчастная: экспозиция, замысел, действие, неожиданный результат. Меняются только мотивировки в «замысле»: для галки и человека это — жадность, для верблюда — тщеславие, для зимородка — самосохранение, для рыбаков — радость, для крестьянина — жалость, для волка — доверчивость, для галки из другой басни — свободолюбие. Чаще всего мотивами выступают жадность и тщеславие (т. е. желание персонажа изменить в свою пользу распределение материальных или духовных благ), затем самосохранение (страх); остальные мотивы единичны. Можно было бы ожидать, что как мотивируется действие, так будет мотивирован и его неожиданный результат; но этого не происходит, потому что здесь мотив почти во всех баснях один и тот же: обуянный жадностью (тщеславием, жалостью и т. д.) персонаж забывает о самосохранении и за это платится. Вот почему схема басенного рассказа оказывается четырехчастной, а не более симметричной, пятичастной (экспозиция — мотивировка действия — действие — мотивировка результата — результат).

Конечно, эта схема может варьироваться. Прежде всего, результат действия может быть не показан, а только назван. В басне № 126 мы читаем: галка села на смоковницу; решила дождаться зрелых смокв; сидела и не улетала. Мы уже ждем результата: «и умерла с голоду»; но автор ограничивается только намеком на этот исход: пробегала мимо лиса и сказала: «Напрасно надеешься: надежда тешит, но не насыщает». Такие концовки характерны, в частности, для «басен о разгаданной хитрости» (например, № 79: ласке трудно было ловить мышей; она решила пойти на хитрость; повисла на крюке, как мешок; но мышь сказала: «Будь ты и впрямь мешком, не подойду к тебе»). Далее, в басне может быть смещен интерес с более слабого персонажа (т. е. того, который терпит неудачу в финале) на более сильного персонажа: так, в басне о волке и цапле (№ 156) в центре внимания должна была бы находиться цапля, которая, вопреки мировому порядку, помогает волку и за это остается ни с чем; но вместо этого с первых слов басни («Волк подавился костью...») и до заключительной реплики в центре внимания находится волк. Далее, в басне могут выпадать такие звенья ее структуры, как замысел и действие: в таком случае перед нами — упрощенная басня, состоящая только из обрисованной ситуации и комментирующей реплики. Так, в басне № 98 козленок с крыши бранит волка; волк отвечает: «Не ты меня бранишь, а твое место». Или, еще короче: в басне № 27 лиса видит трагическую маску и говорит: «Что за лицо, а мозгу нет!» И наоборот, в басне могут добавляться новые структурные звенья: по завершении одного цикла «экспозиция — замысел — действие — результат» может начинаться второй: «новое действие — новый результат»; в таком случае перед нами — усложненная, двухходовая басня. Так, в басне № 129 видим вместо четырех—шесть звеньев: галка увидела, что голубям хорошо живется; решила зажить с ними; покрасилась и пришла к ним; но по голосу была отвергнута; вернулась к галкам; но по виду была отвергнута. Особенно сложное двухходовое строение имеют начальные басни эзоповского сборника: № 1 «Орел и лисица» (восходящая к Архилоху) и № 3 «Орел и жук» (упоминаемая еще Аристофаном).

Разумеется, как было уже сказано, басни, построенные по основной басенной схеме, не исчерпывают всего содержания эзоповского сборника. В нем достаточно и таких басен, которые не связаны с обязательным утверждением незыблемости мирового порядка. Есть басни почти без действия, представляющие собой как бы иллюстрацию человеческой скупости (№ 71, 225), злобы (№ 68, 113, 216), неблагодарности (№ 175) и т. п. Есть басни, где весь интерес сосредоточен на ловкой хитрости (№ 36 «Коварный», № 66 «Юноши и мясник», № 89 «Гермес и Тиресий», № 178 «Путник и Гермес») или на ловкой шутке (№ 5 «Должник», № 34 «Человек, обещающий невозможное»). Есть басни, в которых место морали занимает этиология — объяснение, «откуда произошло» то или

иное явление; в баснях такое объяснение почти всегда бывает шуточным (№ 8, 103, 107, 108, 109, 185 и др.). Но басни каждого такого рода обычно немногочисленны, не сводятся к постоянным схемам и своим многообразием лишь оттеняют единство основного басенного сюжетного типа: «Некто захотел нарушить положение вещей, чтобы ему стало лучше, а ему стало только хуже».

Чем постояннее и отчетливее схема действия, тем меньше важности представляют индивидуальные особенности его исполнителей. Поэтому не удивительно, что персонажи басен — животные и люди — очерчены в них очень бегло и бледно: баснописца они интересуют не сами по себе, а лишь как носители сюжетных функций. Эти сюжетные функции могут одинаково легко поручаться любому животному. Так, в одном и том же сюжете (и довольно сложном) выступают в басне № 155 знаменитые волк и ягненок, а в басне № 16 — ласка и петух. Такими же баснями-близнецами — сюжет один, а персонажи разные, — будут, например, № 25 «Зимородок» и № 75 «Одноглазый олень»; № 80 «Мухи» и № 88 «Дрозд»; № 116 «Краб и лисица» и № 199 «Чайка и коршун»; № 10 «Лиса и лев» и № 195 «Верблюд»; а если учитывать сюжеты не тождественные, а только сходные, то число таких пар сильно умножится. Можно даже думать, что некоторые из этих басен нарочно сочинялись по образцу других в виде риторического упражнения, а уже потом попали в басенные сборники. При такой легкой взаимозаменяемости круг персонажей эзоповских басен, естественно, оказывается широк и пестр. Он насчитывает более 80 видов животных и растений, около 30 человеческих профессий (охотник, кожевник, мясник, атлет...), около 20 богов и мифологических фигур; в среднем, можно сказать, в каждой второй басне выступает какой-то новый персонаж. Конечно, в этом хороводе лиц есть свои наиболее частые, кочующие из басни в басню герои: лисица, лев, змея, собака, волк, осел, крестьянин, Зевс. Но не нужно думать, что при переходе из басни в басню они сохраняют свои характеры и что разные басни становятся как бы эпизодами из жизни одной и той же лисы или одного и того же волка (как это будет в животном эпосе): это не так, и та же лиса или черепаха может оказаться в одной басне умна, а в другой глупа (ср. № 9 и 12, 226 и 230; ср. особенно образ муравья в баснях 112 и 166). Образ персонажа в каждой басне очерчивается только применительно к ее ситуации и сюжетным функциям, без оглядки на все остальные басни. Эта внутренняя замкнутость каждой отдельной басни, отдельной ситуации, отдельного морального урока подчеркнута и внешним приемом: расположение басен в эзоповском сборнике — алфавитное, т. е. чисто механическое, исключающее мысль о композиционной их перекличке (конечно, при переводе алфавитный порядок заглавий разрушается).

Таким образом, персонажи басни — фигуры вполне условные. Поэтому легко понять, что о соответствии их характеристик с зоологическими фак-

тами басня не особенно заботится (несмотря на предписания риторов об «убедительности»): она не удивляется тому, что лев с ослом вместе охотятся и делят добычу (№ 149, 151), но удивляется тому, что чайка летает над морем и питается рыбой (№ 139). Правда, когда зоологический факт определяет место персонажа в сюжете (т. е. его относительную силу или слабость), то басня его учитывает и на него ссылается (№ 82). Однако, с другой стороны, на животных не переносятся и чисто человеческие отношения (как это часто будет у Лафонтена и его последователей): лев лишь изредка выступает царем зверей — обычно это просто самый сильный из зверей, — звери лишь изредка собираются для сходки или для войны, и подавно лишь в единичных случаях ласка одевается лекарем, волк играет на дудке, а летучая мышь с друзьями занимается торговлей. Все такие мотивы, как зоологические, так и человеческие, избегаются басней, потому что они заставляют читателя задумываться об общих законах и порядках, действующих в мире басенных персонажей, а этим уводят его внимание за пределы басенного кадра, который один только и важен для преподаваемого морального урока.

Как схематичны действия и персонажи басен, так схематичен и рассказ о них. Он всегда прямолинеен: не забегает вперед, чтобы создать драматическое напряжение, не возвращается назад, чтобы сообщить дополнительные сведения. Он останавливается только на главных моментах, не отвлекаясь на подробности или описания, и поэтому басня всегда производит впечатление краткости, как бы детально ни было изложено ее главное действие. В нем много глаголов и мало прилагательных — это рассказ о действии, а не о лицах и обстановке. Диалога почти нет: только в развязке выделена прямой речью заключительная реплика. Эмоций почти нет: даже на краю гибели персонаж умоляет пощадить его в логически отчетливой и деловитой форме. Устойчивые формулы сопровождают наиболее постоянные моменты изложения: заключительные реплики обычно вводятся словами: «Эх, такой-то...» или «Поделом мне...» или «Несчастный я!..», мораль начинается со слов: «Басня показывает, что...» (реже: «Эту басню можно применить к...»). Язык, которым написаны басни эзоповского сборника, — обычный разговорный язык греков I—II вв. н. э.; об этом нужно упомянуть потому, что литературный язык этих времен был очень далек от разговорного, и всякий, кто хотел блеснуть литературным мастерством, старался писать не на современном, а на старинном аттическом наречии. Но составитель эзоповского сборника не заботился о литературном мастерстве: он думал только о простоте, ясности и общедоступности.

Стиль басен эзоповского сборника сух, как либретто. В основе своей это и было либретто: канва, которую ученики риторических школ должны были расшивать узорами своего мастерства. Что из этого получалось, показывает басня № 71 «Трус, отыскавший золотого льва», с ее крикли-

вым пафосом, — образец риторического упражнения, случайно (из-за своеобразия темы) попавший в наш сборник. Но такой образец здесь единственный: массового читателя эзоповых басен интересовали в них не красоты стиля, а уроки житейской мудрости, и поэтому предназначенный для него басенный сборник был составлен по схематическим либретто риторских упражнений, а не по самим этим упражнениям (хотя материала и тут было вдоволь). Эта же сосредоточенность на содержании и равнодушие к форме определили дальнейшую судьбу басни в литературе. Смены литературных мод, погрузившие в невозвратное забвение столько ценнейших художественных произведений, не коснулись басни: она без ропота и без ущерба переодевала свои немногочисленные, но стойкие идеи по любой словесной моде, пересказывала их заново и заново, переводила с языка на язык, в зависимости от требований времени и публики придавала им вид то проповеди, то занятной сказки, — и это дало ей возможность пережить крушение античной культуры, пережить средние века и дойти до современного читателя. Основные вехи этого пути нам и остается наметить.

5

Как уже было сказано, составление дошедшего до нас основного эзоповского сборника относится к I—II вв. н. э. Эта дата не случайна. Именно в это время басня, казалось бы, совсем заглохшая в тиши риторических школ, вдруг оживает и в последний раз совершает торжественное шествие по античной литературе.

Античный мир вступал в последнюю фазу своего духовного развития. Это было время подведения итогов и начинающегося культурного застоя. В Риме утвердилась императорская власть. Политическое красноречие умолкло и сменилось красноречием парадным, торжественным — цветистым, пышным, стремящимся не убедить, а поразить и развлечь слушателя. Философские искания утихли, и на смену им пришла популяризация достигнутого — короткие доходчивые проповеди и трактаты, приспособленные к идеям и вкусам широкой публики, образованной и необразованной. От той напряженности политической и философской мысли, которая когда-то, в IV в. до н. э., вытеснила басню из «высокой литературы», не осталось ничего. Басня могла вернуться в умы и на уста людей. Ораторы рады были занимательным рассказом расцветить свои разглагольствования. Философы рады были живой сценкой проиллюстрировать свои нравственные поучения. И басня находит гостеприимный прием на страницах и у тех и у других.

Еще в конце I в. до н. э. мы находим целую вереницу басен-примеров в сатирах и посланиях Горация (№ 24, 101, 142, 324 и др.), который следует в этом традиции народных философов эпохи эллинизма, сочинения которых до нас не дошли. А сто-двести лет спустя басни россыпью

появляются в произведениях всех сколько-нибудь крупных писателей так называемого «греческого возрождения» (II—III вв. н. э.). Плутарх в своих популярно-философских трактатах использует не меньше двух десятков басен (№ 7, 12, 46, 47, 53, 135, 142, 180, 181, 300, 379—389); некоторые его произведения представляют собой по существу нагромождение «примеров», иллюстрирующих какую-нибудь этическую тему, и среди таких примеров почетное место занимают басни. Современник Плутарха, Дион Хрисостом обращается к басне реже, но разрабатывает свои басенные иллюстрации заботливее: его сюжеты оригинальны, а изложение подробно и изящно (№ 39, 376—378); так, он два раза рассказывает басню о сове и птицах: один раз усложненно, со сказочной трехчленностью действия, другой раз упрощенно, с одночленным действием. Если Плутарх пользуется баснями с целью увещевательной, а Дион — с целью развлекательной, то третий крупнейший писатель этого времени, Лукиан, обращается к ним, главным образом, с целью обличительной (№ 3, 100, 188, 390—392). А за ними следуют и другие, более мелкие литераторы: басни в своих сочинениях приводят философ Максим Тирский (№ 22, 394), историки Иосиф Флавий (№ 370), Аппиан (№ 398), медик Гален (№ 399), оратор Элий Аристид (№ 393), автор сборников занимательных историй Элиан (№ 85, 180), романист Ахилл Татий (№ 258, 267). Герой ритора Филострата, мудрец-чудотворец Аполлоний Тианский произносит красноречивую похвалу эзоповской басне, ставя ее выше мифов, сложенных поэтами, за то, что в ней «малое учит нас большому» («Жизнеописание Аполлония Тианского», V, 14—15); а другой Филострат подробно описывает картину, изображающую Эзопа среди героев его басен и сочиненную едва ли не по образцу изображений апофеоза Гомера («Картины», I, 3).

Однако самым важным событием этих лет в истории басни было творчество Федра и Бабрия. Римский поэт Федр в первой половине I в. н. э. и греческий поэт Бабрий в конце I—начале II в. н. э. впервые решились переложить «эзоповы басни» стихами и издать эти переложения отдельными книгами. Это означало, что басня окончательно отделялась от всякого контекста, расставалась с вспомогательной ролью «примера» в аргументации и становилась самостоятельным, независимым литературным жанром, равноправным со всеми остальными жанрами «высокой литературы». Федр в своем подходе к басне берет пример с философов, Бабрий — с риторов; для Федра главное в басне — нравственный урок, для Бабрия — живая, занимательная сценка; Федр стремится к краткости и простоте, Бабрий — к изяществу и живописности. Они очень непохожи друг на друга, но они делали в литературе одно и то же дело: Федр был основоположником латинской стихотворной басни как жанра, Бабрий — греческой стихотворной басни. И если первый известный нам свод прозаических греческих басен для массового, внешкольного чтения —

«основной эзоповский сборник» — появляется тоже в I—II вв. н. э., то в этом можно видеть результат того возросшего уважения к басне, которое возбудили сочинения Федра и Бабрия.

После «греческого возрождения», после политического и духовного кризиса III в. н. э. античная культура быстро катится к упадку. Слабеет связь между западной, латинской и восточной, греческой половинами империи: латинская и греческая басни с этих пор развиваются независимо друг от друга, каждая своим путем. При этом и в латинской и в греческой басне можно различить две струи: «высокую», риторическую, и «низовую», массовую.

В латинской басне этого времени «высокая», риторическая струя представлена именем Авиана — поэта IV в. н. э., составившего сборник 42 басен, написанных элегическим дистихом, насыщенных величавыми вергилианскими оборотами; они представляют собой переложение избранных басен из книги Бабрия, но переложение не особенно удачное. Однако эти басни имели успех, и на протяжении средневековья не раз пересказывались, переводились и дополнялись как в прозе, так и в стихах. «Низовую», народную струю в латинской басне представляет сборник ста прозаических басен под условным названием «Ромул», возникший почти одновременно, в IV—V вв. н. э. Основу этого сборника составили басни Федра, несколько раз пересказанные и изменившиеся подчас до неузнаваемости; но имя Федра в процессе переработок было забыто, и в предисловиях к сборнику говорится, будто эта книга была написана на греческом языке самим Эзопом, а потом переведена на латинский язык неким Ромулом. Через этот сборник имя Эзопа получило широкую известность на средневековом латинском Западе. Сборник «Ромула» также по многу раз пересказывался, переводился и дополнялся, причем дополнениями порой служили «животные» сказки, христианские притчи, фаблио и тому подобный специфически средневековый литературный материал, странно выглядящий, на наш взгляд, под названием «басен Эзопа». Некоторые из этих самых поздних добавлений к «эзоповской литературе» читатель найдет в дополнении к настоящему изданию.

В греческой басне поздней античности «высокая» струя представлена многочисленными риторскими обработками традиционных эзоповских басен. Такие пересказы, все более пышные и цветистые, мы находим у Либания, Фемистия, Гимерия, у Григория Назианзина (IV в. н. э.); лучшим образцом может служить витиеватая декламация Гимерия об Аполлоне, Музах и дриадах (№ 400). Этот стиль проникает и в басенные сборники, составляемые для школьных нужд: таков сборник Афтония, ученика Либания, который, правда, заботится не столько о многословной красоте слога, сколько о древней правильности литературного языка. Традиции позднеантичных риторов продолжаются и у византийских писателей, но только в баснях, используемых в контексте других лите-

ратурных жанров — истории, проповеди и т. п.; в басенные сборники эта манера не проникает. Здесь господствует «низовая» традиция, восходящая к «основному эзоповскому сборнику». Но сам этот сборник претерпевает немалые изменения. Так как язык I—II вв. н. э. с течением времени стал ощущаться как устарелый, в конце античности начались пересказы басен этого сборника «современным» языком; пересказ сопровождался изменениями и в составе сборника (отпадали басни-этиологии, басни-анекдоты, басни-шутки, оставались только наиболее типичные «животные» басни), и в его стиле (исчезала схематическая сухость, вводились живописные подробности, развертывались диалоги и т. п.). Так создалась около VI в. новая, «средняя» редакция эзоповского сборника, написанная народным языком, грубым, неправильным, но ярким. К этой редакции в рукописях стало присоединяться и переработанное «Жизнеописание Эзопа»: за давностью времени все несходство образа Эзопа и басен Эзопа уже перестало ощущаться. Новым источником басенного материала к этому времени становятся прозаические пересказы басен Бабрия: как и пересказы Федра в «Ромуле», они теряют имя автора, вливаются в общий поток «эзоповских басен» и даже оказывают влияние на стиль новых переработок традиционного материала. Однако этим, по существу, и ограничиваются дополнения византийского времени к эзоповскому сборнику: ничего подобного сказкам и фаблио «Ромула» мы здесь не находим (если не считать нескольких басен-новелл, № 416—418, в одной из рукописей). Чистота эзоповской традиции соблюдалась здесь бережно, и даже когда в Византии был переведен и получил широчайшую популярность знаменитый восточный сборник басен и сказок «Калила и Димна» (под заглавием «Стефанит и Ихнилат»), то ни одна из басен этого сборника не просочилась в рукописи эзоповского цикла. А когда на греческий язык была переведена восточная «Повесть о семи мудрецах» (под заглавием «История философа Синтипы»), то из эзоповских басен было составлено приложение к ней под заглавием «Басни философа Синтипы»: эзоповский сборник оказался в роли не берущей, а дающей стороны. Конечно, византийские ученые литераторы не могли примириться с тем, что такая знаменитая книга, как эзоповский сборник, существует только в грубом простонародном изложении. Очень скоро вслед за созданием «средней редакции» начались попытки вновь переработать ее, восстановив в ней «правильный» литературный язык, отвечающий вкусам образованных читателей. После нескольких попыток в этом направлении цель была достигнута: явилась новая, «младшая» редакция эзоповского сборника, а заодно и «Жизнеописания Эзопа». Когда это случилось, до сих пор остается спорным: одни ученые относят эту переработку к так называемому «первому византийскому возрождению» IX в., другие — ко «второму византийскому возрождению» XIV в. Новая переработка вытравила из басенного сборника бесчисленные вульгаризмы VI века, восстановив чистый и гладкий лите-

ратурный язык, слегка стилизованный под модный в эту пору аттицизм — подражание древнегреческому языку. Заодно были унифицированы бесконечные разночтения, накопившиеся в рукописях за много веков: составители новой редакции явно старались создать окончательный, канонический эзоповский текст. Переработка имела успех, «младшая редакция» распространилась во множестве рукописей, вытесняя из обихода и «среднюю», и, тем более, полузабытую «старшую» редакцию. Эти рукописи стали попадать и на Запад, в Италию, где в это время Возрождение возбудило небывалый интерес к греческому языку и греческой литературе. И когда около 1479 г. итальянский гуманист Бон Аккурсий напечатал в Милане первое печатное издание эзоповских басен — это была одна из первых в Европе книг, напечатанных греческим шрифтом, — то в основу его легли рукописи «младшей» редакции эзоповского сборника. Так после долгой разлуки западноевропейская, латинская басенная традиция вновь встретилась со своим источником — греческой басенной традицией. От этой встречи берет начало история новоевропейской литературной басни — жанра, которому суждено было возвеличиться именами Лафонтена, Лессинга и Крылова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод сделан по следующим изданиям:

1) Aesopica: a series of texts relating to Aesop or ascribed to him or closely connected with the literary tradition bearing his name, collected and critically ed. by B. E. Perry, v. I: Greek and Latin texts. Urbana. Illinois UP, 1952;

2) Corpus fabularum Aesopicarum, v. I: fabulae Aesopicae soluta oratione conscriptae. Ed. Aug. Hausrath. Fasc. 1—2. Lps., Teubner, 1956—1957;

3) Aesopi fabulae. Recens. Aem. Chambry, v. 1—2. P., «Les belles lettres», 1925 (Nouvelle collection des textes et documents...).

К сожалению, как хорошо известно специалистам, ни одно из этих изданий не может считаться исчерпывающим и дефинитивным, отменяющим все предыдущие. Издание Перри — самое полное (725 греческих и латинских басен), но оно не дает вариантов; издание Хаусрата (346 басен) дает варианты, но не включает ни басен, восходящих к Бабрию, ни басен из отдельных авторов; издание Шамбри (359 басен) включает басни, восходящие к Бабрию, но не включает ни псевдо-Досифея, ни Афтония, ни Синтипу, не говоря уже о баснях из отдельных авторов.

Поэтому материал для перевода был отобран следующим образом. «Жизнеописание Эзопа», «Басни из отдельных античных авторов», «Византийские басни» переведены по изданию Перри. «Басни основного эзоповского сборника», «Басни из отдельных рукописей эзоповского сборника», «Басни из школьных сборников» переведены по изданию Хаусрата и сверены с изданием Перри. «Басни из пересказов Бабрия» переведены по изданию Шамбри. Варианты, приводимые в примечаниях, переведены по изданию Хаусрата (прозаические тексты) и по изданию Шамбри (стихотворные тексты).

В расположении материала также не было возможности следовать какому-либо одному из существующих изданий. Лучше всего было бы, конечно, воспроизвести порядок номеров наиболее авторитетного издания Перри. Но Перри включил в свой корпус, вперемежку с прозаическими, и стихотворные басни, принадлежащие Бабрию; мы этого не делали, так как полный русский перевод басен Бабрия издан в 1962 г. в кн.: Федр. Бабрий. Басни. Изд. подгот. М. Гаспаров. М., Изд-во АН СССР («Литературные памятники»). Поэтому сохранить порядок номеров Перри было бы невозможно. Мы поступили так: в основном разделе («Басни основного эзоповского сборника») сохранили нумерацию Перри, а в последующих разделах дали новую. Это к тому же дало нам возможность перестроить разделы «Басни из отдельных рукописей эзоповских сборников» и «Басни из отдельных античных авторов», расположив их не по механическому алфавитному порядку, принятому Перри, а по более показательному, хронологическому. Два указателя номеров, помещенных в конце издания, помогут легко

перевести номера басен нашего перевода на номера басен Перри, Хаусрата, Шамбри и Хальма.

Латинские басни, т. е. Федр, его подражатели и Авиан, в наше издание не включены.

Кроме перечисленных основных источников при переводе басен были использованы следующие издания: Fabulae Aesopicae collectae ex recogn. C. Halmii. Lps., 1852; Fabulae Aesopicae... ed. Fr. de Furia. Florent. et Lips., 1810; Mython Aisopeion synagoge, ed. Ad. Corais. P., 1810; Fabularum Babrianarum paraphrasis Bodleiana, ed. P. Knoell. Vind., 1877; Babrii Fabulae Aesopeae, recogn. O. Crusius, accedunt... Ignatii et aliorum tetrasticha iambica recensita a C. F. Mueller. Lps., 1897; Babrius and Phaedrus, newy ed. and transl. into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and latin fables in the Aesopic tradition by B. E. Perry. L.—Cb. Mass., 1965; Aesop without morals, transl. by L. W. Daly. N. Y., 1961; Ésope. Fables, texte éd. et trad. par E. Chambry. P., 1927 («Collection G. Budé»); Езоп. Байки. Пер. з старогрецьк. Ю. Ф. Мушак. Киев, 1961; а также русский перевод 22 басен (по изданию Хальма), сделанный С. И. Соболевским и напечатанный в книге «Греческая литература в избранных переводах». Сост. В. О. Нилендер. М., 1939, стр. 482—489. Некоторые тексты Аристофана, Лукиана и других авторов, приводимые в основном тексте или в примечаниях, даны в существующих русских переводах. Ссылка «Федр. Бабрий. Басни» указывает на страницы текста и комментария упомянутого выше издания 1962 г. Глубокую благодарность переводчик приносит Я. А. Ленцману за его ценные советы в области перевода социальной терминологии басен.

Жизнеописание Эзопа

История возникновения легендарного жизнеописания Эзопа изложена во вступительной статье. Оно существует в трех редакциях, которые, по аналогии с тремя редакциями басен, можно назвать старшей, средней и младшей.

Старшая редакция жизнеописания сохранилась в единственной рукописи G (Novoeboracensis Morgani, 397), где она предпослана старшей редакции басен. Рукопись относится к концу X в., но сохраняет многие приметы древнейшей версии жизнеописания, прежде всего антиаполлоновскую направленность. Средняя редакция сохранилась в ряде рукописей (где она обычно предпослана средней редакции басен), восходящих к общему архетипу (W) конца XI в., т. е. почти того же времени, что и старшая редакция; однако воспроизводит она версию уже более позднюю, из которой антиаполлоновские мотивы вытравлены. Младшая редакция сохранилась во многих рукописях (где она обычно предпослана младшей редакции басен) и представляет собой стилистическую переработку средней редакции в духе классицизма, господствовавшего в византийской литературе XIII—XIV вв.; автором ее считается известный писатель Максим Плануд (1260—1310).

Младшая редакция стала известна раньше всех; именно к ней восходят бесчисленные популярные переводы и пересказы жизнеописания Эзопа в европейских литературах (в том числе и в русской). Средняя редакция была опубликована А. Вестерманном в 1845 г.; исправленный текст ее с исчерпывающим сводом рукописных разночтений помещен в «Эзопике» Перри. Старшая редакция впервые опубликована в 1952 г. в той же «Эзопике».

Перевод сделан по старшей редакции (кое-где использованы конъектуры Перри, даже не введенные им в основной текст). Лакуны восполнены по тексту средней редакции и отмечены квадратными скобками. Из средней же редакции включены параграфы-дополнения 50а, 77а и 77b, представляющие собой (по мнению Перри) интерполяции весьма раннего времени. В этой реконструкции мы следовали примеру Л. Дэли,

чей перевод «Эзопа без морали» был апробирован самим Перри. Деление текста на параграфы (арабские цифры) принадлежит Перри; деление на главы (римские цифры) добавлено нами для удобства читателей. В нижеследующих примечаниях цифры обозначают параграфы, к которым делаются примечания.

1. Ср. знаменитое описание Ферсита в «Илиаде», II, 216—219:

> Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
> Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
> Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
> Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом.

2. Последняя фраза лакуны условно восстановлена Дэли.

15. Обол — мелкая медная монета, вроде нашего пятака.

17. Азией в римское время (анахронизм!) называлась западная часть Малой Азии с областями Лидией, Фригией, Карией и др.

18. Атлант — имя титана, который, по известному мифу, должен был держать на плечах весь небесный свод.

23. *«Философию без слов»* — общее место в античных суждениях о пляске; ср. Филострат, «Картины», 1, 3.

24. Денарий — римская монета, около 33 копеек на наши деньги.

28. *«Не раба, а хозяина»* — мотив заимствован из рассказов о философе-кинике Диогене: когда его продавали в рабство, он предложил глашатаю крикнуть: «Не хочет ли кто купить себе хозяина?»

29. Ганимед, виночерпий Зевса, и Эндимион, любовник Артемиды, изображались красавцами-юношами.

32. Упоминания о Еврипиде (отр. 1059 по изд. Nauck'а) и о Демосфене — анахронизм, так как время действия рассказа об Эзопе — VI в. до н. э. — гораздо более раннее.

37. После этого параграфа в рукописи отсутствует лист; по-видимому, далее рассказывалось, как Эзоп принес овощи домой и как жена Ксанфа, на что-то рассердившись, потоптала их ногами. Текст возобновляется речью Ксанфа. Начало ее восстановлено условно.

48. Ср. басню № 85.

59. Асс — римская медная монета.

61. *«Да, — думает Эзоп...»* — в рукописи: «Ксанф», очевидная описка. Однако Перри сохраняет чтение «Ксанф» и предполагает после этой фразы лакуну.

68. Ср. Апулей, «Флориды», 20: «Первая чаша утоляет жажду, вторая несет веселье, третья дарит наслаждение, четвертая ввергает в безумие»; и ниже, № 424а.

71. *«Невозможно затворить все реки...»* — Перри относит эту фразу к реплике Ксанфа.

75—76. Перевод смягчен.

78. *«Приуныл он»* — эту фразу Перри считает интерполяцией, вряд ли основательно.

79. *«Отошел в сторонку правей»* — в подлиннике: «отсчитал от гробницы четыре шага...», и соответственно расшифровывается надпись. Чтобы сохранить многозначность надписи в переводе, пришлось текст слегка изменить.

94. «Прометей» — конъектура Перри; в старшей редакции текст испорчен, в средней написано: «Судьба».

97. Ср. басню № 153 и примеч. к ней.

100. Мнемозина — богиня памяти, мать Муз. Марсий — сатир, вздумавший состязаться с Аполлоном в искусстве музыки, потерпевший поражение и казненный жестокой казнью.

101. Ликург — греческое имя, приписанное вавилонскому царю вполне условно.

105. Нектанебон — имя историческое, так звали одного из последних египетских царей, правившего в IV в. до н. э. Лакуна в этом параграфе заполнена условно по конъектуре Перри.

110. В подлинной сирийской версии повести об Ахикаре, откуда взят этот эпизод, вероломного сына казнит сам Ахикар; греческая версия смягчает эту жестокость.

124. Цитата из «Илиады», VI, 146.

127. *«А помогал им»* — перевод по чтению папируса Голенищева, не включенному в основной текст Перри.

129—141. Из шести басен, входящих в эти параграфы, басня об орле и жуке соответствует басне № 3 основного эзоповского сборника; из остальных некоторые тоже получили самостоятельное хождение и входили в отдельные рукописи эзоповского сборника.

Дополнением к этому жизнеописанию могут служить так называемые «Изречения Эзопа», рассеянные по многочисленным сборникам этого популярного в античности жанра — «гномологиям». Перри собрал их в особом разделе своей «Эзопики». Многие из них восходят к «Жизнеописанию» («Смотри не на вид мой, а на ум», «Огонь, женщина и море — три бедствия» и т. п.), другие — к басням («Эзопа спросили, что приносит лжецу ложь; он ответил: „То, что им больше не верят, скажи он даже правду“»), третьи — к «пословицам Эзопа»; остальные приводим здесь. Почти все они приурочены к имени Эзопа совершенно условно и встречаются в гномологиях также под именами Диогена и других популярных мудрецов. Номера — по изданию Перри.

6. По словам Эзопа, для людей счастливых смерть ничуть не тягостней, а даже блаженней, чем для других.

7. Эзоп жил одновременно с семью мудрецами; он утверждал, что они не умеют разговаривать с царями: с царями надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще.

9. Говорят, что Хилон спросил Эзопа, чем занят Зевс. Эзоп ответил: «Делает высокое низким, а низкое высоким».

10. Эзоп сказал: «Плохо придется всем людям, когда каждый потребует своего»

11. Эзопа спросили, что в человеке сильней всего; он ответил: «Разум».

12. Эзопа спросили, кто из животных умнее всех; он ответил: «Из полезных животных — пчела, из вредных — паук».

13. Хозяин гнал Эзопа на мельницу. Эзоп спросил: «Зачем ты туда меня гонишь?» Тот ответил: «Чтобы из тебя толк был». — «Почему же, — спросил Эзоп, — не гонишь ты на мельницу своих сыновей?»

14. Эзоп сказал человеку красивому, но развратному: «Одеваешься ты, может быть, и хорошо, зато раздеваешься дурно».

15. Эзоп увидел подростка, который прихорашивался, и сказал: «Если это ты для мужчин, то ты несчастен, если для женщин, то нечестен».

16. Эзоп, увидев хорошенького мальчика, которого любили за его красоту, сказал: «Постарайся, мальчик, чтобы те, кто любят твое тело, полюбили бы лучше твою душу».

17. Эзопу кто-то сказал: «О тебе говорят страшные гадости», и пересказал ему все; Эзоп ответил: «Убийцы — не те, кто делают кинжалы, а те, кто пользуются их изделиями; так и обо мне злословят не клеветники, а ты, если ты пользуешься их клеветой».

18. Эзопа спросили, как следует держаться по отношению к государству; он ответил: «Не слишком близко, чтобы не сгореть, не слишком далеко, чтобы не замерзнуть».

19. Тиранн спросил Эзопа, почему не богачи ходят к мудрецам, а наоборот? Эзоп ответил: «Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают, иначе бы они не о богатстве заботились, а о мудрости».

20. Эзоп шел по дороге и увидел на одном дереве удавленную женщину; он остановился, посмотрел и молвил: «Если бы все деревья приносили такие плоды! Ведь все, что только кормится на суше и на море, достается женщине».

21. (Эпиграмма, приписываемая Эзопу):

Жизнь! Твоих невзгод не избыть человеку живому:
Как ни беги — не уйдешь; как ни терпи — не снесешь.
Пусть от природы в тебе прекрасны и суша, и море,
Звезды в ночных небесах, солнца и месяца путь, —
Все остальное вокруг — бесконечный ужас и муки:
Каждая капля добра будет окуплена злом.

22. Эзоп не раз говорил, что влюбленные не знают стыда.

22а. Эзоп говорил, что риторы похожи на лягушек: лягушки квакают вокруг болот, а эти — вокруг водяных часов.

Басни основного эзоповского сборника

Басни Эзопа были в течение многих веков любимым народным чтением, и поэтому рукописи их сохранились в очень большом количестве: Шамбри для своего издания использовал 46 рукописей и дополнительно просматривал еще 20 рукописей, Хаусрат для своего издания использовал 84 рукописи и дополнительно собрал сведения о 22 рукописях. Все они, за исключением двух, не старше XIII века.

Отличительная особенность рукописного предания Эзопа — его крайний разнобой. Как было сказано, канонического текста басен Эзопа не существовало, каждый переписчик чувствовал себя в какой-то мере и редактором текста и свободно заменял не понравившиеся ему слова и обороты новыми. Поэтому число различных вариантов отдельных басен достигает и пяти, и восьми, даже если не учитывать мелких разночтений. Это особенно наглядно видно по изданию Шамбри, где каждый такой вариант напечатан отдельно. Вот для примера как выглядит его подборка вариантов басни № 49 (по его нумерации — 74):

(а) *Пастух и лев.* У пастуха, который пас стадо волов, пропал теленок. Он искал его повсюду, не нашел и тогда дал обет Зевсу принести в жертву теленка, если вор отыщется. Но вот зашел он в одну рощу и увидел, что его теленка пожирает лев; в ужасе воздел он руки к небу и воскликнул: «Владыка Зевс! обещал я тебе в жертву теленка, если смогу отыскать вора; а теперь обещаю вола, если смогу от вора спастись». — Эту басню можно применить к неудачникам, которые хотят найти, чего у них нет, а потом избавиться от того, что нашли.

(b) *Пастух и лев.* У пастуха, пасшего стадо волов, пропал теленок. Он обошел весь лес, разыскивая его, но не смог ничего найти, и тогда дал обет Зевсу: «Если ты укажешь мне вора, который украл теленка, ты получишь козленка в жертву от меня!» Но вот забрел он в одну рощу и видит, что этого теленка пожирает лев. Тут в великом страхе перетрусил он и, подняв руки к небу, воскликнул: «О Зевс, владыка! пообещался я принести тебе в жертву козленка, если отыщу вора; а теперь обещаю вола, если смогу спастись от вора». — Эту басню можно применить к неудачникам, которые хотят найти, чего у них нет, а потом избавиться от того, что нашли.

(c) *Пастух и лев.* У пастуха, пасшего стадо волов, пропал теленок. Он обошел весь лес, разыскивая его, но не смог ничего найти, и тогда дал обет Зевсу принести козленка ему в жертву, если бог укажет ему вора, который украл теленка. Но вот заходит он в одну рощу и видит, что теленка пожирает лев. Тут в великом страхе оробел он и, подняв руки к небу, воскликнул: «О Зевс, владыка! обещал я принести тебе в жертву козленка, если отыщу вора; а теперь обещаю

тебе в жертву вола, если сам смогу от него спастись». — Басня о людях неудачливых, которые хотят найти, чего у них нет, а потом избавиться от того, что нашли.

(d) *Волопас и лев.* Волопас потерял вола; и дал он обет богу принести ему вола в жертву, если только найдет вора. Вдруг увидел он своего вола в зубах у льва; и взмолился тогда к богу так: «Принесу тебе в жертву и другого быка, если только спасусь от вора». — О том, что не следует обращаться к богу с неразумными обетами под влиянием минутного горя.

(e) *Бычий пастух и лев.* Один бычий пастух потерял в горах вола. Пообещал он принести вола в жертву богу, если только встретит вора. Вдруг увидел он своего вола в зубах у льва; застонал он и воскликнул: «И быка, и вола принесу тебе, боже, если поможешь мне спастись от когтей этого вора!» — О том, что не следует творить неразумных обетов, ибо будущее неведомо.

(f) *Пастух и лев.* Пастух потерял вола и обещал Гермесу принести ему другого вола в жертву, если только найдет похитителя. Вдруг увидел он льва, пожирающего этого вола, и воскликнул: «О Гермес, я и третьего быка тебе принесу, если только спасусь от похитителя!»

Долгое время это разнообразие вариантов не привлекало внимания ученых. Первое время (XVI—XVII вв.) казалось, что это — обычные мелкие разночтения, какие могут встретиться в рукописях всякого автора, и что за ними стоит подлинный текст, написанный когда-то Эзопом. После того как обнаруживаемые разночтения становились все многочисленней и серьезней и после того как Р. Бентли в 1697 г. показал в своей работе «О баснях Эзопа», что известные нам басни никак не могли быть написаны в VI в. лично Эзопом, а возникли гораздо позднее, — тогда возобладало другое представление (XVIII—XIX вв.): стали считать, что все эти басни сочинены только в византийскую эпоху и являются лишь слабыми пересказами несохранившегося собрания античных басен, по-видимому, стихотворного и, по-видимому, составленного Бабрием. Однако в середине XIX в. были открыты и опубликованы подлинные басни Бабрия; и оказалось, что они никак не могут быть источниками всех существующих прозаических басен ни по составу сюжетов, ни по стилю. Только тогда, к концу XIX—началу XX в., варианты прозаических басен стали предметом научного исследования; инициатором его был О. Крузиус, а наиболее деятельным участником — А. Хаусрат.

Работы Хаусрата показали, наконец, что все басенные варианты могут быть сгруппированы в три группы и несколько подгрупп. Сперва Хаусрат еще допускал мысль (в своих статьях 1890-х годов), что эти три группы текстов независимы друг от друга и порознь восходят к общему античному архетипу, сборнику басен не школьного, а фольклорного типа, ярких и красочных; и, издавая в 1913 г. для широкого читателя сборник «Griechische Märchen», он пытался в своем переводе гипотетически воссоздать именно этот архетип. Но дальнейшие работы Хаусрата (к сожалению, основной его труд — «Aesopus» — остался в рукописи и погиб в годы войны), подтвержденные работами других исследователей, особенно Б. Э. Перри («Studies in the text history of the Life and the fables of Aesop». Haverford, 1936) и Ф. Родригес Адрадоса («Estudios sobre el léxico de las fábulas esópicas». Salamanca, 1948), с несомненностью показали, что эти три редакции возникли не независимо друг от друга, а перерабатывали друг друга: вторая первую, а третья вторую. Это и дает нам право называть их старшей (I), средней (II) и младшей (III). Наиболее вероятное время их возникновения: старшей — I в. н. э.; средней — V—VI вв. н. э. (Перри сперва допускал дату XII в., но в своем издании 1965 г., стр. XVII, отказался от нее); младшей — IX в. (Хаусрат, Адрадос) или начало XIV в. (Перри). О мотивах и стилистических тенденциях этих переработок подробно сказано в нашей вступительной статье.

Старшую редакцию (I) нередко называют также «collectio Augustana» — от названия одной из ее рукописей (Augustanus Monacensis 564, XIII—XIV вв.). Другие

важнейшие рукописи этой редакции — Parisinus supp. gr. 690, XII в. и наиболее старинная и полная Novoeboracenis Morgani 397, X в. — рукопись, найденная еще в XVIII в. в Гроттаферрато (Италия), пропавшая бесследно во время наполеоновских реквизиций и неожиданно обнаруженная в 1920-х годах в американской коллекции миллиардера Моргана. Хаусрат относит к старшей редакции всего 17 рукописей, различая среди них три близкие друг к другу семейства и пеструю группу разнородных риторских перелицовок (группа Ib). Особое положение занимает также группа из 11 рукописей, озаглавленных «Избранные Эзоповы басни» (группа Ia): это сокращенное позднеантичное (по Перри) или византийское (по Хаусрату) издание старшей редакции, дополненное рядом басен, отсутствовавших в основном сборнике. В нашей книге они озаглавлены «Басни из переиздания основного эзоповского сборника».

Среднюю редакцию (II) называют также «collectio Vindobonensis» — от названия основной рукописи Vindobonensis gr. hist. 130, XIV в. Хаусрат относит к ней 16 рукописей, из которых 7 считает основными, а остальные разнородными риторскими перелицовками (группа IIIδ). Кроме старшей редакции материалом для средней редакции послужили басни Бабрия и их прозаические парафразы; во многих рукописях обычные прозаические басенные тексты перемежаются стихотворными переложениями византийского времени, выполненными двенадцатисложным силлабическим стихом (образцы их переведены в примечаниях к некоторым басням).

Младшую редакцию (III) называют также «collectio Accursiana» от имени гуманиста Бона Аккурсия, выпустившего первое печатное издание Эзопа (ок. 1479 г.), основанное на одной из рукописей этой редакции. Хаусрат выделяет в ней три подредакции, представляющие собой три независимые друг от друга попытки придать литературное изящество просторечию «средней редакции». К первой из этих подредакций (IIIγ) Хаусрат относит 19 рукописей, распадающихся на два семейства; ко второй (IIIβ) — 14 рукописей, во главе с Laurentianus 58, 23, XV в.; к третьей (IIIα) — 8 рукописей во главе с Laurentianus 89 sup. 79, XV в. Эта последняя подредакция (Перри приписывает ее византийскому гуманисту Максиму Плануду, уже упоминавшемуся в качестве автора младшей редакции «Жизнеописания Эзопа») получила наибольшую популярность. Следует заметить, что разночтения между рукописями младшей редакции гораздо малочисленнее, чем между рукописями старшей и средней редакций: редакторы и переписчики явно старались (впервые в истории эзоповской рукописной традиции) установить единый канонический текст басенного свода.

Необходимо оговорить, что целый ряд рукописей является по своему составу смешанным: в них списаны варианты, почерпнутые из разных редакций. Так, важная рукопись Casinensis (Laur, convent. suppr. 627, XIII в.) соединяет басни из старшей редакции с баснями из средней редакции, а рукопись Salmanticensis свободно перемешивает басни из подредакций IIIα, IIIβ, IIIγ и IIIδ.

Первым печатным изданием Эзоповых басен было миланское издание ок. 1479 г., подготовленное, как сказано, Боном Аккурсием; оно включало 147 басен из подредакции III. Это была одна из первых печатных книг на греческом языке. Последующие издатели постепенно дополняли этот свод баснями из новооткрываемых рукописей; так Роберт Стефан в издании 1546 г. довел число басен до 169 (за счет других рукописей III), Исаак Невелет в издании 1610 г. — до 296 (из подредакций Ia, Ib и парафраз Бабрия). Франческо Фуриа в издании 1810 г. опубликовал II редакцию (по рукописи Casinensis), И. Г. Шнейдер в издании 1812 г. — I редакцию (по рукописи Augustanus), в издания стали включаться басни из сборников Афтония, Синтипы, из отдельных античных авторов; пестрота текстов стала такова, что А. Кораис в своем издании 1810 г. впервые стал печатать каждую басню в нескольких вариантах.

Из этого хаоса публикаций составил в 1852 г. свое компилятивное издание Карл Хальм, собрав из изданий Фуриа, Кораиса и других 426 басен и расположив их в алфавитном порядке; к рукописям он не обращался и в отборе печатаемого варианта руководствовался только собственным вкусом. Благодаря относительной полноте состава, несмотря на ненаучность подготовки, это издание имело успех, много раз пере-

печатывалось без изменений и до сих пор служит источником ссылок. После Хальма рукописный материал продолжал пополняться: в 1877 г. были изданы основная рукопись средней редакции и основная рукопись парафраз Бабрия, в 1894 г. — парижская рукопись старшей редакции, в 1935 г. — нью-йоркская рукопись старшей редакции. Явилась необходимость в новом научном издании; результатом явились издания Э. Шамбри (1925), А. Хаусрата (вып. 1 — 1940, вып. 2 — 1956, посмертно) и Б. Э. Перри (1952). Шамбри, по примеру Кораиса, печатал подряд все сколько-нибудь расходящиеся варианты каждой басни (порою до восьми), Хаусрат ограничивался тремя вариантами по числу трех редакций, Перри ограничился публикацией одной старшей редакции, отложив рассмотрение вариантов до еще не вышедшего тома комментариев.

В настоящем издании мы вслед за Перри печатаем как «основной эзоповский сборник» свод басен, сохраненный в лучших рукописях старшей редакции, а затем — дополнения к нему из других редакций, из парафраз Бабрия, из школьных риторских сборников, из отдельных авторов.

1. Орел и лисица. Федр, I, 28; Бабрий (парафраз), 186; Синтипа, 24. На эту басню ссылается Аристофан в «Птицах». 651. У Федра лиса не молится богам, а сама обкладывает дерево хворостом и поджигает. У Синтипы месть богов иная: орел похищает с алтаря чересчур горячий кусок мяса, и птенцы, съев его, обжигаются и гибнут. Это — одна из древнейших известных греческих басен: ее перекладывал в стихи еще Архилох (VII в. до н. э.), по-видимому, грозя подобным же божеским наказанием вероломному Ликамбу, который обещал выдать за него дочь и не выдал. Вот сохранившиеся от Архилоха отрывки (в пер. В. Вересаева):

...Есть вот какая басенка:
Вошли однажды меж собой в содружество
Лисица и орел...
. . . .
Принес обед ужасный он детенышам...
. . . .
— Взгляни-ка, вот она, скала высокая,
Крутая и суровая;
Сижу на ней и битвы не боюсь с тобой...
. . . .
— Чтоб горько поплатился ты!..
. . . .
— О Зевс, отец мой! ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских,
И злых и правых. Для тебя не все равно,
По правде зверь живет иль нет...

Из развязки сохранился стих, Вересаевым не переведенный:

...Ему от искры огненной...

Зоологическую мотивировку этой басни указывают Аристотель («О природе животных») и Плиний («Естественная история»): считалось, что орлица, высиживая птенцов, не летает далеко от гнезда и изнемогает от бескормицы.

2. Орел, галка и пастух. Бабрий, 137; Афтоний, 19; Синтипа, 9.

3. Орел и жук. Ср. «Жизнеописание Эзопа», 135—139. Басня была популярна из-за яркости контраста между царем богов и жуком-навозником; ее упоминают Аристофан («Мир», 127; «Осы», 1448), Лукиан («Икароменипп», 10); в связи с ней находится пословица «жук орлу повитухой» (Зиновий, I, 20). Аристофан заимствовал отсюда начальный мотив комедии «Мир», где крестьянин Тригей взлетает на небо к богам верхом на раскормленном навозном жуке. Возможно, к этому же сюжету относятся два стиха ямбографа Семонида Аморгского (отр. 11 D.).

— Какая здесь летает тварь ползучая,
Из всех животных самая презренная?..

Орел считался священной птицей Зевса; ср. Лукиан, «Собрание богов», 8: «Орел... только что не вьет гнезда на твоей голове», — говорит Мом Зевсу.

4. Соловей и ястреб. Первая из басен, использованных в греческой литературе — Гесиод, «Труды и дни», 202—212 (пер. В. Вересаева):

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такою к нему обратился:
«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее.
Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
Разума тот не имеет, кто меряться хочет с сильнейшим:
Не победит он его, — к униженью лишь горе прибавит!»

5. Должник. Упоминаемые аттические праздники справлялись: Мистерии («большие», Элевсинские) — в начале октября, Панафинеи — в середине августа, Дионисии («большие») — в конце марта. На Мистериях в очистительную жертву приносили поросят, а на Дионисиях — козлов; отсюда — шутка заимодавца.

6. Дикие козы и пастух. Бабрий, 45; у Бабрия и в восходящих к нему вариантах домашние козы даже умирают от голода.

7. Кошка и куры. Бабрий, 121. Плутарх («О братской любви», 19, р. 490с) советует так отвечать интригану, ссорящему брата с братом. Более подробный вариант сохранился в византийском стихотворном переложении (Шамбри, 14b):

Случилось так, что курица захворала.
И вот, подкравшись, так говорит ей кошка:
«Ах, дорогая, ну, как твое здоровье?
Может, что нужно? Скажи — я вмиг добуду!
Только б скорее ты разделалась с хворью!»
Но так сказала курица в ответ кошке:
«Ступай подальше — и смерть меня минует,
И жить я буду, горной козочки крепче».

8. Эзоп на корабельной верфи. Бабрий («второй сборник»), 3. На эту басню ссылается еще Аристотель. «Метеорология», II, 3, 356b 11.

9. Лисица и козел. Федр, IV, 9; Бабрий (парафраз), 182. В поздних редакциях начало басни упрощено: «Лиса и козел упали в колодец...» и т. д. Синтипа (10) дает такой вариант:

Заяц и лисица. Зайцу захотелось пить, и он спустился напиться в колодец. Там он напился в свое удовольствие; но когда собрался вылезать, то у него не хватило сил добраться до устья, и он был в горькой тоске. Подошла туда лисица, увидела его и говорит: «Изрядно ты оплошал: прежде чем спускаться в колодец, не мешало бы тебе подумать, как оттуда выбраться». — Басня обличает тех, кто берется за дело сгоряча и не подумав.

11. Рыбак. Бабрий, 9; Афтоний, 33. Геродот рассказывает (I, 141), что Кир персидский, идя войной на Креза, предложил подвластным Крезу ионийским городам вступить с ним в союз; ионийцы отказались. После победы Кира над Крезом ионийцы сами предложили Киру свой союз, но он ответил им этой басней.

12. Лисица и барс. Бабрий (парафраза), 180; Авиан, 40. «Испещренный» и «изощренный» — вынужденный перевод одного и того же греческого прилагательного poikilós. Плутарх ссылается на эту басню в трактате на соответствующую тему «Душев-

ные или телесные страдания суть худшие?» (2, p. 500d) и в «Пире семи мудрецов» (12, p. 155c — замечание Солона о блеске Крезова дворца).

13. Рыбаки. Любопытно, что рыбная ловля «на музыку» действительно существовала в древности: Элиан («Рассказы о животных», I, 39) так описывает такую ловлю: «Ловцы становятся и начинают плясать и сладостно петь; рыбы, привлеченные звуками и видом пляски, подплывают ближе, а люди потихоньку отступают шаг за шагом туда, где для бедных тварей кроется ловушка — растянутые сети...» и т. д.

14. Лисица и обезьяна. Бабрий, 81; Синтипа, 14.

15. Лисица и виноград. Федр, IV, 3; Бабрий, 19. В некоторых рукописях вариант:

> *Лисица и мышь.* Лисица заметила в винограднике спелые гроздья и хотела их съесть; но были они высоко, и ухватить их она никак не могла. Мышь это заметила и спросила ее со смехом: «Что ж ты не угощаешься?» Лиса, не желая перед мышью признаться в неудаче, ответила: «Они еще зеленые!» — Басня обличает дурных людей, которых не пронять увещаниями.

Хаусрат напоминает о I идиллии Феокрита с описанием виноградника, изображенного на кубке (ст. 46—51, пер. М. Е. Грабарь-Пассек):

> В пышных сияющих гроздьях роскошный лежит виноградник.
> Там на терновой ограде уселся мальчик-малютка,
> Сад сторожит он; за ним две лисицы меж лозами бродят,
> Первая спелые гроздья ворует, а к брошенной сумке
> Ловко подкралась другая, решив, что не раньше оставит
> Завтрак мальчишки в покое, чем сумка не станет пустою.

17. Бесхвостая лисица. На эту басню намекает Тимокреонт Родосский (V в. до н. э.) в своих насмешливых стихах против Фемистокла, который изгнал Тимокреонта с родины за сочувствие персам, а потом и сам оказался в изгнании по тому же обвинению (отрывок цитирует Плутарх, «Фемистокл», 21):

> Видно, я не один без хвоста —
> Есть немало лисиц и других.

18. Рыбак и рыбешка. Бабрий, 6; Авиан, 20.

19. Лиса и терновник. По структуре (но не по персонажам и не по морали) басня аналогична басне Федра IV, 8.

20. Лисица и крокодил. Гимнасиарх — почетное должностное лицо, которое должно было содержать и обучать юношей, участвующих в гимнастических состязаниях на государственных празднествах. Смысл реплики лисицы: «по рубцам на твоей шкуре видно, что не бывал ты в гимнасии как свободный человек, а бывал только бит как раб». Ср. басню 81 о лисице и обезьяне и примеч. к ней.

21. Рыбаки. Тунец — самая крупная из промысловых рыб Средиземного моря, основной предмет ловли в античном мире; его привычка бешено биться и прыгать в воде, когда его настигнут сетью, была широко известна и даже послужила для народной этимологии его имени (thýnō — thýnnos).

22. Лисица и дровосек. Бабрий, 50. Вариант этой басни приводит в своих философских рассуждениях Максим Тирский (III, 1), обличая других философов в том, что они лишь лицемерно осуждают наслаждения, на деле же преданы им так же, как и все:

> Фригиец Эзоп сочинял басни о животных и их совместной жизни; у него и деревья разговаривают, и рыбы, и друг с другом, и с человеком; но во всем этом содержится краткая мораль, намекающая на какую-нибудь истину. Известна среди его басен и такая. Лев гнался за ланью, она убежала и скрылась в густой чаще. Лев силою велик, но быстротой бега уступает лани; и вот он приближается к чаще и спрашивает пастуха, не видал ли он где прячущуюся лань? Пастух отвечал, что не видел, но с этими самыми словами он протянул руку и указал в ее сторону. Набросился лев на робкую лань, а лисица (у Эзопа она всегда умница) вот что

говорит пастуху: «Трусливый ты и коварный человек — перед львом трусливый, а перед ланью коварный!» Вот и мне кажется, что этой притчей фригийца Эзопа мог бы воспользоваться Эпикур против тех, кто осуждает наслаждение: на словах они мужественны, а душою, как пастух рукой, так и тянутся к наслаждению.

23. Петухи и куропатка. Боевые петухи пользовались в Греции величайшей популярностью, в некоторых городах петушиные бои устраивались на государственный счет (в Афинах это завел Фемистокл для поддержания боевого духа в гражданах. — Элиан, «Пестрые рассказы», II, 28). Сохранились даже барельефы с изображением знаменитых петухов и знаков их побед (одно из таких изображений по сей день печатается как издательская марка на обложке французского филологического журнала «Revue des études anciennes» — по-видимому, как символ «галльского петуха»). Куропатки же приручались и разводились ради мяса и ради забавы: они были посвящены Афродите, ими развлекались дамы, и в «Палатинской антологии» есть даже эпитафии ручным куропаткам.

24. Растолстевшая лисица. Бабрий, 86. Гораций пользуется этой басней в «Посланиях», I, 7, 29—34, отстаивая свою свободу от навязчивого покровительства Мецената; любопытно, с какой беззаботностью по части зоологии он заставил лисицу питаться зерном, немало смутив своих комментаторов (пер. Н. Гинцбурга):

Как-то чрез узкую щель прокралась худая лисичка
В закром с зерном, но затем, когда досыта там уж наелась,
С полным брюхом назад пыталась выйти бесплодно.
Издали ласка сказала ей: «Вылезть отсюда коль хочешь —
Тощей должна выходить ты из щелки, как тощей входила».
Если меня эта басня заденет — я все возвращаю!..

Вариант того же сюжета (вместо лисицы в щели — змея в бочке) приводит Григорий Турский (VI в.) в «Истории франков», IV, 9: см. Федр. Бабрий. Басни, стр. 87 и 236.

25. Зимородок. Эта птичка пользовалась большим почитанием в древности: в естественноисторических сочинениях (Плиний, Плутарх, Элиан) расхваливаются ее супружеская верность и умение строить гнезда, в мифологических — описывается, как в зимородка была превращена Алкиона, дочь Эола, неутешная в горе о своем супруге Кеике, погибшем во время морской бури. Считалось, что двухнедельное затишье среди бурной средиземноморской зимы (неделя до и неделя после солнцестояния, так называемые «алкионины дни»), наблюдаемое в Ионийском и отчасти в Эгейском море, объясняется тем, что Алкиона в это время вьет гнездо и высиживает яйца, и отец ее Эол, бог ветров, удерживает подвластные ему ветры, чтобы не тревожить ее. В действительности, конечно, зимородок кладет яйца не зимой, а весной, как все птицы.

26. Рыбак. Этот примитивный способ рыбной ловли, давший повод для известной пословицы, упоминается при обличении демагога еще Аристофаном («Всадники», 864—867, пер. А. Пиотровского):

Не так ли точно рыбаки угрей гоняют в сети?
Пока залив спокоен, тих, им не поймать ни рыбки!
Но чуть подымут ил столбом и воду взбаламутят,
Так ловля прибыльней идет. Ты тоже в мутном ловишь!..

27. Лисица и маска. Федр, I, 7. В античном театре актеры выступали в больших масках с преувеличенными чертами лица. Составители басенных сборников лишь с трудом изобретали ситуацию, в которой лиса могла бы встретиться с маской: в средней редакции басня начинается: «Лиса забралась в дом кифареда...», а в младшей редакции: «Лиса забралась в дом актера...» Реплика лисы включена как пословица в сборник Апостолия, XVIII, 60.

28. Обманщик. В средней редакции басня изложена живее, все реплики даны в прямой речи; боги во сне говорят человеку: «Ступай на берег моря в такое-то

место, и там ты найдешь столько-то талантов золота», а человек, попав в руки разбойников, просит: «Отпустите меня, и я дам вам тысячу талантов золота!» Гекатомба — самое большое жертвоприношение богам (номинально — «сто быков»; обычно все же приносилось меньшее число). Хитрость героя басни считалась при трудных обстоятельствах дозволенной: Плутарх сообщает («Лукулл», 10), что когда Митридат осаждал город Кизик и у осажденных не было черной коровы для жертвы Персефоне на очередном празднике, то они вылепили корову из теста и поставили у алтаря.

30. Потерпевший кораблекрушение. «Афине молись, да и сам шевелись» — пословица (Зиновий, V, 93; см. Федр. Бабрий. Басни, стр. 239). У Бабрия на ту же тему написана басня 20.

31. Человек с проседью и его любовницы. Федр, II, 2; Бабрий, 22. В других версиях мораль иная: «Опасно доверяться женщинам».

32. Убийца. Вариант этой басни сохранился на папирусе V в. н. э. (Гренфелл — Хант, II, 84) — школьная работа, представляющая собой, по-видимому, прозаическое переложение стихотворного текста. Он начинается словами: «Сын убил собственного отца и в страхе перед законом бежал в пустыню. И когда он шел через горы, напал на него лев...» и т. д. Ср. эпиграмму Антифана («Палатинская антология», XI, 348):

> О человек, ты злее, чем зверь, и все ненавидит,
> Отцеубийца, тебя: смерть поджидает везде.
> Ты по дороге бежишь — но волк выбегает навстречу;
> Скрылся на дереве ты — видишь на ветке змею;
> Хочешь броситься в Нил — но в Ниле живут крокодилы,
> Для нечестивца суля злую, но правую казнь.

33. Хвастливый пятиборец. Заключительная сентенция представляет собой пословицу (Апостолий, VIII, 100). Пятиборье — основной комплекс гимнастических состязаний в Греции: бег, прыганье, борьба, метание диска, метание копья.

35. Человек и сатир. Бабрий (парафраза), 192; Авиан, 29. Вопросом о том, почему человеческое дыхание и охлаждает, и согревает, занимался еще Аристотель («Проблемы», 34, 7). См. также Федр. Бабрий. Басни, стр. 251. Эта басня послужила сюжетом для известной картины Иорданса «Сатир в гостях у крестьянина» (Москва. Гос. музей изобразительных искусств).

36. Коварный. Крузиус усматривал иллюстрацию к этой басне в изображении на южноиталийской вазе, где сатир с птичкой в руке стоит перед Сфинксом, разгадывателем загадок. И. Метте предполагает, что этот мотив мог содержаться и в несохранившейся сатировской драме Эсхила «Сфинкс».

39. Ласточка и птицы. Бабрий (парафраза), 164; «Ромул», 24. Ср. басню 376 (из Диона Хрисостома) с ее вариантом. В некоторых рукописях старшей редакции встречается и другой вариант этой басни:

> *Ласточка и птицы.* Ласточка созвала птиц на сходку и увещевала их не ссориться с людьми, а лучше вступить с ними в дружбу и жить мирно. Но одна из птиц стала ей возражать: «Лучше мы съедим семена льна, и тогда само собой получится, что у людей не будет сетей против нас». Тогда ласточка, рассудив более здраво, переселилась в города, вьет свои гнезда в домах людей, и те не делают ей ничего дурного. А другие птицы, оставшись, стали клевать льняные семена, видя в них причину всех бед, и от этого так разжирели, что люди их переловили и съели. А которые остались в живых, те поняли свое неразумие и решили не жить больше с людьми, а летать в воздухе. — Так и люди, которые обнаруживают в житейских делах тонкость ума, избегают любых опасностей.

40. Звездочет. Этот популярный сюжет обычно связывался с именем первого греческого философа Фалеса Милетского (Платон, «Феэтет», 174a; Диоген Лаэртский, I, 34).

44. Лягушки, просящие царя. Федр, I, 2; Бабрий (парафраза), 174. О жестокой вражде между лягушками и водяной змеей (гидрой) упоминает и Элиан («Рассказы

о животных», XII, 15). В средней редакции действие басни развертывается не в два, а в три акта: «...обратились они к Зевсу и просили переменить им царя. Дал он им тогда в цари угря. Увидели лягушки, что и этот глуп, и не приняли его; в третий раз пришли они к Зевсу, чтобы и этого царя он им переменил. Рассердился на них Зевс и послал им водяную змею, которая стала их хватать и пожирать».

45. Волы и ось. Бабрий, 52; ср. «Филогелос», 48.

46. Борей и солнце. Бабрий, 18; Авиан, 4; Синтипа, 55. Плутарх («Брачные наставления», 12, p. 139d), пользуясь этой басней, советует мужьям отучать жен от роскоши не силой, а мягкостью. Фемистий (16, 208a) предлагает более общее толкование этой басни: «И у баснописца Эзопа есть басня о споре между Убеждением и Силой, и в этой басне Убеждение одерживает верх над Силой: солнце заставляет человека раздеться скорее, чем буйный ветер. Так, по слову поэтов, и Гиганты в битве с богами над Аресом одержали полную победу, а от Гермеса с его жезлом были побиты».

47. Мальчик, объевшийся потрохов. Бабрий, 34. Плутарх приводит вариант этой басни в трактате «О том, что не надо делать долгов» (8, p. 831c), убеждая богачей отказаться от богатств: ведь этим они откажутся не от своего, а от чужого (пер. С. С. Аверинцева):

> Послушай-ка басню про коршунов: когда одного из них вырвало и он закричал, что у него наружу вышла кишка, другой возразил: «Что ж тут страшного? это кишка не твоя, а того трупа, который мы недавно растерзали». Так и любой должник продаст не свой участок, не свой дом, но землю и дом того заимодавца, которого он по закону сделал хозяином всего этого.

48. Соловей. Точнее — bōtalis, маленькая певчая птичка, не поддающаяся точному отождествлению.

49. Пастух. Бабрий, 23; Синтипа, 12.

50. Ласка и Афродита. Бабрий, 32. О. Келлер замечает, что в новогреческом языке ласка и сейчас называется «невеста» (nymphitza).

51. Крестьянин и змея. Бабрий (парафраза), 167; «Ромул», 39 (где сохранен сказочный мотив: змея приносила человеку счастье).

52. Крестьянин и собака. «Существовал такой аттический закон: ...не разрешалось резать рабочего быка, который тянет плуг или повозку пахаря, потому что он землепашец и помогает человеку в трудах» (Элиан, «Пестрые рассказы», V, 14). Фригийцы, земляки Эзопа, за убийство пахотного быка карали смертью (Элиан, «Рассказы о животных», XII, 34); ср. Варрон, «О сельском хозяйстве», II, 5; Плиний, VIII, 180. Поэтому опасения собак были небезосновательны.

53. Сыновья крестьянина. Бабрий, 47. Плутарх («О болтливости», 17, p. 511c) относит эту притчу к имени скифского царя Скилура, у которого было 80 сыновей, и хвалит Скилура за немногоречие.

57. Старуха и лекарь. Ср. «Филогелос», 142. В более беллетризованном виде изложена эта басня в средней редакции:

> У одной старухи болели глаза, и вот она пригласила лекаря, договорившись с ним при свидетелях: если он вылечит ей глаза, то получит от нее хорошую плату, если же не вылечит и она останется незрячей, то он ничего от нее не получит. Договорились они, стал ей лекарь лечить глаза, а сам тем временем помаленьку уносил да уносил ее вещи. Прошло немного времени, вылечил он ее и потребовал условленной платы. Поглядела старуха кругом и увидела, что в доме у нее хоть шаром покати. Лекарь силой настаивает на своем, а старуха упирается; хватает он ее и ведет к архонтам. Встав перед ними, говорит старуха: «Что правда, то правда: обещала я этому человеку, что заплачу ему, если стану зрячей, а если останусь незрячей, то ничего платить не буду. Так вот, теперь он уверяет, что я выздоровела, а я говорю, что я больна: потому что когда глаза у меня болели, видела я все-таки у себя в доме и деньги, и всякие вещи, а теперь, когда я будто бы стала зрячая, уже ни вещей, ни денег не вижу».

58. Женщина и курица. Синтипа, 42.

59. Ласка. Ср. ситуацию в басне Федра IV, 8 («Змея и напильник»).

60. Старик и смерть. Синтипа, 2. Ср. ту же мысль еще у Еврипида («Алкестида», 669—672, пер. И. Анненского), где Адмет упрекает своего старого отца в том, что он не принял добровольной смерти за сына:

О, старики так часто смерти просят,
А стоит ей приблизиться — никто
Уж умирать не хочет. Старость тотчас
Становится отрадною для них.

61. Крестьянин и судьба. Авиан, 12.

62. Дельфины и пескарь. Бабрий, 39 (где вместо пескаря выступает рак). Элиан («Рассказы о животных», V, 48) перечисляет дельфинов и акул среди других классических примеров вражды животных: вороны и совы, львы и быки, коршуны и орлы и пр.

63. Оратор Демад. Басня, конечно, имеет пародический характер и попала в эзоповский сборник по наивности редактора. Демад (ум. 318 г. до н. э.) — афинский оратор, младший современник и противник Демосфена, сторонник македонской партии в Афинах; славился безнравственной жизнью, мастерством импровизированных речей и едким остроумием. В псевдо-Плутарховых «Жизнеописаниях десяти ораторов» сходная история рассказана о самом Демосфене (см. басню № 389).

64. Укушенный собакой. Федр, II, 3; Синтипа, 56.

65. Путники и медведь. Авиан, 9. Поверье, что медведь не трогает трупов, было широко распространено в древности, хотя о его неосновательности знал еще Аристотель. О том, что медведь свободно лазает по деревьям, редактор басни, по-видимому, тоже не знал.

66. Юноши и мясник. «Кусок мяса», точнее: akrokōlion — окосток.

70. Дуб и тростник. Бабрий, 36; Афтоний, 36; Авиан, 16. Ср. Лукиан, «Эпиграммы», 15, 5—6. В части рукописей старшей редакции — более развернутый вариант (Хаусрат, 239):

Деревья и тростник. Деревья, вывороченные ветром, вдруг увидели, что тростник остался невредимым, и стали его спрашивать, почему это они, крепкие и сильные, ломаются, а он, тонкий и слабый, остается цел? Ответил тростник: «Я знаю, что я слабый, и потому уступаю сильному ветру и клонюсь перед его порывами. А вы, полагаясь на свою силу, сопротивляетесь ему и оттого гибнете». — Басня показывает, что когда приходится трудно, то безопаснее уступить, а не сопротивляться.

Другой вариант (средняя и младшая редакция):

Тростник и олива. Тростник и олива спорили, кто сильней и крепче. Олива попрекала тростник: и бессилен-то он, и перед каждым ветерком покорно клонится. Ничего не сказал тростник. Но прошло малое время, подул сильный ветер, тростник перед ветром задрожал, склонился и легко уцелел; а олива встала против ветра, и ветер ее переломал и выворотил с корнями. — Басня показывает: лучше не сопротивляться сильнейшему противнику и невыгодным обстоятельствам, нежели заводить ссоры с теми, кто больше тебя.

71. Трус, отыскавший золотого льва. Образец школьного упражнения в этопее; даже по стилю басня резко отличается от остального эзоповского сборника. В большинстве рукописей она пропущена. Ср. декламацию Либания (IV в. н. э.) «Что сказал бы трусливый скупец, нашедши золотой меч» (IV, 1043) и эпиграмму-одностишие на ту же тему («Палатинская антология», IX, 431):

Золото манит меня, Аресова сталь прогоняет.

73. Дельфин и обезьяна. Эту басню пересказывает византийский писатель Цец («Хилиады», IV, 945), причем забавным образом слово «дельфин» понимает как

«человек из Дельфов». Рассказы о том, как дельфины спасают пловцов, были в древности необычайно популярны; особенно известен рассказ об Арионе, поэте, спасенном дельфином от пиратов (Геродот, I, 23). Поэтому басня звучит пародически. Мальтийские собачки и по виду, и по образу жизни напоминали современных болонок.

74. Олень и лев. Федр, I, 12; Бабрий, 43; псевдо-Досифей, 1; Афтоний, 18; Синтипа, 15. Почти во всех вариантах вместо льва выступают охотники. Фраза «Ведь сила оленей — в их ногах. . .» имеется не во всех рукописях и перефразирует стих Бабрия, 67, 2.

78. Пловцы. Ср. Федр, IV, 18.

79. Кошка и мыши. Ср. Федр, IV, 2; Бабрий, 17.

81. Лисица и обезьяна. В заключительной реплике лисицы Крузиус предложил читать не psychēn, а pygēn: «С такой-то задницей будешь ты царствовать над животными!» — сблизив ее со стихом сходного содержания, сохранившимся от эпода Архилоха (отр. 83 D.). Смысл (в истолковании С. Я. Лурье): «не может быть царем тварь, у которой от капкана назади рубец, как у раба!»

82. Осел, петух и лев. Ср. свидетельство Плиния: «Отпугивают льва вращающиеся колеса, пустые повозки, петушиные гребни, даже петушиный крик, но более всего — огонь».

83. Обезьяна и верблюд. Ср. Бабрий, 80.

84. Два жука. Эта басня, подчеркнуто «низменная» по образам и мотивам, когда-то была изложена торжественными гекзаметрами; следы этого ритма сохранились и в прозаическом тексте. Так, начало басни звучало приблизительно следующим образом:

> Пасся бык на одном островке, а бычьим навозом
> Два кормились жука. Когда зима наступила,
> Жук один другому сказал: «Хочу улететь я
> К твердой земле. . .»

85. Поросенок и овцы. Афтоний, 20. Эта басня дважды встречается в рукописях старшей редакции, во второй раз — в следующем варианте (Хаусрат, 189):

> *Поросенок и лиса.* Один человек нагрузил на осла козу, овцу и поросенка и повез их в город. Поросенок визжал всю дорогу; услышала его лиса и спросила, в чем дело, почему остальные едут молча, а он один визжит. Отвечал поросенок: «Не без причины я горюю: я ведь знаю, что с овцы хозяин возьмет шерсть и отпустит ее, а с козы возьмет сыр и козлят; и только с меня ему будет взять нечего, и он меня прямо зарежет». — Так не следует ругать людей, которые плачутся в предвиденье предстоящих невзгод.

Эту же басню кратко пересказывает Элиан («Пестрые рассказы», X, 5) с неожиданным выводом: «Так же ведут себя тираны: они вечно исполнены подозрений и всего страшатся, ибо знают, что, подобно свинье, любому должны отдать свою жизнь».

86. Дрозд. Синтипа, 58 (где вместо дрозда действует воробей).

87. Гусыня, несущая золотые яйца. Бабрий, 123; Авиан, 33; Синтипа, 27. В большинстве вариантов гусыня заменена курицей.

89. Гермес и Тиресий. Тиресий — мифический фиванский прорицатель, герой многих мифов, в том числе мифа об Эдипе и его потомках.

91. Собака и хозяин. Бабрий, 129; «Ромул», 21. В основе басни — пословица (App. prov., IV, 25). Иная редакция этой басни содержится в византийском сборнике басен-новелл (о котором см. ниже) среди других пространно и живо написанных рассказов:

> У одного человека в доме был осел, на котором он возил себе припасы, и была собака, которую он не выпускал за двери. И когда он входил в дом, собака бросалась к нему, играла у его ног, ласкалась и притворно покусывала; а хозяин забавлялся ее штуками и сам с нею заигрывал. Глядя на это, ослу стало завидно, и начал он раздумывать так: «Работаю я много, таскаю и хлеб, и вино, и воду,

и всякие припасы, а хозяин никогда со мной не играл и никогда меня не ласкал. А собака целый день только ест да спит, и все-таки хозяин ее любит. Все это потому, что я глупый и неумелый и не такой ловкач, как эта собака. Попробую-ка и я вести себя, как она, и так же ловко заигрывать с хозяином! Мои штуки ему понравятся не меньше: ведь ловкость и проворство всякому по душе». Так раздумывал осел про себя. А вечером вернулся домой хозяин, собака игриво к нему подбежала, поглядел на нее осел, и вконец одолела его зависть: бросился он вперед вскачь, брыкаясь и с громким криком, и давай вскидывать передние ноги на хозяина. Испугался хозяин, что осел его хватит копытом, отскочил, схватил палку и отколотил осла нещадно. — Басня показывает, что ловкость хороша, лишь когда она к месту и никому не вредит.

93. Гадюка и пила. Ср. Федр, IV, 8.

94. Отец и дочери. В младшей редакции вместо отца выступает мать, но текст остается почти без изменений. Басня представляет собой развитие ходячей сентенции, которую находим уже у Феогнида (ст. 25—26: поэт предполагает, что его стихи не каждому читателю понравятся):

> . . . даже Зевс не сумеет,
> Вёдро послав или дождь, сразу на всех угодить.

У Софокла (отр. 481, пер. Ф. Ф. Зелинского) Агамемнон, разрешая спор между вождями, предупреждает:

> Не в силах ведь верховный рати вождь
> Всех осчастливить, всем в угоду править.
> Сильнее много Зевса власть — моей,
> А все ж и он ни в вёдро, ни в ненастье
> Не будет другом всем, и пусть к ответу
> Пред смертных суд он явится — виновным
> Его признают. . .

96. Гадюка и лиса. Бабрий (парафраза), 173. В младшей редакции — пространный вариант (№ 116b по Шамбри):

Змея гнездилась в терновой изгороди, что окружала виноградник у реки. Когда река от затяжных дождей сильно разлилась, изгородь смыло и понесло вниз по течению; а змея ухватилась за терновые прутья и поплыла по самой середине реки. Одна лисица это увидела и с громким смехом воскликнула: «Дурной корабль, но как раз по пловцу, а пловец как раз по кораблю!».

97. Волк и козленок. Риторическая переработка этой басни сохранилась в сборнике так называемого «rhetor Brancatianus»; любопытны простейшие средства, которыми в ней достигается приподнятый стиль: «Козленок отстал от *родного* стада, и за ним погнался *хищный* волк. *Обернулся* козленок и *молвил* волку: «*Ах*, волк. . .» и т. д.

98. Волк и козленок. Бабрий, 96. Пословицу: «С высокого места насмехаешься!» — приводит Диогениан (III, 24).

100. Зевс, Прометей, Афина и Мом. Бабрий, 59. Мом, сын Ночи, — воплощение злословия; по одному из мифов, он лопнул от злости, когда не смог найти никаких недостатков в красоте Афродиты (ср. басню № 393). Эта притча пользовалась огромной популярностью: только Лукиан упоминает ее мотивы не менее семи раз, а Аристотель («О частях животных», III, 2, 663a 35) серьезно защищает положение бычьих рогов от упреков Мома.

101. Галка и птицы. Федр, I, 3; Бабрий, 72; Афтоний, 31; ссылается на эту басню Гораций в «Посланиях», I, 3, 15, убеждая друга-поэта быть оригинальным, а не рядиться в чужие перья; может быть, эту басню использовал еще киник Дио-

ген, одно из сочинений которого (не дошедших до нас) носило название «Галка». Вот образец риторического распространения этой басни в письме Феофилакта Симокатты (VII в.):

> Явилось однажды к Зевсу посольство от птиц, умоляя Олимпийца даровать им владыку, — ибо было в те времена у птиц безначалие, не имели они твердой власти, величайшего из благ, и страдали от неурядицы своей безмерно. Снизошел Зевс к их мольбе, и стало желаемое явью, и дивятся просители дивному дару: даруется им царская власть. Повелел Зевс птицам полететь к озерам и рекам и омыть с себя грязь: влаге он доверил испытание их на царство, ибо в почете у Зевса красота. Омылись птицы, и вот вновь летят они к Зевсу, и каждая красуется собственною красою. А галка, опасаясь, что вид ее неблагообразен, измышляет хитрость, и заемною красотою украшает свою неприглядность. Но изобличила ее неблаговидность сова, всем показав, что прикрасы ее искусственны: признала она на галке совиное перо и выдернула, как свое собственное, а по примеру ее и остальные птицы стали выхватывать каждая свое — и сделалась опять галка галкою. — Басня эта, дорогой мой Хрисипп, явственно гласит нам истину, повествуя о немалом здравомыслии: ведь и для людей ничто из приобретенного здесь не становится собственным, — при жизни мы тщеславимся заемным добром, по смерти же теряем все, что не наше. Отнесись же с презрением к богатству и к телу своему и пекись только о бессмертном — о своей душе...

102. Гермес и Земля. Текст в конце первой фразы испорчен, перевод по смыслу.

103. Гермес. Ср. Бабрий, 57 («Воз Гермеса»: объяснение, почему арабы такие обманщики).

104. Зевс и Аполлон. Бабрий, 68.

105. Конь, бык, собака и человек. Бабрий, 74. В последней фразе текст испорчен, перевод по конъектурам Бельте и Хааса.

107. Зевс и лисица. «Ромул», 97. Ср. Пиндар, «Олимпийские оды», XI, 19.

110. Герой. Бабрий, 63.

111. Геракл и Плутос. Федр, IV, 2; Бабрий («второй сборник»), 13. Плутос (не путать с Плутоном, богом подземного царства!) — бог богатства, сын Деметры, часто изображался слепым в знак того, что богатство распределено между людьми несправедливо.

112. Муравей и жук. В конце ряда рукописей старшей редакции приложен другой вариант этой басни, ставший классическим и перешедший в младшую редакцию и в школьные сборники. Хаусрат полагает, что первый вариант восходит к риторической, а второй — к поэтической обработке басни:

> *Муравей и цикада.* Стужа стояла, и ненастье сошло с Олимпа. Но муравей еще в пору жатвы собрал в своем жилье богатые запасы. А цикада забилась в щель и едва дышала, изнемогая от голода, жажды и сильной стужи. И попросила она у муравья поесть: довольно пшеничного зернышка — и она будет спасена. «Где же ты была летом? — спросил муравей. — Почему ты не запасла корму в жатву?» Ответила цикада: «А я пела и веселила прохожих». С громким смехом сказал муравей: «Ну, так попляши зимою». — Учит нас басня, что самое главное — заботиться о насущной пище, а не тратить время на забавы и гулянья.

Ср. Бабрий, 140; псевдо-Досифей, 17; Афтоний, I; Синтипа, 43; «Ромул», 93; Феофилакт Симокатта, письмо 61. Вот начало пространной риторической переработки Феофилакта:

> «В летнюю пору, в свежей листве деревьев резвилась цикада, звонко распевая и наслаждаясь звуком собственного сладостного пенья. Муравей тоже был среди тех, кто радовался лету, но трудился он все время возле гумна и пищу свою укрывал в недра земли, ибо был муравей предусмотрительнее цикады. Но вот отступило перед северными ветрами солнце, отошла осень, и землю сковала зима, море нарушило покой летнего безветрия, пловцы стали укрываться в спасительные гавани, селянин — в теплую хижину, а муравей — в расщелины земли, уго-

щаться всем, что у него было хорошего...» и т. д. Как видим, и здесь распространению подвергается главным образом экспозиция басни.

114. Лекарь и больной. Вот византийское силлабическое переложение этой басни (Шамбри, 135d):

Увидел лекарь тяжелого больного
И стал беднягу лечить по мере знанья,
Но очень скоро больной его скончался.
Лекарь промолвил, обратясь к домочадцам:
«Вина поменьше, припарок бы побольше —
И был бы друг ваш и живым и здоровым».
Но так ответил кто-то из домочадцев:
«Лекарь ты, лекарь, к чему такие речи?
К чему советы, если он уже умер?
Пока он жив был, тогда и хлопотал бы».

117. Верблюд и Зевс. Бабрий (парафраза), 161; Афтоний, 15; Синтипа, 59; Авиан, 8. У Лукиана («Икаромениппп», 10) Икаромениппп, вознамерившись взлететь в небо на птичьих крыльях, говорит: «Надежду в этом деле... давал мне баснописец Эзоп, который утверждает, что небо доступно не только орлам и навозным жукам, но подчас даже верблюдам».

118. Бобр. Федр, А, 28. В эротическом осмыслении это поверье упоминается Апулеем в «Метаморфозах», I, 9. Из яичек бобра (точнее — из особых желез по сторонам заднего прохода) добывалась бобровая струя — ароматическая жидкость, использовавшаяся в древней медицине и парфюмерии.

119. Огородник. Басня из «Жизнеописания Эзопа», 35—37.

120. Огородник и собака. Синтипа, 34.

121. Кифаред. Кифаредами назывались певцы, аккомпанировавшие себе на струнном инструменте — кифаре. Мораль басни — обычный выпад против оторванного от жизни риторического образования. Ср. Сенека Старший, «Контроверсии», III, введ., 13: знаменитый римский ритор Порций Латрон однажды настолько растерялся, выступая на площади в судебном процессе, что потребовал перенести суд в закрытое помещение, где обстановка больше напоминала ему школу.

123. Галка и вороны. Эту басню в сокращенном виде приводят Фотий и Свида в объяснение распространенного греческого ругательства «Ступай к воронам!» (по-нашему, «к черту»).

124. Ворон и лисица. Федр, I, 13; Бабрий, 77; псевдо-Досифей, 9; Афтоний, 29.

125. Ворона и ворон. Поверье о том, что ворон — вещая птица, сложилось под впечатлением известного факта, что вороны вьются и кричат перед грозой; поэтому ворон считался священной птицей вещего бога Аполлона. Впрочем, обычно ворона пользовалась тем же почитанием и даже считалась обращенной в птицу возлюбленной Аполлона нимфой Коронидой. Эта басня — едва ли не единственное свидетельство о разнице, которая проводилась в птицегадании между вороной и вороном.

126. Галка и лисица. Мораль переведена по конъектуре Шамбри.

127. Ворона и собака. Почему Афина ненавидит ворону, объясняет рассказ Овидия («Метаморфозы» II, 548—588): Коронида-ворона была отвергнута богиней, когда принесла ей дурную весть о том, что три аттические царевны подсмотрели за ее питомцем, скрытым в корзине младенцем Эрихтонием, будущим афинским царем.

130. Живот и ноги. Синтипа, 35; «Ромул», 66; ср. Бабрий, 134. Это — знаменитая «Басня Менения Агриппы», римского сенатора, который якобы убедил таким рассказом плебеев, отделившихся от римской общины в знак протеста против произвола патрициев, вернуться в Рим (Тит Ливий, II, 32; Дионисий Галикарнасский, VI, 83 и 86; Плутарх, «Кориолан», 6).

133. Собака с куском мяса. Федр, I, 4; Бабрий, 79; псевдо-Досифей, 11; Афтоний, 35, Синтипа, 28. Басня впервые упоминается еще у Демокрита: «Желание боль-

шего приводит к потере того, что имеешь, будучи подобно Эзоповой собаке» (Стобей, III, 10, 68, пер. А. Маковельского).

135. Голодные собаки. Федр, I, 20; Синтипа, 61. Басней пользуется Плутарх в полемике против стоиков с их этической программой «все или ничего» («Об общепринятых понятиях», 19, 1067f). У Синтипы вместо собак действуют волки, а предостерегает их от пагубного замысла человек.

136. Собака и заяц. Бабрий, 87; Синтипа, 50. У Синтипы поведение собаки мотивировано: «Собака гналась за зайцем, схватила его и стала его то кусать, то слизывать кровь, текущую из укусов. А заяц подумал, что это собака так его целует, и сказал ей: „Или уж ты поцелуй меня, как друг, или загрызи, как недруг и враг"». — Басня развилась из пословицы (Зиновий, IV, 90), впервые появляющейся еще у Софокла: «Кусаешь и виляешь, как коварный пес» (отр. 800).

137. Комар и бык. Бабрий, 84; Синтипа, 47.

138. Зайцы и лягушки. Бабрий, 25. В младшей редакции расширена экспозиция: «Зайцы однажды собрались и стали друг другу плакаться на свою жизнь: со всех сторон вокруг них опасность и страх, охотятся на них и люди, и псы, и орлы; так что лучше уж им умереть разом, чем дрожать всю жизнь. . .»

140. Лев и крестьянин. Бабрий, 98; Афтоний, 7. По Диодору (XIX, 25), эту басню в 317 г. до н. э. рассказывал своим войскам полководец Евмен, предостерегая их от доверия к хитростям своего противника Антигона.

142. Лев и лисица. Бабрий, 103; псевдо-Досифей, 6; Афтоний, 8; Синтипа, 37. Один из самых популярных басенных сюжетов древности: еще Платон в «Алкивиаде I», 123a, намекает этой притчей на то, что «все золото со всей Эллады входит в Спарту и не уходит оттуда». Гораций («Послания», I, 173) поминает эту басню, доказывая, что нет возврата для того, кто пустился угождать толпе; Плутарх («О преуспеянии в добродетели», 7, 79a) — для того, кто увлекся философией.

143. Лев и бык. Бабрий, 97.

145. Лев и дельфин. Ср. Элиан, «Рассказы о животных», XV, 17:

> От природы между львом и дельфином существует некое таинственное родство и близость: и не только потому, что оба они — цари, один над земными животными, другой над морскими, но еще и потому, что, когда они начинают от глубокой старости чахнуть, тогда одному из них служит исцелением сухопутная обезьяна, и другой также ищет для себя подобного средства — ибо есть среди животных и морская обезьяна, и она-то полезна дельфину, как сухопутная — льву.

146. Лев, испуганный мышью. Басня очень темная, заключительная реплика льва в разных рукописях передана по-разному и, по-видимому, приводила в недоумение уже переписчиков. Нёйгор предполагает, что первоначальный мотив (непристойный) был рано отброшен и забыт, но не нашел удовлетворительной замены.

149. Лев, осел и лисица. Федр, I, 5; ср. Бабрий, 67.

150. Лев и мышь. Бабрий, 107; псевдо-Досифей, 2; «Ромул», 22.

151. Лев и осел. Федр, I, 11.

152. Разбойник и тутовое дерево. Темно-красный цвет тутового дерева называется «кровавым» еще у Вергилия («Буколики», 6, 22) и Колумеллы (X, 401); Овидий («Метаморфозы», IV, 125—127) рассказывает, что этот цвет они получили от крови заколовшихся под ними Пирама и Фисбы.

153. Волки и овцы. Афтоний, 21; «Ромул», 63. Плутарх сообщает, что эту басню напомнил афинянам Демосфен, когда в 336 г. до н. э. Александр Македонский потребовал выдать ему вождей антимакедонской партии во главе с самим Демосфеном: «он сравнил себя и своих товарищей с собаками, бившимися за народ, а Александра назвал неслыханно лютым волком» («Демосфен», 23).

155. Волк и ягненок. Федр, I, 1; Бабрий, 89.

156. Волк и цапля. Федр, I, 8; Бабрий, 94; Афтоний, 25; «Ромул», 11. Слова «из волчьей пасти» были пословицей. Фуриа сближает с этим сюжетом рассказы

древних о птичке трохил, которой крокодил позволяет очищать себе зубы (например, Элиан, «Рассказы о животных», III, 11).

157. Волк и коза. Авиан, 26; Синтипа, 44.

158. Волк и старуха. Бабрий, 16; Афтоний, 39; Авиан, 1. В византийском силлабическом переложении (Шамбри, 224d) эта басня звучит так:

Волк, злой, голодный, искал себе добычи.
Рыскал он всюду и наконец услышал:
Где-то в домишке малыш кричит и плачет,
А над ним бабка твердит ему, грозится:
«Уймись, дождешься: выброшу тебя волку!»
Волк живо понял эти бабкины речи
И вот, в надежде на легкую поживу,
Сел, дожидаясь, чтобы сожрать младенца.
Уж полночь близко; вдруг снова бабкин голос:
Она смеялась, крошку свою лаская,
И говорила: «Детка ты моя, детка!
Что нам до волка! Мы вмиг его зарежем!»
Услышав это, побрел волк восвояси,
Так рассуждая: «Как видно, в этом доме
Слово и дело не в ладу меж собою,
И мне, бедняге, опять ходить голодным».

159. Волк и овца. Бабрий, 53 («Волк и лиса»).

160. Волк и овца. Бабрий («второй сборник»), 24.

161. Гадатель. Ср. Ксенофонт, «Пир», 4, 4—5: «Разве мало ты видал плотников и каменщиков, которые для многих других строят дома, но для себя не имеют возможности выстроить, а живут в наемных?.. Ведь и гадатели, говорят, другим предсказывают будущее, а для себя не предвидят, что их ожидает» (пер. С. И. Соболевского).

162. Мальчик и ворон. Слова «который также называется вороном» добавлены нами для ясности.

163. Пчелы и Зевс. Бабрий (парафраза), 183. Ср. Никандр, «О животных ядах», 806—810. Вот византийский силлабический пересказ этой басни (Шамбри, 235):

Пчела когда-то, строительница сотов,
Прийти решила на поклон к олимпийцам,
Взявши с собою свой мед для приношенья.
Зевс был доволен этим ее подарком
И обещал ей дать все, чего попросит.
И вот сказала пчела голосом слезным:
«Пресветлый боже, пчелиный род создавший,
Даруй мне жало за мою тебе службу,
Чтобы могла я убивать беспощадно
Всех, кто захочет мед у меня похитить».
Зевс прогневился, услышав эту просьбу,
Ибо любил он человечью породу;
И вот какое в ответ сказал он слово:
«Не все так будет, как ты того желаешь:
Ежели кто-то твоих коснется сотов,
Ты, подлетевши, больно ужалишь вора,
Но вмиг погибнешь сама, потеряв жало».

164. Жрецы Кибелы. Федр. IV, 1; Бабрий, 141. Кибела — малоазиатская богиня, экстатический культ которой со времени эллинизма был широко распространен по

всему античному миру. Жрецы ее назывались галлами, корибантами или менагиртами; бубны принадлежали к утвари их обрядов. Из басни мотив «осел у галлов» попал в роман Апулея «Метаморфозы» (VIII, 24—30) и в «Осла» псевдо-Лукиана (35). В версии «Ромула» место жрецов заступает хозяин-торговец; см. пер. этой версии в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 228.

165. Мыши и ласки. Бабрий, 31; псевдо-Досифий, 3; Синтипа, 51. В нескольких рукописях старшей редакции эта басня излагается в следующей версии, сокращенной и рационализированной:

Ласки и мыши вели между собою непримиримую войну. Мыши сделали себе из соломы копья и колесницы и затеяли бой; но ласки их стали теснить. Мыши хотели было попрятаться в щели, но из-за своих соломенных дубин не могли туда залезть и были настигнуты ласками. — Не следует бессильному затевать войну.

166. Муравей. Ср. замечание О. Келлера (O. Keller. Die antike Tierwelt. Lpz., 1913, II, p. 416): «Несмотря на удивление, возбуждаемое их достоинствами, прежде всего — умом и трудолюбием, муравьи подвергались жестокому преследованию со стороны человека. Они пожирали все, что делал крестьянин, от них не было безопасно никакое зерно ни в поле, ни на гумне. . .»

167. Муха. По-видимому, басня возникла из прозаического пересказа басни Бабрия, 60 («Не доглядев, попала мышь в горшок супу. . .»), с искажением лишь имени главного лица (mŷs — myîa). .

168. Человек, потерпевший крушение, и море. Ср. Бабрий, 71.

169. Мот и ласточка. Бабрий, 131. В основе — пословица: «одна ласточка весны не делает» (т. е. «за один день ничему не научишься», — объясняет Зиновий, V, 12).

171. Летучая мышь, терновник и нырок. Синтипа, 36.

172. Летучая мышь и ласка. Ср. Игнатий Диакон, 22 («Страус»: см. Федр. Бабрий. Басни, стр. 185). Античные зоологи еще со времен Аристотеля знали, что летучая мышь — млекопитающее, но народное мнение упорно считало ее птицей. Ее промежуточное положение между зверями и птицами обыграно в известной греческой загадке: «Слепой-не слепой мужчина-не мужчина бросил камень-не камень в дерево-не дерево и попал-не попал в птицу-не птицу» (кривоглазый евнух бросил куском пемзы в куст и задел летучую мышь).

174. Путник и Судьба. Бабрий, 49. В средней редакции — следующий вариант:

Мальчик и Судьба. Мальчик спал на краю колодца. Подошла к нему Судьба и крикнула: «Встань и уходи отсюда, не то ты упадешь прямо в колодец, а люди будут бранить меня, Судьбу». — Басня показывает, что мы часто делаем ошибки, попадаем в беду, страдаем и во всем виним Судьбу.

175. Путники и платан. Ср. Плутарх, «Фемистокл», 18: «Он говорил, что афиняне. . . поступают с ним, как с платаном: во время бури прячутся под ним, а в хорошую погоду обрывают его и ломают». То же изречение — у Элиана, «Пестрые рассказы», IX, 18.

176. Путник и гадюка. Федр, IV, 19; Бабрий (парафраза), 147; Синтипа 25. Пословица «змею выкормить» имеется у Арсения, 42, 12; в литературе она впервые появляется у Феогнида, 601—602, хотя и с другим значением («держать змею за пазухой», как у нас — «камень за пазухой»). В старшей редакции (даже в тех же рукописях) содержится и другой, сокращенный вариант этой басни (Хаусрат, 62) со стихом холиямба в реплике крестьянина:

Крестьянин и змея. Крестьянин в зимнюю пору нашел змею, застывшую от холода, пожалел ее, поднял и положил за пазуху. Отогрелась змея, пришла в себя и ужалила своего благодетеля насмерть. И крестьянин, умирая сказал:

Мне поделом: зачем я пожалел злое?

Басня показывает, что, сколько ни делай добра дурным людям, они своего нрава не изменят.

177. Путники. Ср. «Жизнеописание Эзопа», 60.

178. Путник и Гермес. Вот византийский силлабический пересказ этой басни (Шамбри, 261d):

Какой-то путник, отправляясь в дорогу,
Молил Зевеса послать ему находку,
Дав обещанье, коль что-нибудь найдется,
Посвятить богу лучшую часть поживы.
Нашел он сумку, и полна была сумка
Фиников спелых и миндальных орехов.
Сперва он думал, что в сумке лежат деньги;
А как увидел финики да орехи,
Так принес в жертву от фиников — костяшки,
А от орехов — только одни скорлупки:
Все остальное съел он сам с голодухи.
Так он исполнил обет свой, данный Зевсу,
Отдав, что было и внутри, и снаружи.

179. Осел и садовник. Этот мотив использован псевдо-Лукианом, «Лукий, или Осел», 43.

180. Осел, навьюченный солью. Бабрий, 111, Элиан («Рассказы о животных», VII, 42) и Плутарх («О разумности животных», 16, p. 971b) рассказывают этот анекдот о мудреце Фалесе Милетском и его осле.

181. Осел и мул. У Бабрия (7) в подобном сюжете выступают осел и конь, у Плутарха («Наставления о здоровье». 27, p. 137d) — бык и верблюд.

182. Осел со статуей на спине. Бабрий (парафраза), 163. В повести псевдо-Лукиана (37—40) осел выступает и в этой роли.

184. Осел и цикады. Синтипа, 1. Представление, что цикады питаются росою, сохранялось даже у Аристотеля («История животных», V, 30) и Плиния («Естественная история», XI, 92—95); оно попало и в популярное анакреонтическое стихотворение (32 по Бергку):

Как блаженна ты, цикада!
Ты живешь в ветвях деревьев,
Ты сыта одной росинкой. . .

186. Осел и погонщик. Бабрий (парафраза), 162. Слова погонщика в более точном переводе: «Твоя победа, но не на радость тебе она будет!» Отсюда, по свидетельству словаря Суды, пошла пословица «осел погонщика победил» («Дополнения к пословицам», IV, 8).

187. Осел и волк. Бабрий, 122; Афтоний, 9. В рукописях старшей редакции эта басня рассказана дважды, в очень близких вариантах (Хаусрат, 198 и 257).

188. Осел в львиной шкуре. Бабрий, 139; Афтоний, 10; Авиан, 5. Первоначально действие басни приурочивалось к Киме, греческому «городу дураков» (см. Федр. Бабрий. Басни, стр. 255), и ее комизм заключался в том, что узнать осла под львиной шкурой мог лишь приезжий из другого города. Намек на Киму сохранился у Лукиана («Лжец», 3) и в поговорке «Осел в Киме» (Апостолий, XII, 84). Вариант младшей редакции:

Осел натянул львиную шкуру, и все приняли его за льва. И люди, и скоты бросились в бегство. Но подул ветер, приподнял шкуру, все увидели осла под его покровом и отколотили его дубьем и палками. — Басня показывает: кто беден, не подражай богачам, не то попадешь в беду и станешь посмешищем.

190. Осел, ворон и волк. *«Как ни вцепись»* — в подлиннике текст испорчен, перевод по смыслу. Фигура осла с вороном на спине была популярным изображением на монетах (О. Келлер. Указ. соч., I, стр. 267). В действительности, конечно, ворон садится на спину осла не из кровожадности, а для того, чтобы выклевывать из его шерсти паразитов-насекомых.

192. Курица и ласточка. Синтипа, 57.

194. Птицелов и аист. Бабрий, 13; Афтоний, 14. Бабрий заменяет утилитарный мотив «аист хорош тем, что истребляет змей» этическим мотивом: «аист хорош тем, что чтит отца и мать и кормит их в старости» (поверье, засвидетельствованное еще Аристофаном, «Птицы», 1353—1357).

195. Верблюд. «Что верблюд и вовсе не способен злиться» — точнее: «что у него в печени нет желчи» (ср. Плиний, XI, 191: «Желчи не имеют. . . лошади, мулы, бараны, олени, козы, верблюды, дельфины»). Арабы, у которых была даже поговорка «мстителен, как верблюд», по-видимому, не согласны с этим мнением.

196. Змея и краб. В середине басни — лакуна, перевод по восстановлению Хаусрата. Ср. старинную застольную песню, приводимую Афинеем, XV, 695а:

И так отвечает краб,
Гадюку клешней схватив:
«Должен быть прямодушным друг
И чуждаться кривых путей».

Г. А. Мегас (Some oral Greek parallels to Aesop's fables в кн.: Humaniora: essays ... honoring A. Taylor, N. Y., 1960, стр. 195—208) сообщает сюжет новогреческой сказки, восполняющий несвязность басенного текста: друзья легли спать вместе, змея обвила краба и стала его душить, объясняя, что это от любви; тогда краб вынужден был убить ее, и, глядя, как она вытянулась, сказал свои поучительные слова.

198. Растоптанная змея. Синтипа, 18.

199. Мальчик, ловящий кузнечиков. Бабрий (парафраза), 168; псевдо-Досифей, 10; Синтипа, 39; «Ромул», 88. Собственно, речь здесь идет не о кузнечиках, а о саранче («акридах»), которая употреблялась бедняками в пищу не только на Востоке, но и в Греции.

200. Мальчик-вор и его мать. Бабрий («второй сборник»), 31. «Дощечки», покрытые воском, служили в греческой и римской школе дешевым писчим материалом.

201. Голубь, который хотел пить. Синтипа, 8; Бабрий («второй сборник»), 33. Изображение, настолько похожее на предмет, что животные и птицы, видя его, обманываются, — обычный мотив античных представлений о совершенстве искусства.

202. Голубка и ворона. Басня, по-видимому, выражает не столько настроения рабов (рабыни, рождающие детей, понятным образом находились у хозяев на лучшем счету, чем бесплодные), сколько стоико-кинический аскетизм (человек не может назваться истинно свободным, пока его связывают с миром материальные, родственные, дружеские и прочие связи).

203. Обезьяна и рыбаки. Бабрий (парафраза), 157; Синтипа, 46. У Бабрия обезьяна пытается забросить сети в море, но запутывается в них и гибнет.

204. Богач и кожевник. Бабрий (парафраза), 146.

210. Пастух-шутник. Бабрий (парафраза), 169.

211. Купающийся мальчик. Бабрий (парафраза), 165; Синтипа, 23.

212. Стриженая овца. Бабрий, 51.

213. Гранатовое дерево, яблоня и терновник. Ср. Бабрий («второй сборник»), 17, и басню из «Ямбов» Каллимаха (№ 373 по настоящему изданию).

214. Крот. Бабрий (парафраза), 170, с эротическим мотивом вместо «зернышка ладана». В средней и младшей редакциях басня имеет следующий вид:

Крот, слепая тварь, сказал однажды своей матери: «Вижу смоковницу!» И в другой раз сказал: «Чую запах ладана!» И в третий раз: «Слышу стук медных гвоздей!» Отвечала ему мать: «Вижу, дитя мое, что ты не только зрения, но и чутья и слуха лишился!»

215. Осы, куропатка и крестьянин. Этой басней, как кажется, пользовался еще Архилох: среди его фрагментов к ней могут относиться два (35 и 38 D.): реплика ос: «[Своим полетом] твой мы ограждаем двор», и ответ крестьянина (пер. В. Вере-

саева): «Есть в доме круторогий, дюжий бык у нас, не гулевой, в работе очень опытный. . .»

217. Бык и дикие козы. Бабрий, 91 («Бык и козел»); Авиан, 13; «Ромул», 90; псевдо-Досифей, 14; Синтипа, 40.

218. Обезьяньи дети. Бабрий, 35; Авиан, 35. В средней редакции связь мотивов представлена более четко: «Но некий рок устраивает так, что любимого детеныша мать нежно и сильно сжимает в объятиях и душит, а нелюбимый остается жив». Ср. Плиний, VIII, 216: «Род обезьян отличается исключительной страстью к своим детенышам. . . так что они нередко убивают детенышей своими ласками».

219. Павлин и галка. Синтипа, 53.

220. Верблюд, слон и обезьяна. Свиньи, равно как и мыши, считались животными, вида и крика которых слон боится; иногда свиней даже выпускали в сражении против строя неприятельских слонов (Элиан, «Рассказы о животных», I, 38; XVI, 36).

222. Свинья и собака. Бабрий («второй сборник»), 39. Свинья была животным, ненавистным Афродите с тех пор, как кабан убил Адониса.

224. Кабан и лисица. Бабрий («второй сборник»), 48.

226. Черепаха и заяц. Бабрий (парафраза), 177. Басня представляет собой малоудачную моралистическую перелицовку известной народной сказки о том, как черепаха (или еж, как видно по изображению сюжета на одной вазе) обманула зайца, поставив у финиша беговой дорожки другую черепаху (или ежа). Часть рукописей младшей редакции дает более живой рассказ:

> Потешался заяц, что у черепахи такие слабые ноги. Отвечала черепаха: «А я тебя с твоими быстрыми ногами перегоню!» Заяц ей: «На словах только ты хвастаешься, черепаха, а попробуй потягаться — и увидишь. Какое назначишь место и какую награду?» Лисица, справедливая и премудрая, указала им для бега прямую дорожку. Черепаха не мешкая пустилась в путь, памятуя о своей неповоротливости; а заяц, полагаясь на свои ноги, улегся и заснул. И когда он явился к назначенному месту, он увидел, что черепаха со всей ее медлительностью его перегнала. — Так многие, слабые от природы, но сильные усердием, одолевают тех, кто проворен от природы, но беспечен.

Ритор Либаний дает следующую обработку этой басни:

> *Черепаха и конь.* Тщеславился конь своей быстротой, и похвальба его была всем животным до крайности обидна, а более всего — черепахе, которую он все попрекал ее медлительностью. Досадно ей стало терпеть такие обиды, и вот вызвала она его на состязание в беге. Расхохотался конь на этот вызов, посчитав подобное состязание ниже своего достоинства. Расхохотались и остальные животные, глядя на такое нарушение законов природы. Но черепаха стояла на своем и твердила, что она победит; и тогда животные заставили коня принять вызов. Был уже назначен и день и расстояние для бега; но и после этого конь еще отъедался у кормушки, а черепаха упражнялась в беге непрерывно, даже ночью не покладая сил. Вот настал день, все сиденья уже были заполнены верблюдами, ослами, птицами и прочими домашними животными, даже оленей привлекла сюда молва; и все зрители посмеивались, ожидая посрамления черепахи. Но когда был подан знак и пришло время бежать, конь от безделья и от объеденья оказался таким же непроворным, как и раньше, а черепахе ее усердные упражнения принесли и быстроту, и победу. — Так и ты, дитя мое, не дремли, полагаясь на природные дары, а размышляй и трудись, иначе тебя легко опередит даже тот, кто менее одарен природой.

227. Черепаха и дракон. Бабрий, 118.

228. Гуси и журавли. Синтипа, 60 («Гуси и лебеди»).

230. Черепаха и орел. Бабрий, 115; Авиан, 2.

231. Блоха и атлет. Бабрий («второй сборник»), 57. В младшей редакции начало басни несколько иное: «Блоха однажды вспрыгнула человеку на ногу. Тот призвал

себе в помощь Геракла. Но тотчас блоха одним прыжком от него ускользнула, и тогда он со стоном молвил...» и т. д.

232. Лисицы у Меандра. Меандр — река в Карии (Малая Азия), впадающая в Эгейское море близ греческого города Милета. По-видимому, басня принадлежит к числу так называемых «карийских басен», о которых упоминают античные теоретики.

233. Лебедь. Представление о том, что лебеди способны к чудесному пению, было в античности широко распространено: лебединое пение упоминается уже в «Илиаде», II, 460, и в псевдо-гесиодовском «Щите Геракла», 316, а Платон в заключительном мифе своего «Государства» (X, 620а) заставляет душу Орфея перевоплотиться в лебедя, и Гораций в оде II, 20, изображает свое собственное превращение в лебедя. Из этого представления очень рано развилось фантастическое поверье о предсмертной лебединой песне (впервые — у Эсхила, «Агамемнон», 1444; Платон в «Федоне», 35, р. 85а, пишет, что поют лебеди при этом от радости, что отходят к своему отцу-покровителю Аполлону, и сравнивает с этим настроение умирающего Сократа).

238. Домашние голуби и дикие голуби. Басня, редко встречающаяся в рукописях и впервые опубликованная только в 1876 г. Хаусрат помещает ее после басни 194 (208 по его нумерации), считая последнюю ее образцом.

240. Прометей и люди. Бабрий («второй сборник»), 32. На этот миф шутливо ссылается Гораций в известном стихотворении («Оды», I, 16, 13—16) в оправдание «звериной» свирепости своих юношеских стихотворений.

242. Гиена и лисица. 243. Гиены. Представление о том, что гиена периодически меняет свой пол, возникло оттого, что гиены, разрывавшие могилы, считались животными демоническими; с ними связывались ходячие поверья об оборотнях. Овидий включил это превращение в свои «Метаморфозы» (XV, 410), Элиан — в свои «Рассказы о животных» (I, 25); впрочем, уже Аристотель («История животных», V, 32) знал, что это вымысел.

244. Попугай и ласка. Ср. Бабрий, 135 («Куропатка и ласка»). Попугаи были в античности большой редкостью; их привозили из Индии, чтобы потешить любителей их человеческой речью. Басня интересна тем, что среди немногих басен, посвященных рабам и рабству, только в ней намечено расслоение среди рабов — разница между рабом, занятым хозяйственной работой, и рабом-потешником, прислуживающим лично господину.

Басни из отдельных рукописей эзоповского сборника

245. Диоген в дороге. 246. Диоген и плешивый. Образ Диогена Синопского (ум. ок. 324 г. до н. э.), бродячего мудреца, живущего в бочке и видящего в нищете свободу от всех земных благ и бед, был очень популярен в греческих анекдотах. Схожая сентенция приписывалась Платону (Сенека, «О благодеяниях». VI, 18, 1), Демосфену («Ватиканский гномологий», 223, о заимодавце, который всем давал в долг: «Не чувствую признательности: ты это делаешь не по доброте, а по неразумию»), кифареду Стратонику (Элиан, «Пестрые рассказы», XIV, 14, о гостеприимце, который пускал к себе первого попавшегося: «Уйдем отсюда, видно, это не дом, а постоялый двор»).

247. Верблюд. Бабрий, 80.

248. Орешник. Бабрий (парафраза), 151. Тема «жалоб орешника» была популярна в литературе со времени эллинизма; известна эпиграмма Антипатра Фессаloникийского («Палатинская антология», IX, 3) и любопытная латинская элегия, приписываемая Овидию.

249. Львица и лиса. Ср. Бабрий (парафраза), 189 («Свинья и львица»). О том же самом поверье пишет Геродот (III, 108): «Львица как сильнейший и отважнейший

зверь рождает одного детеныша один раз в жизни: при рождении она вместе с детенышем выбрасывает и матку. Причина этого следующая: лишь только детеныш начинает двигаться, он разрывает матку когтями, так как когти у него острее, нежели у какого-либо другого животного... и ко времени родов матка совершенно разрушается». Но уже Аристотель («История животных», VI, 31) отмечает, что это выдумка (львица, как и большинство животных, рожает каждую весну), предназначенная объяснить сравнительную редкость этого зверя.

250. Волк и ягненок. Бабрий, 132; Авиан, 42.

252. Птицелов и куропатка. Басня представляет собой контаминацию двух бабриевских басен (124 и 138). В сборнике Синтипы, 26, — версия, еще более близкая к Бабрию, 138:

> Один птицелов изловил куропатку и хотел ее тотчас зарезать. Куропатка, чтобы спасти свою жизнь, стала его уговаривать: «Если ты меня выпустишь из силка, я много заманю к тебе других куропаток». Но птицелов за такие слова еще больше на нее рассердился и тут же предал ее казни. — Басня показывает: кто расставляет ловушки другому, тот не заметит, как сам в них попадет.

253. Две сумы. Федр, IV, 10; Бабрий, 66. Популярная античная притча, аналогичная библейской о бревне в глазу. Встречается у Катулла (22, 21), у Горация («Сатиры», II, 3, 299), у Фемистия (XXI, 262b) и др.

254. Червяк и змея. Перевод по конъектуре Крузиуса, принятой Хаусратом и Перри; в рукописях вместо «червяка» — «лисица» (вместо skōlēx — alōpēx). Первую фразу Шамбри считает интерполяцией, Хаусрат предполагает лакуну: «Росла у дороги смоковница, и под ней спала змея».

255. Кабан, конь и охотник. Федр, IV, 4; Бабрий (парафраза), 166. Ср. версию, сообщаемую Аристотелем («Риторика», II, 20, 1393b 13) применительно к именам сицилийского тиранна Фаларида и поэта Стесихора (ок. 580 г. до н. э.):

> Когда жители Гимеры выбрали Фаларида полководцем с неограниченной властью и намеревались дать ему телохранителей, Стесихор, приведя различные доводы против этого, рассказал им также басню о том, как лошадь одна владела пастбищем; когда же пришел олень и начал портить пастбище, то лошадь, желая отомстить оленю, спросила одного человека, не может ли он ей помочь. Человек отвечал, что может, если возьмет узду и сядет сам на нее с копьем в руках. А когда лошадь согласилась на это и он сел на нее, то, вместо того чтобы отомстить оленю, лошадь сама попала в рабство. «Так и вы, — сказал Стесихор, — берегитесь, как бы, желая отомстить врагам, не попасть в такое же положение, как лошадь: узда на вас уже надета, раз вы избрали полководца с неограниченной властью; а если вы еще дадите ему телохранителей и позволите ему сесть на себя, то окажетесь рабами Фаларида».

256. Собака и повар. Синтипа, 33. В рукописях старшей редакции конец басни не сохранился; перевод сделан по младшей редакции.

258. Комар и лев. Бабрий («второй сборник»), 18. Эту басню пересказывает Ахилл Татий в романе «Левкиппа и Клитофонт» (II, 22), где одного персонажа зовут Комаром. Вот соответственный отрывок Ахилла Татия:

> Хвастливый комар говорил как-то льву: «Ты думаешь, что ты и надо мной царствуешь, как над остальными животными? Но ведь ты не красивее меня, не сильнее и не больше. В самом деле, какова прежде всего твоя сила? Ты терзаешь когтями и кусаешь зубами? Но разве этого не делает и женщина, когда дерется? Какой рост, какая красота украшает тебя? Грудь у тебя широкая, плечи плотные, а на шее густая грива. Своего безобразия сзади ты и не видишь. А мой рост — весь воздух, который преодолевают мои крылья; красота моя — кудри лугов. Они — словно одежды, которые я надеваю, когда от полета хочу отдохнуть. О мужестве моем смешно было бы не упоминать. Ведь весь я — орудие войны. Я готовлюсь к бою, имея трубу и стрелу; труба моя и стрела — мое жало, так что я и на дуде игрец, и из лука стрелец; ведь пускает меня по воздуху мое

крыло, а попавши, как стрела, причиняю я рану. Ужаленный тотчас же вскрикивает и ищет ранившего. Я же, хотя и тут же, но отсутствую; и убегаю, и остаюсь, и мчусь на крыльях вокруг человека, и смеюсь, видя, как он от ран пляшет. Но к чему слова? Начнем бой!» И с этими словами он нападает на льва, устремляется к его глазам и к другим не защищенным шерстью частям лица и кружится вокруг льва с громким жужжанием. Лев свирепел, поворачивался во все стороны, широко разевал пасть на воздух. Комар еще больше забавлялся его гневом и кусал его в самые губы. Тот наклонялся к больному месту, сгибаясь в сторону раны. А комар, словно борец, упражняющий свое тело к борьбе, проскальзывал между зубами льва, перелетал сквозь смыкающиеся челюсти; и зубы, выпустив добычу, стучали друг о друга. Лев уже утомился тщетно бороться против воздуха зубами и остановился, утомленный гневом, а комар, кружась вокруг его гривы, заиграл победную песнь. Захватив более широкий круг в своем полете, он из-за своей непомерной самоуверенности неожиданно запутался в паутине и, попав туда, был замечен пауком. Бежать он уже не мог и в тоске воскликнул: «О я неразумный! я вызывал на бой льва, а поймала меня ничтожная ткань паука!» — Пора и тебе опасаться пауков!

260. Сосна и терновник. Бабрий, 64; Авиан, 19.

261. Человек и лев попутчики. Бабрий (парафраза), 194; Авиан, 24; псевдо-Досифей, 15; Афтоний, 34; «Ромул», 91. Вот версия псевдо-Досифея:

Эзоп на вопрос, почему женщины боятся мужчин, а не мужчины женщин, рассказал такую басню. Человек и лев однажды спорили между собой, кто сильнее, и искали свидетельства, чтобы решить спор. Проходили они мимо памятника, где было изображено, как человек душит льва, и человек показал на эту картину как на свидетельство. Но лев отвечал: «Эту картину писал человек; а если бы львы умели рисовать, то пришлось бы тебе и такие картины видеть, где лев человека душит. Я же приведу тебе доказательство неопровержимое». Повел лев человека в амфитеатр, показал ему, как лев душит человека, и сказал: «Здесь не краска, а сама действительность служит свидетельством!» Но человек ответил: «Твоя была бы правда, кабы человек, которого ты мне показал, не был связан. А поэтому согласись, что правда явно на моей стороне, и готовься отказаться от своих слов, признав, что люди львов умеют укрощать, чтобы не были они дикими и злыми».

263. Два петуха и орел. Бабрий, 5; Афтоний, 12; Синтипа, 7.

266. Воин и вороны. Басня заимствована из Плутарха, «Фокион», 9; но в плутарховское изложение вставлена она неуместно (Фокион рассказывает ее афинским сборщикам пожертвований на общественные нужды), и связь ее с конкретными обстоятельствами остается неясной.

267. Лев, Прометей и слон. Эта басня почти дословно заимствована из романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (II, 21), где ее рассказывает раб по прозвищу Комар, чтобы защититься от насмешек; а ему на это отвечают другой басней, «Комар и лев» (см. примеч. к басне 258).

268. Деревья и олива. Басня библейского происхождения («Книга судей», 9, 8—15: речь Иофама к жителям Сихема); в греческой литературе ее пересказывал Иосиф Флавий, «Иудейские древности», V, 236—238.

269. Волк и собака. Федр, III, 7; Бабрий, 100; Авиан, 37.

272. Зима и весна. Бабрий («второй сборник»), 55, — где победительницей остается зима.

275. Эфиоп. Афтоний, 6; Синтипа, 41. Пословица «эфиопа моешь» встречается в сборниках у Макария, I, 62, и у Диогениана, I, 45. Вот вариант Синтипы:

Один человек увидел, как индийский эфиоп мылся в реке, и сказал ему: «Не мути и не пачкай воду: все равно тебе белым не стать».

277. Лебедь. Афтоний, 2. О лебедином пении см. примеч. к басне 233.

Басни из пересказов Бабрия

Басни этого раздела восходят по своему тексту к стихотворным басням Бабрия (II в. н. э.). В византийскую эпоху эти басни были переложены прозой, утратили имя Бабрия, ходили отдельными сборниками и нередко включались в состав эзоповских коллекций, вытесняя более ранние редакции. Первые издатели эзоповских басен включали эти басни в свои издания вперемежку с остальными; только после открытия подлинных стихотворных басен Бабрия (1840) стало возможно отделить их парафразы от основного эзоповского корпуса. Главная рукопись прозаических парафраз Бабрия («Бодлеянская») относится к XIII в. Следующая таблица показывает, каким номерам бодлеянской парафразы (п.) и каким номерам всего бабриевского корпуса (Б.) по изданию Крузиуса соответствуют басни этого раздела. В скобках — номера тех басен Бабрия, стихотворный подлинник которых не сохранился.

№	п.	Б.	№	п.	Б.	№	п.	Б.
279	2	12	301	47	65	326	94	108
280	3	(142)	302	49	(149)	327	100	(158)
281	4	3	303	51	70	328	102	(159)
282	5	(143)	304	52	67	329	103	(160)
283	6	10	305	53	75	330	105	127
284	8	4	306	82	(154)	331	108	133
285	9	11	307	57	76	332	113	120
286	10	15	308	62	(152)	333	116	134
287	11	1	309	63	(78)	334	124	(172)
288	13	14	310	69	(153)	335	128	(176)
289	21	24	311	71	104	336	130	(178)
290	—	54	312	74	90	337	131	(179)
291	23	(144)	313	75	95	338	133	(181)
292	24	37	314	78	102	339	135	136
293	25	40	315	79	92	340	137	(184)
294	26	(145)	316	82	(154)	341	138	(185)
295	27	42	317	85	(105)	342	140	(187)
296	67	83	318	86	85	343	141	(188)
297	40	57	319	87	(155)	344	143	(190)
298	44	58	320	88	(156)	345	144	(191)
299	45	(148)	321	89	113	346	147	(193)

279. Соловей и ласточка. Басня сильно сокращена по сравнению с бабриевским текстом. Имеется в виду миф о том, что в соловья была обращена афинская царевна Филомела, а в ласточку ее сестра Прокна после того, как муж Прокны, фракийский царь Терей, обесчестил Филомелу, а сестры отомстили за это, убив его сына Итиса и накормив отца его мясом.

281. Пастух и коза. Федр, А, 22; Афтоний, 5; Синтипа, 41.

282. Зевс и дубы. По свидетельству Аристотеля («Риторика», III, 4, 1406а 3), образами этой басни пользовался еще Перикл: «Как дубы гибнут от дубов, так и беотийцы воюют друг с другом».

285. Человек и лиса. Афтоний, 38 (без мотива наказания: крестьянин из зависти к соседу пускает лису, чтобы пожечь его поле). Ср. рассказ Овидия («Фасты», IV,

681—712), объясняющий, почему на празднике Цереалий 18 апреля италийские крестьяне сжигают на костре лису; ср. также библейский рассказ («Книга судей», 15) о мести Самсона филистимлянам.

286. Афинянин и фиванец. Тезей был обожествленным героем Афин, Геракл — Фив. Вот подлинный текст бабриевской басни, упрощенной в плоском пересказе:

Фиванец и афинянин, в пути встретясь,
Шли вместе, разговаривая друг с другом.
Текла непринужденно и легко речь их,
Покамест о героях не зашли споры.
Фиванец говорил: «Алкмены сын — лучший
Среди людей — в былом, среди богов — ныне».
Афинянин твердил: «Тезей стократ выше,
И подлинно божественна его доля:
Ведь никогда он не был, как Геракл, в рабстве».
И переспорил: был он говорун ловкий.
Фиванец, хоть не мастер был вести споры,
С мужицкой остротой ему в ответ молвил:
«Твоя взяла; ну что ж, пускай кипит гневом
Тезей на нас, Геракл на вас: кому хуже?»

287. Стрелок и лев. Авиан, 17.

288. Медведь и лисица. О поверье, лежащем в основе этой басни, см. примеч. к басне 65.

289. Свадьба солнца. Федр, I, 6.

291. Крестьянин и орел. Этот сюжет бытовал и в качестве ареталогии (рассказа о чуде): остроумную эпиграмму Паллада («Палатинская антология», XI, 378), пародирующую такую трактовку, см. в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 249.

292. Теленок и бык. Авиан, 36.

297. Воз Гермеса. Арабы издавна считались потомками Гермеса (Страбон, «География», I, 2, 34 со ссылкой на Гесиода и Стесихора).

298. Бочка Зевса. Басня представляет собой упрощенное изложение известного мифа о Пандоре (Гесиод, «Труды и дни», 60—105), погубившей людское счастье своим любопытством.

299. Ласточка и ворона. См. примеч. к басне 279.

300. Мул. Более живо рассказана эта басня у Плутарха («Пир семи мудрецов», 4, р. 150а), где она имеет в виду одного из присутствующих персонажей, Алексидема, незаконного сына Фрасибула:

Лидийский мул, увидев в реке свое отражение, возгордился своей красотой и ростом и пустился бежать, как лошадь, потрясая гривой; но пустившись бежать, он тотчас почувствовал, что родился-то он от осла, и быстро остановился, укротив свой пыл и задор.

301. Журавль и павлин. Авиан, 15.

303. Браки богов. С этой басней Филипп Македонский обратился в 349 г. до н. э к городам Халкидики, начиная с ними войну.

304. Лев и дикий осел. По-видимому, басня представляет собою ухудшенный вариант басни 149, иначе непонятны три доли при двух участниках охоты.

305. Неумелый врач. Псевдо-Досифей, 7.

306. Коршун. Афтоний, 3, уточняет, что вначале у коршуна был голос, как у лебедя. Эту басню упоминает император Юлиан в своем памфлете «Брадоненавистник» («Мисопогон», 366а).

307. Всадник и конь. В основе — поговорка «С лошадей на ослов» («например, от занятий грамматикой — к ремеслу или к другому неуважаемому делу», — объясняет Зиновий, II, 33).

308. Ворон, Аполлон и Гермес. Ворон как вещая птица был посвящен Аполлону.

310. Собака. «По окольным переходам» — амфитеатра, где должна была происходить публичная травля диких зверей, для которой откармливалась собака.

311. Собака с бубенцом. Авиан, 7.

313. Больной лев, лисица и олень. «Живет он долго, а рога его ужасны для змей» — по распространенному поверью, олень жил в 36 раз дольше человека и олений род был в вечной вражде со змеиным родом (считалось, что олень способен выманивать змей из нор даже своим дыханием — Элиан, «Рассказы о животных», II, 9). *«Располосовать когтями уши»* — мотив этиологический: олени с раздвоенными ушами водились в Геллеспонтской Фригии (Аристотель, «История животных», VI, 28). *«Взял за ухо»* — распространенный в античности обычай касаться уха собеседника, чтобы насторожить его слух. *«Мозг»* — в подлиннике: «сердце», которое считалось в древности средоточием умственной жизни, как и эмоциональной. Авиан, 30, в своей переработке видоизменяет басню Бабрия почти до неузнаваемости: см. его версию в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 244.

318. Собаки и волки. В бабриевской басне был подробный перечень различных греческих областей, откуда собрались собаки в разношерстное войско; военачальником был назван ахейский пес. Все эти подробности, восходящие, быть может, к какой-то политической аллегории III в. до н. э., в парафразе выпущены.

319. Человек, животные и Зевс. Тема заимствована из популярной философской литературы; поэтому здесь любопытным образом нарушается басенная условность и звери предстают лишенными речи.

320. Теленок и олень. Афтоний, 17:

Басня об олене, показывающая, что лишь тому можно учить, что сам умеешь делать. Оленя его мать поучала такими словами: «Рога тебе самой природою даны, рост у тебя немалый; не пойму я, почему же ты убегаешь, едва появятся собаки?» Но только она это сказала, как послышался издали лай собак; и она, поучавшая сына не робеть, тут же сама и бросилась в бегство.

323. Краб и его мать. Афтоний, 11; Авиан, 3.

324. Мышь полевая и мышь городская. Псевдо-Досифей, 16; Афтоний, 26. Эта популярная басня получила широкую известность в обработке Горация («Сатиры», II, 6, 80—117, пер. М. Дмитриева):

Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору — они старинными были друзьями.
Как ни умеренна, но угощенья она не жалела.
Чем богата, тем рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостье, хоть разностью яств, победить отвращенье.
Гостья же с гордостью чуть прикасалась к кушанью зубом.
Между тем, как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
Вот наконец горожанка так речь начала: «Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, одиноко!
Если ты к людям и в город желаешь из дикого леса,
Можешь пуститься со мною туда! Все, что жизнию дышит,
Смерти подвластно на нашей земле; и великий и малый,
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, поспешая, чтоб к ночи
В стену пролезть. Ночь была в половине, когда две подруги

Прибыли к пышным палатам; вошли; там пурпур блестящий
Пышным же ложам из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде
Были остатки вчерашнего великолепного пира.
Вот горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе и быстро
Бросилась сразу ее угощать, как прилично хозяйке.
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая отведать притом от каждого блюда.
Та же, разлегшись покойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! — Но вдруг хлопнули дверью — и с ложа
Бросились обе в испуге бежать, и хозяйка и гостья.
Бегают в страхе кругом по затворенной зале, но пуще
Страх на полмертвых напал, как заслышали громкое в зале
Лаянье псов. — «Жизнь такая ничуть не по мне! — тут сказала
Деревенская мышь, — наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глодать чечевицу!»

326. Статуя бога. Сюжет, знакомый эллинистическим поэтам («Палатинская антология», дополнение Плануда, 187).

327. Заяц и лиса. В подлиннике слово kerdō (лисица) выводится от разных значений слова kérdos — «нажива» и «хитрость».

330. Зевс-судья и Гермес. Черепки («остраки») — обычный писчий материал в греческом суде. В пословице, из которой развилась басня (Зиновий, IV, 11), упоминается еще более древний обычай писать на кожах.

332. Лягушка-врач. Афтоний, 24; Авиан, 6. В некоторых рукописях младшей редакции вместо лягушки в роли врача выступает червяк. Пеан — одно из имен бога Аполлона.

333. Змеиная голова и змеиный хвост. Вариация на тему «басни Менения Агриппы» (см. № 130). Плутарх («Агид», 2) так комментирует эту притчу: «Мы видим, что такую судьбу испытали многие из тех, кто в своей политике действовал в угоду народу: поставив себя в зависимость от праздно мятущейся черни, они и сами не в силах были вернуться к прежнему положению, и не могли остановить беспорядок».

334. Река и мех. Сильно отступающий вариант — у Авиана, 41 («Река и сосуд») — см. в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 250.

336. Роза и бархатник. Недолговечность роз — модная сентиментальная тема поздней античной лирики (ср. Авсоний, «Рождение роз»).

337. Трубач. Вариант Авиана («Воин, сжигающий оружие») см. в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 250.

338. Козел и виноград. Афтоний, 37. Козел был животным, посвященным богу вина Дионису, и часто приносился ему в жертву. Сюжет басни был использован эллинистической эпиграммой: известны шестистишие Леонида Тарентского (русский перевод в кн. «Греческие эпиграммы. Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1960, стр. 127) и двустишие Евена Аскалонского:

Как ты, козел, меня ни грызи, вина еще хватит
Для возлиянья, когда в жертву тебя принесут.

Двустишие Евена было переведено на латинский язык Овидием («Фасты», I, 354), а при императоре Домициане (81—96 гг. н. э.) ходило по рукам как политическая эпиграмма по поводу императорского декрета против расширения виноградников (Светоний, «Домициан», 14).

341. Раненый орел. Басня пользовалась широкой известностью; первые следы ее — у Эсхила (фр. 231 М.) со ссылкой на «ливийскую басню» (легендарного Кибисса?):

В ливийской басне есть повествование:
Орел, стрелой пронзенный ядовитою,
Сказал, ее увидев оперение:
«Нет, не чужими, а своими перьями
Я поражен. . .»

343. Лысый наездник. Авиан, 10. Мораль с ее библейским мотивом (ср. «Книга Иова», 1, 21) — явно христианского происхождения.

345. Мышь и лягушка. Псевдо-Досифей, 12; «Ромул», 4. Сюжет восходит к завязке знаменитой поэмы «Батрахомиомахия» («Война мышей и лягушек»). *«Брекекекекс коакс»* — подражание лягушачьему кваканью, заимствованное из комедии Аристофана «Лягушки».

346. Глиняный горшок и медный горшок. Ср. библейское: «Какое общение у горшка с котлом? Этот толкнет его, и он разобьется» («Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», 13, 3).

Басни из школьных сборников

Басни из сборника псевдо-Досифея (№ 347—350). Это — небольшой сборник (16 басен), сохранившийся в коллекции переводов с латинского языка на греческий и обратно. Коллекция включала отдельные слова и выражения, изречения, басни, мифы, рассказ о Троянской войне, юридический отрывок, разговорники и пр. Составлена она была (по крайней мере, в основной части) около 207 г. н. э. Текст был написан в два столбца, по-латыни и по-гречески. Когда в IV в. некий «магистр Досифей» составил краткий учебник латинского языка для греков и этот учебник получил распространение в таком же «двуязычном» издании, коллекция 207 г. была присоединена к нему в рукописях в виде приложения и долго считалась произведением того же автора; отсюда условное название «Сборник псевдо-Досифея». Номера басен по сборнику псевдо-Досифея указаны в скобках при заглавиях.

348. Кошка и куры. Вариант — в сборнике «Ромул», 85 («Ворона и птицы»).

349. Ворона и кувшин. Авиан, 27; «Ромул», 87. Хитрость такого рода античные зоологи приписывали в особенности ливийским воронам: по-видимому, и басня восходит к так называемым «ливийским басням», основоположником которых считался Кибисс.

350. Больной осел и волк. Ср. басню № 7.

Басни из сборника Афтония (№ 351—359). Афтоний — греческий ритор конца IV в., ученик знаменитого Либания. От него сохранился учебник вводного курса риторики — «Прогимнасмы» — и сборник 40 басен, изложенных с единообразной краткостью и сухостью. Может быть, это часть сборника декламаций-образцов, приложенного к прогимнасмам и существовавшего еще в IX в. Во всяком случае, басня-пример, которую Афтоний приводит в своих прогимнасмах, — это первая басня его басенного сборника. «Прогимнасмы» Афтония, сжато и понятно изложенные, имели большой успех и служили начальным учебником риторики в Европе еще в XVII—XVIII вв. Они имеются даже в русском переводе (с расширенной латинской переработки): «Предуготовление к красноречию, сочинение славного софиста Автония». М., 1805.

Номера басен по сборнику Афтония указаны в скобках при заглавиях.

352. Осел и волк. Ср. басню № 187.

353. Старый конь. Авиан, 31; Федр, А, 19; Бабрий, 29. Ср. описание страданий осла на мельнице у Апулея, «Метаморфозы», IX, 11. «Старше конь — меньше круг» было пословицей (Апостолий, IX, 8).

354. Три быка и лев. Бабрий, 44; Авиан, 18; Синтипа, 16. В изложении Фемистия (речь XXII, 278 d) лев обращается за хитростью к лисе, и она для него ссорит быков.

356. Олива и смоковница. Ср. басню № 71 и примеч. к ней.

357. Пчелы и пастух. Ср. басню № 72.

358. Орел, змея и крестьянин. Ср. басню № 291.

Басни из отдельных античных авторов

360. Цапля и сарыч. Отрывок из ямбического поэта Семонида Аморгского (конец VII в. до н. э.), сохраненный Афинеем (VII, 299c). Упоминание карийского Меандра заставляет думать, что и этот сюжет принадлежал к циклу «карийских басен» (ср. басни № 232 и 361).

361. Рыбак и полип. Симонид Кеосский (556—468 гг. до н. э.) и его современник Тимокреонт Родосский (ср. о нем примеч. к басне № 17) — лирические поэты. Приводимая ссылка на них находится в предисловии к сборнику пословиц Диогениана.

362. Жаворонок, погребающий отца. Этой басней герои «Птиц» Аристофана — два мужика, задумавшие построить город в царстве птиц, между небом и землею, недоступный ни для богов, ни для людей, — убеждают птиц в том, что они — старше всех в мире и, следовательно, призваны править всем миром. Как и последующие басни, приводимые Аристофаном, эта басня имеет явно пародический склад.

363—365. Сибарит. Сибаритская женщина. Эзоп и собака. Басни из комедии Аристофана «Осы». Сын учит своего отца-судью, помешавшегося на тяжбах и приговорах, отстать от этих дурных привычек и вести светский образ жизни, с изящными разговорами и остроумными застольными притчами; отец спьяну буянит, а потом на жалобы обиженных отвечает этими баснями. Переводы А. Пиотровского.

366. Эзоп в Коринфе. Отрывок из жизнеописания Сократа в книге Диогена Лаэртского «Жизнь и учения знаменитых философов»: речь идет о последних днях Сократа перед казнью.

367. Наслаждение и боль. Платон передает здесь слова Сократа, освобожденного от оков незадолго до казни. Продолжение отрывка: «Так, видно, случилось и со мной: прежде ноге было больно от оков, а теперь приятно».

368. Цикады. В диалоге Платона «Федр» Сократ и Федр ведут беседу о любви, сидя на траве под платаном, невдалеке от Афин, и цикады стрекочут над их головами. «Если мы задремлем под их треск, — рассуждает Сократ, — цикады сочтут нас за невежественных рабов и осмеют, если же будем беседовать, не обращая на них внимания, они оценят нашу любовь к знаниям и расскажут об этом Музам».

369. Доход и Бедность. Эту басню рассказывает Сократу пророчица Диотима, чтобы показать, что Эрот — не бог и не человек, а «великий демон» — посредник между теми и другими.

370. Лиса и еж. Пример, приводимый Аристотелем в «Риторике» в разделе о басне, вслед за басней Стесихора о лошади и олене (см. примеч. к басне № 255).

371. Львы и зайцы. Аристотель доказывает мысль: «При законоустройстве должно иметь в виду равных лиц и по их происхождению, и по их способностям, а для выдающихся людей и законов не нужно, потому что они сами — закон». Заключительная реплика Аристотелем не приводится и восстанавливается по образцу сентенции, приводимой Плутархом («Изречения спартанцев», 212c, 229c): хвастливому мегарцу спартанец ответил: «Твои доводы слишком сильны для твоего города».

372. Людская многоречивость. Очень плохо сохранившийся папирусный фрагмент. Б. Э. Перри излагает сюжет басни (по пересказам в папирусах и у Филона Александрийского) следующим образом: «Некогда люди и животные говорили на одном языке и жили вместе, мирно и счастливо, как все в тот золотой век царства Кроноса.

Но потом, в царствование Зевса, животные пресытились тем изобилием смертных благ, каким они пользовались, стали роптать на свой жребий и вздумали потребовать от богов их божественное бессмертие и вечную юность. Лебедь возглавил посольство к Зевсу с просьбой избавить всех животных от старости, как он уже избавил от старости змею, умеющую вновь и вновь возвращать себе молодость; и лисица жаловалась, что правление Зевса несправедливо. В наказание за такую наглость Зевс отнял у животных дар речи и передал его людям. Вот почему и наш Евдем...» — и т. д. (См. Babrius and Phaedrus, newly ed. a. transl. ... by B. E. Perry, 1965, p. 505—506; в «Эзопике» материалы пересказов еще не использованы).

373. Лавр и олива. Как и предыдущая, эта басня, по-видимому, была аллегорическим изображением отношений между Каллимахом и его литературными противниками. Тмол — гора в Лидии (Малая Азия). Лавр был посвящен Аполлону — отсюда упоминания о жрице-пророчице Аполлона Пифии, о жреце Аполлона Бранхе, о пифийских празднествах в Дельфах в честь Аполлона; олива была посвящена Афине Палладе — отсюда упоминание о ее споре с Посидоном, кто создаст лучший дар для жителей Аттики (древнее название — Акта) и ее древнего царя, змееногого Кекропа; в споре победила Афина, создав оливу. На пифийских состязаниях победитель получал венок из лавра, на олимпийских — из оливы. Темпейский дол — долина в Фессалии, славившаяся красотой и обилием растительности. «Тифоновы годы» — от имени Тифона, любовника богини Зари, для которого она вымолила у богов бессмертие, но забыла вымолить вечную юность, и он иссох от старости, превратившись в кузнечика. Делос — остров, где, по преданию, родился Аполлон от богини Латоны.

374. Жрец Кибелы и лев. См. примеч. к басне № 164. Лев был животным, посвященным Кибеле; она изображалась в колеснице, запряженной львами. В «Палатинской антологии» эпиграмма приписана Симониду.

375. Мышь и ракушка. Эпиграмма принадлежит Антифилу Византийскому, поэту I в. н. э.

376. Сова и птицы. Ср. басню № 39 («Ласточка и птицы»); в так называемом «Райлендовском папирусе», являющемся самым ранним из дошедших до нас текстов эзоповских сборников, в этой басне также действует сова, а не ласточка: по-видимому, это — древнейший из вариантов. Дион Хрисостом обращается в своих речах к этой басне дважды — оба раза, чтобы показать, что как птицы чтут сову за ум больше, чем павлина за красоту или соловья за пение, так и люди охотнее собираются вокруг философа в бедной одежде и с бесхитростной речью, чем вокруг разодетого ритора или сладкоречивого поэта. Вот второй вариант этой басни у Диона Хрисостома (речь 72, 14 сл.):

> Эзоп сочинил об этом такую басню. Пришли однажды птицы к сове и просили ее покинуть людские кровли и вить гнезда вместе с ними в ветвях деревьев, откуда слаще звучит их пение; а когда подрастет дуб, только что появившийся в ту пору, то им можно будет поселиться и там, в его зеленой листве. Но сова посоветовала птицам не делать так и не радоваться, что подрастает дерево, на котором должна будет вырасти омела, птичья погибель. Птицы не послушались советов совы, а только радовались, глядя, как подрастает дуб; и когда он вырос, то они уселись и стали распевать на его ветвях. Но когда появилась омела и когда человек без труда стал ловить их на птичий клей, подивились они сове и пожалели, что не послушались ее совета. Так и доселе почитают они сову разумной и охотно слетаются к ней, ожидая добра от такого соседства. Но думается мне, что они это делают зря, ибо только та древняя сова была разумна и умела давать советы, а теперешние совы похожи на нее разве что перьями, глазами и клювом, умом же едва ли не слабее прочих птиц: даже сами о себе позаботиться они не могут, иначе не пришлось бы им сидеть у птицеловов в плену и в рабстве.

377. Собаки-музыканты. Речь Диона Хрисостома, откуда взята эта шуточная этиология, обращена к жителям Александрии, славившимся любовью к модным песням.

Басня приписана Дионом «одному фригийцу, родственнику Эзопа», упоминаемому в предыдущих главах.

378. Глаза и рот. Из речи к жителям Тарса, упрашивавшим Диона во что бы то ни стало выступить перед ними с философской речью.

379. Сатир и огонь. Плутарх доказывает, что всякая вещь может быть опасна, может быть полезна, если за нее правильно взяться, — даже враг.

380. Дар скорби. Утешение Плутарха другу, потерявшему сына: «Не давай воли слезам и вздохам, и скорбь сама покинет тебя».

381. Беглый раб. Продолжение у Плутарха: «Так и жена, которая из ревности, горько скорбя, подает прошение о разводе, должна сперва подумать: разве не приятнее всего моей сопернице видеть меня именно такой — в горе, в ссоре с мужем, готовой покинуть свой дом и свое ложе?» Мельница, где приходилось ворочать тяжелые жернова, была обычным местом наказания для рабов.

382. Волк и пастухи. В сочинении Плутарха Эзоп, присутствующий на пиру семи мудрецов, рассказывает эту басню применительно к себе, слыша, как скиф-философ Анахарсис похваляется умением пить.

383—384. Луна и ее мать. Собачий дом. Басни из речи мудреца Клеобула о том, что неразумный человек, покорный страстям, не может знать меры своим потребностям.

386. Королек и орел. Речь в трактате Плутарха идет о том, что молодой человек, вступающий на политическое поприще, должен примкнуть к такому политическому вождю, который заметил бы его, оценил бы и позволил бы выдвинуться.

387. Два дня праздника. Эту басню рассказывает Фемистокл полководцу, хвастающемуся, что его победы громче, чем победы Фемистокла.

388. Кукушка и птицы. Плутарх сравнивает с кукушкой мегалопольского тиранна Лидиада, который отрекся от власти и примкнул со своим городом к Ахейскому союзу, но все-таки остался для всех подозрителен. Поверье, что в кукушку превращается на время ястреб-перепелятник, вызвано наблюдением, что с появлением весною кукушки эти ястреба исчезают; оно опровергалось еще Аристотелем («История животных», VI, 7, 41), но, по данным Келлера, бытует и посейчас.

389. Тень осла. Ср. басню № 63.

390. Человек, считающий волны. С этой басней Ликин обращается к герою диалога, Гермотиму, долго, но бестолково занимавшемуся философией и теперь горюющему о зря потраченном времени.

391. Ездок и бешеный конь. Отрывок из диатрибы философа-киника против людей, не просвещенных философией.

392. Плящущие обезьяны. Басня обличает лжефилософов, притворяющихся недоступными страстям, а на деле таких же падких до славы и выгоды, как все люди.

394. Пастух и мясник. Из речи философа-ритора Максима Тирского «О любви»: с мясниками сравниваются любовники, с пастухом — философы (в лице Сократа), а с овцой — афинские юноши.

395. Обезьяны, строящие город. Басня, приводимая как пример жанра в «Прогимнасмах» Гермогена, знаменитого ритора II в. н. э.

396. Ослиное любопытство. Эти слова были поговоркой; для объяснения их и приводит Зиновий эту басню.

397. Осел и жаждень. Жаждни («дипсады») — порода африканских ядовитых змей, укусы которых возбуждали у пострадавшего неутолимую жажду. Русское слово для перевода изобретено Н. Барановым, переводчиком диалога Лукиана «Жаждни».

398. Крестьянин и вши. Эту басню у Аппиана рассказывает римлянам диктатор Сулла в ответ на их ропот. Ср. Бабрий («второй сборник»), 52, с моралью против женщин.

400. Аполлон, музы и дриады. Вслед за Перри мы приводим эту многословную декламацию Гимерия (IV в.) с сокращениями. Ее заглавие: «Импровизация перед слушателями, которые стали обнаруживать дерзкую строптивость». Дриады и

гамадриады — нимфы лесов. *«Как Гомер в „Илиаде"»* — имеется в виду знаменитое изображение Аполлона в начале эпопеи (I, 44—47, пер. Н. Гнедича):

Быстро с Олимпа вершин устремился пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан со стрелами закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.

401. Эрот среди людей. Отрывок из диалогической декламации Гимерия «Диоген», сохраненный Фотием.

Византийские басни

Басни из сборника Синтипы (№ 403—415). Это — сборник 62 басен, школьного происхождения, под заглавием «Басни философа Синтипы из его поучений». Синтипа — литературный персонаж, герой «Повести о семи мудрецах» (популярный сюжет о том, как сладострастная царица оклеветала целомудренного царевича, а семь мудрецов заступились за него; в эту рамку вставлен длинный ряд новелл, рассказываемых то мудрецами, то женщиной); никакого отношения к этой повести басни не имеют, и связь их — по-видимому, домысел переписчика. По стилю сборник примыкает к басням псевдо-Досифея, Афтония, Фемистия. Номера басен по сборнику Синтипы указаны в скобках при заглавиях.

405. Бык, львица и кабан. Бабрий («второй сборник»), 21.

407. Собака и лисица. Там же, 7.

408. Больной олень. Бабрий, 46.

409. Человек и собака. Федр, I, 23.

412. Человек, конь и жеребенок. Бабрий, басня без номера, впервые опубликованная в 1935 г. (см. в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 149).

413. Человек и Киклоп. Из басни видно, что для составителя сборника Синтипы мифологический киклоп уже был образом незнакомым, и слово это он принимал за собственное имя.

414. Охотник и всадник. Вариант этого сюжета сохранился в «Четверостишиях» Игнатия (см. в кн.: Федр. Бабрий. Басни, стр. 185).

Басни-новеллы (№ 416—418). Сохранились в рукописях Laur. 57 : 30 и Athen. 1201, где они примыкают, с одной стороны, к известному византийскому сборнику новелл «Стефанит и Ихнилат», а с другой стороны, к списку «Жизнеописания» и басен Эзопа в средней редакции. Басни имеют обильные аналогии в средневековом фольклоре; в частности, басня № 416 близка к 212 новелле Саккетти, а басня № 418 — к 123 новелле. Басня № 418 переведена по тексту, опубликованному Перри в «Byzantinische Zeitschrift», 54 (1961), стр. 5—7: более ранние реконструкции в издании Хаусрата и в «Эзопике» самого Перри недостоверны.

Басни из сборника ямбических четверостиший (№ 419—422). Перевод по изданию Мюллера; оно включает 57 четверостиший, приписываемых византийскому писателю первой половины IX в. Игнатию Диакону и его ближайшим подражателям, и 32 четверостишия более позднего времени. Большинство этих четверостиший перерабатывают сюжеты Бабрия. Четыре приводимые басни соответствуют в сборнике номерам I, 8 и 22; II, 7 и 28. Последняя басня содержит игру слов: первый стих может читаться «Волк изучал творенья Ликофроновы. . .» Ликофрон (букв. «волчий мудрец») — имя александрийского поэта III в. до н. э., отличавшегося чрезвычайной темнотою слога и очень модного в Византии XI—XII в.

423—424. Басни из сочинений Григория Назианзина (ок. 326—390), христианского писателя, богослова и поэта, одного из самых почитаемых «отцов церкви». Басня № 424 о ласточках и лебедях имеет близкую параллель во «втором бабриевском сборнике», 56. О Терее и пр. — см. примеч. к басне № 279.

424а. Три грозди Диониса. Басня из писем константинопольского патриарха Фотия (IX в.), опубликованных А. Пападопуло-Керамевсом в «Записках ист.-филол.

ф-та С.-Петербургского университета», 41 (1896), стр. 10. В «Эзопику» Перри не вошла; разобрана им в особой статье: B. E. Perry. Demetrius of Phalerum and the Aesopic Fables. — «Transactions of the American Philological Association», 93 (1962), стр. 287—346. Подобный мотив встречается в античной литературе не раз (ср. «Жизнеописание Эзопа», 68), но в форме басни — никогда. *«Вина»* — попытка передать игру слов, содержащуюся в подлиннике.

425—426. Басни из «Прогимнасм» Никифора Василаки, византийского ритора XII в., в чьих декламациях античные мотивы причудливо переплетаются с христианскими (так, одна из его этопей называется: «Что сказал бы Аид, когда мертвый Лазарь воскрес на четвертый день»).

427. Волк и осел в суде. Басня из анонимного сборника прогимнасм, опубликованного Вальцем в 1832 г. (Rhetores Graeci, I, p. 597).

428. Лисица и крестьянин. Басня из анонимного школьного сборника басен (так наз. Rhetor Brancatianus), опубликованного Ф. Сбордоне в 1932 г.

429. Черная ласка. Басня из «Истории» Никифора Григоры, византийского ученого-энциклопедиста: там эту басню рассказывает александрийский патриарх императору Андронику II по поводу назначения константинопольским патриархом Афанасия (1282), стяжавшего в прошлом недобрую славу.

430. Птицелов и воробей. Басня опубликована в статье: P. Wirth. Eine bislang unbekannte griechische Fabel, «Wiener Studien», 75 (1962), стр. 161—162. Иоанн VI Кантакузин вставил эту басню в наказ своему посольству, отправленному к восставшему против него Алексию Апокавку (1343 г.), потом, много лет спустя, уже отрекшись от престола и сочиняя в монастыре апологетическую историю своего правления, он пересказал в ней и этот наказ, и эту басню. Другой вариант басни находится в «Истории» Никифора Григоры, описывавшего те же события и по тем же материалам; он значительно пространнее, но лишь за счет риторической топики (мотив «заговорил человеческим голосом» развернут в целую тираду).

ДОПОЛНЕНИЕ

Средневековые латинские басни

Как уже было сказано, основным источником эзоповских басен для средневековой Европы был сборник «Ромул». В I в. н. э. басни Эзопа были переложены в латинские стихи Федром, а в IV в. н. э. басни Федра были переложены из стихов в латинскую прозу анонимным автором, называющим себя в предисловии «Ромулом». Оба раза при переложении сборник пополнялся многими новыми баснями постороннего происхождения. Эти басни в настоящее издание не включены, так как они полностью вошли в книгу «Федр. Бабрий. Басни».

Однако на этом процесс пополнения эзоповского сборника не завершился. «Ромул» перерабатывался в средневековой латинской литературе не менее 12 раз, и среди этих переработок можно выделить по крайней мере две группы, в которых пересказ соединялся с дополнениями. Это, во-первых, «Нилантов Ромул» и его производные, а во-вторых, «Ромул с посторонними баснями». Басни, добавленные к «Ромулу» в этих переработках, и составили настоящее «Дополнение».

Сборник «Нилантов Ромул» (назван так по имени филолога И. Ф. Нилaнта, впервые издавшего его в 1709 г.) содержит 50 басен, пересказанных по «Ромулу», еще без дополнений. Эта редакция возникла, по-видимому, около XI в. Вероятно, в начале XII в. «Нилантов Ромул» был переведен на английский язык и дополнен многочисленными сюжетами новоевропейского происхождения — сказками, легендами, фаблио и т. п.; авторство получившегося сборника было приписано знаменитому королю-мудрецу Альфреду. Этот «Английский Ромул» не сохранился; но в последней трети XII в. он был переведен стихами на французский язык англо-нормандской поэтессой Марией Французской и в этом виде получил широкую известность; а со

сборника Марии Французской были сделаны два обратных перевода на латинский язык. Это — во-первых, так называемый «Робертов Ромул» (по имени первоиздателя, 1825 г.) — сборник 22 басен, изложенных сжато, без какого-либо сказочного влияния и с притязанием на изящество; и, во-вторых, так называемый «Расширенный Ромул» — сборник 136 басен, изложенных очень подробно, грубоватым сказочным стилем. Басни из этих двух сборников составили два первых раздела нашего «Дополнения».

История возникновения другой группы дополненных переработок «Ромула» менее ясна. В этих переработках к басням традиционного «Ромула» IV в. присоединены так называемые «посторонние басни» (fabulae extravagantes) — неизвестного происхождения, изложенные живым народным языком, подробно и красочно, и приближающиеся по типу к «животной» сказке. Они известны в двух изводах — пространном (Мюнхенская рукопись 5337) и сжатом (Бернская рукопись 679); первый содержит 39 басен, второй — 47. По-видимому, к этому же семейству принадлежала рукопись, с которой были напечатаны «посторонние басни», составившие приложение к первому печатному изданию «Ромула» в Ульме в 1476 г. Басни из этих трех источников составили три последних раздела нашего «Дополнения».

Перевод сделан по «Эзопике» Перри, где перепечатан текст издания «Les fabulistes latins» par L. Hervieux, I—II, 2 изд., P., 1893—1894. У Перри они имеют № 650—719. Другой цикл дополнительных басен, напечатанный у Эрвье и Перри и принадлежащий средневековому латинскому писателю Одону Черитонскому и его продолжателям, имеет лишь косвенное отношение к «Ромулу» и Эзопу, и поэтому в настоящее издание не включен.

УКАЗАТЕЛЬ НОМЕРОВ БАСЕН

1. Для перевода номеров настоящего издания в номера других изданий

Курсивные номера обозначают номера басен настоящего издания, прямые — номера других изданий (П. — Перри, Хс. — Хаусрат, Ш. — Шамбри, Х. — Хальм). Так, № *1* по нашему изданию соответствует № 1 у Перри, № 1 у Хаусрата, № 3 у Шамбри, № 5 у Хальма; № 100 нашего издания соответствует № 100 у Перри, № 102 у Хаусрата, № 125 у Шамбри, № 155 у Хальма и т. д.

	П.	Хс.	Ш.	Х.
1	1	1	3	5
2	2	2	5	8
3	3	3	4	7
4	4	4	8	9
5	5	5	10	11
6	6	6	17	12
7	7	7	14	16
8	8	8	19	19
9	9	9	40	45
10	10	10	42	39
11	11	11	24	27
12	12	12	37	42
13	13	13	23	23
14	14	14	39	43
15	15	15	32	33
16	16	16	12	14
17	17	17	41	46
18	18	18	26	28
19	19	19	31	32
20	20	20	35	37
21	21	21	22	24
22	22	22	34	35
23	23	23	21	22
24	24	24	30	31
25	25	25	28	29
26	26	26	27	25
27	27	27	43	47
28	28	28	55	58
29	29	29	56	59
30	30	30	53	300
31	31	31	52	56
32	32	32	45	48
33	33	33	51	203
34	34	34	46	49
35	35	35	60	64
36	36	36	50	55
37	37	37	54	57
38	38	38	64	70
39	39	39	349	417
40	40	40	65	72
41	41	41	36	38
42	42	42	83	98

	П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.
43	43	43	68	74	*85*	85	87	94	115	*127*	127	129	172	213
44	44	44	66	76	*86*	86	88	158	194	*128*	128	130	168	207
45	45	45	70	79	*87*	87	89	288	343	*129*	129	131	164	201
46	46	46	73	82	*88*	88	90	109	137	*130*	130	132	160	197
47	47	47	293	348	*89*	89	91	111	140	*131*	131	133	165	202
48	48	48	75	85	*90*	90	92	118	147	*132*	132	135	188	226
49	49	49	74	83	*91*	91	93	276	331	*133*	133	136	186	233
50	50	50	76	88	*92*	92	94	176	217	*134*	134	137	185	231
51	51	51	81	96	*93*	93	95	117	146	*135*	135	138	177	218
52	52	52	80	95	*94*	94	96	300	166	*136*	136	139	183	229
53	53	53	86	103	*95*	95	97	49	52	*137*	137	140	190	235
54	54	54	173	214	*96*	96	98	116	145	*138*	138	143	192	237
55	55	55	89	110	*97*	97	99	108	134	*139*	139	144	194	239
56	56	56	91	112	*98*	98	100	107	135	*140*	140	145	199	249
57	57	57	87	107	*99*	99	101	2	2	*141*	141	146	202	248
58	58	58	90	111	*100*	100	102	125	155	*142*	142	147	197	246
59	59	59	77	86	*101*	101	103	163	200	*143*	143	148	212	262
60	60	60	78	90	*102*	102	104	110	138	*144*	144	149	198	250
61	61	61	84	101	*103*	103	105	112	136	*145*	145	150	203	251
62	62	73	95	116	*104*	104	106	122	151	*146*	146	151	214	257
63	63	63	96	117	*105*	105	107	140	173	*147*	147	152	201	247
64	64	64	178	221	*106*	106	108	126	154	*148*	148	153	205	254
65	65	66	255	311	*107*	107	109	120	149	*149*	149	154	210	260
66	66	67	248	305	*108*	108	110	121	150	*150*	150	155	207	256
67	67	68	257	309	*109*	109	111	119	148	*151*	151	156	209	259
68	68	69	115	144	*110*	110	112	132	161	*152*	152	157	215	264
69	69	70	67	75	*111*	111	113	131	160	*153*	153	158	218	268
70	70	71	101	179	*112*	112	114	243	295	*154*	154	159	226	277
71	71	72	62	67	*113*	113	115	133	167	*155*	155	160	222	274
72	72	74	236	289	*114*	114	116	135	169	*156*	156	161	225	276
73	73	75	306	363	*115*	115	117	138	171	*157*	157	162	221	270
74	74	76	103	128	*116*	116	118	151	186	*158*	158	163	224	275
75	75	77	106	126	*117*	117	119	147	184	*159*	159	164	231	271
76	76	78	105	129	*118*	118	120	154	189	*160*	160	166	232	284
77	77	79	104	127	*119*	119	121	155	191	*161*	161	170	234	286
78	78	80	309	367	*120*	120	122	156	192	*162*	162	171	295	—
79	79	81	13	15	*121*	121	123	157	193	*163*	163	172	235	287
80	80	82	241	293	*122*	122	124	159	195	*164*	164	173	237	290
81	81	83	38	44	*123*	123	125	162	201	*165*	165	174	239	291
82	82	84	270	323	*124*	124	126	166	204	*166*	166	175	242	294
83	83	85	307	365	*125*	125	127	171	212	*167*	167	177	240	292
84	84	86	150	185	*126*	126	128	161	199	*168*	168	178	247	94

	П.	Хс.	Ш.	Х.
169	169	179	249	304
170	170	180	250	305
171	171	181	251	306
172	172	182	252	307
173	173	183	254	308
174	174	184	262	316
175	175	185	258	313
176	176	186	82	97
177	177	187	259	310
178	178	188	261	315
179	179	190	274	329
180	180	191	266	322
181	181	192	142	177
182	182	193	267	324
183	183	194	265	321
184	184	195	279	337
185	185	196	263	319
186	186	197	278	335
187	187	198	282	334
188	188	199	268	336
189	189	201	272	327
190	190	202	275	330
191	191	203	271	326
192	192	206	287	342
193	193	207	284	340
194	194	208	285	100
195	195	210	149	180
196	196	211	291	346
197	197	212	290	345
198	198	213	292	347
199	199	215	294	350
200	200	216	297	351
201	201	217	302	357
202	202	218	303	358
203	203	219	305	362
204	204	220	310	368
205	205	221	311	369
206	206	222	313	372
207	207	223	312	370
208	208	224	317	378
209	209	225	314	373
210	210	226	319	353

	П.	Хс.	Ш.	Х.
211	211	230	298	352
212	212	232	322	382
213	213	233	325	385
214	214	234	327	71
215	215	235	330	392
216	216	236	331	393
217	217	242	332	396
218	218	243	308	366
219	219	244	334	398
220	220	246	146	183
221	221	248	123	153
222	222	250	342	408
223	223	251	343	409
224	224	252	328	407
225	225	253	345	412
226	226	254	353	420
227	227	255	348	417
228	238	256	354	421
229	229	258	349	415
230	230	259	352	419
231	231	260	357	424
232	232	231	29	30
233	233	247	175	216
234	234	165	230	283
235	235	176	244	296
236	236	227	256	312
237	237	200	264	320
238	238	209	283	—
239	239	214	299	354
240	240	228	323	383
241	241	245	336	400
242	242	241	341	405
243	243	240	340	406
244	244	261	356	423
245	247	65	98	119
246	248	65a	97	—
247	249	142	148	182
248	250	141	153	188
249	257	167	195	240
250	261	168	223	273
251	263	204	273	—
252	265	205	286	356

	П.	Хс.	Ш.	Х.
253	266	229	304	359
254	268	237	33	—
255	269	238	329	175
256	254	134	184	232
257	256	169	191	236
258	255	267	189	234
259	303	262	100	123
260	304	263	102	125
261	284	264	59	63
262	253	265	182	223
263	281	266	20	21
264	252	268	181	225
265	251	271	170	209
266	245	290	47	379
267	259	292	211	261
268	262	293	253	—
269	346	294	227	278
270	264	295	277	332
271	270	296	337	402
272	271	297	347	414
273	258	269	206	255
274	—	307	—	—
275	393	274	11	13
276	267	276	315	374
277	399	277	174	215
278	246	278	88	108
279	277	—	9	10
280	279	—	16	18
281	280	317	15	17
282	302	—	99	122
283	301	—	18	73
284	282	—	25	26
285	283	328	58	61
286	278	—	44	50
287	340	281	338	403
288	288	—	63	69
289	314	—	128	77
290	310	—	114	143
291	296	—	79	92
292	300	270	92	113
293	321	—	145	181
294	316	—	130	159

	П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.
295	328	283	179	62	*337*	370	289	326	386	*379*	467	—	—	387
296	319	—	141	176	*338*	374	327	339	404	*380*	462	—	—	355
297	309	—	113	141	*339*	363	279	296	349	*381*	440	—	—	121
298	312	—	124	132	*340*	274	—	1	1	*382*	453	—	—	282
299	377	—	351	416	*341*	276	273	7	4	*383*	468	—	—	389
300	315	285	129	157	*342*	299	—	85	102	*384*	449	—	—	222
301	294	249	333	397	*343*	375	282	344	410	*385*	426	—	—	34
302	338	—	204	253	*344*	415	333	346	413	*386*	434	—	—	—
303	367	—	320	162	*345*	384	302	246	298	*387*	441	—	—	133
304	339	—	208	258	*346*	378	—	355	422	*388*	446	—	—	198
305	317	310	134	168	*347*	391	308	—	—	*389*	460	—	—	339
306	396	315	137	170	*348*	389	309	—	—	*390*	429	—	—	60
307	320	—	143	178	*349*	390	311	—	—	*391*	457	—	—	302
308	323	—	167	205	*350*	392	313	—	—	*392*	463	—	—	360
309	324	288	169	208	*351*	397	316	—	172	*393*	455	—	—	—
310	329	—	180	—	*352*	187	318	—	—	*394*	465	—	—	377
311	332	—	187	224	*353*	318	320	139	174	*395*	464	—	—	361
312	341	—	213	252	*354*	372	321	71	394	*396*	459	—	—	190
313	336	—	200	243	*355*	394	323	—	41	*397*	458	—	—	—
314	334	—	196	242	*356*	413а	324	—	124	*398*	471	—	—	411
315	326	—	93	114	*357*	400	325	—	288	*399*	456	—	—	—
316	348	—	229	281	*358*	395	326	—	120	*400*	432	—	—	—
317	347	—	228	279	*359*	398	329	—	206	*401*	444	—	—	142
318	343	—	216	267	*360*	443	—	—	—	*402*	430	—	—	—
319	311	—	57	—	*361*	425	—	—	—	*403*	412	330	—	380
320	351	322	238	130	*362*	447	—	—	211	*404*	404	331	—	165
321	365	—	318	371	*363*	428	—	—	—	*405*	414	332	—	395
322	349	—	233	285	*364*	438	—	—	—	*406*	409	334	—	40
323	322	319	152	187	*365*	423	—	—	20	*407*	406	335	—	219
324	352	314	245	297	*366*	424	—	—	—	*408*	305	336	—	131
325	306	—	48	118	*367*	445	—	—	156	*409*	403	337	—	164
326	285	284	61	66	*368*	470	—	—	399	*410*	411	338	—	318
327	333	—	193	—	*369*	466	—	—	—	*411*	407	340	—	230
328	342	—	217	266	*370*	427	—	—	36	*412*	401	341	—	51
329	357	272	269	328	*371*	450	—	—	241	*413*	405	342	—	53
330	313	—	127	152	*372*	431	—	—	—	*414*	402	343	—	163
331	360	—	281	325	*373*	439	—	—	—	*415*	410	345	—	—
332	289	287	69	78	*374*	436	—	—	—	*416*	419	301	—	196
333	362	291	289	344	*375*	454	—	—	—	*417*	420	300	—	—
334	368	280	321	381	*376*	437	—	—	105	*418*	421	306	—	—
335	275	—	6	6	*377*	448	—	—	—	*419*	354	—	—	—
336	369	—	324	384	*378*	461	—	—	—	*420*	418	—	—	391

	П.	Хс.	Ш.	Х.
421	416	—	—	—
422	417	—	—	—
423	442	—	—	—
424	—	—	—	—
425	451	—	—	376
426	469	—	—	263
427	452	—	—	—
428	Add.	—	—	—
429	435	—	—	87
430	—	—	—	—

2. Для перевода номеров других изданий в номера настоящего издания

Прямые номера обозначают номера басен других изданий, курсивные — номера настоящего издания. Так, № 1 по изданию Перри соответствует № *1* по нашему изданию; № 1 по изданию Хаусрата — также; № 1 по изданю Шамбри соответствует № *340* по нашему изданию; № 1 по изданию Хальма — также. Так, № 100 по изданию Перри соответствует № *100* по нашему изданию; № 100 по изданию Хаусрата — № *98* по нашему изданию; № 100 по изданию Шамбри — № *259* по нашему изданию; № 100 по изданию Хальма — № *194* по нашему изданию.

	П.	Хс.	Ш.	Х.
1	*1*	*1*	*340*	*340*
2	*2*	*2*	*9*	*99*
3	*3*	*3*	*4*	*7*
4	*4*	*4*	*3*	*341*
5	*5*	*5*	*2*	*1*
6	*6*	*6*	*335*	*335*
7	*7*	*7*	*341*	*3*
8	*8*	*8*	*4*	*2*
9	*9*	*9*	*279*	*4*
10	*10*	*10*	*5*	*279*
11	*11*	*11*	*275*	*5*
12	*12*	*12*	*16*	*6*
13	*13*	*13*	*79*	*275*
14	*14*	*14*	*7*	*16*
15	*15*	*15*	*281*	*79*
16	*16*	*16*	*280*	*7*
17	*17*	*17*	*6*	*281*
18	*18*	*18*	*283*	*280*
19	*19*	*19*	*8*	*8*
20	*20*	*20*	*263*	*365*
21	*21*	*21*	*23*	*263*
22	*22*	*22*	*21*	*23*
23	*23*	*23*	*13*	*13*
24	*24*	*24*	*11*	*21*
25	*25*	*25*	*284*	*26*
26	*26*	*26*	*18*	*284*
27	*27*	*27*	*26*	*11*
28	*28*	*28*	*25*	*18*
29	*29*	*29*	*232*	*25*
30	*30*	*30*	*24*	*232*
31	*31*	*31*	*19*	*24*
32	*32*	*32*	*15*	*19*
33	*33*	*33*	*254*	*15*
34	*34*	*34*	*22*	*385*
35	*35*	*35*	*20*	*22*
36	*36*	*36*	*41*	*370*
37	*37*	*37*	*12*	*20*
38	*38*	*38*	*81*	*41*
39	*39*	*39*	*14*	*10*
40	*40*	*40*	*9*	*406*
41	*41*	*41*	*17*	*355*
42	*42*	*42*	*10*	*12*
43	*43*	*43*	*27*	*14*
44	*44*	*44*	*286*	*81*
45	*45*	*45*	*32*	*9*
46	*46*	*46*	*34*	*17*
47	*47*	*47*	*266*	*27*
48	*48*	*48*	*325*	*32*
49	*49*	*49*	*95*	*34*
50	*50*	*50*	*36*	*286*
51	*51*	*51*	*33*	*412*
52	*52*	*52*	*31*	*95*
53	*53*	*53*	*30*	*413*
54	*54*	*54*	*37*	—
55	*55*	*55*	*28*	*36*
56	*56*	*56*	*29*	*31*
57	*57*	*57*	*319*	*37*
58	*58*	*58*	*285*	*28*
59	*59*	*59*	*261*	*29*
60	*60*	*60*	*35*	*390*
61	*61*	*61*	*326*	*285*
62	*62*	*176*	*71*	*295*
63	*63*	*63*	*288*	*261*
64	*64*	*64*	*38*	*35*
65	*65*	*247*	*40*	—
66	*66*	*65*	*44*	*326*
67	*67*	*66*	*69*	*71*
68	*68*	*67*	*43*	—
69	*69*	*68*	*332*	*288*
70	*70*	*69*	*45*	*38*
71	*71*	*70*	*296*	*214*
72	*72*	*71*	—	*40*
73	*73*	*62*	*46*	*283*
74	*74*	*72*	*49*	*43*
75	*75*	*73*	*48*	*69*
76	*76*	*74*	*50*	*44*
77	*77*	*75*	*59*	*289*
78	*78*	*76*	*60*	*332*
79	*79*	*77*	*291*	*45*
80	*80*	*78*	*52*	—
81	*81*	*79*	*51*	—
82	*82*	*80*	*176*	*46*
83	*83*	*81*	*42*	*49*
84	*84*	*82*	*61*	—
85	*85*	*83*	*342*	*48*
86	*86*	*84*	*53*	*59*
87	*87*	*85*	*57*	*429*

	П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.		П.	Хс.	Ш.	Х.
88	*88*	*86*	*278*	*50*	130	*130*	*128*	*294*	*320*	172	*172*	*163*	*127*	*351*
89	*89*	*87*	*55*	—	131	*131*	*129*	*111*	*408*	173	*173*	*164*	*54*	*105*
90	*90*	*88*	*58*	*60*	132	*132*	*130*	*110*	*298*	174	*174*	*165*	*277*	*353*
91	*91*	*89*	*56*	—	133	*133*	*131*	*113*	*387*	175	*175*	*166*	*233*	*255*
92	*92*	*90*	*292*	*291*	134	*134*	*256*	*305*	*97*	176	*176*	*235*	*92*	*296*
93	*93*	*91*	*315*	—	135	*135*	*132*	*114*	*98*	177	*177*	*167*	*135*	*181*
94	*94*	*92*	*85*	*168*	136	*136*	*133*	—	*103*	178	*178*	*168*	*64*	*307*
95	*95*	*93*	*62*	*52*	137	*137*	*134*	*306*	*88*	179	*179*	*169*	*295*	*70*
96	*96*	*94*	*63*	*51*	138	*138*	*135*	*115*	*102*	180	*180*	*170*	*310*	*195*
97	*97*	*95*	*246*	*176*	139	*139*	*136*	*353*	—	181	*181*	*171*	*264*	*293*
98	*98*	*96*	*245*	*42*	140	*140*	*137*	*105*	*89*	182	*182*	*172*	*262*	*247*
99	*99*	*97*	*282*	—	141	*141*	*248*	*296*	*297*	183	*183*	*173*	*136*	*220*
100	*100*	*98*	*259*	*194*	142	*142*	*247*	*181*	*401*	184	*184*	*174*	*256*	*117*
101	*101*	*99*	*70*	*61*	143	*143*	*138*	*307*	*290*	185	*185*	*175*	*134*	*84*
102	*102*	*100*	*260*	*342*	144	*144*	*139*	*255*	*68*	186	*186*	*176*	*133*	*116*
103	*103*	*101*	*74*	*53*	145	*145*	*140*	*293*	*96*	187	*178*	*177*	*311*	*323*
104	*104*	*102*	*77*	—	146	*146*	*141*	*220*	*93*	188	*188*	*178*	*132*	*248*
105	*105*	*103*	*76*	*376*	147	*147*	*142*	*117*	*90*	189	*189*	—	*258*	*118*
106	*106*	*104*	*75*	*376*	148	*148*	*143*	*247*	*109*	190	*190*	*179*	*137*	*396*
107	*107*	*105*	*98*	*57*	149	*149*	*144*	*195*	*107*	191	*191*	*180*	*257*	*119*
108	*108*	*106*	*97*	*278*	150	*150*	*145*	*84*	*108*	192	*192*	*181*	*138*	*120*
109	*109*	*107*	*88*	*240*	151	*151*	*146*	*116*	*104*	193	*193*	*182*	*327*	*121*
110	*110*	*108*	*102*	*55*	152	*152*	*147*	*323*	*330*	194	*194*	*183*	*139*	*86*
111	*111*	*109*	*89*	*58*	153	*153*	*148*	*248*	*221*	195	*195*	*184*	*249*	*122*
112	*112*	*110*	*103*	*56*	154	*154*	*149*	*118*	*106*	196	*196*	*185*	*314*	*416*
113	*113*	*111*	*297*	*292*	155	*155*	*150*	*119*	*100*	197	*197*	*186*	*142*	*130*
114	*114*	*112*	*290*	*315*	156	*156*	*151*	*120*	*367*	198	*198*	*187*	*144*	*388*
115	*115*	*113*	*68*	*85*	157	*157*	*152*	*121*	*300*	199	*199*	*188*	*140*	*126*
116	*116*	*114*	*96*	*62*	158	*158*	*153*	*86*	—	200	*200*	*237*	*313*	*101*
117	*117*	*115*	*93*	*63*	159	*159*	*154*	*122*	*294*	201	*201*	*189*	*147*	*123*
118	*118*	*116*	*90*	*325*	160	*160*	*155*	*130*	*111*	202	*202*	*190*	*141*	*131*
119	*119*	*117*	*109*	*245*	161	*161*	*156*	*126*	*110*	203	*203*	*191*	*145*	*33*
120	*120*	*118*	*107*	*358*	162	*162*	*157*	*123*	*303*	204	*204*	*251*	*302*	*124*
121	*121*	*119*	*108*	*381*	163	*163*	*158*	*101*	*414*	205	*205*	*252*	*148*	*308*
122	*122*	*120*	*104*	*282*	164	*164*	*159*	*129*	*409*	206	*206*	*192*	*273*	*359*
123	*123*	*121*	*221*	*259*	165	*165*	*234*	*131*	*404*	207	*207*	*193*	*150*	*128*
124	*124*	*122*	*298*	*356*	166	*166*	*160*	*124*	*94*	208	*208*	*194*	*304*	*309*
125	*125*	*123*	*100*	*260*	167	*167*	*249*	*308*	*113*	209	*209*	*238*	*151*	*265*
126	*126*	*124*	*106*	*75*	168	*168*	*250*	*128*	*305*	210	*210*	*195*	*149*	—
127	*127*	*125*	*330*	*77*	169	*169*	*257*	*309*	*114*	211	*211*	*196*	*267*	*362*
128	*128*	*126*	*289*	*74*	170	*170*	*161*	*265*	*306*	212	*212*	*197*	*143*	*125*
129	*129*	*127*	*300*	*76*	171	*171*	*162*	*125*	*115*	213	*213*	*198*	*312*	*127*

	П.	Хс.	Ш.	Х.
214	214	239	146	54
215	215	199	152	277
216	216	200	318	233
217	217	201	328	92
218	218	202	153	135
219	219	203	—	407
220	220	204	—	—
221	221	205	157	64
222	222	206	155	384
223	223	207	250	262
224	224	208	158	311
225	225	209	156	264
226	226	210	154	132
227	227	236	269	—
228	228	240	317	—
229	229	253	316	136
230	230	211	234	411
231	231	232	159	134
232	232	212	160	256
233	233	213	322	133
234	234	214	161	258
235	235	215	163	137
236	236	216	72	257
237	237	254	164	138
238	238	255	320	—
239	239	70	165	139
240	240	243	167	249
241	241	242	80	271
242	242	217	166	314
243	243	218	112	313
244	244	219	235	—
245	266	241	324	—
246	278	220	345	142
247	245	233	168	147
248	246	221	66	141
249	247	301	169	140
250	248	222	170	144
251	265	223	171	145
252	264	224	172	312
253	262	225	268	302
254	256	226	173	148
255	258	227	65	273

	П.	Хс.	Ш.	Х.
256	257	228	236	150
257	249	187	67	146
258	273	229	175	304
259	267	230	177	151
260	—	231	—	149
261	250	244	178	267
262	268	259	174	143
263	251	260	185	426
264	270	261	237	152
265	252	262	183	—
266	253	263	180	328
267	276	258	182	318
268	254	264	188	153
269	255	273	329	153
270	271	292	82	157
271	272	265	191	159
272	—	329	189	—
273	—	341	251	250
274	340	275	179	155
275	335	320	190	158
276	341	276	91	156
277	279	277	270	154
278	286	278	186	269
279	296	323	210	185
280	281	334	188	—
281	263	287	331	316
282	284	343	187	382
283	285	295	237	234
284	261	326	193	160
285	326	300	194	322
286	—	181	252	161
287	—	332	192	163
288	288	309	87	357
289	332	337	333	72
290	—	266	197	164
291	—	333	196	165
292	—	267	198	167
293	—	268	47	80
294	301	269	199	166
295	—	270	162	112
296	291	271	339	235
297	—	272	200	324

	П.	Хс.	Ш.	Х.
298	—	—	211	345
299	342	273	239	—
300	292	417	94	30
301	283	416	252	16
302	282	345	201	391
303	259	—	202	320
304	260	—	253	169
305	408	—	203	66
306	325	418	73	171
307	—	274	83	172
308	—	347	218	173
309	297	348	78	67
310	290	305	204	177
311	319	349	205	65
312	298	—	207	236
313	330	350	206	175
314	289	324	209	—
315	300	306	276	178
316	294	351	—	174
317	305	281	208	—
318	353	352	321	410
319	296	323	210	185
320	307	353	303	237
321	293	354	334	183
322	323	320	212	180
323	308	355	240	82
324	309	356	336	182
325	—	357	213	331
326	315	318	337	191
327	—	338	214	189
328	295	285	224	329
329	310	359	255	179
330	—	403	215	190
331	—	404	216	91
332	311	405	217	270
333	327	344	301	188
334	314	406	219	187
335	—	407	241	186
336	313	408	112	188
337	—	409	271	184
338	302	410	287	—
339	304	—	338	389

	П.	Хс.	Ш.	Х.
340	287	411	243	193
341	312	412	242	—
342	328	413	222	192
343	318	414	223	87
344	—	317	343	333
345	—	415	225	197
346	269	425	344	196
347	317	—	272	198
348	316	—	227	47
349	322	—	229	339
350	—	—	39	199
351	320	—	299	200
352	324	—	230	211
353	—	—	226	210
354	419	—	228	239
355	—	—	346	380
356	—	—	244	252
357	329	—	231	201
358	188	—	—	202
359	—	—	—	253
360	331	—	—	392
361	—	—	—	395
362	333	—	—	203
363	339	—	—	73
364	—	—	—	—
365	321	—	—	83
366	276	—	—	218
367	303	—	—	78
368	334	—	—	204
369	336	—	—	205
370	337	—	—	207
371	—	—	—	321
372	354	—	—	206
373	—	—	—	209
374	338	—	—	276
375	343	—	—	276
376	—	—	—	425
377	299	—	—	394
378	346	—	—	208
379	—	—	—	266
380	—	—	—	403
381	—	—	—	334
382	—	—	—	212
383	—	—	—	240

	П.	Хс.	Ш.	Х.
384	345	—	—	336
385	—	—	—	213
386	—	—	—	337
387	—	—	—	379
388	—	—	—	—
389	348	—	—	383
390	349	—	—	—
391	347	—	—	420
392	350	—	—	215
393	275	—	—	216
394	355	—	—	354
395	358	—	—	405
396	306	—	—	217
397	351	—	—	301
398	359	—	—	219
399	277	—	—	368
400	357	—	—	241
401	412	—	—	—
402	414	—	—	271
403	409	—	—	287
404	404	—	—	338
405	413	—	—	242
406	407	—	—	243
407	411	—	—	224
408	—	—	—	222
409	406	—	—	223
410	415	—	—	343
411	410	—	—	398
412	403	—	—	225
413	356	—	—	344
414	405	—	—	272
415	344	—	—	229
416	421	—	—	299
417	422	—	—	39
418	420	—	—	227
419	416	—	—	230
420	417	—	—	226
421	418	—	—	208
422	—	—	—	346
423	365	—	—	244
424	366	—	—	231
425	361	—	—	—
426	385	—	—	—
427	370	—	—	—

	П.	Хс.	Ш.	Х.
428	363	—	—	—
429	390	—	—	—
430	402	—	—	—
431	372	—	—	—
432	400	—	—	—
433	—	—	—	—
434	386	—	—	—
435	429	—	—	—
436	374	—	—	—
437	376	—	—	—
438	364	—	—	—
439	373	—	—	—
440	381	—	—	—
441	387	—	—	—
442	423	—	—	—
443	360	—	—	—
444	401	—	—	—
445	367	—	—	—
446	388	—	—	—
447	362	—	—	—
448	377	—	—	—
449	384	—	—	—
450	371	—	—	—
451	425	—	—	—
452	427	—	—	—
453	382	—	—	—
454	375	—	—	—
455	393	—	—	—
456	399	—	—	—
457	391	—	—	—
458	397	—	—	—
459	426	—	—	—
460	389	—	—	—
461	378	—	—	—
462	380	—	—	—
463	392	—	—	—
464	395	—	—	—
465	394	—	—	—
466	369	—	—	—
467	379	—	—	—
468	383	—	—	—
469	426	—	—	—
470	368	—	—	—
471	398	—	—	—

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ БАСЕН

Цифры курсивом без скобок означают номера басен по настоящему изданию; цифры в скобках означают страницы настоящего издания. Для басен «Дополнения» приводятся только номера страниц. Так как заглавия басен очень единообразны, и часто несколько басен имеют тождественные или очень схожие заглавия, то в ряде случаев заглавия басен дополнены для ясности одним-двумя словами; такие дополнения взяты в скобки.

Басни Эзопа

Утверждено к печати редколлегией серии „Литературные памятники“

*

Редактор издательства *Ф. И. Гринберг*. Художник *Н. А. Седельников*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 20/X 1967 г. Подписано к печати 25/IV 1968 г. Формат 70 × 90 1/16. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 23,40. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 628. Цена 1 р. 40 к.

Издательство „Наука“. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
113	5—6 св.	хохода	холода
128	9 сн.	Черепаха и дракон	Ласточка и дракон
236	8 сн.	Вол	Волк
320	прав. стлб. 2 св.	Черепаха и дракон	Ласточка и дракон

Басни Эзопа

1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

БАСНИ ЭЗОПА